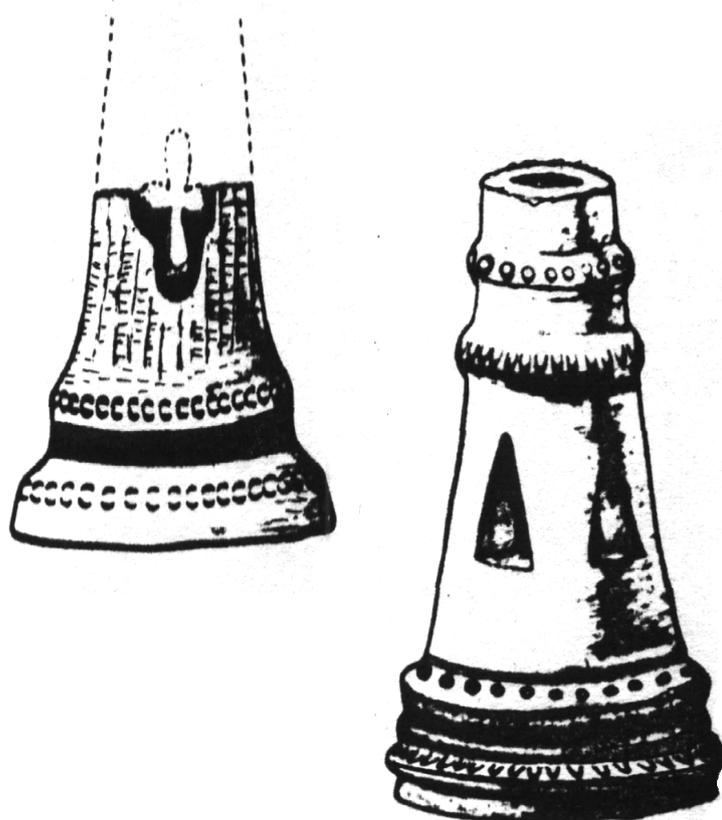

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

28 - NASHRI

SAMARQAND - 1997

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ
(ЎММТ)**

28 - НАШРИ

Тарих фанлари доктори Т.Ш. Ширинов тахрири остида

Самарқанд - 1997
«Сўғдиён» нашриёти

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА
(ИМКУ)**

ВЫПУСК 28

Под редакцией доктора исторических наук Т.Ш. Ширинова

Самарканд - 1997
Издательство «Сугдиён»

ACADEMY OF SCIENCES
OF UZBEKISTAN
SAMARKAND OF BRANCH
INSTITUT OF ARHAEOLGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN
(HMCU)**

28 - EDITION

Edited by T.Sh. Shirinov, doctor of historical sciences

Samarkand - 1997
«Soghdian» Publishing House

Ушбу тўпламда Ўзбекистон худудида ўтказилган археология тадқиқотларининг энг янги натижалари ёритилган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий тузум, тош асридан сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олади. Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар - меъморчилик тарихи, кўҳна яшаш маконларининг лойиҳаси, топографияси хусусиятлари, ҳунармандчилик ва ҳунармандчилик технологияси, санъат, нумизматика, антропология, ирригация, маълум тарихий даврининг маънавий, мафкуравий ҳаёт масалалари очиб берилган.

Тўплам тарихчилар, археологлар, этнографлар, Олий ўқув юртларининг талабалари ва қадимги давр моддий - маданияти билан қизиққан кенг ўқувчилар оммаси учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований проведенных на территории Республики Узбекистан. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для историков, археологов, студентов гуманитарных ВУЗов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Д. Джуракулов,
доктор исторических наук Р.Х. Сулейманов.

Печатается по решению Самаркандского отделения АН РУз
и ученого совета Института археологии АН РУз.

История материальной культуры Узбекистана
выпуск 28

Редактор: Сирожиддинов Ж.
Технический редактор: Очилов Т.Х.
Корректор: Пардаев М.Х., Грицина А.А.
Набор: Кондрикова М.В., Касымова С., Маджидова Н.

Издательство "СУГДИЕН"

Сдано в набор 9.11.97 г. Подписано к печати 2.12.97
Заказ 3. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. лист. 13,4, Уч.изд.л. 14,8.
Бумага писчая. Тираж 500 штук. 1-й завод 200 штук.

Типография института археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева 3.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В ЭПОХУ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБЖИВАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА УЗБЕКИСТАНА

В данной работе приводятся некоторые результаты исследований в республике Узбекистан одной из мировоззренческих значимых проблем, которая волнует все человечество на протяжении всей истории его существования. Это проблема происхождения человека, становления и эволюционного развития его материальной и духовной культуры, определение периодов и условий первоначального обживания центральноазиатского региона.

В целом, территория Узбекистана характеризуется значительным разнообразием абсолютных и относительных высот, сложной геоморфологией поверхностей и геологической историей происхождения форм рельефа.

Формы и типы рельефа взаимосвязаны с особенностями литологии, инсоляции и распределения осадков, которые в свою очередь, определяют условия обживания человеком данной территории.

Равнины занимают большую часть республики, ее основные пространства лежат ниже уровня моря и составляют часть Туранской низменности. Главные горные сооружения Узбекистана относятся к двум системам: Тянь-Шань и Алай. На северо-востоке республики простираются отроги Западного Тянь-Шаня, параллельно друг другу расположены хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский и Кураминский. Алай отделен от Тянь-Шаня Ферганской депрессией.

К горным сооружениям Узбекистана непосредственно примыкают подгорные и межгорные впадины, имеющие равнинный рельеф и заполненные мощными толщами рыхлых осадочных отложений. На севере республики расположена обширная Ташкентско-Голодностепская депрессия, на северо-востоке она примыкает к отрогам Западного Тянь-Шаня, а на юге и юго-западе ограничивается Туркестанским, Мальчюзарским и Нуратинским хребтами. Наиболее южная ее часть называется Голодной, а восточная - Дальверзинской степями.

От обширной Ташкентско - Голодностепской депрессии отходит на северо-восток вглубь Западного Тянь-Шаня частные, более мелкие впадины - Чирчикская и Ахангаранская. Крайнее восточное положение в пределах республики занимает Ферганская впадина. В геолого-геоморфологическом отношении межгорные впадины и подгорные равнины теснее связаны с горами, чем с остальными пространствами равнины, которые расположены в западной части республики. На этом основании в пределах Узбекистана выделяются две геоморфологические провинции: западная равнинная и восточная горно-подгорная, которая и является объектом нашего исследования.

За последние годы произошли кардинальные изменения во взглядах на древность человеческого рода на прародину и ранние этапы очеловечивания гоминид, связанные с сенсационными находками в Восточной Африке. Обнаруженные остатки предков человека дали основание считать, что в Восточной Африке впервые произошло выделение человека из животного мира. Безусловно ученые-африканисты достигли огромных успехов в изучении антропогенеза. В Африке найден самый старый тип высших приматов, в одигопеновых слоях близ Фаюма. В 1961 г. Ликки сообщил о находке верхней челюсти в миоценовых слоях на юго-западе Кении, возраст которой был определен в 14 млн. лет. Современные методы датирования показали, что рамапитек жил в Африке, Индии и Китае в конце миоцена. Этот факт для нас является наиболее важным, так как он выделяет определенную эпоху, т.е. конец миоцена, когда предки человека встречаются на Евразийском континенте. Исходя из этого реконструкция палеогеографических условий Северо-Востока Узбекистана не ограничивается четвертичным периодом, а изучается с эпох позднего кайнозоя миоцен-плиоцена и плейстоцена. Это в свою очередь, определило структуру и геохронологические рубежи исследований.

Поскольку древнепалеолитические культуры и история их возникновения тесным образом связаны с динамикой развития окружающей первобытного человека средой, с физико-

географическими условиями, исследования этой проблемы проводится в тесной связи с изучением вопросов генезиса осадочных образований. На фактическом материале воссоздаются палеоэкологическая и палеогеографическая среда, которая окружала первобытного человека и в исторический период подверглась интенсивным новейшим тектоническим преобразованиям, денудации и сносу обломочного материала. Не менее важным аспектом в данной проблеме является - изучение динамики фациального ландшафта, применение литолого-фациальных и геологогеоморфологических методов позволили в определенной степени произвести хронологические определения литологического субстрата, включающего в себя культурные отложения. Исходя из этого наши исследования представляются совокупностью ряда последовательных частей и разделов, которые по мере изложения материала все более сужаются в фокусе данных интересующей нас темы - палеоэкологических условий и периодов первоначального обживания Центральной Азии. От изучения общей региональной характеристики кайназойских отложений и ее сравнения с другими близкими или смежными формациями к переходу описания генетических фациальных и вещественных их особенностей, изучению вопроса аккумуляции красноцветных молосс Центральной Азии посвящен ряд работ, в которых степень деятельности их изучения крайне неоднородна, в силу чего, рассмотрев и обобщив имеющиеся материалы, мы кратко останавливаемся только на общих чертах характера большой области. То, что имеет непосредственное отношение к вопросам археологии палеолита мы рассматриваем более детально и излагаем результаты как полевых, так и камеральных наших исследований.

Красноцветные молассы континентальной формации подстилают горизонт над которым был обнаружен слой с каменными орудиями ашельской эпохи. Термин «Моласса» первоначально относили к определенным осадочным формациям третичного возраста, развитым в Альпах. Позднее этот термин получил распространенное толкование как в Альпийской горной стране, так и за ее пределами. Он стал применяться и к другим аналогичным по составу формациям разного возраста, развитым в других стратиграфических горизонтах и в других странах. Оставляя за формациями их первоначальное наименование, в содержании этих понятий в Центральной Азии вкладывались более обширные определения.

В литературе неоднократно отмечалось взаимное сходство подгорных неогеновых обломочных отложений, распространенных в континентальных геосинклинальных впадинах по окраинам тех хребтов, которые возникали в кайнозое на месте Тетиса. Такие отложения имеются в Пиренеях, Швейцарских Альпах, Карпатах (М.Неймаер, 1934), а так же на Кавказе (плиоценовая толща Апшерона). Их аналоги развиты также и в Центральной Азии и представлены частью палеогеновыми, неогеновыми и червертичными молассовыми адырными свитами. Подобные отложения известны в Центрально-иранской низменности, молассовые зоны с бахтиарскими и фарсийскими толщами. В Гималаях они наблюдаются по южным склонам под названием сиваликских конгломератов (1. С. 3-14; 2. С.177-180; 3. С. 43-50).

Главная часть моласс, слагающих окраины гор Центральной Азии и уходящих своим менее мощным передним краем в перефирические эпиконтинентальные равнины Турана, сложена подгорновоерными реже равнинно-долинными отложениями (4. С. 11-13).

Красноцветные отложения континентальной формации сформировались в определенных специфических палеогеографических, именно в палеоклиматических условиях. Согласно существующих обширных материалов Д.В.Наливкина, Динера, Твенховела и др., в настоящее время можно считать общепринятым мнение, что образования, а главное - сохранение красной окраски пород протекало в условиях жаркого климата, с резкой сменой засушливых сезонов дождливыми, с хорошим дренажом грунтовых вод. В эти периоды произрастала сезонная травянистая растительность типа саванн, не способствующая накоплению в осадках большого количества органического вещества.

В Приташкентском районе наблюдается некоторая аналогия. Здесь также имела место дельта речной артерии, но значительно меньшего масштаба. Осадки этой дельты обладают значительно более светлой, более блеклой, в основном красной, розово-красной и желтоватой окраской.

В толще имеются слои известняка, а также светлых и розоватых мергелей. Ослабление интенсивности в окраске, возможно, объясняется тем, что материал приносился из более северных и восточных областей, где климатические и палеогеографические условия были несколько иными. Приташкентская красноцветная толща, в основном моложе южной и возраст может быть позднеогеновый.

При характеристике центральноазиатских осадков молассового типа, подчеркивалось, что характер окраски, отсутствие остатков водной фауны, пестрота петрографического состава при обилии обломочных отложений объясняются наземным образованием этих формаций. Тем не менее отмечается, что окраска отложений не является признаком только наземных условий осадкообразования. Это объясняется тем, что красноцветные продукты выветривания, возникающие при соответствующих климатических условиях на континенте, могут сносятся реками в море и откладываться на его дне и вдоль берегов. Однако зона таких красноцветных прибрежноморских отложений не широка. К тому же они сложены тонкими илами, а не грубыми песчаными и песчано-глинистыми осадками.

Поэтому можно полагать, что красноцветная окраска, выдержанная на многие десятки и сотни метров по их мощности, практически, за редкими исключениями, может возникать только в наземных осадках. Это явление может происходить в аэроморфных окислительных условиях (выше уровня подземных вод), там где имелся постоянный приток кислорода из атмосферы. В условиях постоянного заболачивания или постоянного пропитывания водой и в наземной обстановке аэроморфные красноцветы не возникают. Здесь имеют место гидроморфные бурые, зеленые и серые окраски, свойственные целым прослоям и пачкам пород. Необходимым условием для сохранения или дальнейшего унаследованного возникновения красной окраски в ископаемых морских осадках является защита их от последующего воздействия восстановительной среды морского дна. Это возможно лишь при быстром снос аэроморфных осадков с суши в море и при столь же быстром их захоронении под новыми наслоениями, изолирующими от восстановительной среды, которая господствует в зоне придонной жизни. Эти дополнительные условия осуществляются при достаточном расчленении рельефа, т.е. в той обстановке, где наблюдаются красноцветные осадки Центральной Азии.

Мощность осадочных отложений зависит не только от фациальных условий их накоплений, но и от тектонического режима. Наиболее мощные толщи осадочных пород накапливаются у подножий высоких горных хребтов при горообразовательном тектоническом режиме. Существуют различия также между осадками поднимающихся горных областей с одной сто-

роны, и опускающихся участков с другой. Поэтому деление фациальных комплексов южного склона Чаткальского хребта заключается в соблюдении эпейрогенетических фаций. При этом на эпейрогенетические комплексы накладываются гидрографические и орографические подразделения. Проведенная модель исследований охватывает основные фациально-ландшафтные особенности изучаемого района, детализируется расчленение фаций, наблюдаемых при опускании южного крыла склона и поднятия отрогов передовых хребтов. Основная цель подобной постановки вопроса заключается в наиболее детальном изучении палеогеографической и палеоэкологической обстановки в неогеновый период - период предшествовавший антропогену в Узбекистане. Это так же вызвано тем, что неправильная трактовка генезиса, а именно морского происхождения красноцветных моласс Центральной Азии, дала возможность ряду исследователей древнейшей истории человечества утверждать, что данная территория была непригодной к обживанию, так как являлась обширным морским бассейном. Результаты наших исследований в данный вопрос внесли существенную поправку. А открытие древнепалеолитических орудий труда на поверхностном контакте красноватых отложений, говорит в пользу того, что территория современного Узбекистана обживалась и в предплейстоценовый период.

Результаты наших исследований внесли существенную поправку в данный вопрос и показали, что территория современного Узбекистана обживалась в предплейстоценовый период. Подтверждением вышесказанному является открытие каменных орудий труда древнеашельской эпохи в районе рек Кызылалмасай и Ташсай (Ахангаранский район Ташкентской области) на контакте залегания красноцветных отложений, относящихся к неогену - раннему плейстоцену.

Данный район изучался с 1963 г. (Касымов, Ростовцев, 1969) и собранный на поверхности материал, предоставленный многочисленными каменными изделиями был определен как мустьерский (5, с. 21-27). Исследования, проведенные в 1994-1995 гг., опирались на определенные методические принципы, разработанные авторами в течение ряда лет, которые дали возможность собрать принципиально новый материал по истории первоначального обживания древнейшими людьми данного региона. Мы предлагаем краткую характеристику этих исследований и некоторые выводы о характере и времени проявления новейших тектонических преобразований рельефа, которые наблюдались в изучаемом районе.

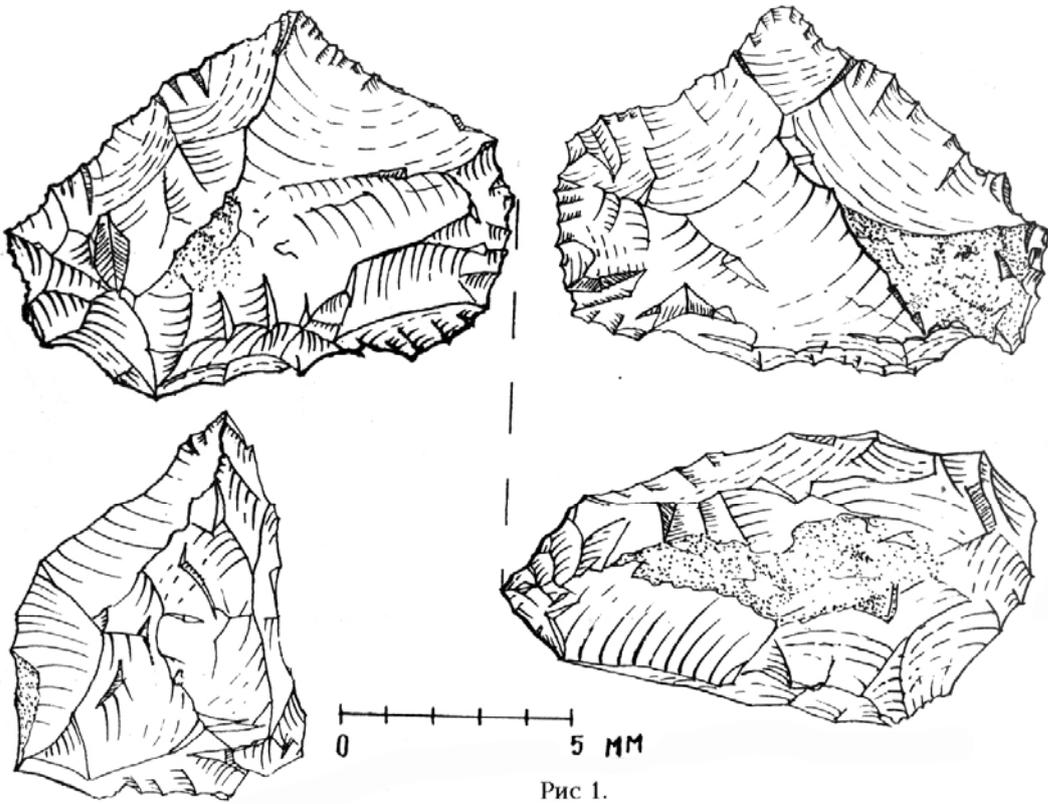

Рис 1.

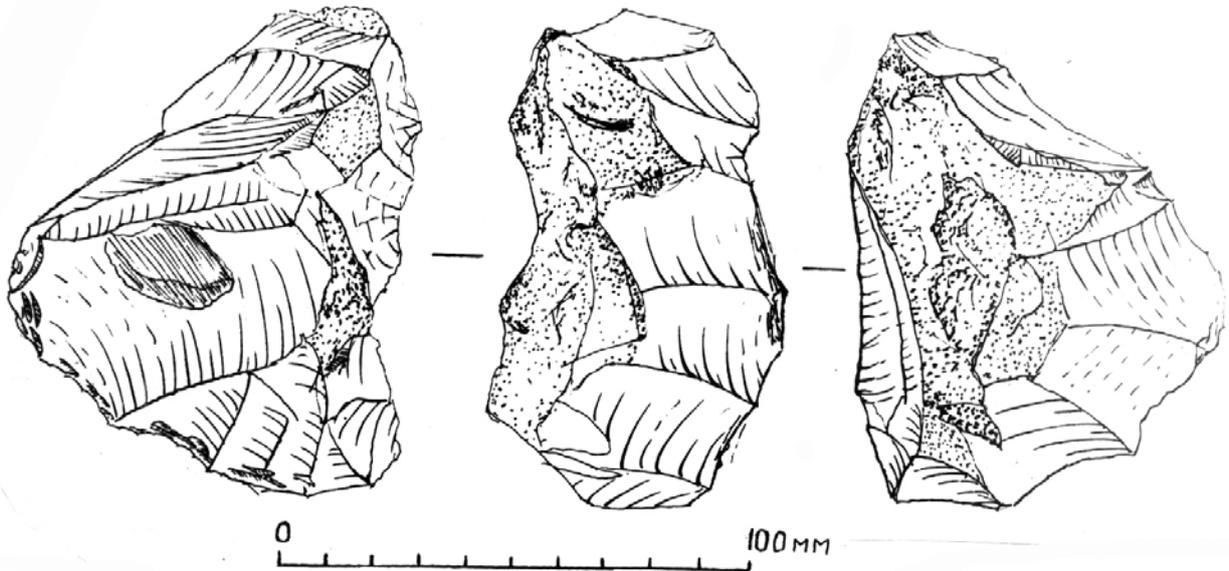

Рис. 2

Район исследований представляет собой склон разделенный субмеридиальными впадинами. Каждый из отдельных участков этого района обладает характерными особенностями в отношении климата и устройства поверхности. Особенности ландшафта каждого участка определяются здесь гипсометрическим положением, что, в свою очередь, обусловлено направлением и характером тектонических дви-

жений четвертичного периода. С одной стороны, на севере расположены приподнятые участки отрогов Чаткальского хребта - области молодых поднятий и интенсивного размыва. С другой стороны - области опускания и аккумуляции мощных молодых осадков, являющихся продуктами разрушения поднимающихся участков с включениями остатков древних материальных культур.

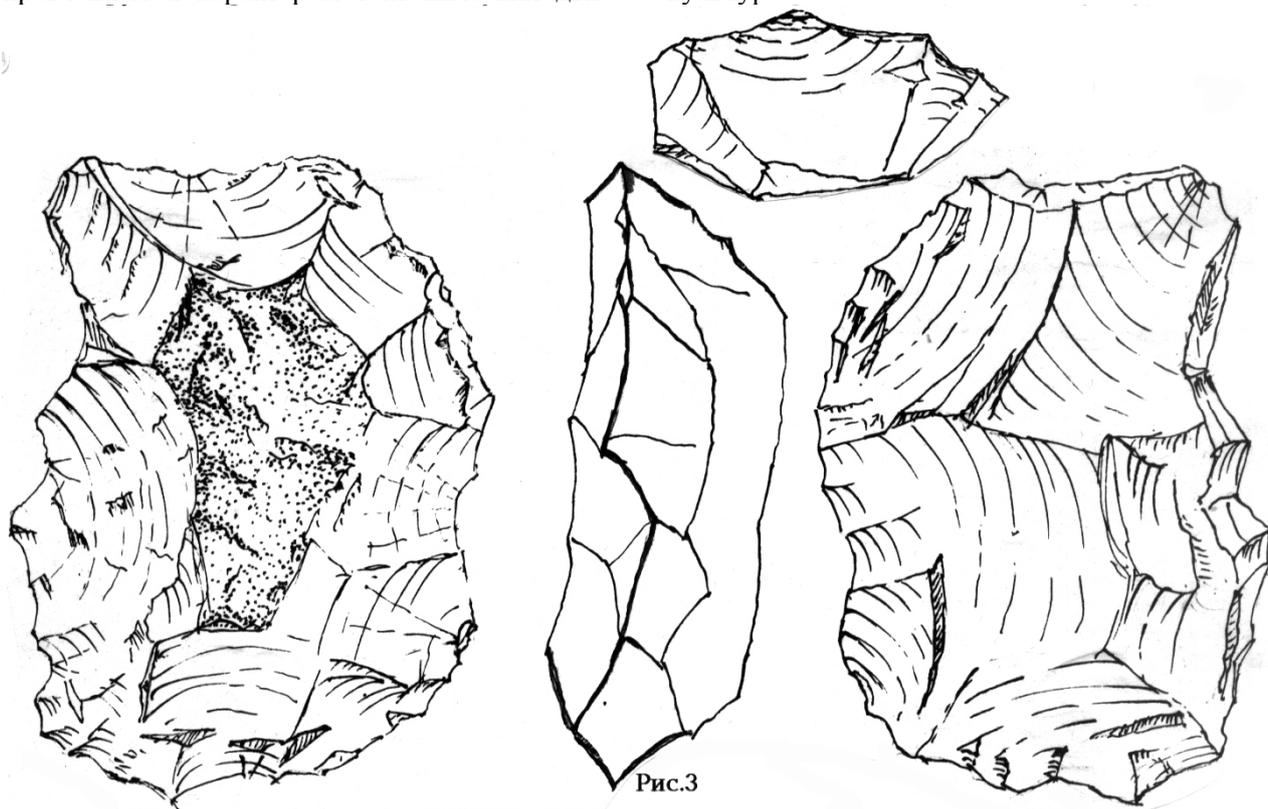

Рис.3

Приподнятые участки глубоко расчленены притоками реки Ангрэн с крутыми эрозионными склонами. Ближе к речной долине Ангрена расположен сглаженный молодой эрозией холмистый с широкими пологими равнинами ландшафт. Относительно хорошо сохранились высоко поднятые пенеппены в северной части района исследований. Опущенные аккумулятивные участки подвергались глубокому размыву и в их дно врезаются временные водотоки.

Главный материал хроностратиграфического определения неотектонических движений дают области аккумуляции мощных четвертичных осадков представленных исключительно континентальными отложениями. Неогеновые красноцветные отложения имеют наибольшую мощность и сохранились фрагментарно на высоких поверхностях, покрывающих их четвертичными отложениями. Выявив и проследив эту поверхность на южных склонах Чаткаль-

ского хребта, мы обнаружили следы культур древнекаменной эпохи. Это может быть объяснено тем, что древнейшие обитатели обживали данный район по берегам Праангрена на возвышенных участках.

С палеогеографических позиций были выявлены и прослежены наиболее древние в генетическом отношении горизонты и произведены зачистки. В результате чего на контакте залегания красноцветных отложений, относящихся к неогену - раннему плейстоцену, были обнаружены каменные орудия ашельской эпохи. Это ранний палеолитический комплекс, состоящий из более чем 100 каменных изделий архаичного облика и представлен чопперами, скреблами, тайякскими острями, выемчатыми и зубчатыми орудиями, нуклеусами, массивными клетонскими отщепами (6, с 53-54).

Обращает внимание присутствие типичных для раннего палеолита орудий высокой формы. Наиболее выразительное орудие (рис.1) довольно

крупное и массивное изделие (75x115x62 мм) изготовлено из серой кремнистой породы. Плоскими широкими сколами оббиты обе поверхности и образовано два рабочих края, заостренный в виде массивного острия, и рубящий. Рубящий край выделен фасетками двусторонней ретуши, основание орудия, противоположащее острому концу, затуплено широкими сколами. Это комбинированное орудие, напоминающее бифас, сложно определить как чоппинг, данная форма типична для раннего палеолита. Имеются оббитые с обеих поверхностей несколькими ударами чоппинги, один из них довольно массивный (рис.2) (110x90x60мм), оформлен несколькими специально уплотняющими сколами, образовавшими заостряющий извилистый рабочий край.

Здесь необходимо обратить внимание на терминологию, т.е. в какой мере существующие обозначения применимы к орудиям раннего

комплекса Кызылалмы. Анри Брейль (Breuil, 1932) применил в 1937 г. термин «чоппер» для обозначения орудий, происходящих из террасы Горонны. Затем, в 1943 г. Мовиус выделил в соанской культуре Пенджаба 2 основных типа орудий - чоппер и чоппинг и в 1967 г. дал четкие дефиниции. По мнению Мовиуса, единственное различие между чоппером и скреблом, когда то и другое сделаны из желвака, имеют рабочий край на верхнем фасе и лишь с одной стороны - только в их размерах. В этом смысле, скребла очень грубые и массивные, сделанные из желваков, он называет чопперами (7. P 151-152).

Тип орудий, одно из которых представлено в раннем комплексе Кызылалмы, имеет полуовальный изогнутый рабочий край, образованный двусторонним скалыванием. Рабочие края также расположены по бокам орудия (рис. 3), его размеры 75x95x30, оно может рассматриваться как массивное скребло и как чоппер.

1. Николаев Н.М. Опыт построения генетической классификации экзогенных физико-геологических процессов // Тр. КЛИЧП т. VII, вып. I, М., 1948.

2. Попов В.И. К изучению четвертичного периода в Средней Азии. ВКПИПЧ № 26, М., 1961.

3. Курдюков К.В. К изучению континентальных дельт Ферганы в связи с тектоническим развитием этого района // Бюлл. МОИП, новая серия, т. 6, отдел геол., вып. 5. М., 1948.

4. Попов В.И. Орографические фациальные комплексы моласс // Литология кайназойских моласс Средней Азии. Ташкент, 1954.

5. Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Мастерская каменного века в долине р.Ангрен // ИМКУ, вып. 8, Ташкент, Фан, 1969.

6. Исламов У.И., Анисюткин Н.К., Крахмаль К.А. Древнепалеолитический памятник Кызылалма // ОНУ № 9-10, Ташкент, Фан, 1994.

7. Breuel H. Les industries a éclats du paleolitique ancien. Le Clactonien // Prehistoire I, fasc II. Paris, 1932.

8. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана // Автореф. дисс. доктора ист. наук. Новосибирск, 1990.

Н.Х. ТАШКЕНБАЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ САМАРКАНДСКОГО РЕГИОНА

Одним из важнейших направлений исторической науки является изучение древнейших этапов истории народов Узбекистана, становления и развития культуры в эпоху первобытно-общинного строя. Соответственно, главным аргументом, требующим решения при изучении проблем становления и развития человеческого общества, его культур является вопрос об экономической основе первобытных коллективов, о производственной деятельности древнего человека, направленной на поддержание его деятельности.

Единственным и самым полным источником при этом был и остается культурный слой палеолитических стоянок, в котором заключены свидетельства разносторонней человеческой деятельности, выраженной в виде различных элементов, составляющих структуру памятника.

Примером этого являются археологические памятники, такие как Кутурбулак (1, 2, 3, 4) и Зирабулак (5, 6) - (мустье), Самаркандская стоянка (7), Ходжамазгиль (6, 8) - (верхний палеолит) и др.

Кутурбулакскую мустьерскую стоянку (3) можно назвать, одним из важных и эталонных стратифицированных палеолитических памятников в среднеазиатском масштабе. Культурные слои, Кутурбулака как и других стратифицированных палеолитических памятников Узбекистана - подтверждение определенной конкретно-исторической реальности. Они дают также теоретическое и практическое понятие системы напластований, образовавшихся в результате жизнедеятельности первобытного человека.

Структура и характер вскрытых пяти культурных отложений Кутурбулакской стоянки показали, что у одноименного родника в течение большого периода времени находилось стойбище носителей одной культуры. Многочисленные находки мустьерских каменных изделий, наличие очагов и остатки ископаемой фауны свидетельствуют о существовании здесь долговременной стоянки (3). Аналогичные сле-

ды очагов, концентрацию каменных изделий и костей животных можно встретить во многих мустьерских памятниках Республики Узбекистан: Тешикташе (9), Аманкутане (10), Обирахмате (11) и др.

В процессе раскопок на Кутурбулаке обнаружено значительное количество костей диких животных: лошади, кулана, бухарского оленя и др. Любопытную находку представляет фрагмент челюсти слона, обнаруженный в третьем культурном слое (3) (Рис.1). Специалисты - палеонтологи Н.К.Верещагин и Б.Батыров относят этот вид слона к довольно древнему трогонтериевому типу.

Рис. 1. Верхний коренной зуб
Трагентинового слона

Кроме того, интересны собрания из четвертого слоя Кутурбулака и одного из культурных слоев Зирабулака - костей тура-быка (по определению палеозоолога А.Батырова). Культурные отложения Зирабулака дали нам хорошо сохранившиеся фрагменты костей и зубов ископаемой лошади.

Фаунистический комплекс Кутурбулака и Зирабулака характерен, в основном, для сухих открытых ландшафтов, предгорных и степных зон. Эти виды животных существовали на про-

тяжении среднего и в начале верхнего плейстоцена (12). Такие виды животных встречаются среди фаунистических комплексов мустьерских памятников Узбекистана: в Тешикташе - лошадь и олень (13), в Аманкутане - первобытный бык-тур, определенный Н.К.Верещагиным (10) и олень (13), а также кулан (13).

Таким образом, фаунистические находки из палеолитических культурных горизонтов Зирабулакского комплекса указывают на состав диких животных, мясом которых, видимо, питались кутурбулакцы и зирабулакцы, на чем и основывалась экономика их существования.

Кроме того, основой производственной деятельности древнего человека, безусловно, было изготовление каменных орудий, используемых для охоты и собирательства, необходимые в свою очередь для поддержания жизнедеятельности первобытных коллективов.

Технико-типологическая характеристика каменной индустрии Кутурбулака и Зирабулака хорошо освещена в монографии «Культура древнекаменного века долины Зарафшана» (3). Однако, проблема галечных орудий недостаточно затронута.

Галечные орудия составляют определенную часть мустьерских комплексов Центральной Азии (Кара-Бура, Таджикистан и др.), в том числе - памятников Самаркандского региона Кутурбулак - (рис. 2), Зирабулак - (рис. 3). Галечные орудия использовались первобытными людьми данного региона и в эпоху верхнего палеолита Самаркандская стоянка (7), Ходжамазгиль (8), Сиабча (3).

К числу галечных орудий следует отнести чопперы и чоппинги (категория рубящих и колющих орудий), в основном изготовленные из валунов, галек кремневых, кремнистых пород. Например, первобытные люди Зирабулакского комплекса галечные породы брали в пойме реки Зарафшан, в обнажениях его террас. Именно такую гальку они добывали для изготовления орудий «принципом отбора материалов по его качеству» (15).

Выбор сырья заметно влиял на технологию изготовления орудий, в том числе, и галечных, их форму и характер рабочего края (16, 17).

Формирование галечных орудий имеет свои характерные признаки. Например, на стадии черновой или первичной обработки наносятся довольно сильные, и поэтому слабо контролируемые удары, из за чего трудно точно представить направление скалывающих сколов и, отсюда - форму обрабатываемого края после сня-

тия первых отщепов. Многое здесь зависит от характера структуры кремнево-кварцевых пород, степени и трещиноватости и не в меньшей мере, от общей формы заготовки и формы участка края по которому приходится удар. Удары наносятся по наиболее уплощенным участкам, а они могут оказаться в любом месте края. Это и обуславливает разнообразие формы обрабатываемого края и т.д. (Рис.2, 2, 3 и Рис. 3, 3, 4).

В данной статье мы делаем уточнения и некоторые дополнения к ранее опубликованным нами работам.

По проблеме галечных орудий учеными выдвинут ряд концепций. Например, крупнейший исследователь палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии Х.Мовиус выдвинул в 40-х годах интересную гипотезу о своеобразии путей развития техники обработки камня в этих областях (18).

Его гипотеза основывалась с одной стороны, на широком распространении рубил в Западной Европе и Ближнем Востоке, которые были известны задолго до этого преимущественно на территории Франции по коллекциям, собранным в бассейне рек Соммы и Сены (19); то с другой стороны, работы, проведенные Х.Мовиусом в Юго-Восточной Азии показали, что здесь почти нет рубил, известных на Западе, а среди каменных предметов огромное место занимают, так называемые «галечные орудия», которые представляют собой гальки, более или менее подходящие куски окремненной породы, или диоритовые валуны мелких размеров на одном из их концов которых создано рабочее лезвие. Например, в Кутурбулаке и Зирабулаке первобытный обитатель изготавливал подобные орудия из кремневых галек, обрабатывая их по одному из краев односторонней или двухсторонней отеской (Рис. 2, 1, 4, 5) (Рис. 3, 1, 2, 5, 6). Эти орудия использовались в свое время для скользящих и рубящих функций и, вероятно, морфологически смыкаются с нуклеусами.

Однако, дальнейшие работы Х.Мовиуса, особенно исследования 60-х годов, выявили несостоятельность гипотезы индустрий с рубилами. Это подтвердил, например своим важным открытием крупный ученый-палеолитчик А.П.Окладников, обнаружив в глубине Монголии к западу от Сайи-Шанда (гора Ярх) ручные рубила - бифасы ашельского облика (21). Близкие к типу рубил орудия были найдены и известным ученым П.И. Борисковским во Вьетнаме (22).

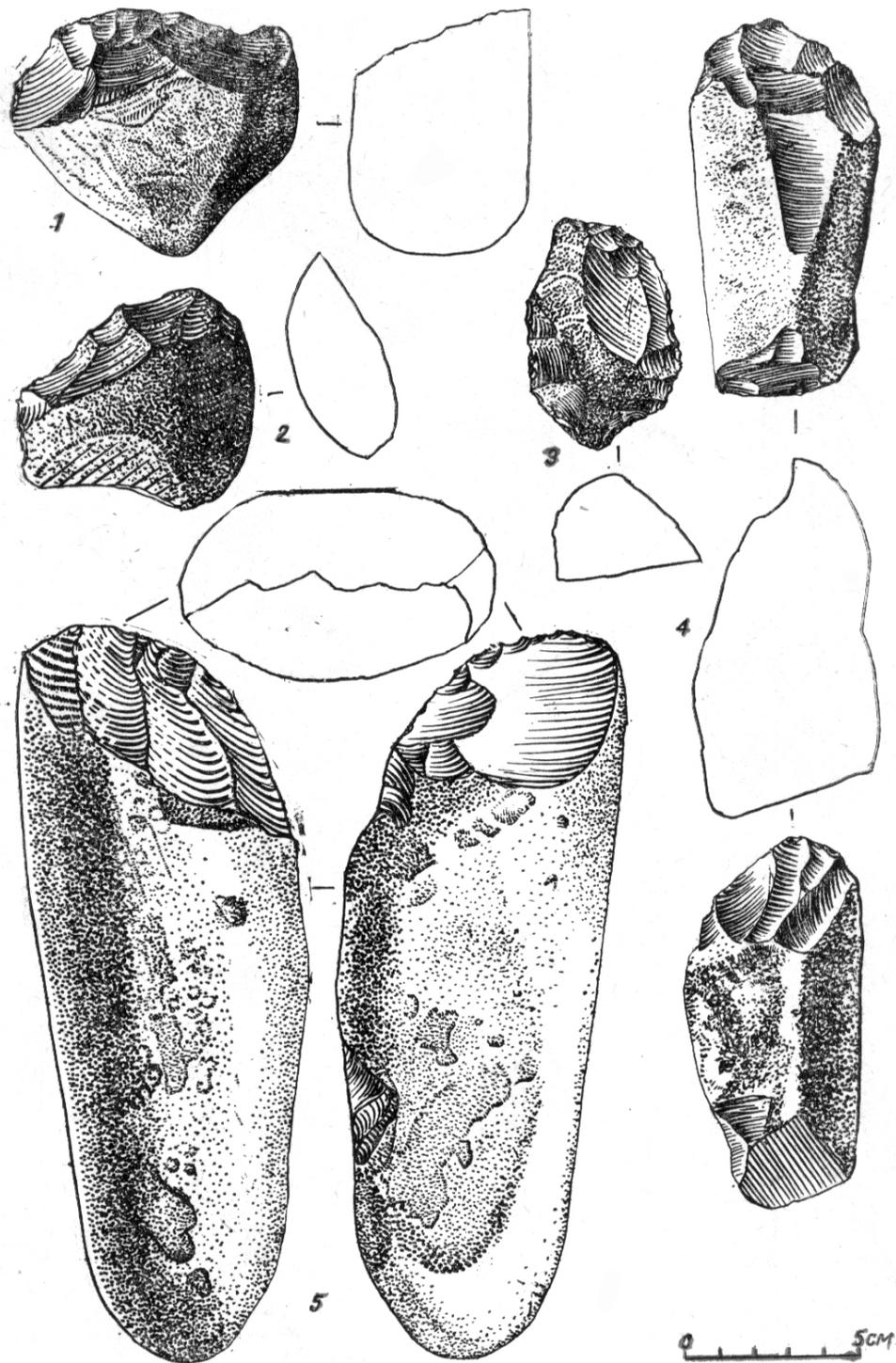

Рис. 2. Галечные орудия Кутурбулака

Методичные раскопки палеолитических памятников в Европе и Ближнем Востоке показали, что галечные орудия являются одним из постоянных компонентов большинства индустрий: для Франции это было особо отмечено Ф. Бордом, который писал, что галечные орудия при желании можно найти во всех палеолитических комплексах данной страны (23).

В свое время концепция Х. Мовиуса была принята целым рядом исследователей как у нас, так и за рубежом, в частности, известным исследователем каменного века в Таджикистане (15) В.А. Рановым.

В.А. Ранов материалы, полученные им на нескольких палеолитических местонахождениях Таджикистана, интерпретирует в духе

концепций Х. Мовиуса. Однако, он находит здесь не культуру рубил и галечных орудий, а культуру леваллуа-мустье по терминологии автора, с одной стороны, и с другой стороны галечную культуру, близкую к соанской. В.А. Ранов считает, что Средняя Азия являлась областью на стыке этих двух технических традиций в каменном веке ог-

ромного азиатского региона и, что эти две традиции смыкаются и развиваются во взаимодействии, поскольку им на материалах Кара-Буры выявлен целый ряд признаков и особенностей, не отмеченных в соанской культуре (24).

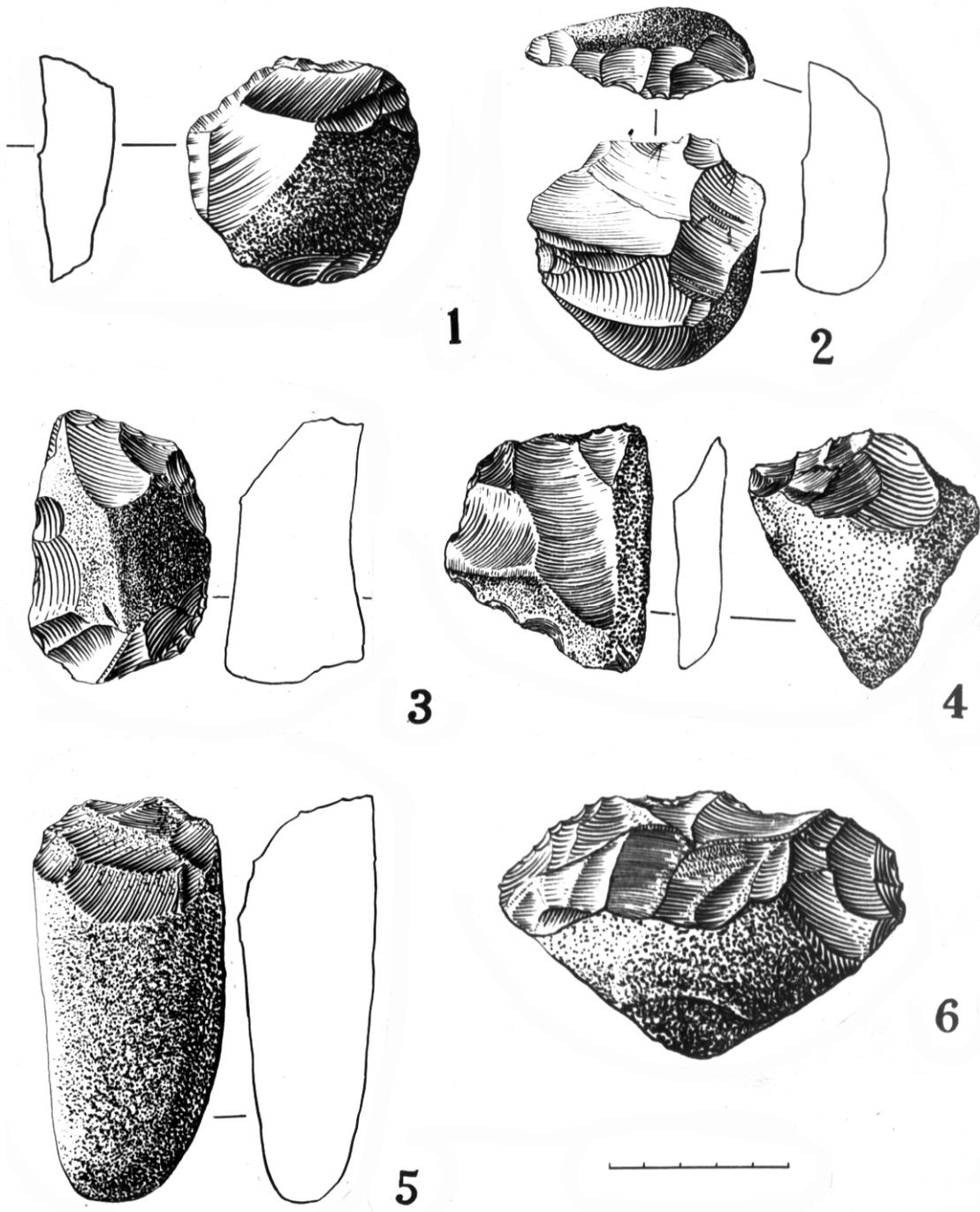

Рис.3. Галечные орудия Зирабулака

Но эти особенности присущи и к так называемой культуре «Леваллуа» известной по материалам Тешик-Таша (9) (Узбекистан), Кайрак-Кумов (Таджикистан) (15) и др. Аналогичные явления В.А.Ранов усматривает и на территории Монголии, являющейся, якобы, границей между двумя большими регионами.

Материалы Зирабулакского комплекса мустьерских памятников своим огромным количеством каменных предметов, выразительностью своих форм занимающие одно из первых мест в Средней Азии, никоим образом не укладываются в концепцию Х.Мовиуса. Перед нами яркая леваллуа-мустьерская, по терминологии В.А.Ранова, культура, сопровождающаяся прекрасной коллекцией галечных орудий.

Материалы Зирабулакского комплекса дают возможность по-новому осветить вопрос генезиса и культурных связей с памятниками соседнего с ними Таджикистана, такими как Кара-Бура и др. (15).

Сравнение техники и типологии каменного инвентаря Зирабулакского комплекса с материалами Кара-Буры убеждают в полном отсутствии особенностей, которые дали бы возможность прийти к заключению о культурной неоднородности сравниваемых комплексов.

Но имеются некоторые индивидуальные признаки близости при типологической классификации нуклеусов, констатирующие о взаимном соотношении дисковидных и однодвухплощадочных нуклеусов в Зирабулакском комплексе и Кара-Буре (46 % и 36 %).

Однако, указывая еще на один штрих типологии двух палеолитических объектов, надо отме-

тить, что галечное сырье, использованное на Кара-Буре и пропорции заготовок сколов от галек, были гораздо меньше по размерам, что, конечно, наложило отпечаток на особенности техники расщепления Кара-Буры. Это отразилось и на низком проценте пластинчатости данного комплекса, в частности и на атрибутах первичного расщепления. Для примера можно в целом оценить индексы пластинчатости сравниваемых палеолитических памятников. Нами индексы пластинчатости по Ф.Борду подсчитаны для Зирабулакского комплекса - около 27 %, а по публикациям В.А.Ранова в Кара-Буре он составляет - около 8 % (15). Именно, этот исследователь неоднократно отмечает укороченность сколов Кара-Буры в качестве одной из отличительных черт данной индустрии (15).

Анализ технологии расщепления камня на примере материалов Зирабулакского комплекса (Узбекистан) и Карабурунского местонахождения (Таджикистан) говорит о степени близости и различия индустрий двух областей среднеазиатского региона, в частности о максимальном и умелом использовании первобытными обитателями местного сырья, и в первую очередь - галечного.

В целом, тщательное изучение каменной индустрии палеолитических памятников Средней Азии и, в частности Самаркандского региона, дает дополнительное представление о мастерстве первобытных людей этого региона в изготовлении каменных орудий для своей жизнедеятельности.

1. Ташкенбаев Н.Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак // ИМКУ, вып. 10. Т., 1973.

2. Тетюхин Г.Ф., Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Геоморфологическое положение мустьерского местонахождения Кутурбулак. ИМКУ, вып. 14. Т., 1978.

3. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. «Фан», Т., 1980.

4. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Наука, Л., 1979.

5. Ташкенбаев Н.Х. О работах на Зирабулакской палеолитической стоянке. «Археологические открытия 1978 г.», Наука, М., 1979.

6. Ташкенбаев Н.Х. Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины. ИМКУ, вып. 21. Т., 1987.

7. Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Фан, Т., 1987.

8. Ташкенбаев Н.Х. Верхнепалеолитическая стоянка Ходжамазгиль (Самаркандская область). Археологические открытия 1981 г. Наука, М., 1983.

9. Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца // Тешик-Таш, М., 1949.

10. Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане. Труды УзГУ, вып. 61, Самарканд, 1956.
11. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры Оби-Рахмат. Фан, Т., 1972.
12. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М.-Л., 1959.
13. Бибикова В.И. Некоторые заключения по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан. СА, 1958, № 3.
14. Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит, Душанбе, 1965.
15. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
16. Коробков И.И. О методике определения нуклеусов. Советская археология, 1963, № 4.
17. Щелинский В.Е. Трассологическое изучение функций каменных орудий мустьерских стоянок Прикубанья. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 141ю М.-Л., 1975.
18. Movius H. Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. Paper of the Peabody of Amer, Archaeology and Ethn. Cambridge, 1944, No 3.
19. Pradel L. Mousterian typique et Mousterien de tradition acheulenne. Congrès Préhistorique de Transes. XV. 1958.
20. Movius H. The Mousterian cave of Teshik-Tash. Contheastern Uzbekistan. Central Asia. Bulletin of American School of Preistoric Research, 1953. No 17.
21. Окладников А.П. Проблемы древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири. Тезисы докладов совещания Кам. в Ср. Аз. Т., 1972.
22. Борисковский П.И. Древнекаменный век Южной и Юго-восточной Азии. Л., 1971.
23. Bordes F. Stratigraphic du loes et evolution du industris paleolithiquis dans l onest du bassin de Paris. L Antropologie, t. 57, 5-6, 1953.
24. Ранов В.А. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. // Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965.

Т.Ю. ГРЕЧКИНА

НЕОЛИТ АГАЛЫКА

В 1986 году Самаркандским палеолитическим отрядом была открыта новая стоянка каменного века в Агалык-сае.

Урочище Агалык находится в 18 км к югу от Самарканда в Кара-Тепинских горах, северных склонах оконечности Зарафшанского хребта. Стоянка расположена под огромной глыбой изверженной породы, известной среди местных жителей под названием Царь-камень или Санги-шох. Глыба возвышается на правом берегу сая, на высоте 6-7 метров над уровнем воды. Верхний грот, расположенный с востока имеет глубину 4 метра, ширину 7 метров. Перед гротом имеется небольшая площадка размерами 32x17 метров с наклоном рельефа около 15° в сторону грота.

В результате трехлетних работ под навесом было вскрыто около 30 квадратных метров площади, получено три литологических слоя, которые по определению профессора Э.Д.Мамедова представляют собой шлейф склоновых делювиально-гравитационных наносов. Все три литологических слоя содержали каменные изделия эпохи неолита. Как считает Э.Д.Мамедов, стратиграфия этого шлейфа совершенно определена - он развит к уровню второй террасы. Вторые террасы бассейна Зарафшана по местной стратиграфии относятся к сырдарьинскому эрозийно-аккумулятивному циклу, вероятно, к его первой половине. Следовательно, человек мог поселиться под навесом, скорее всего во второй половине голоцена (Э.Д.Мамедов, 1992).

Стратиграфия раскопа по описанию Э.Д. Мамедова выглядит следующим образом (рис. 1).

Слой I - светлый буровато-серый гравелит. Содержание в породе гравия и песка примерно одинаковое. Сортировка зерен отсутствует. В примеси содержится мелкая галечка. В средней части слоя присутствуют единичные крупные обломки: крупная галька, небольшие валуны. По границе с нижележащим слоем их довольно много. Гравийные зерна и гальки угловаты, остроугольны. Отдельные мелкие валуны округлены. Порода плотная, крепкая. Слоистость едва заметна: азимут падения 270°, угол 7-8°. Близ кровли порода дырчатая. На западной стенке раскопа наблюдаются следы кострищ. Мощность слоя 0,7-1,0 м;

Слой II - песчаник тонкозернистый с крупными песчинками и гравийными зернами. К низу слой II

постепенно переходит в слой III. Граница резко неровная, возвышающаяся к востоку. Мощность слоя 0,5-0,7 м;

Слой III - песчаник тонкозернистый с крупными песчинками и гравийными зернами, светло-серый. Порода полиминеральная, слюдястая. Цемент карбонатный, непрочный. Наблюдаются беспорядочно размещенные гальки и валуны

В песчанике. Включения немногочисленные. Слоистость не выражена. Видимая мощность 0,2-0,8 м.

Первый слой в археологическом плане самый поздний. Он содержит как современные культурные остатки, так и фрагменты керамики, монеты поры раннего и позднего средневековья, а так же единичные каменные изделия.

Второй и третий литологические слои содержат остатки эпохи бронзы (керамика сверху II слоя) и неолита: фрагменты керамики, костяные и каменные орудия труда, фрагменты костей животных. Ниже третьего слоя залегает четвертый - материк. Это светло-желтый слой с большим процентным содержанием песчаных зерен, без находок.

Таким образом, к эпохе неолита относятся второй и третий литологические слои, в которых собрано более тысячи каменных изделий.

Согласно стратиграфии стоянки, вначале мы традиционно разделили вскрытую толщу на два культурных слоя. Первый располагался во втором литологическом слое, второй - в третьем. Но как показала общая картина вскрытия всей толщи отложений на стоянке - это слишком упрощенное решение вопроса. Процесс накопления слоя очень сложен. Как правило, мы не можем в полной мере определить, какое количество и каких именно факторов участвовало в его сложении. При этом, называть образования мощностью в 60-70 см, вмещающие в себя различные культурные остатки представленные единичными вещами в виде орудий из камня и целыми конструкциями, такими, как например, очаги, единым культурным слоем, вряд ли оправдано. Тем более, что все конструкции и единичные находки залегают на разных глубинах. К тому же, такое их расположение никак не объяснить их приуроченностью к древнему рельефу этой территории.

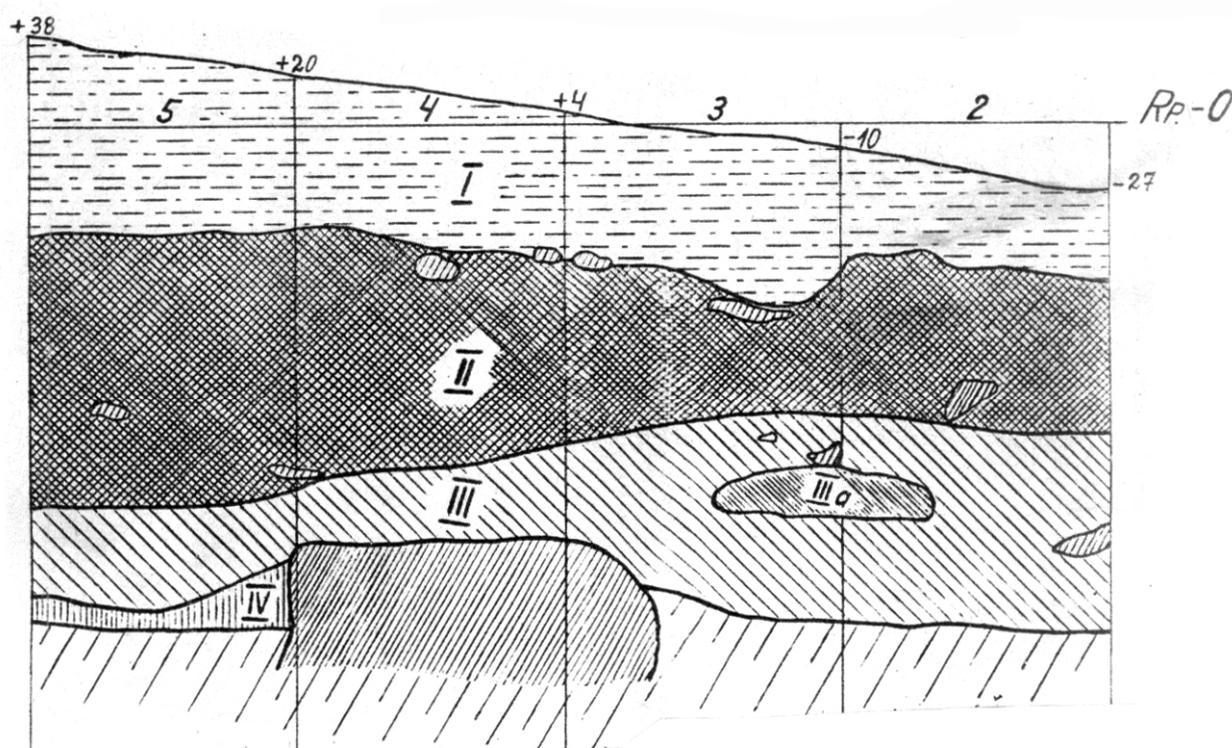

Рис.1. Стратиграфия южной стены грота.

Культурный слой - это не только слой, вмещающий культурные остатки, имеющие какую-то пространственную организацию и соответственно, три стандартных измерения: длину, ширину, толщину. Это, прежде всего, застывший, имеющий хронологические границы, отрезок прошлой исторической действительности.

Как правило, на крупных стационарных стоянках, именуемых в литературе базовыми лагерями, хорошо прослеживаются отдельные культурные слои, разделенные стерильными прослойками. По единодушному мнению исследователей, такая картина явилась результатом длительного проживания первобытного коллектива на определенной территории. С его уходом эта площадь постепенно затягивалась чистым, стерильным слоем, без каких бы то ни было артефактов. В нашем гроте процесс образования отложений с культурными остатками был, вероятно, несколько иным. Как присутствие, так отсутствие первобытных охотников длилось очень недолго. Они останавливались на привал под навесом на ночь и могли вернуться сюда через неделю или через месяц. Склоновые отложения, которые перекрывали костры и другие культурные остатки, несли на протяжении длительного времени довольно однородные массы. Поэтому вся толща в 60-70 см с очагами на различных уровнях имела довольно однообразную структуру и окраску. Два различных литологических слоя, вмещающих культурные остатки, по всей видимости, отражают какие-то климатические или природные

изменения, произошедшие на протяжении длительного времени.

Всего в гроте было отмечено 14 очагов и зольных линз. (Рис.2) Рассмотрим каждую в отдельности:

1. В квадрате Д-4 обнаружена группа из шести галечек, диаметром около 20 см, толщиной до 6-7 см. Диаметр конструкции 30 см. По внешнему виду это скопление напоминает небольшой очажок, углей и золы не обнаружено. Глубина залегания очажка 60-66 см от репера. Поскольку верхняя часть конструкции находится в почти стерильном аллювии, можно предположить, что после непродолжительного функционирования, содержимое очага и обычные в таких случаях находки - фрагменты костей и кремня были смыты.

2. Небольшая линзочка углей отмечена в квадрате Д-4 на глубине 80-102 см от репера. Рядом с линзочкой зафиксированы отдельные фрагменты костей и мелкие галечки.

3. В квадрате Ж-3 на глубине 81-91 см от репера обнаружено скопление галечек и кусков щебня, выложенных в виде полукруга в северо-восточном углу квадрата. Эта конструкция, по всей вероятности, служила очагом, так как она заполнена большим количеством зольной массы и фрагментами костей животных, большинство из которых обожженные. Кремня встречено несколько экземпляров. Камни, из которых сложен очаг сильно закопченные, юго-западная стенка очага уходит под стенку раскопа, над которой нависает глыба гранодио-

АГАЛЫК

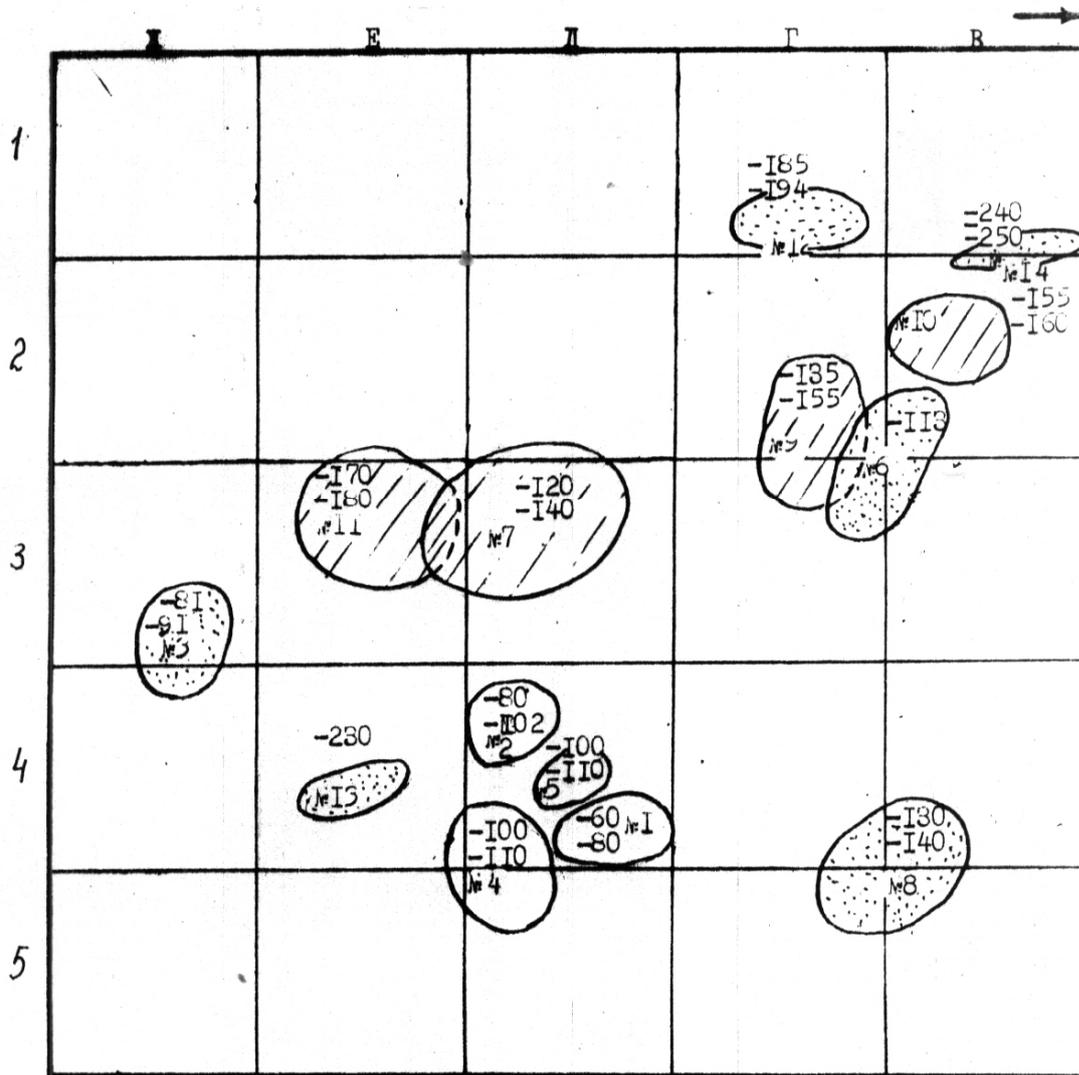

Рис. 2. Сводный план расположения очагов и зольных пятен во втором и третьем литологических слоях на стоянке Агалык.

 - зольники

 - очаги

рита.

4. Скопление галек в квадратах Д-4, Д-5 образуют окружность диаметром около 50 см. Один из камней находится на уплощенном более крупном камне. Глубина залегания 100-110 см.

5. Еще один очажок был сооружен в центре квадрата Д-4, его диаметр около 40 см. Камни в обоих очагах сильно закопчены. Находки кремней вокруг обоих очагов единичны. Основные артефакты представлены фрагментами костей животных. Уровень залегания 5 очага 100-110 см.

6. Зольная прослойка зафиксирована в квадратах Г-2, Г-3, В-2 на глубине 113 см от репера. Она имеет диаметр около 50 см и мощность 10-15 см. Очажной конструкции не выявлено. Основными находками вокруг линзы являются мелкие фрагменты костей животных. Каменные изделия единичны.

7. В квадратах Д-3, Е-3 на глубине 120-140 см от репера вдоль западного края квадратов обнаружено скопление камней крупных и средних размеров (30x15x9 см) овальной формы. Между тремя камнями, лежащими параллельно обнаружена пережженная почва светло-коричневого, местами белесого цвета. Возможно, это остатки топлива. Вокруг встречены угольки, местами образующие скопления. Вблизи очага на глубине 146-156 см под крупным камнем зафиксировано скопление костей животных (челюсти, позвонки). Ниже костра земля сильно прокалена, она имеет светло-коричневый, или почти ранжевый цвет. В квадрате Д-3 расчищено большое количество костей, иногда сильно обожженных. Грунт в квадрате Д-3 на глубине 156 см темный с темными углями. Ниже грунт более светлый. Темный грунт (результат размыва костра) прослеживается и на соседних квадратах. В квадрате Д-4 на глубине 140 см обнаружен почти целый панцирь черепахи, слегка обожженный. Все говорит о длительности и интенсивности функционирования очага на этом месте.

8. В квадратах Г-5, 6, В-4, 5 на глубине 130-10 см от репера зафиксированы камни, сложенные в кучу. Возможно, что это остатки очага, т.к. вокруг них и под ними сосредоточено большое количество крупных углей. Находки вокруг очага состоят из обожженных фрагментов костей животных и небольшого количества кремня. Встречаются отдельные кусочки охры.

9. На глубине 135-155 см от репера в квадрате Г, В-2, 3 раскопан очаг. (Рис.3) Очажная ямка глубиной 15-20 см, диаметром 35-40 см располагалась на квадратах Г-2, 3. Она слегка овальная, вытянута с востока на запад. Верхняя часть ее находилась на глубине 150 см от репера. Поверх ямка была обложена большим количеством щебня и

галечек, размерами 15-20 см в поперечнике. В результате разрушения эти камни образовали завал на площади самого очага и к северо-востоку от него, т.е. сообразуясь с направлением склона пола. Глубина залегания камней очажной выкладки колеблется от 125 до 150 см от репера. Вокруг очага и в очажной ямке было собрано большое количество золы, углей, обожженных костей. Вокруг очага располагались орудия из камня и кости. В квадратах на север и северо-восток от очага на глубине 170 см от репера были собраны семена древних растений. По определению специалистов, они принадлежали астрагалу, который до сих пор используется местными жителями в качестве топлива.

10. В квадрате В-2 на глубине 155-160 см от репера севернее очага зафиксировано скопление камней, образующих небольшую окружность диаметром 25-30 см. Вокруг этих камней и внутри скопления собрано большое количество золы и мелких углей. На запад от очажка обнаружено несколько крупных костей животных, некоторые из них принадлежали кабану и черепахе. Помимо этого здесь собраны мелкие фрагменты костей животных, а также мелкие кремни.

Стенки первого и второго очагов близко подходят друг к другу, как бы образуя двойной очаг. Но такое планиграфическое расположение очагов, учитывая различную глубину их залегания, не исключает функционирования их в разное время.

11. Последний очаг, имеющий конструкцию из камней обнаружен в квадрате Е-3 на глубине 170-180 см от репера. Дно очага выложено галькой и щебнем, размером 15-20 см в поперечнике. Диаметр вымостки около 50-60 см. Зольный слой опускается на 2-3 см ниже камней. Все камни, образующие вымостку, сильно обожжены. В очаге встречены мелкие фрагменты обгорелых костей. Глубина залегания вымостки 163-171 см, угольный слой идет до глубины 177-180 см, он лежит на стерильном суглинке с примесью дресвы. По всей видимости, камни были положены на горячие угли и служили для запекания мяса или других продуктов.

12. В квадрате Г-1 на глубине 185-194 см от репера обнаружена глыба гранодиорита (29x20x9 см), лежащая на пласте угля толщиной 1,5-2 см. В угольной прослойке при расчистке были обнаружены зубы животных и несколько кремешков, а также фрагменты сильно обгорелых костей. Рядом с угольной прослойкой на глубине 224 см от репера обнаружена маленькая, размером с вишневую косточка.

13. Зольная прослойка, залегающая на глубине 230 см от репера, зафиксирована в квадрате Е-4. Вперемешку с угольками здесь залежали мелкие

обожженные косточки животных и отдельные кремневые изделия. Диаметр пятна 30-40 см. Это соответствовало пятну в квадрате В-1, зафиксированному на глубине 230 см от репера.

14. В квадрате В-1 в верхах четвертого литологического слоя - светло-желтого суглинка с большим количеством крупной дресвы встречена прослойка угля и горелых мелких фрагментов костей на глубине 240-250 см от репера.

Таким образом, в двух литологических слоях зафиксировано 14 очагов и зольных прослоек. Все эти структурные элементы располагаются на площади под навесом в толще отложений около 1,5 м. Глубина залегания каждого из них сугубо индивидуальна. Здесь нельзя выделить два, или тем более, три очага, которые бы находились на одной поверхности обитания. Скорее наоборот, два-три очага могут быть расположены почти на одной вертикальной линии на различных глубинах, один над другим. Все это говорит о различном времени их функционирования. Другими словами, каждый из четырнадцати очагов является свидетельством посещения навеса первобытными людьми в разные хронологические моменты. Следовательно, объединить их в один или два культурных слоя, следуя за различиями в литологии отложений, нет никаких оснований. Каждый из фрагментов - очаг с прилегающим к нему участком, где были обнаружены культурные остатки и является самостоятельным образованием, отражающим какой-то отрезок времени в жизни первобытной группы охотников, т.е. самостоятельным культурным слоем. Но если очаги и зольные пятна являются стабильными элементами культурного слоя, этого нельзя сказать о таких элементах, как кремни и фрагменты костей животных. Поэтому каменный инвентарь мы рассматриваем в совокупности, отмечая только некоторые наиболее отличительные находки, связь которых с тем или иным очагом не вызывает сомнений. Тем более, что как показывает даже предварительный анализ каменных и костяных изделий, все они были изготовлены на протяжении неолитической эпохи.

Каменный инвентарь.

Коллекция каменных изделий, собранная под навесом Большого камня на стоянке Агалык насчитывает 1092 экземпляров (табл. 1). Сырьем для них служили различные породы: кварц, кварцит, гранодиорит, мелкозернистый плотный песчаник, халцедон, кремль различных оттенков. Причем, крупные отщепы, осколки, нуклевидные изготовлены из грубого сырья: кварцитов, кварцев, песчаников и даже гранодиоритов. Все орудия, которые отличаются мелкими размерами и тщательностью

вторичной обработки, изготовлены из кремнистых мелкозернистых пород.

Таблица 1.
Каменные изделия Агалыка.

Нуклеусы	8
Нуклевидные	4
Отщепы без обработки	268
Массивные	7
Крупные	61
Средние	76
Мелкие	127
Осколки	209
Чешуйки	374
Отбойники	4
Поперечный скол с ударной площадки	3
Пластинки без ретуши	8
Микропластинки без ретуши	114
Пластинки с ретушью	7
Микропластинки с ретушью	53
Отщепы с ретушью	11
Выемчатые	9
Скребки	6
Резцы	2
Остроконечник	1
Долотовидные	9
Острия и провертки	2
Всего	1092

Нуклевидные представлены в коллекции отдельными кусками различных пород с единичными бессистемными сколами. Их всего 4 экз.

Три нуклеуса морфологически относятся к дисковидным. Два из них (размерами 3-4 см в поперечнике) представлены на горбушках кремнистых зеленых галек. Тыльная сторона сохраняет галечную корку. Фас расщепления покрыт радиально направленными негативами отщепов (рис. 4, 10, 38). Третий экземпляр - плоский округлый нуклеус из мелкозернистого серого песчаника. Тыльная сторона имеет негативы мелких сколов по периметру, фас расщепления - негативы нескольких крупных отщепов, перекрывающих прежние радиально направленные сколы. Три нуклеуса для снятия мелких отщепов имеют конусовидную форму. Ударные площадки гладкие. Два нуклеуса для снятия микропластин условно можно отнести к торцовым (рис. 4, 12, 11). Они имеют клиновидную форму желваков со следами многочисленных переоформлений. Как видно из вышеизложенного, все нуклеусы, представленные в коллекции предназначались для снятия отщепов мелких размеров. Несмотря на большое количество микропластин, в слоях было найдено всего два сработанных нуклеуса для этой цели. Хотя среди

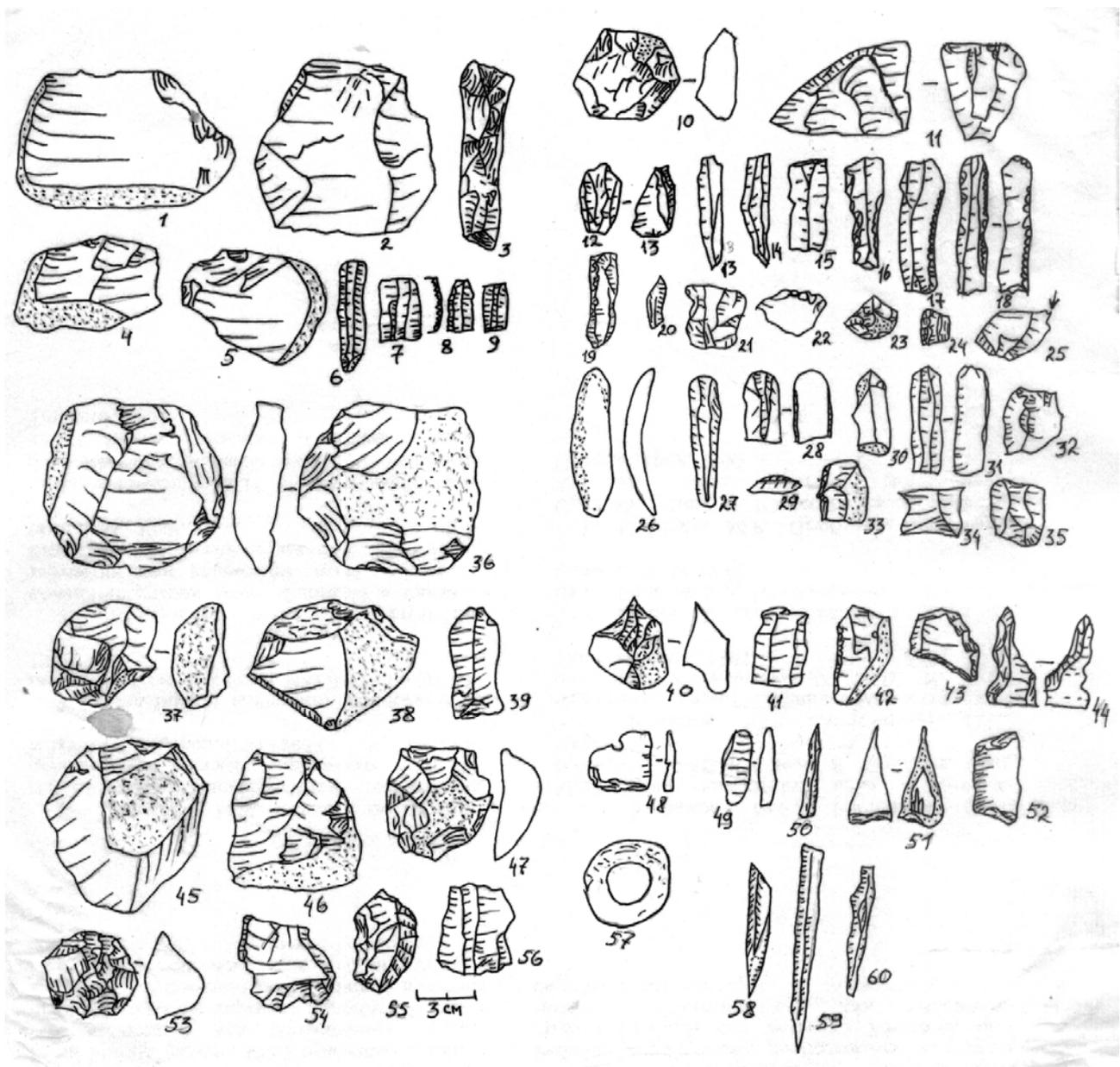

Рис.4. Каменные и костяные изделия Агалька:

1, 2, 4, 5, 38, 45, 46 - крупные отщепы; 10-12, 36, 37 - нуклеусы; 3, 43, 55 - сколы подправки; 6, 9, 14, 39, 41, 56 - пластинки без ретуши; 7, 8, 13, 15-19, 24, 27, 28, 30, 31 - микро пластинки с ретушью; 20, 29 - геометрические микролиты; 21, 25 - резцы; 22, 23, 47, 53 - скребки; 33, 34 - выемчатые; 32, 35 - долотовидные; 40 - острие; 44 - провертка; 48 - фрагмент подвески; 57 - лабретка; 49-52, 58-60 - костяные изделия.

находок есть три скола подправки ударной площадки нуклеуса с негативами снятия микропластин на торце. Судя по ним, эти нуклеусы имели размеры до 3-4 см в поперечнике (рис. 4, 55).

Отходы производства представлены осколками (209 экз.), чешуйками (374 экз.). Отщепов без ретуши 268 экземпляров.

Массивные отщепы без ретуши (7 экз.), изготовлены из кварцитов и кремнистых пород. Размеры их от 11x7x5 см до 8x5x4 см. Ударные площадки гладкие, иногда скошенные. Огранка спинки бессистемная.

Крупных отщепов без ретуши 61 экземпляр. От массивных они отличаются более тонкими пропорциями. Огранка спинки, в основном, бессистемная, очертания неправильные, ударные площадки крупные, гладкие. Сырьем служили кварциты, гранодиориты (рис. 4, 1, 2, 4, 5, 38, 45, 46).

Отщепы средних размеров (76 экз.) имеют укороченные, широкие пропорции. Огранка спинки в большинстве случаев субпараллельная. Небольшое количество изготовлено из кремня.

Отщепы мелких размеров (124 экз.) имеют аналогичные характеристики. Но надо отметить, что до 90 % их - из кремня.

Отбойников в коллекции 4 экземпляра. Это удлиненные гальки различных размеров со следами забитости на поперечных узких концах.

Пластинок без ретуши и их фрагментов 8 экземпляров (рис. 4, 39).

Кремневых микропластинок без ретуши 114 экземпляров (рис. 4, 6, 9). Пластинок с обработкой 7 экземпляров. Они изготовлены из кремня различных цветов. Размеры от 4,5x1,2x0,4 см до 3x1,2x0,2 см. Все пластинки имеют обработку преимущественно на продольных краях. Ретушь различная: от мелкой притупляющей край до зубчатой. В одном случае на обломанный поперечный край пластинки нанесена небольшая выемка, обработанная ретушью (рис. 4, 15).

Микропластинок со вторичной обработкой 53 экземпляра. Большая часть их изготовлена из кремня, хотя имеются единичные микропластинки из кварца и кварцита. Ретушь чаще всего мелкая, притупляющая. Наносилась вдоль одного или обоих краев. В редких случаях один продольный край ретушировался с вентрала, другой с дорсала (рис. 4, 18). Некоторые экземпляры имеют обработанные продольные края и ретушированный зауженный поперечный конец (рис. 4, 13, 30), другие - обработку только на поперечном конце (рис. 4, 15).

Единственным экземпляром представлена трапеция (рис. 4, 29).

На некоторых экземплярах отмечается крутая чешуйчатая ретушь, образующая неровные, ино-

гда с небольшими выемками или зубчатыми краями.

Отщепы с ретушью (11 экз.), как правило, они мелких или средних размеров. Ретушь мелкая, притупляющая (Рис. 4, 42).

Отщепы с выемками (9 экз.). Выемки неглубокие, но широкие. Нанесены как на продольные, так и поперечные края сколов. В большинстве случаев подработанные мелкой регулярной ретушью (рис. 4, 33, 34).

9 отщепов с двусторонней подтеской поперечных краев типологически относятся к долотовидным. Они широко представлены в коллекции верхнепалеолитической Самаркандской стоянки, в неолитических и мезолитических памятниках сагаганской группы, в мезолите Замича-тоша. Все они изготовлены из кремня и имеют небольшие размеры (рис. 4, 32, 35).

Резцов всего шесть. Они изготовлены на отщепках мелких размеров. Рабочие лезвия прямые или слегка выпуклые, обработанные крутой ретушью (рис. 4, 22, 23).

Резцы (2 экз.) изготовлены на широких коротких отщепках кремня. Резцовые сколы короткие и широкие (рис. 4, 21, 25).

Единственный остроконечник изготовлен на толстом отщепе светло-серого кварца. Продольные края, сходящиеся под острым углом, обработаны крутой ретушью (размеры 3,8x1,5x1 см).

Острия и повертки (2 экз.). Они изготовлены на толстом осколке темно-зеленой кремневой гальки. Острие оформлено двумя сколами, образовавшими две неглубокие выемки (рис. 4, 40). Второе изделие - обломок коричневой пластинки, большая часть которой обработана крупными крутыми сколами с дорсала и с вентрала, образуя приостренный конец (рис. 4, 44).

Костяные изделия.

Помимо каменных изделий в отложениях грота собрана небольшая, но выразительная коллекция костяных изделий. В основном, это острия, проколки, иглы и их фрагменты. Всего их 12 экземпляров. Все они изготовлены из разбитых вдоль трубчатых костей, предварительно обожженных до черного или темно-коричневого цвета. Таких изделий 6 экземпляров. Наибольшая длина достигает 8 см, диаметр изделий от 0,3 до 1 см (рис. 4, 50, 52, 58-60).

Изделий из необожженной кости тоже 6 экземпляров. Пять из них проколки и шила и только одно иного назначения. Это фрагмент крупной трубчатой длинной кости. Длина изделия 5 см, ширина 3,2 см, толщина около 0,5 см. Форма его каплевидная. По краям сохранились следы резки и строгания. Лицевая часть гладкая, тыльная - сохраняет губчатую массу.

Одно орудие изготовлено из трубчатой кости, дистальная часть которой сохраняет суставную поверхность. Проксимальная часть сужена. Кончик орудия обломан в древности (рис. 4, 51). Кость не обожжена.

Фрагмент еще одного орудия представлен крупной заполированной разбитой вдоль костью диаметром 1,6 см. Длина фрагмента 2,8 см.

Еще два костяных предмета сохраняют следы искусственной обработки: это небольшой фрагмент трубчатой кости с нарезками (рис. 4, 49) и фрагмент сустава со следами заполировки.

Изделиями, связанными не только с бытом, но и с эстетическими представлениями обитателей стоянки, являются раковина-каурия со срезанной выпуклой стороной. Подобная раковина со спиленной спинкой для изготовления бус найдена на поселении Джейтун (Массон, 1971, табл. XXXVIII, 6). По определению некоторых специалистов эти раковины-каурии происходили из Индийского океана и попали на материк в результате обмена (Кларк, 1953, с. 242-243).

Что касается датировки этих изделий, то они найдены на 1 и 3 этапах развития джейтунского памятника, который в целом датируется VI тыс. до н.э. (Массон, 1971, с. 76). Обломок подвески из светло-серого кремнистого сланца имеет размеры сохранившейся части 2x2x0,3 см. Края подвески обломаны, сохранился только небольшой участок, на котором видны вертикальные поперечные насечки. Отверстия просверлено с двух сторон диаметром 0,3 см. Оно расположено на расстоянии около 3 мм от одного из краев. Лицевая часть заполирована, слегка выпуклая, наибольшая толщина в центре, края слегка утончены. Тыльная сторона подвески уплощенная. Это первый предмет украшения, встреченный на памятниках сазаганской культуры (рис. 4, 48).

В квадрате Д-3 на глубине 170 см от репера найдена половинка каменного шара диаметром 3 см, слегка приплюснутого. Поверхность этой половинки искусственно заглажена. На расстоянии примерно одинаковом от верха и от основания изделия прорезан неглубокий и узкий желобок (рис. 4, 57).

Подобные изделия известны в памятниках эпохи мезолита, в частности, в Обишире V (Исламов, 1980, с. 72, табл. XII, 7). По аналогии с этнографическими изделиями они имеют название «лабретки». Но изделия этого типа имели приостренный верх, т.к. использовались в качестве украшения. Наше изделие имеет закругленный, заглаженный верх.

Таким образом, при анализе отложений грота было выявлено 14 локальных культурных образований, которые отражают небольшие фрагменты некогда существовавшей исторической реально-

сти, т.е. 14 культурных слоев. Все они залегают в отложениях, геологически датированных второй половиной голоцена, что по археологической хронологии соответствует развитому и финальному неолиту. Каменные и костяные орудия, на типологическом анализе которых основывается археологическая датировка, не противоречат этому выводу. Найденная в отложениях грота раковина-каурия аналогична подобным находкам из Джейтуна. Датировка Джейтуна VI тыс. до н.э., хотя и подлежит пересмотру, кажется нам довольно точной. Совокупность всех этих данных позволяет датировать наш памятник началом второй половины голоцена - V-IV тыс. до н.э.

Более сложным представляется вопрос о культурной принадлежности каменной и костяной индустрии этого памятника. В настоящее время на территории Средней Азии известно шесть культурно-территориальных образований эпохи неолита: джейтунская культура, кельтиминая, гиссарская, центрально-ферганская, маркансуйская и сазаганская. Территориальное расположение грота Агалык позволяет рассматривать его как памятник наиболее близко расположенный к стоянкам сазаганской культуры. Что касается каменных орудий, то их типолого-морфологические характеристики так же наиболее близки индустриям из этих памятников. Основными чертами кремневого инвентаря Агалыка можно считать наличие как микропластинчатой техники, так и большого количества орудий изготовленных на отщепах: выемчатых, зубчатых, резцов, долотовидных. Наличие в коллекции крупных отщепов мустьерского облика - еще одна черта, которая позволяет причислить грот к сазаганской культуре. Но наряду со сходными чертами наблюдаются и некоторые отличия. Это прежде всего разнообразные костяные орудия, которые полностью отсутствуют в памятниках сазаганской культуры, но зато есть в мезолите Обишира V, в гиссарских памятниках и особенно много их найдено на поселении Джейтун. Украшения из камня, кости и раковин, так же полностью отсутствуя в сазаганских памятниках, отмечены в Обишире V (лабретка), (Исламов, 1980, табл. XII, 7), и в Джейтуне (раковина-каурия со спиленной спинкой) (Массон, 1971, табл. XXXIII, 6). Последнее, чем отличается каменный инвентарь Агалыка от инвентаря всех перечисленных неолитических культур - отсутствие микронуклеусов. Хотя, как уже отмечалось, количество микропластинок с ретушью и без ретуши довольно большое, микронуклеус представлен единственным экземпляром. Остальные нуклеусы представлены дисковидными формами мелких размеров (3-4 см в поперечнике).

Помимо сазаганской культуры, большое количество аналогий в индустрии Агалыка прослежи-

вается и с гиссарской культурой (Ранов, 1985); крупные отщепы без обработки из грубых пород камня, долотовидные изделия, микропластинки с ретушью и без обработки; сколы типа «дольки апельсина»; костяные орудия (шилья, проколки). Отличия заключаются в отсутствии в Агалыке галечных орудий, изделий геометрических форм, концевых скребков.

Последняя культура с которой имеются определенные аналогии - маркансуйская, памятники которой располагаются на Памире. Прежде всего, для этой культуры характерны дисковидные или многоплощадочные нуклеусы, микронуклеусы торцовые или грубоконические, массивные, мустьерского облика отщепы и мелкие ножевидные пластинки, а также мелкие скребочки на отщепах (Ранов, 1985). Все эти характерные черты находят полные аналогии в индустрии Агалыка.

Исходя из этих данных, можно рассматривать стоянку Агалык, как памятник, входящий в зону горных неолитических культур. Хотя, как уже от-

мечалось, географически он ближе всего расположен к стоянкам сазаганской культуры, черт сходства и различий между ними ни сколько не меньше, чем с гиссарской и с маркансуйской культурами. По всей видимости, решать вопрос о культурной принадлежности грота Агалык сложно и по той причине, что он не является базовой долговременной стоянкой как стоянки выше названных культур. В результате, черты сходства и различия могут отражать не культурные особенности, а функциональные. Те же песты, терочники, крупные рубящие орудия, скребла, скребки могли иметься на базовой стоянке, и отсутствовать во временном охотничьем стойбище.

Подводя итоги, можно определить грот Агалык как временное стойбище охотничьих племен горных неолитических общностей, функционирующее с начала второй половины голоцена. Основные неолитические слои могут быть датированы VI-IV тыс. до н.э.

1. Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.

2. Исламов У.И.. Обиширская культура. Ташкент, 1980

3. Исламов У.И., Тимофеев В.И.. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.

4. Кларк Д.Г.. Доисторическая Европа. М., 1953.

5. Мамедов Д.. Геолого - геоморфологическая характеристика участка долины р. Агалык в районе археологической стоянки. // «Отчет о работе Самаркандского палеолитического отряда в 1991 г.» Архив Института археологии АН РУз. Самарканд, 1992.

6. Массон В.М. Поселение Джейтун. Л., 1971.

7. Ранов В.А. Гиссарская культура - неолит горных областей Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985.

А.Р. БОТИРОВ

ЗОМИЧАТОШ МАНЗИЛГОҲИ ҲАЙВОНОТ ДУНЁСИГА ДОИР АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Зарафшон воҳаси, айниқса унинг ўрта оқими ўзининг қулай иқлим шароитига, ҳайвонот ва ўсимлик дунёсига бойлиги билан инсониятни қадимдан жалб қилиб келган. Буни кўплаб турли давр инсон манзилгоҳларининг, айниқса тош даври археология ёдгорликларининг шу жойда жойлашганлигидан ҳам кўриш мумкин.

Бугунги кунда воҳада ўндан ортиқроқ кейинги тош даврига доир манзилгоҳлар қайд қилинган. Аммо шу кунгача сақланиб қолган, ашёвий қолдиқларга бой маданий қатламли манзилгоҳлар санокли. Булар жумласига Учтут, Сазағон, Жангал, Тепакул, Агалик ва Зомичатошлар киради.

Юқорида қайд қилинган манзилгоҳларнинг ҳаммаси, Учтутдан бошқа, Зарафшон тоғининг шимолий ён бағрида, дарёга оқиб тушаётган сойларнинг қирғоқларида жойлашган.

Зомичатош деб номланган ибтидоий давр одамлари манзилгоҳи Зарафшон тоғ тизмасининг шимолий ён бағрида, илгаридан маълум бўлган Сазағон ва Жангал манзилгоҳларидан бир оз шарқроқда, Ургут районининг Қоратепа посёлкасига қарашли "Севас" қишлоғида Севасайнинг чап қирғоғидаги текисликда, жойлашган. Манзилгоҳда қазиш-қидирув ишлари 1989 йилнинг октябрь ойларида Зарафшон воҳасининг палеолит даврини ўрганиш гуруҳи томонидан бошланди. Археологик қазиш ишлари мобайнида қадимги маданий қатламнинг сақланиб қолганлиги ва бу қатламларда кўплаб инсон иш ашёлари-артефактларнинг сақланиб бизгача етиб келганлиги маълум бўлди. Маданий қатламнинг сақланиб қолишида, юқорида қайд қилинган манзилгоҳлардан фарқли ўлароқ 18-24х 4м баландликдаги, шамол ва оби-ҳавонинг таъсири натижасида бир томони емирилиб унгури ҳосил қилган тошнинг роли катта бўлган. Тош ташқи қиёфаси жиҳатидан зомичага-ҳандалакга ўхшаган бўлиб устки томонида супасимон майдони бор. Шу боис манзилгоҳ "Зомичатош" деб номланган. 1989-90 ва 1993-94 йиллар мобайнида

Зомичатошда ўтказилган қазишмалар унинг 3 та маданий қатлами борлигини кўрсатди. Маданий қатламларнинг биринчиси ғовак, қаттиқ қорамтир-қўнғир, рангда иккинчиси ва учинчиси эса жуда зич сарғимтир рангда.

Ҳар учала қатламдан ҳам археологик ашёлар-тош қуроллар, саполлар, суякдан ясалган қуроллар билан бир қаторда кўплаб ҳайвон суяк қолдиқлари ҳам топилди. Қатламлардаги ҳайвон суяк қолдиқларини иложи борича тўлароқ, кўпроқ олиш мақсадида ҳар бир қатлам тупроғи олдин махсус элакчалардан, сўнг эса сув билан ювиб энг майда ҳайвонларга-кемирувчиларга таалукли суякларгача йиғиб олинди.

Шу нарсани айтиш керакки қатламлардан қазиб йиғиб олинган суяк қолдиқлар ҳаддан ташқари майдаланиб кетган (2-3 см дан 4-5 мм гача), нисбатан каттароқ ёки умуман калта суяклар (бармоқ суяклар, ошиқлар ва ҳ.к.) нинг кемирувчилар томонидан қолдирилган изларнинг борлиги, баъзи суякларда силлиқланганликларни, куйган суякларнинг (5-6 %) борлиги кузатилди.

Биринчи маданий қатламдан топилган суяклар одатда ифлосланган оқиш рангда, нисбатан мўрт ва баъзилари шамол, ёмғир таъсирига учраган II ва III маданий қатламлардаги суяклар эса кулрангсимон-қўнғир рангда, нисбатан вазмин ва мустаҳкам (фоцилланган). Калла қисм, узун найсимон суяклар, шохлар сақланмаган. Бутун ҳолда одатда фақат бармоқ, ошиқ, алоҳида тишлар, найсимон суякларнинг пастки ёки устки бутун қисмларигина сақланган. Суяклар одатда кам фоцилланган, намланган бармоқга нисбатан суст ёпишади.

Топономик белгиларига кўра Зомичатош-ҳайвон суяк қолдиқлари неолит даври манзилгоҳлари бўлмиш Сазағон II, Жангал I, Агаликга жуда яқин. Шу билан бирга турлар сони ва хили жиҳатдан ҳам ўхшашликлари бор.

Умумий хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки Зомичатошдан топилган суяк ашёлар кейинги тош даври қабилаларининг типик озиқ-овқат чиқиндиси бўлиб ҳисобланади.

Кемирувчилар, ҳашоратхўрлар, юмшоқтанлилар ва тошбақаларнинг суяк қолдиқлари инсон фаолияти билан боғлиқ эмас. Улар қатламларга тасодифан ёки қазувчи ҳаёт фаолияти натижасида тушиб қолган.

Шундай қилиб, 1989-90, 1993-94 йиллар мобайнида устки қатламдан 686 та, I

қатламдан 1395 та, II қатламдан 571 ва III маданий қатламдан 312 та жами 2963 та ҳайвон суяк ашёлари қазиб олиб ўрганилди. Улар маданий қатламлар бўйича қуйидагича жойлашган (Жадвал № 1).

Жадвал № 1

Зомичатош манзилгоҳи маданий қатламларидан топиб аниқланган ҳайвон турлари ва суяклар миқдори

№	Ҳайвон турлари	Устки қатлам суяк	I Қатлам суяк	II Қатлам суяк	III Қатлам суяк	Жами суяк
1	Типратикон	1				1
2	Қизил суғур					1
3	Товушқон	1	1			2
4	Сариқ юрмонқозик			2		2
5	Бўри				3	3
6	Тулки	1		5		7
7	Кунья			2		2
8	Йиртқичлар		1	2		3
9	Мушуксимон	1		1		2
10	К. Айиқ					
11	Қўлон	2				1
12	Тўнғиз		2	1		3
13	Бухоро буғуси	1			3	4
14	Жайрон	1	95	110		213
15	Ёввойи қўй ёки эчки	3	5	5	5	18
16	Ит	1				1
17	От	2				2
18	Йирик шохли ҳайвон	10				10
19	Аниқлаш мумкин бўлмаган суяклар	548	815	303	289	1954
20	Қушлар	2	3		8	13
21	Тошбақа	101	460	131	12	704
22	Кемирувчилар	15	65	51		131
23	Моллюскалар	20	52	86	3	161
	Бари	138	580	268	23	1009
	Жами	686	1395	571	312	2963

Жадвалдан кўриниб турибдики маданий қатламлардан топилган ҳайвон суяк қолдиқларининг асосий қисмини сут эмизувчи ҳайвонлар ташкил қилар экан (2085 та). Суяк ашёлар асосида Зомичатош ликларнинг хўжалик юритиш хусусиятларини кўриб чиқадиغان бўлсак улар асосан овчилик билан шуғулланишган. Асосий ов ҳайвонлари бўлиб тоғ олди текисликларида пода бўлиб яшовчи жайрон, дарё қирғоқларидаги тўқайзорларда яшовчи бухоро буғуси ёввойи чўчка, нисбатан камроқ бўлса ҳам Сибир тоғ эчкиси, ёввойи қўйларга, ахён-ахёнда қўнғир айиқга, қулонга ов қилишган. Муйнаси учун тулки, бўри, баъзи бир мушуксимонларни, сассикқўзанларни овлашган.

Ашёвий далиллар миқдори бўйича мулоҳаза қиладиган бўлсак ов ҳайвонлари ичида биринчи ўринни жайрон эгаллайди (213 та).

Топилдик ашёлар орасида ишонч билан айтиб бўладиган хонаки ҳайвонларга таалуқли суяк қолдиқларини биз фақатгина устки 30 см. лик қатламда ва ахён-ахёнда I маданий қатламда кўришимиз мумкин. Улар асосан итга, майда ва йирик шохли ҳайвонларга, отга тегишли. Аммо шу нарсани айтиш кераки (№ 1 жадвалга қаранг) топилган суяк қолдиқларнинг 80-90 % ти ҳаддан ташқари майдаланиб кетган ва қайси ҳайвонга таалуқлилигини аниқлаш мумкин эмас. Шундай суякларнинг аксарият кўпчилиги майда

шоҳли ҳайвонлар ёки жайрон каби йирикликка эга бўлган ҳайвонларга таалуқли. Кўп йиллик мутахассислик малакаси буни Зомичатошликлар хўжалигида йирик шоҳли ҳайвон ва от бўлмаган бўлса ҳам хонаки ит, қўй ва эчкиларнинг бўлганлигинга ишонишни тақозо қилади.

Баъзи бир хонаки форма ҳайвонларининг суяклари Ўрта Осиё худудида неолит даври ва унга қадар давр манзилгоҳларидан топилганлиги тўғрисида бир қатор тадқиқотчилар томонидан башорат қилинган (А.И. Шевченко, 1960; В.И.Цалкин, 1956; У. Исламов, 1975; Б.Х. Ботиров, 1978; Ш. Шарапов, 1972; В.Н. Ранов, Г.Н. Коробкова 1971). Бу тадқиқотчилар яқдиллик билан Ўрта Осиёда биринчи маротаба, итдан сўнг хонакилаштирилган ҳайвон қўй ва эчкилар бўлиб ҳисобланади деб айтишган.

Зомичатошда хонаки форма ҳайвонлар тури ва сонининг камлиги, баъзи бир суякларнинг бўлганлиги, қолаверса тош қуроолларнинг типологияси (Гречкина, 1986) Зомичатош ёдгорлигини нисбатан қадимгироқ эмасмикан (Ме-

золит даврининг охириги босқичи) деган мулоҳазага олиб келади.

Зомичатош манзилгоҳи маданий қатламларидан сут эмизувчи ҳайвонларига доир қолдиқлардан ташқари қушларга, тошбақага ва баъзи бир тур-юмшоқ танлиларга таалуқли ашёларнинг борлиги кузатилади. Одатда қушларга таалуқли суяклар жуда ҳам кам бўлиб, кўпроқ улар товуксимонларга таалуқли (каклик, бедана).

Тошбақа ва юмшоқ танлиларга таалуқли ашёлар устки қатламдан, кўпроқ I-чи ва 2 қатламдан ёки улар орасидан 3 қатламдан топилган (жадвал 1).

Шуниси қизикки тошбақанинг фақатгина косасининг бўлақларигина учрайди, скелетига доир биронта ҳам ашё йўқ. Шу боис тошбақа гўшти зомичатошликлар томонидан истеъмолда ишлатилганлиги тўғрисида бирон нарса дейиш қийин.

Қадимги зомичатошликлар хўжалик юришида турли хил сут эмизувчи ҳайвонларнинг суякларидан ҳам кенг фойдаланишган (А.Р.Ботиров, Т.Ю.Гречкина, 1992).

1. Ботиров Б.Х Фауна мелкопитающих из пещеры Мачай. Тр. СамГУ, вып. 351. Самарканд, 1978. 20-30 б.

2. Ботиров А.Р. Термофауна неолита среднего течения реки Зарафшан. Ст. Ўзбекистон қадимда ва Ўрта асрларда, Самарқанд, 1992, 7-10 б.

3. Ботиров А.Р., Гречкина Т.Ю. Костные изделия Зомичатош и Агалык. Ўзбекистон қадимда ва ўрта асрларда. Самарқанд, 1992 й.

4. Ботиров А.Р., Гречкина Т.Ю. Неолит среднего течения реки Зарафшан. ИМКУ, вып. 27. Самарқанд. 1996.

5. Исламов У.И. Пещера Мачай Ташкент. Фан, 1975.

6. Ранов Р.Н., Коробкова Г.Н. Туткаул - многослойное поселение Гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, 1971, № 3.

7. Шарапов Ш. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайёд (Юж. Таджикистан) Тр. Ин-та Зоологии и паразитологии АН Тадж. ССР. Душанбе 1972, 232-235 б.

8. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. "Бюллетень МОИП". Отд. биол. т 75, вып. 1-2.

9. Пахомов М.М., Ранов В.А., Никонов А.А. Некоторые данные по палеографической обстановки неолитической стоянки Туткаул. СА, 1974, № 4

10. Шевченко А.И. К истории домашних животных Южного Туркменистана. Труды Южно - Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. X, Ашхабад, 1960.

С.И. МУСТАФАКУЛОВ

АНАЛИЗ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ БУСТАНА VII

Памятники Бустанской группы, условно названные Бустан 1 - 8, расположены вдоль правого берега высохшего русла Бустансяя. Археологические работы на объектах Бустана начались в 1974 г. и продолжались с перерывами до настоящего времени. За несколько полевых археологических сезонов на разных объектах вскрыто более 400 погребений, относящихся к молалинскому этапу культуры Сапалли. Бустанские комплексы непосредственно связаны с Джаркутанским и образуют вместе с ним общую этнокультурную систему.

Могильники Бустан 1, 2, 3, 4, 5 расположены на естественных холмах в 2 км к югу от Джаркутана. Всего было вскрыто более 100 погребений, основная масса могил была сильно разрушена, в результате чего костяки оказались потревоженными и разбросанными по всей площади могильной ямы (Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1977; Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1978). Раскопанные могилы подбойно-катакомбного типа.

Большинство могил ограблено, скелеты сильно потревожены, часть костей выброшена из погребений, мелкие полуистлевшие обломки костей погребенных находились на разных уровнях ям, поэтому трудно установить анатомический порядок скелетов. Лишь в шести могилах было возможно создать картину о положении захороненных: покойники лежали на боку в скорченном положении. Две могилы оказались кенотафами. Погребальный инвентарь отсутствовал во многих могилах. Ориентация скелетов неустойчивая. Удалось определить ее лишь в шести случаях. Погребальные ямы в большинстве случаев ориентированы с северо-запада на юго-восток (11 погребений), 10 ям ориентированы с северо-востока на юго-запад. С севера на юг ориентированы 9 погребений, с запада на восток - 8 погребений. Состав погребального инвентаря совершенно не отличается от могильника позднего Джаркутана - позднего этапа культуры Сапалли. Сохранность антропологического материала оказалась исключительно плохой. Удалось извлечь один хорошо сохранившийся череп и фрагменты нескольких других костяков.

В целом черепа долихокранные, с очень большим продольным, высотным и поперечным диаметром. Черепа европеоидные, восточносредиземноморского типа, расовыми и морфологическими особенностями не отличаются от черепов близко расположенного и синхронного могильника Джаркутан 4В (Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1978, с.43-50).

Таким образом, археологические памятники Джаркутана в районе Бустансяя дали интересные материалы для характеристики племен позднего этапа культуры Сапалли (Аскарлов А., 1977, с.57-59). Антропологического материала из памятников Бустан 1-5., несмотря на большие раскопные работы, было получено мало. Эти малочисленные материалы позволяют нам отнести население Бустансяя к тому же антропологическому типу, что и население Джаркутана в целом, а именно к восточной ветви средиземноморской расы. Для него характерна долихокrania, невысокий свод черепа, узкое и средневысокое лицо, сильно выступающий нос (Алексеев В.Л., Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1989 с. 50, табл. 33). Материальная культура, способы захоронения и типы погребения в них, наконец, антропологические особенности погребенных существенно не отличаются от памятников культуры Сапалли.

Бустан - 7 (табл. 1-2). В 1987-1989 годах в составе Шерабадского археологического отряда Института археологии АН РУз работал отряд кафедры археологии СамГУ под руководством Н.А.Аванесовой. Ими был полностью раскопан и исследован грунтовый могильник эпохи бронзы Бустан - 7. Могильник входит в Бустанскую группу памятников культуры Сапалли. Могильник расположен вдоль среднего течения старого русла Бустансяя, западного дельтового притока современной Шерабадарьи. В плане могильник вытянут по линии север-юг. Площадь могильника составляет более 1,5 га. С трех сторон к могильнику подступают раскопанные поля. Выявленная мощность культурного слоя составляет 0,4-1,6 м. В нем представлены три последовательных археологических комплекса (кузалинский, молалинский, джаркутанский) культу-

ры Сапалли и слои датируются в рамках XIV-X вв. до н.э.

Всего в могильнике Бустан - 7 исследовано 100 погребений. Из них 22 погребения оказались кенотафами, 3-с костями животных, 4-человеческих вместе с костями животных, 10-детских и 1-парное. Остальные представляют одиночные захоронения взрослых индивидов. Строгой закономерности в ориентировке могильных ям и погребений не наблюдается, традиционным в погребальном обряде, как и в культуре Сапалли, остается одиночное скорченное положение костяков мужчин на правом боку, и женщин - на левом.

Нами из могильника Бустан - 7 изучено 15 хорошо сохранившихся черепов, из них 6-мужских, 4-женских и 5-детских. Размеры детских черепов в таблице индивидуальных данных не приведены. Индивидуальные размеры и указатели черепов представлены в таблицах 1-2. Впервые мы получили очень интересный, но, к сожалению, небольшой краниологический материал из Бустанской группы памятников, который может дать представление о расовых морфологических особенностях, населения Бустана. Поэтому данная серия заслуживает детального и всестороннего рассмотрения.

Мужские черепа (табл.1)

Погребение 26. Одиночное. Костяк принадлежал мужчине старческого возраста. Череп крупный, с очень большим продольным и малым поперечным диаметрами, а также очень малым высотным диаметром. Черепная коробка овоидной формы, гипердолихокранного типа. Лоб среднеширокий, средненаклонный с хорошо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть узкая, средневысокая, по указателю лептопрозона, очень сильно профилированная в горизонтальной плоскости, с резко выступающим платиринным (широким) носом, средневысокими с среднеширокими орбитами. Расовый тип европеоидный, средиземноморский.

Погребение 33 (1). Парное. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. Черепная коробка мезокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами. Свод черепа высокий. Лоб широкий, прямой, со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть мезогнатная по средней ширине лица (скуловой диаметр не удалось измерить), широкая и довольно низкая с ослабленной горизонтальной профилировкой как в верхней, так и в подносовых частях. Нос очень узкий, лепторинный, орбиты очень широкие и

низкие, по указателю хамеконхные. Несколько ослаблена высота носовых костей. Расовый тип, судя по мезокрании, широкому и низкому лицу с сравнительно слабой горизонтальной профилировкой его, можно определить как андроновский вариант европеоидной расы.

Погребение 60. Одиночное. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста. Череп овоидный, средних размеров, долихокранный при большом продольном, малом поперечном и среднем высотном диаметре. Лоб узкий, средненаклонный, средне развитым надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, средневысокое, ортогнатное, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости. Орбиты низкие, среднеширокие, по указателю хамеконхные. Нос узкий, лепторинный, сильно выступающий. Расовый тип европеоидный средиземноморский.

Погребение 84 (1). Парное. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста. Черепная коробка овоидной формы, гипердолихокранного типа, с очень большим продольным, очень малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб среднеширокий, средненаклонный, со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая, очень узкая, сильно профилированная в горизонтальной плоскости, лептопрозона. Нос узкий, средней высоты, лепторинный по указателю и сильно выступающий по отношению к профилю лица. Орбиты очень широкие и высокие, по указателю мезоконхные. Расовый тип европеоидный, средиземноморский.

Погребение 88. Одиночное. Костяк мужской, возмужалого возраста. Черепная коробка овоидной формы, долихокранная, с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб средней ширины, прямой, со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо очень узкое, средневысокое, по указателю лептопрозонное, ортогнатное, с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты низкие, узкие, по указателю хамеконхные. Нос средней ширины и высоты, мезаринный, очень сильно выступающей по отношению к профилю лица. Расовый тип европеоидный, средиземноморский.

Погребение 93. Одиночное, мужское принадлежало мужчине зрелого возраста. Черепная коробка овоидной формы, долихокранного типа с очень большим продольным, малым поперечным и очень малым высотным диаметрами. Лоб широкий, средненаклонный, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо

Таб.1. Индивидуальные измерения и указатели черепов из могильника Бустан VII в. Мужчины

№ по Мартину	№ черепов						n	min-max	X	S	m(x)	V
	26	33(1)	60	84(1)	88	93						
	Возраст											
ста.	воз.	зре.	зре.	воз.	зре.							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	14
1	195	187	184	192	188	190	6	184-195	189.3	3.88	0.65	2.05
8	135	143	130	130	135	136	6	130-143	134.8	4.79	0.80	3.55
8:1	69.2	76.4	70.6	67.7	71.8	71.5	6	67.7-76.4	71.20	2.97	0.49	4.18
17	132	136	135	134	141	132?	6	132-141	135.0	3.35	0.56	2.48
17:1	67.6	72.7	73.3	69.7	75.0	97.0	6	67.6-97.0	75.88	10.68	1.78	14.05
17:8	97.7	95.1	103.8	103.0	104.4	69.4	6	69.4-104.4	95.57	13.34	2.22	13.89
20	126	131	126	125	128	132	6	125-132	128.0	2.90	0.48	2.27
9	96	100	91	95	94	101	6	91-101	96.17	3.76	0.63	3.92
10	116	121	115	113	114	128	6	113-128	117.8	5.71	1.05	4.84
9:10	82.7	82.6	79.1	84.0	82.4	78.9	6	78.9-84.0	81.62	2.10	0.35	2.56
11	97	134	120	118	112	114	6	97-134	115.8	12.04	2.01	10.38
12	108	111	103	115?	105	108	6	103-115	108.3	4.27	0.71	3.95
5	108	105	103	109	101	102	6	101-109	104.6	3.26	0.54	3.10
40	107	104	94	94	100	96	6	94-107	99.17	5.45	0.91	5.50
40:5	99.0	99.0	91.2	86.2	99.0	94.1	6	86.2-99.0	94.75	5.30	0.88	5.58
43	108	109	101	105	103	102	6	102-109	104.6	3.26	0.54	3.10
45	131	-	124	124	123	128	5	123-131	126.0	3.39	0.68	2.69
45:8	97.0	-	95.3	95.3	91.0	94.1	5	91.0-97.0	94.54	2.23	0.45	2.37
46	101	101	89	91	96	-	5	89-101	95.60	5.54	1.11	5.77
48	70	67	70	71	68	37	5	67-73	69.83	2.14	0.36	3.06
48:17	53.0	49.2	51.8	52.9	48.2	55.3	6	48.2-55.3	51.73	2.63	6.44	5.06
48:45	53.4	-	56.4	57.2	55.2	57.0	5	53.4-57.2	55.84	1.57	0.31	2.80
55	50	49	52	50	51	53	6	49-53	50.83	1.47	0.24	2.88
54	27	22	23	23	25	25	6	22-27	24.17	1.83	0.31	7.62
54:55	54.0	44.8	44.2	46.0	49.0	47.1	6	44.2-54.0	47.52	3.61	0.60	7.68
51	43	48	43	48	45	44	6	43-48	45.17	2.32	0.39	5.16
51a	39	44	37	43	38	39	6	37-44	40.00	2.83	0.47	7.07
52	34	34	32	38	31	34	6	31-38	33.83	2.40	0.40	7.06
52:51	79.0	70.8	74.4	79.1	68.8	77.2	6	68.8-79.1	74.88	4.34	0.72	5.75
52:51a	87.1	77.2	86.4	88.3	81.5	87.1	6	77.2-88.3	84.6	4.33	0.14	5.09
MC	12	12	10	16	16	-	5	10-16	13.20	2.68	0.54	20.60
MS	5	4	3	5	6	-	5	3-6	4.60	1.14	0.22	24.78
MS:MC	41.6	33.3	30.0	31.2	37.5	-	5	30.0-41.6	34.72	4.78	0.95	13.66
	102	101	97	98	94	-	5	94-102	98.40	3.21	0.64	3.27
	21	16	19	23	20	-	5	16-23	19.80	2.59	0.52	12.95
77	135	145	137	130	134	-	5	134-145	136.2	5.54	1.11	4.07
	96	101	90	91	98	-	5	90-101	95.20	4.66	0.93	4.90
	27	22	20	24	31	-	5	20-31	24.80	4.32	0.86	17.28
Zm	121	133	132	124	115	-	5	115-133	125.0	7.58	1.52	6.06
SS	5	-	4	7	7	-	4	4-7	5.75	1.50	0.37	26.09
SC	11	-	9	12	13	-	4	9-13	11.25	1.71	0.43	15.27
SS:SC	45.4	-	44.4	58.3	53.8	-	4	44.4-58.3	50.47	6.71	1.68	13.42
DS	15	10	12	12	13	-	5	10-15	13.40	1.82	0.36	14.68
DC	25	22	24	21	23	-	5	21-25	23.00	1.58	0.32	6.67
DS:DC	60.0	45.4	50.0	57.1	56.5	-	5	45.4-60.0	53.80	5.95	1.19	11.02
	4.0	2.0	4.5	5.0	2.2	-	5	2.0-5.0	3.54	1.36	0.27	38.42
32	81	88	85	82	89	85	6	81-89	85.00	3.16	0.53	3.72
	76	82	79	82	84	84	6	76-84	81.17	3.12	0.32	3.85
72	88	84	92	85	84	94	6	84-94	87.83	4.31	1.39	4.90
73	89	86	90	90	84	93	6	86-93	88.67	3.20	0.53	3.61
74	84	68	93	78	79	82	6	68-93	80.67	8.19	1.36	10.23
75	52	-	-	58?	46	60	4	46-60	54.0	6.32	1.58	11.70
75(1)	36	-	-	27	38	33	4	27-36	33.60	4.80	1.20	14.28

узкое, средневысокое, лептопрозонное, с резкой горизонтальной профилировкой. Орбиты средней высоты и ширины, мезоконхные по указателю. Нос средней высоты и ширины, по указателю мезоринный, очень сильно выступающий по отношению к профилю лица. Расовый тип европеоидной, восточносредиземноморский.

Таким образом, мы рассмотрели индивидуальную характеристику мужских черепов из могильника Бустан - 7. Основные морфологические и расовые особенности этой группы населения следующие:

Во-первых, все черепа, без исключения, долихокранные. Бракхикранные формы черепной коробки отсутствуют. Для черепов характерны очень большие размеры продольного, малые и средние поперечного, низкие и средние высотного диаметров.

Во-вторых, лицевая часть мужских черепов узкая и средневысокая. Индивиды с большими размерами высоты лица не встречаются, за исключением черепа из погребения 33 (1), о котором речь пойдет ниже. Нос узкий или среднеширокий, сильно выступающий. Орбиты среднеширокие и средне высокие.

В целом мужчины характеризуются чертами европеоидной расы. Монголоидная примесь в серии, видимо, не присутствует, несмотря на наличие в ней черепа из погребения 33 (1), который отличается от общей массы ослабленной горизонтальной профилировкой. Все черепа можно отнести к восточной ветви средиземноморской расы. Череп из погребения 33 (1) также характеризуется европеоидными чертами, но для него характерен иной комплекс признаков, в первую очередь, это относится к ширине и высоте лица, углом горизонтальной профилировки, размерам глазниц. Он мезокранный, широко- и низколицый с заметно ослабленной горизонтальной профилировкой, низкими орбитами. Этот комплекс более всего характерен для племен северной степной полосы - населения Казахстана, Алтая, Южной Сибири и, возможно, Нижнего Поволжья. Вероятно, данное погребение можно отнести к андроновскому антропологическому типу. Это очень важно, так как до сих пор, несмотря на обилие элементов материальной культуры андроновско - срубного круга в земледельческих памятниках юга Средней Азии, не было выявлено с достаточным основанием людей андроновского типа. Данный череп никоим образом нельзя связать с населением бишкентской культуры Таджикистана, так как для их представителей характерен иной морфологический комплекс.

Женские черепа (табл. 2).

Погребение 32. Одиночное. Скелет принадлежит женщине возмужалого возраста, хорошей сохранности. Черепная коробка овоидной формы, долихокранного типа с большими продольным, малым поперечным и очень большим высотным диаметрами. Лобная кость средней ширины, лоб прямой со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть ортогнатная, сравнительно узкая, средневысокая, по указателю мезопронная, с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты очень широкие, но низкие, по указателю хамеконхные. Нос широкий, высокий, сильно выступающий. Расовый тип европеоидный, восточносредиземноморский.

Погребение 33 (2). Парное. Костяк принадлежит женщине зрелого возраста. Черепная коробка овоидной формы, мезокранного типа с очень большим продольным и поперечным диаметрами. Высота свода черепа также большая. Лобная кость очень широкая, прямая со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть сохранилась плохо, поэтому нет возможности определить многие размеры лица, которые являются важными расодиагностическими признаками, расовый тип европеоидный. От всех остальных черепов этот череп, как и мужской из этого же погребения, отличается повышенным черепным указателем, большими абсолютными размерами черепной коробки. Можно предположить, что данный череп, как и мужской из погребения 33 (1), характеризуется чертами, близкими к андроновскому типу.

Погребение 84 (2). Парное. Возраст погребенного зрелый. Черепная коробка долихокранного типа, овоидной формы, очень узкая и длинная, средневысокая, с прямым среднешироким лбом, слабо выраженными надпереносным и надбровными дугами. Лицо очень узкое, высокое, по указателю лептопрозонное с сильной горизонтальной профилировкой. Нос узкий, средневысокий, мезоконхный, очень сильно выступающий по отношению к профилю лица. Орбиты узкие и низкие, хамеконхные. Расовый тип европеоидный, среднеземноморский.

Погребение 86. Одиночное. Костяк принадлежит мужчине зрелого возраста. Череп долихокранный, овоидной формы при очень большом продольном, очень малом поперечном и среднем высотном диаметрах. Лоб узкий, прямой, со слабо выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть средней ширины, высокая, по указателю лептопрозонная

Таб.2. Индивидуальные измерения и указатели черепов из могильника Бустан VII в. Женщины

№ по Мартину	№ черепов				n	min-max	X	S	m(x)	V
	32	32(2)	84(2)	86						
	воз.	возраст		зре.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	183	185	188	182	4	182-188	184.5	2.64	0.66	1.43
8	133	142	135	128	4	128-142	134.5	5.80	1.45	4.33
8:1	72.6	76.7	71.8	70.3	4	70.3-76.7	72.5	2.74	0.68	3.75
17	136	133	129	130	4	129-136	132.0	3.16	0.79	2.39
17:1	74.3	71.8	68.6	71.4	4	68.6-74.3	71.52	2.33	0.58	3.28
17:8	102.2	93.6	95.5	101.5	4	93.6-102.2	98.20	4.29	1.07	4.38
20	127	126	122	124	4	122-127	124.7	2.22	0.55	1.79
9	92	100	94	90	4	90-100	94.00	4.32	1.08	4.59
9:8	69.1	70.4	69.6	70.3	4	69.1-70.4	69.85	0.64	0.16	0.91
10	112	114	118	110	4	110-118	113.5	3.41	0.85	3.12
9:10	82.1	87.7	79.6	81.8	4	79.6-87.7	82.80	3.45	0.86	4.16
11	-	118	112	118	3	112-118	116.0	3.46	1.15	2.98
12	-	108	105	102	3	102-108	105.0	3.00	1.00	2.86
5	99	100	100	102	4	99-102	100.2	1.26	0.31	1.26
40	97	98	99	94	4	94-99	97.00	2.16	0.46	2.23
40:5	97.9	98.0	99.0	92.1	4	92.1-99.0	95.00	2.32	0.34	2.73
43	103	-	101	100	3	100-103	101.3	1.53	0.51	1.51
45	123	-	119	124	3	119-124	122.0	2.65	0.88	2.17
45:8	92.4	-	88.1	96.8	3	88.1-96.8	92.43	4.35	1.45	4.73
46	93	-	95	88	3	88-95	92.00	3.60	1.20	3.91
48	65	-	69	69	3	65-69	67.66	2.30	0.77	3.38
48:17	47.7	-	53.4	51.4	3	47.7-53.4	50.96	2.94	0.98	5.57
48:45	52.8	-	57.9	56.4	3	52.8-57.9	55.70	2.62	0.87	4.68
55	48	-	48	50	3	48-50	48.67	1.15	0.38	2.35
54	26	-	23	21	3	21-26	23.33	2.52	0.84	10.95
54:55	54.1	-	47.9	42.0	3	42.0-54.1	48.00	6.05	2.02	12.60
51	42	-	44	40	3	40-44	42.00	2.00	0.67	4.76
51a	39	-	36	37	3	36-39	37.33	1.53	0.51	4.13
52	31	-	32	31	3	31-32	31.33	0.58	0.19	1.87
52:51	73.8	-	72.7	77.5	3	72.7-77.5	74.67	2.51	0.84	3.35
52:51a	79.4	-	88.8	83.7	3	79.4-88.8	83.97	4.70	1.57	5.59
MC	6	-	5	3	3	3-6	4.67	1.35	0.65	32.65
MS	13	-	14	10	3	10-14	12.33	2.08	0.69	17.33
MS:MC	46.1	-	35.7	30.0	3	30.0-46.1	37.27	8.16	2.72	22.05
	97	-	92	97	3	92-97	95.33	2.89	0.96	3.04
	21	-	18	19	3	18-21	19.33	1.53	0.51	8.05
77	133	-	137	137	3	133-137	135.6	2.31	0.77	1.70
	91	-	91	90	3	90-91	90.67	0.58	0.19	0.64
	23	-	23	20	3	20-23	22.00	1.73	0.58	7.86
Zm	126	-	126	132	3	126-132	129.0	2.07	0.67	1.43
SS	6	-	5	4	3	4-6	5.00	1.00	0.33	20.00
SC	12	-	13	9	3	9-13	11.33	2.08	0.69	18.41
SS:SC	50.0	-	38.4	44.0	3	38.4-50.0	44.27	5.80	1.93	13.18
DS	13	-	13	12	3	12-13	12.67	0.58	0.19	4.46
DC	23	-	22	24	3	22-24	23.00	1.00	0.33	4.34
DS:DC	56.5	-	59	50.0	3	50.0-59.0	55.17	4.64	1.55	8.43
	3.0	-	6.1	3.5	3	3.0-6.1	4.20	1.66	0.55	39.52
32	89	-	90	85	3	85-90	88.00	2.65	0.88	3.01
	87	-	88	79	3	79-88	84.67	4.93	0.23	5.80
72	85	-	82	92	3	82-92	86.33	5.13	0.17	5.96
73	80	-	82	90	3	80-90	84.00	5.29	1.76	6.30
74	87	-	78	93	3	78-93	86.00	7.55	0.13	8.78
75	60	-	54	-	2	54-60	57.00	-	-	-
75(1)	25	-	28	-	2	25-28	26.50	-	-	-

с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты узкие, невысокие, мезоконхные. Нос узкий, средневысокий, лепторинный, с большими размерами дакриальной и симотической высоты. Угол выступания носа по отношению к профилю лица, к сожалению, не удалось измерить. Расовый тип погребенного европеоидный, средиземноморский.

Таким образом, женские черепа из могильника Бустан 7 европеоидные, средиземноморского типа, исключение составляет, видимо, череп из погребения 33(2), который из-за плохой сохранности лицевого скелета, с сомнением отнесен нами к андроновскому варианту европеоидной расы, который характерен для степного скотоводческого населения Казахстана и тазабагьябской культуры Южного При-

аралья. Необходимо отметить, что захороненные в одной яме индивиды относятся к одному антропологическому типу. Так мужчина и женщина из погребения 33 характеризуются андроновским типом, а мужчина и женщина, погребенные в могиле 84 одним вариантом средиземноморской расы.

Жители, оставившие могильник Бустан 7, в основном характеризуются II вариантом восточной средиземноморской расы. Наиболее близкие аналогии имеются как в самом комплексе Джаркутан, так и в Сапаллитепа. Парное захоронение (погребение 33 (1 и 2) отличаются от основной массы жителей своими андроновскими чертами, связывающими их с андроновскими племенами Казахстана, возможно, и Нижнего Поволжья.

1. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Фан, Т., 1977, с.57-59

2. Ходжайов Т.К., Халилов Х, Палеоантропологические материалы из магильника Джаркутан // ИМКУ № 13, Фан, Т., 1975, с.41-48.

3. Ходжайов Т.К., Халилов Х. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутана и Бустана

(раскопки 1975 г.) // ИМКУ № 14, Фан, Т. 1978 С.43-50.

4. Алексеев В.П., Ходжайов Т.К. Халилов Х, Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Фан, Т., 1984.

5. Аванесова Н.А. Отчет исторического факультета СамГУ за 1987-1989 гг. Архив ИА АН РУз, Ф-501, Д-109,101.

Т.И. ЛЕБЕДЕВА, Т.Ш. ШИРИНОВ

АНТИСЕЙСМИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Тектонические процессы, протекающие в толще Земли являются, в основном, первопричиной землетрясений, очень часто происходящих в различных точках земного шара. Процесс высвобождения накапливаемой длительное время в толще земной коры мощной энергии создает очаги землетрясений, которые становятся источником неисчислимых бед не только в плейстоценовой области, но и далеко за ее пределами. Из гипоцентра очага землетрясения распространяются продольные и поперечные упругие сейсмические волны, а по поверхности земли от эпицентра - сейсмические волны Лява и Рэлея. В совокупности эти волны становятся причиной многочисленных разрушений строительных конструкций, создаваемых руками человека. Вблизи очагов сильных землетрясений сейсмические волны обладают разрушительной силой, уничтожая все на своем пути в десятки доли секунды. На значительных расстояниях от эпицентров они становятся упругими, но как показал опыт человека, очень часто также разрушительными.

Стремление объяснить причины землетрясений и обезопасить постройки от их губительного разрушения привели к созданию науки сейсмологии. Но как самостоятельная наука, сейсмология возникла и стала развиваться лишь благодаря таким наукам как геология и физика. Возникла очень поздно, во второй пол. XIX в., а инструментальные наблюдения и физико-математические расчеты еще позже - с кон. XIX в. В республиках Средней Азии первые сейсмологические учреждения стали создаваться в 30-х гг. XX в., когда республики входили в состав СССР. В самой России Сейсмологическая комиссия Русского географического общества была создана в 1888 г., а начало инструментальной сейсмологии относится к 1900 г., когда был основан Постоянный центр сейсмической комиссии Петербургской АН. Развитие сейсмологии в СССР обуславливалось наличием значительной площади сейсмоопасных районов, которая составляла почти треть территории всей площади страны - 28,6 %. Республики Средней Азии, наряду с Прибайкальем, Камчаткой, Курильскими островами входят в районы наиболее сейсмо-

опасные, где возможными являются девятибалльные землетрясения, исходя из двенадцатибалльной шкалы, принятой в СССР. В общей сложности, на территории бывшего СССР действуют более 30 сейсмологических учреждений, координируемых, в свое время, Межведомственным Советом по сейсмологии и сейсмостойкому строительству при Президиуме АН СССР (1, с.178).

По принятой шкале опасными для сооружений и зданий считаются землетрясения интенсивностью более семи баллов. Большое влияние на величину сейсмобиалла оказывают несколько факторов - это уровень грунтовых вод, литологический состав и условия залегания грунтов, а также характер рельефа. Наиболее благоприятными в сейсмическом отношении являются прочные скальные грунты. Среднеазиатские республики имеют средние грунтовые условия, при преобладающих глинистых и песчаных почвах с уровнем грунтовых вод глубже 8 м от поверхности Земли.

В сейсмически опасных регионах при строительстве зданий и сооружений исследование грунтов обязательно для выбора, уточнения сейсмичности площадки. При неблагоприятных для устройства оснований сооружений грунтах (просадочных породах, осыпях, пльвунах, горных выработках), прибегают к усилению оснований и к дополнительным мероприятиям по сейсмозащите зданий и сооружений, хотя это значительно удорожает возводимые объекты.

Кроме благоприятной в сейсмическом отношении площадки строительства здание должно иметь рациональную конструкцию и планировочную схему. Необходима более высокая прочность и монолитность несущих конструкций, создающих при воздействии сейсмических волн в элементах и узлах конструкций пластические деформации, увеличивающие сопротивляемость разрушению.

Одним из основных условий повышения сейсмостойкости сооружений является высокое качество строительных материалов и работ. Расчет сейсмостойких сооружений производится по несущей способности и являет собой величину сейсмических нагрузок.

Несмотря на более чем столетний период развития сейсмологии, методы оценки сейсмических сил, действующих на здания и сооружения, еще не совершенны и являются приближенными. Как статистический, так и более совершенный - динамический методы определения сейсмических сил, учитывая отсутствие надежной информации о максимальных величинах и законах изменения во времени основных характеристик движения основания построек при землетрясениях, вынуждены предполагать ряд допущений. В результате, расчетные оценки сейсмостойкости сооружений являются приближенными, что влечет за собой введение обязательных конструктивных требований и ограничений. Наиболее важными являются ограничения размеров зданий в плане и высоте. Для кирпичных построек в районах с девятибалльной сейсмичностью высота их не должна превышать два этажа, здание должно иметь определенные расстояния между стенами, размеры сечений простенков и наличие специальных поэтажных поясов. Антисейсмика зданий и сооружений предусматривает определенные требования к фундаментам построек. Устойчивость основания необходима из-за воздействия на фундамент значительных горизонтальных нагрузок. Наиболее эффективны сборные ленточные фундаменты под стены зданий. Их же можно укладывать с разрывом, образуя прерывистый фундамент. Для колонн также делают сборные фундаменты из блоков стаканного типа или из блоков-подушек. Фундаменты возводятся в котлованах или траншеях. Дно котлована обычно вытрамбовывается машинами, чем достигается дополнительное уплотнение грунта основания. Большое внимание, уделяемое фундаментам, обусловлено их значительным влиянием на прочность и устойчивость всей конструкции.

Наука сейсмология очень много дала человечеству в области сейсмостойкого строительства. В Среднеазиатском регионе с его повышенной сейсмичностью стало возможным возведение многоэтажных жилых и производственных зданий и сооружений. Но, как указывалось ранее, эта наука поздняя и возникла она, безусловно, не на пустом месте. Данные инструментальных замеров, расчеты антисейсмичности конструкций сооружений различного назначения, основанные на достижениях физики и математики, применялись и применяются в совокупности с изучением и использованием многовекового опыта сейсмостойкого строительства народных мастеров, нашедших наиболее простые и эффективные конструктивные и технологические ре-

шения борьбы с влиянием землетрясений на древние постройки. Современными архитекторами успешно используются наиболее оправдавшие себя методы и конструкции среднеазиатских зодчих, применявшихся строителями при возведении монументальных сооружений в древности и средневековье. То, что древним мастерам пришлось находить и использовать различные приемы антисейсмики, наглядно просматривается в дошедших до нашего времени древних и средневековых постройках, как полностью сохранившихся, (средневековых и позднесредневековых), так и в тех, которые были вскрыты археологами и донесли до нас сведения, в основном, об антисейсмики оснований, стен, колонн, и, частично, перекрытий, как плоских, так сводчатых и купольных.

Землетрясения различной силы на территории Средней Азии наблюдались и наблюдаются практически ежегодно. В основном, это слабые, средние и крупные землетрясения, но история отмечает немало количество страшных сейсмических катастроф, имевших место в древности и средневековье, когда города разрушались до основания, а целые селения проваливались с жителями под землю; здания рассыпались, огромные деревья с корнями выворачивались из земли и падали, множество народа погибало под развалинами, не успевая покинуть дома. Длительность отдельных землетрясений различна - от нескольких минут до полугода. Сведения о части землетрясений мы имеем в трудах среднеазиатских, арабских и персидских историков и географов, главным образом с IX - по XX вв. н.э. (2, с.41-42; Землетрясения в Бадахшане в 856-857 гг., в Мавераннахре в 1175-76 гг., в Хорезме в 1208-09 гг., в Ахсикете в 1621 и др.) Античность и раннее средневековье менее богаты такими данными и поэтому для этих периодов имеют большое значение археологические исследования, проводимые на древних объектах республик Средней Азии. Исследуя остатки жилых и общественных построек этого времени, археологи находят не только подтверждение случившихся крупных землетрясений, но и те данные методики и конструкций, которыми древние мастера пытались противостоять стихии землетрясений. Конечно же, о том, что сейсмические волны бывают продольными и поперечными, отраженными и преломленными, объемными и поверхностными, в древности и средневековье не знали. Но многовековые визуальные наблюдения позволили древним мастерам уяснить, что во время землетрясений здания и сооружения испытывают толчки двух видов.

При первом виде толчков предметы быта и здания как бы от вертикального или слегка наклонного ударов подбрасываются многократно вверх и опускаются вниз. При втором виде толчков на них действует горизонтальный удар сейсмической волны, который стремится как бы выбить фундамент из-под здания (2, с.30). В зависимости от силы толчка в зданиях и сооружениях возникают деформации или разрушения. При слабых землетрясениях возникает вибрация зданий, которая расстраивает кладку и нарушает облицовку. При более сильных происходит раскачивание зданий и вращение их отдельных частей. При раскачивании зданий ослабляются и могут разрушиться кладки стен и сводов. При вертикальных или косых подземных толчках большой силы возможен сброс верхних частей сооружения. От главного массива здания могут оторваться отдельные его части, которые получают вращательное движение, несинхронное основной массе здания (3, с.140).

Защита зданий и сооружений от этих видов разрушений и деформаций стала основной задачей зодчих Средней Азии. По археологическим исследованиям древних построек можно твердо сказать, что с таким характером воздействий землетрясений на архитектурные сооружения мастера - строители были знакомы уже с античного времени, когда еще не использовался в массовом строительстве жженный кирпич.

Самым распространенным строительным материалом в Средней Азии был лесс. Большие запасы его и высокие пластические и эластичные свойства, являвшиеся действенным антисейсмическим фактором, предопределили его преобладающее использование в строительстве всех видов зданий в этом регионе с древних времен до развитого средневековья. Дерево, являющееся остродефицитным строительным материалом в Средней Азии во все времена, использовалось лишь в тех конструкциях здания, где без него невозможно было обойтись - в колоннах, балках перекрытий, при изготовлении дверей. Практически почти не использовался в античности и раннем средневековье камень (не считая баз колонн и отдельных построек в горной местности) (4, с.203). В античных и ранне-средневековых постройках необходимо отметить высокое качество подготовки строительного материала - лесса к производству из него сырцового кирпича и особенно пахсы. Среднеазиатский лесс, очень часто насыщенный различными минеральными солями (особенно в Хорезме) проходил длительный процесс "отмучивания" в специальных строительных ямах,

после чего глина, освобожденная от солей становилась высокопластичной и эластичной. Из такой глины изготавливались высококачественный сырцовый кирпич и пахса (битая глина). При производстве пахсы из незасоленного лесса раствор глины также проходил "выдержку" в ямах течение 3-6 дней. В античности получил наибольшее применение сырцовый кирпич, пахса же, как более прочный и монолитный материал, стала преобладать в строительстве в раннем средневековье. Техника производства пахсы достигла кульминации в VI-VII вв. н.э., когда "раскрытая поверхность пахсовых стен древних сооружений, отличалась гладкостью шлифованного камня" (5, с.10). Вяжущим раствором в кладках стен и платформ зданий служил также раствор выдержанной, "отмученной" глины. Ввиду своей высокой эластичности он считался надежным связующим материалом, а устойчивыми постройки не только из сырцового кирпича и пахсы в античный и ранне-средневековый периоды, но и позже, когда в монументальном строительстве стал преобладать жженный кирпич (наряду с другими вяжущими эластичными растворами - ганчем и кыром). Вяжущие эластичные растворы кирпичных кладок смягчают силу вертикальных или косых подземных толчков, снижая вероятность сброса верхних частей сооружений (3, с.140).

При строительстве монументальных зданий в Средней Азии постепенно, практическим путем, вырабатывались искусные геометрические приемы. Основные положения геометрической статики, получившие научное обоснование уже в IX-X вв. (6, с. 39-40), весьма наглядно просматриваются в архитектуре античного и ранне-средневекового периодов.

Независимо от назначения, будь то оборонительная стена, храм, дворец, дахма или жилой дом, сооружениям придавалась форма, расширяющаяся к основанию, как в целом так и в отдельных их элементах. Оборонительные стены и башни были заметно уже в верхней своей части и значительно шире у основания, стилобаты обязательно имели наклон боковых граней, причем очень заметный, в результате чего верхняя площадка платформ была значительно меньше нижней. Слегка сужались, делались тоньше в верхней своей части и стены зданий. В целом, постройка приобретала вид усеченной пирамиды или усеченного конуса, что облегчало вес сооружения по мере движения снизу вверх, способствовало снижению его центра тяжести и являлось основным критерием в обеспечении устойчивости сооружения в условиях постоян-

ных сейсмических явлений. Чем ниже центр тяжести всего сооружения и его частей и больше площадь его основания, тем меньше раскачивается постройка при землетрясениях и тем выше гарантия ее сохранности. Уже в это время неуказательно соблюдалось правило одно- и двухэтажной застройки Среднеазиатского региона, входящего в одну из зон девятибалльной сейсмической активности. Развивались центрические и симметричные композиции архитектурных объемов, которые способствовали созданию уравновешенности частей зданий. Уравновешенность архитектурных масс при рациональной пространственной структуре сооружения проявлялась в дополнительной устойчивости и прочности возводимых объектов.

Наиболее древняя планировочная структура с антисейсмическими чертами вскрыта в древнем Хорезме. Так называемые городища с жилыми стенами располагаются на останцевых возвышенностях, имеют форму довольно правильного четырехугольника с симметрично расположенными в четырех оборонительных стенах жилищах воротами (7, с.77-84). Городища Кюзелигыр (рис. 1, 1) и Калалыгыр датируются ахеменидским периодом (VI-IV вв. до н.э.) (7, с.79) и представляют собой параллельные узкие коридорообразные помещения, расположенные в 2-3 ряда внутри оборонительных стен городища, являя собой замкнутую симметричную фигуру с большим внутренним двором (1000x700 м, и 1000x400 м). Оборонительные стены с параллельными жилыми галереями, имевшими коробовые своды, в основании сложены из пахсы, выше из сырцового кирпича 40x40x10 см, шире у основания и заужаются кверху. Плоская кровля из кирпичей поверх сводов образовывала пол стрелковой галереи. В данной планировке укрепленного общинного поселения уже соблюдается принцип одно - двухэтажности постройки. Зауженность стен по мере движения их вверх, наличие узких коридорообразных помещений первого этажа и отсутствие помещений на втором, перемещали центр тяжести постройки в нижнюю ее половину. Дополнительную устойчивость и прочность всей громадной постройке давала симметричность расположения стен-жилищ.

Античный и раннесредневековый периоды характеризуются для Среднеазиатского региона появлением центрических архитектурных композиций. Совершенствуется симметрическая система планировки, в основе которой преобладает квадрат и подквадрат. Для Кангуйского времени примером симметрической системы

планировки может служить Джанбаскала (Хорезм, IV в. до н.э. - I в. н.э.). Крепость образует подквадрат (200x170 м), двойная оборонительная стена внизу намного мощнее, чем сверху (7, с.88). Внутренняя планировка городища представляет собой два обширных жилых квартала, расположенных симметрично относительно единственной широкой улицы. Эти громадные жилые массивы уравнивали нагрузку сейсмических волн при землетрясениях внутри городища на две его половины, заключенные по периметру в подквадрат оборонительных стен (рис. 1, 3). Для Топраккала (I-IV вв. н.э.) - характерна та же отчетливая, несколько усложненная планировка, когда город пересекает центральная магистраль, к которой примыкают с обеих сторон прямоугольные кварталы, ограниченные длинными крепостными стенами с множеством прямоугольных, симметрично расположенных башен (7, с.120; 8, с.355-356; 4, с.76) (рис. 1, 4).

Преобладающее количество среднеазиатских памятников античности и раннего средневековья имели центрическую конструктивно-пространственную систему, обеспечивающую равновесие частей и целого архитектурного организма. Сущность этой системы заключается в наличии большого центрального ядра круглой или квадратной формы, оконтуренного повторяющимися постройками аналогичной формы. Более выразительны и рациональны постройки, представляющие в плане круги и концентрические окружности. Примером могут служить такие памятники, как Койкрылганкала (7, с.100; 9; 10, с.117-136), Чирикрабат (10, с.145-146), Малый Кырккыз (7, с.100) в Хорезме; раннеантичный Султандешт (11, с.19) в Апаварктикене; Шаштепа в Чаче (12, с.38-62, табл. 1Б; 13, с.37). Эти постройки представляют собой цилиндрико-конические здания с крестообразной [Койкрылганкала, (рис. 1, 6), Шаштепа (рис. 1, 7)] или квадратной (Чирикрабат) центрической планировкой помещений, с круговой оборонительной системой, или без нее, с плоским или купольным [Баланды-2,3, IV-II вв. до н.э., (рис. 1, 8)] (10, с.174-179) перекрытиями. Все авторы единодушно утверждают культовую их принадлежность и объясняют выбор подобной планировки отражением солярной символики в культово-общественных, культово-мемориальных и погребальных комплексах. Некоторые трактуются как поселения [Султандешт (рис. 1, 5), Талашкан-I (14, с.82-102)]. Но не стоит забывать, что при выборе планировки сооружения в виде окружности или квадрата, независимо от функ-

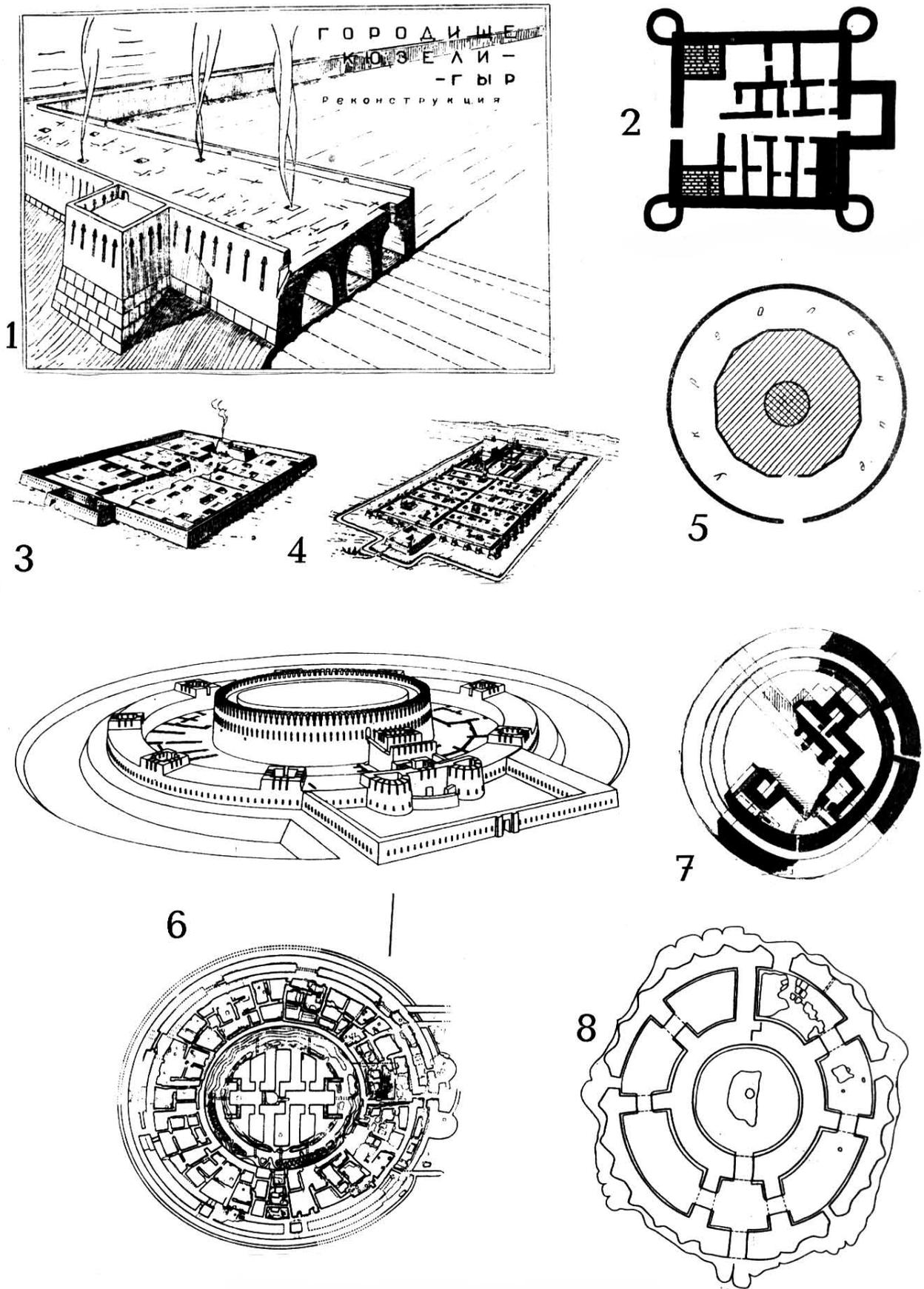

Рис. 1. Антисейсмическая планировка монументальных сооружений

ционального назначения здания, первостепенной задачей архитектора было обеспечение устойчивости сооружения как в обычных, так и экстремальных условиях. Круглые в плане здания обладают наиболее рациональными по равномерности распределения нагрузки качествами и наибольшей уравновешенностью отдельных частей ввиду их высокой симметричности, а значит и наибольшей сейсмостойкостью. Наибольшее распространение монументальных сооружений подобного плана падает на античный и позднеантичный периоды, но преобладающего характера не приобретает. Прямоугольная и квадратная планировка стали в течение многих веков основными ее типами во всех видах зданий независимо от функционального назначения. Круглая и овальная планировка остались в практике строительства в виде отдельных элементов здания, таких как оборонительные башни, минареты и в небольших постройках погребального (наусы) и хозяйственного характера (сардобахона). Квадратные или приближенные к квадрату монументальные сырцово-пахсовые здания обычно имели 1-2 этажа и часто в своей основе стилобат. В связи с тем, что археологические объекты очень редко доходят до нашего времени в первозданном состоянии, наиболее сохранные бывают основания (стилобаты) и первый этаж зданий. Иногда имеется возможность исследования и планировки второго этажа, но значительно реже. Основу планировки монументальных сооружений составляли встроенные друг в друга два или несколько квадратов (15, с.190). Внешним квадратом выстраивались одинарная или двойная оборонительная стены с угловыми и стенными, симметрично расположенными башнями, способствовавшими уравновешенности ее отдельных частей. Внутри двора располагалось (обычно на стилобате) квадратное здание, внутренняя планировка которого также конструктивно отвечала требованиям антисеймики. Обычно, это квадрат центрального помещения или внутреннего двора, окаймленный серией последовательно-соединенных коридорообразных помещений или обводным коридором. В этом случае коридоры играют разгрузочную роль при восприятии распора и уравновешивающую в распределении веса и массы конструкций в отдельных частях сооружения. Подобную планировку помещений мы находим в Старой Нисе. Квадратный дом (рис. 2, 1) (III в. до н.э. - I в. н.э.) размером 59,7x59,7 м с квадратным двором и серией прямоугольных, соединенных меж собой помещений по периметру здания, имел очень четкие

пропорции, подчиненные определенной модульной сетке и представлял собой комплекс хранилищ, связанных с ритуальным обслуживанием усыпальниц парфянских царей старшей ветви Аршакидской династии (11, с.69-78). Обводной коридор имел и первый этаж замка Чильхуджра (рис. 2, 7). На четыре равновеликие части делится в плане квадратное погребальное здание Бабишмулла-2 (рис.2, 4), сооруженное в своей основе на цоколе из шести рядов пахсовых блоков (IV-II вв. до н.э.). Здание состоит из угловых погребальных залов и крестообразного коридора в центре. По внешнему периметру сооружение оконтуривал узкий коридор (10, с.165). Наиболее наглядную картину симметричности и уравновешенности отдельных частей зданий, таких важных в обеспечении антисеймики построек, дают позднеантичные и ранне-средневековые памятники. Крепость Ангкакала (рис. 2, 2) образует правильный квадрат 75x75 м. с двойной оборонительной стеной, квадратными угловыми и пристенными башнями и квадратным в плане зданием в центре двора (7, с.114-115). Яккепарсан (7, с.125; 16, с.191), Малая Кызкала (VII-VIII вв.) (11, с.138; 16, с.191), Большая Нагимкала (VI-VII вв.) (16, с.133) - феодальные замки, квадратные в плане, на платформе-стилобате с центрической системой планировки помещений. Оба сохранившиеся этажа Малой Кызкалы (рис. 2, 5) наглядно демонстрируют не только центричную архитектурную композицию, но и метод снижения центра тяжести здания кешка за счет уменьшения массы и веса сырцовых стен помещений второго этажа. Стены помещений второго этажа, в плане дублирующие планировку первого, значительно тоньше, а значит и дают меньшую нагрузку и распор на стены первого этажа. Центрическую планировку имеют многие сельские поселения афригидского Хорезма (17, с.21,23,36); Тохаристана [замок Балалыктепа] (18, с.115-116; 4, с.155); Чача (храмовый комплекс домусульманского Ташкента - Актепа Чиланзарское (рис. 2, 8) (12, табл.VB; 13, с. 47); Согда [замок Аултапа (рис. 2, 3) в Кашкадарье (19, с.40; 4, с.137), Арабхонатепа в Самарканде (20, с.11) и др]; Уструшаны [замок Чильхуджра (рис. 2, 7)] (21,рис.7). В раннесредневековых замках VII - нач. VIII вв. вводится в обиход коридорно-гребенчатая планировка первого этажа [замки Тирмизактепа (рис. 2, 9), Саратепа, Заргартепа (рис. 3, 1, VI) и др.] (22,с.108; 23, с.74; 24, с.94). Замков с такой планировкой первого этажа вскрыто в Средней Азии значительное количество и на данный момент принцип гребенчато-

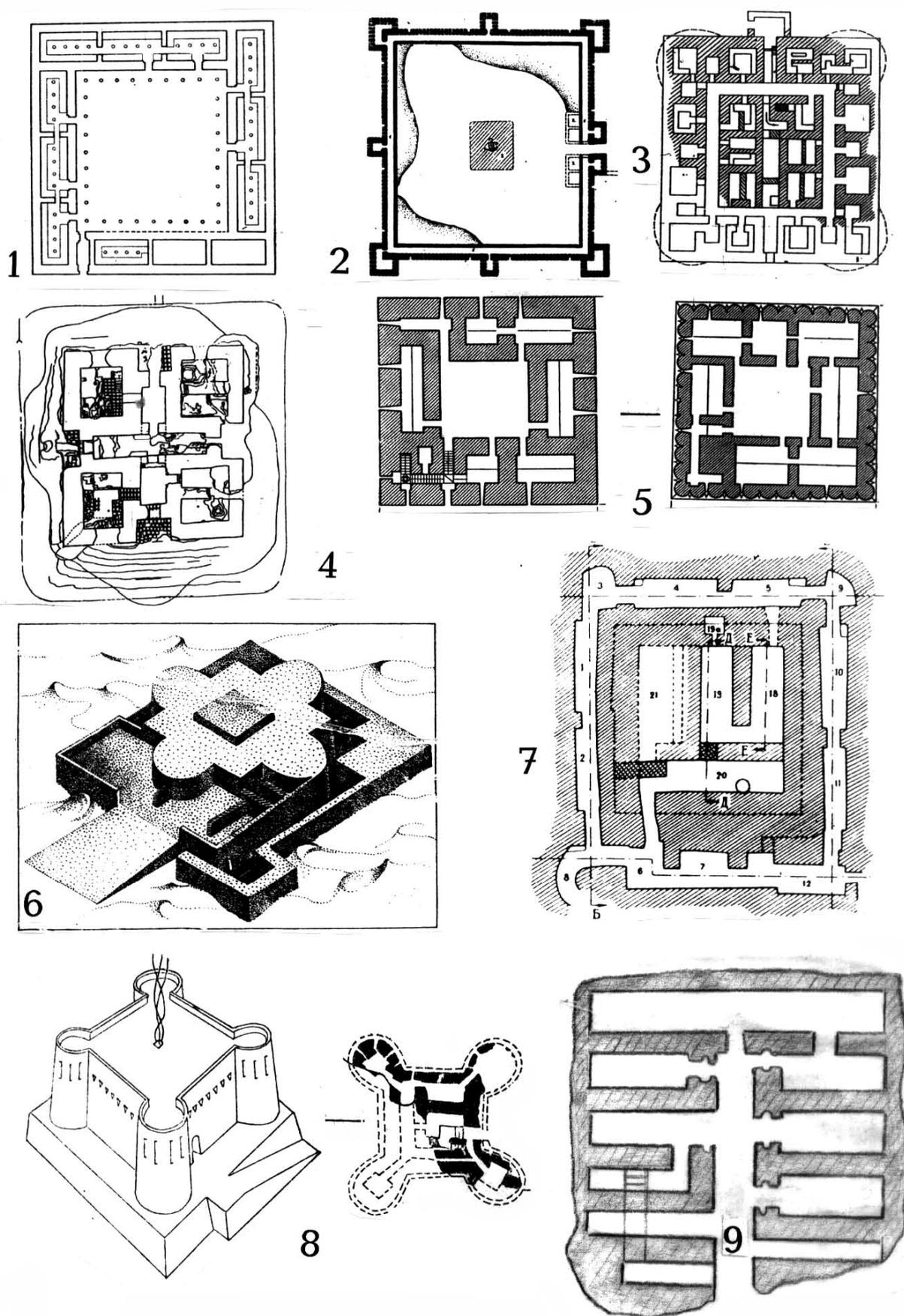

Рис. 2. Антисейсмическая планировка монументальных сооружений

коридорной планировки считается типичным для этого времени. В своей основе уструшанские замки Мунчактепа (25) и Чильхуждра (21) также имели коридорно-гребенчатую планировку. Хорошо выраженную коридорно-гребенчатую планировку имеет замок на горе Муг (26), юго-западное здание караульно-казарменного типа на Калаи Каххаха I (27, с.23), Калаи Боло в Исфаре (28) и др. Суть ее заключается в наличии центрального осевого коридора и отходящих от него в обе стороны параллельных друг другу узких коридорообразных помещений, расположенных симметрично друг другу относительно осевого коридора. При этом, общий план замка имел, в основном, квадратную форму. Наличие большого количества узких помещений с массивными стенами в одноэтажном варианте замка увеличивало прочность постройки. В двухэтажном варианте устройство крупных парадных и культовых помещений на втором этаже намного уменьшало вес и давление второго этажа на первый, что способствовало понижению центра тяжести замка и увеличению его прочности и сейсмостойкости. Подобную планировку имели и сельские поселения Хорезма VII-VIII вв. (рис. 1, 2) (17, с.81).

Особую статью составляют здания - платформы. Таковыми являются дахмы и храмы - платформы огня, порожденные зороастризмом. Примером таких зданий - платформ можно привести дахму Еркургана (29, с.87-88; 30, с.41-45) и общественно-культовое сооружение Сеталак I (второй строительный период) (31, с.66-109). Дахма (III-II вв. до н.э.) представляла собой прямоугольную платформу с прямоугольной монолитной башней, оконтуренной гофрами, на верхней площадке которой выставлялись трупы. Сеталак I (рис. 2,6) - храм огня в виде монолитной четырехлепестковой розетки в плане на платформе. В центре четырехлепестковой платформы - розетки возвышался квадратный подиум, на котором возжигался огонь (II строительный период). В III строительном периоде Сеталак I являл собой громадную квадратную платформу с квадратным возвышением в центре. Здания были построены по принципу стилобатов-платформ (о них будет говориться ниже) с центрической композицией архитектурного объема.

Высокой сейсмостойкости здания достигали не только за счет соответствующей архитектурно-пространственной композиции, но и за счет специальных конструктивных приемов в отдельных частях и деталях построек.

Как уже говорилось ранее, степень сейсмического воздействия на здания зависит, в значительной мере, от грунтовых условий. Сейсмостойкость сооружения, в первую очередь, обеспечивается выбором благоприятной в сейсмическом отношении площадки строительства. Для того, чтобы здание выстояло при сильных сейсмических колебаниях, его сейсмичность должна быть равной или выше сейсмичности строительной площадки. Как правило, наиболее благоприятными являются прочные скальные площадки под здание. В среднеазиатском регионе их не так много, преобладающими являются глинистые и песчаные грунты, относящиеся к средним в сейсмическом отношении грунтовым условиям. Поэтому здесь еще в древности прибегали к усилению оснований зданий и проводили дополнительные мероприятия по сейсмозащите сооружений, о чем будет сказано несколько позже. Скальную площадку использовали для возведения крепости кушанского времени Аязкала I (II-IV вв. н.э.) (7, с.102) и замка на горе Муг (5, с.5), крепости Тирмизактепа в Уструшане (22, с.105,113,115). Использование естественных скальных площадок, иногда расширенных при помощи подпорных стен из камня, производилось обычно в горах или на возвышенностях, холмах, образованных выходом коренных пород.

Близки по прочности к скальным площадки, образованные выходами на поверхность древних сцементированных прослоек песка и гальки. Подобные отложения третичного периода, выходящие на поверхность, использованы в качестве строительной площадки замка Нагоратепа (Актепа) на юго-восточной окраине Чупанаты близ г. Самарканда (32, с.360-361;33). Щебнистая материковая поверхность возвышенности служила площадкой городища Джанбаскала (7, с.93), материковый гравий с гравийной утрамбованной подсыпкой - замку Чильхуждра в Уструшане (21, с.111, 113).

В Хорезме, где на значительном пространстве преобладают песчаные почвы, строительные площадки часто делали на песчаных барханах, при этом они создавались путем уплотнения смоченной водой смеси песка с сырцовым строительным мусором. В результате получалась мощная корка-панцирь, на которой ставились стены из сырца или возводилась платформа (5, с.4). Строительные площадки такого типа мы находим в Кюзелигыр (V-IV вв. до н.э.), Кюнерликала (рубеж н.э.), Аязкала №3 (II в. н.э.) (7, с.105).

Но в преобладающем количестве среднеазиатские постройки античного и раннесредневекового периодов строились на естественных лесовых возвышенностях, поверхность которых нивелировалась (и, возможно, смачивалась водой) и трамбовалась. Это практиковалось и в Хорезме (Койкрылганкала и др.) (9,с.274), и в Чаче (Актепа Юнусабадское и др.) (12,с.104), Самаркандском Согде (Тали Барзу (34,35), Арабхонатепа, Чаштепа, Назиракампыр, Кундузсуфи, Кызлартепа и др. (36)), Южном Согде (Аултепа и др. (19, с.38)) и других регионах Средней Азии (37,с.91).

Следует отметить, что архитектура античного и раннесредневекового времени не знала фундаментов в современном их понятии, т.е. заглубленных в землю частей сооружений, служащих для передачи и распределения нагрузок от зданий на естественное или искусственное основание (38,с.274), за редким исключением. Ленточный фундамент антисейсмического назначения встречен в дворцовом комплексе на Афрасиабе. Он представлял собой кладку под стеной в три слоя сырцового кирпича на тощем лессово-песчаном растворе без самана, сложенную в котловане глубиной 30-35 см. (рис. 3, 4) (39,с.20). Строительство зданий без заглубленных фундаментов связано было, в основном, с материалом, применявшимся для возведения монументального сооружения - сырца и пахсы из того же лессового суглинка, что и строительная площадка. Но для памятников этого времени характерно значительное количество искусственных оснований - платформ, на которых затем строилось самое здание.

Появление и широкое распространение стилобатов связано как с функциональным назначением монументальных сооружений (дахмы, храмы огня), так и с развитием фортификационного дела. Платформы призваны были защищать цитадели и замки от стенобитных машин и быть неприступными при военных штурмах. В связи с этим, платформы зданий должны были иметь ярко выраженный противоударный и антисейсмический характер. Методика строительства стилобатов памятников Хорезма, Тохаристана, Согда имела общие закономерности - использование пластичного материала, послойность, назначением которых являлось предотвращение разрушения крупных построек на высоких основаниях от разрушения стенобитными машинами и от сейсмических толчков (15,с.194,195). Конструкции стилобатов замков Средней Азии делятся на два типа:

1. Стилобаты из блочной или послойной пахсы (рис. 3, 2), а также сырцового кирпича. Такие платформы вскрывались в Хорезме, Ташкентском оазисе, Северном Тохаристане, Согде. В платформах Хорезмского оазиса раскладка рядов блочной пахсы велась во взаимно-перпендикулярных направлениях (4,с.216). В Ташкентской области наблюдается надрезка в стилобатах на квадраты (40,с.195). В Северном Тохаристане на блоки разбивались только внешние ряды пахсы (18,с.114).

2. По периметру платформа оконтуривалась стенами из пахсы или сырцового кирпича, а внутри пространство делилось на секции, закладывавшиеся, в зависимости от наличия местного строительного материала, крупными кусками глины (рис. 3, 5), чередующимися слоями сырцового кирпича и песка, камня, галечника на глиняном растворе (7, с.20). В Согде часто делали засыпки рыхлой землей (рис. 3, 6). К этому типу относятся и платформы, построенные на основе более ранних зданий. Помещения их забутовывались так же, как и платформы второго типа или закладывались сырцовым кирпичом (7,с.100; 41,с.126; 25,с.106). Высота платформ колебалась от 1 метра до 12, но наиболее распространенной была 4-5 м. Практически, стилобаты являли собой наземный фундамент в виде массивных эластичных плит-слоев. Такие фундаменты обычно должны иметь уширение книзу, что и отмечается во всех вскрытых стилобатах, имеющих форму усеченной пирамиды.

Кроме этого, строительная площадка и подошва стилобата, обрез платформы и основание стен прерывались специальной антисейсмичной прокладкой. По археологическим наблюдениям в округе Самарканда, большая часть феодальных раннесредневековых замков под платформой имела слой рыхлых отложений предшествующих поселений толщиной от 20 см до 1 м (36). Такая прослойка, не связанная раствором ни с лежащим выше стилобатом, ни с ниже расположенной строительной площадкой, была специально использованным искусственным разрывом, который мог позволить сдвиг платформы или ее излом без передачи возникших в ней усилий лежащему на ней зданию. Аналогичную роль играла прослойка в один ряд кирпича на тощем растворе между срезом стилобата и основанием стен (2,с.24). Такие прослойки обнаружены под стенами практически всех замков на платформах, они наиболее эффективны при так называемых горизонтальных сейсмических толчках (продольные сейсмические волны).

Дополнительную возможность сдвига создавали непосредственно отдельные слои самой платформы, независимо от материала из которого они создавались. По этому принципу гасились в теле платформы и удары стенобитных машин. Действие поперечных сейсмических волн гасилось также благодаря наличию послойной укладки платформ. Удары вертикальных волн, послойно затихая в подплатформенной рыхлой прослойке, затем в каждом слое платформы и антисейсмической кирпичной прокладке между срезом стилобата и стенами сооружения, достигали здания в значительно уменьшенной силе.

Обычно, строительство новых зданий в Средней Азии производилось на остатках старых поселений и замков. Особенно наглядно это просматривается в феодальных замках, где с каждым новым строительством здания, его платформа увеличивалась на 4-5 м за счет забутовки первого этажа предыдущего замка. В результате этого, к VIII в. н.э., они достигали высоты 18-20 м, и большую часть их представлял стилобат, т.к. основной принцип - двухэтажность постройки соблюдался неукоснительно. В первую очередь, такая форма строительства диктовалась фортификационной необходимостью - 12-15 метровые платформы делали практически неуязвимыми замки как от метательной и стенобитной техники, подкопов так и для штурмующих замок воинов (7, 153). Но при этом стоит учитывать, что без строгого учета сейсмичности региона такие платформы не выдержали бы первого крупного землетрясения, так что основные требования антисейсмичности соблюдались среднеазиатскими зодчими в обязательном порядке.

К VIII в. н.э. кроме использования под платформы старых, приспособившихся к толчкам стилобатов и остатков зданий замков, наблюдается прогресс в разработке наиболее рациональных конструктивных приемов в строительстве стилобатов. Если ранее при их строительстве учитывался, в основном, принцип послойности укладки пластичного материала, то теперь в отдельных замках. Тогда мы обнаруживаем специальные конструктивные приемы, внесенные раннесредневековыми архитекторами в каждый слой платформы. Эти приемы создавали возможность развития в конструктивных элементах и узлах пластических деформаций, значительно увеличивающих сопротивляемость сооружения действию сейсмических и ударных сил. Такая платформа была вскрыта в замке Саратепа (рис. 3, 3) и Заргартепа (рис. 3, 1,2) на

юго-западной окраине Самарканда (23, с.72-91). Платформа Заргартепа построена на выровненной площадке естественной лессовой возвышенности и состоит из пяти пахсовых слоев метровой толщины. Каждый слой имеет специальную конструкцию, созданную из отдельных пахсовых блоков различной конфигурации. Первый, нижний слой платформы (рис. 3, 1, V) возводился от центрального, квадратного в плане блока концентрическим наращиванием блоков сложной конфигурации. Под угловые башни замка платформа выкладывалась также концентрическими полосами состыкованных блоков. Между основаниями под башни края платформы оконтуривались рядом длинных прямоугольных блоков, направленных к центру платформы. Во всех слоях платформы между блоками пахсы оставлялся зазор-шов шириной 1-3 см. Второй, третий, четвертый и пятый слои стилобата в общем плане представляли тот же квадрат с полукруглыми выступами под башни по углам и рядами прямоугольных пахсовых блоков, оконтуривавших края слоев. Но внутри квадрата заполнение слоев составляли блоки, круглые в плане, различного диаметра (0,4-1,4 м.), расширяющиеся книзу (нижний диаметр больше верхнего на 5-10 см), между ними укладывались блоки различной конфигурации. Каждый слой пахсы располагал разными вариантами распределения блоков-"колонн" внутри слоя. По наклону краев пахсовых блоков удалось восстановить процесс постройки каждого слоя платформы. Первоначально по всей площади слоя производилась формовка "колонн". Во втором слое (рис. 3, 1, IV) их наибольшее количество и разного диаметра, изменяющегося в зависимости от местоположения в слое. Но мере удаления от центра к краям наблюдается тенденция уменьшения диаметра "колонн", хотя и на центральном участке между "колоннами" с большим диаметром проскальзывают и более мелкие. После установки усеченно-конусовидных блоков проводилась забивка пахсой промежутков между ними. Вначале был заполнен промежуток между двумя рядами "колонн" посреди платформы по линии восток-запад. Затем блоки пахсы формовались в таком же порядке в северной половине платформы. Завершением укладки слоя явилось обрамление его длинными блоками и выкладка контуров оснований башен. В третьем и четвертом слое (рис. 3, 1, III, II) платформы укладка более систематизирована - "колонны" поставлены четкими рядами, более близки по диаметру друг к другу, нет "колонн" малого диаметра. В четвертом слое платформы

диаметр "колонн" больше, чем в третьем слое (0,98-1,2 м.). Верхний слой стилобата обрамлен по контуру квадрата лишь двойным рядом "колонн" диаметром 1,2-1,35 м., в центре слоя - система длинных узких блоков. При сравнении строения пяти слоев стилобата Заргартена удалось выявить некоторые закономерности их. Во всех пяти слоях платформы между основаниями башен края выложены длинными узкими блоками, направленными к центру платформы. При воздействии сейсмической или ударной силы эта система блоков равномерно распределяла нагрузку на блоки с любой из четырех сторон стилобата и передавала ее для затухания внутрь платформы. Вторая закономерность - наличие шарнирной системы в каждом слое. Благодаря наличию 1-3 см швов между трапециевидными, треугольными и круглыми в плане фигурами блоков горизонтальные ударные волны имели возможность равномерного гашения внутри каждого слоя. Центрами "спокойствия", где гасились горизонтальные колебания, являлись "колонны", о чем свидетельствует отсутствие в них трещин. Послойность платформы способствовала затуханию сильного удара в том слое, на который он попадал. Третья закономерность в конструкции слоев платформы - увеличение "колонн" и блоков в слоях начиная от нижнего к верхнему. Наличие более мелких деталей конструкции нижних слоев обеспечивало наибольшее дробление вертикальных сейсмических колебаний почвы в них. Шло постепенное затухание вертикальных ударов при землетрясении в более крупных блоках и "колоннах" верхних слоев платформы. Строение платформы замка Заргартена, таким образом, позволяло гасить как природные продольные и поперечные волны, так и удары при штурме замка врагом с применением машин разрушающего действия (23, с.76-79). Эта конструкция является вершиной архитектурного решения антисейсмичности стилобатов античного и раннесредневекового периодов. После завоевания Средней Азии арабами, ими проводилась политика борьбы против феодальной раздробленности, т.к. самостоятельные, непокорные, хорошо знавшие военное дело, имевшие сильные, укрепленные замки феодалы являлись угрозой завоевателям. В результате этой политики после VIII в. н.э. строительство новых замков прекращается и наблюдается тенденция заброса старых, завершившаяся к X в. н.э., когда Мавераннахр был объединен под властью Саманидов (33,с.29-30).

Как уже говорилось выше, фундаментов в современном понятии сооружения античного и

раннесредневекового периодов практически не имели. Стены монументальных зданий были очень толстыми, что позволяло обходиться без устройства фундаментов, даже когда под зданием не имелось платформы.

Археологически зафиксированы фундаменты лишь под мощными колоннами. Фундамент под круглые столбы вскрыт в Варахшском дворце (рис. 3, 7) и представляет собой кладку из жженого кирпича на глиняном растворе, положенную на кладку из сырцового кирпича, причем фундамент шире цоколя колонн. Весь фундамент (1,85 м) покоится на широкой и толстой подушке из плотно утрамбованной земли (4,с.222-223). Но стоит отметить, что в древней монументальной архитектуре Средней Азии практически не отмечается наличия отдельно стоящей каменной колонны, причиной чего являлась постоянная угроза землетрясений. Иногда несущие колонны изготавливались из жженого кирпича на ганчевом растворе. Такие столбы имели значительный диаметр (до 1 м и более). Подобные колонны открыты в Квадратном зале Южного комплекса Старой Нисы (11, с.88) (рис. 4, 1); в святилище храма Еркургана (42,с.137) (рис. 4, 2) и выложены они из треугольных обожженных кирпичей на ганчевом растворе. Уже в следующем строительном периоде на обоих объектах эти колонны были заменены на деревянные. Деревянный материал, как более сейсмостойкий, в несущих колоннах был отобран эмпирическим путем и быстро заменил первоначальные кирпичные колонны и полуколонны (11,с.88; 42,с.138). Деревянные колонны, сужающиеся кверху, покоились, обычно, на каменной или деревянной базе, верх нес на себе подбалку или капитель. Оба конца колонн завершались шипами, округлые торцы которых вставлялись в специальные гнезда базы и несомой подбалки. Шипы и гнезда устраивались так, что при землетрясениях могли свободно допустить небольшие отклонения колонны в любую сторону (2,с.36) (рис. 4, 4). В древности и раннем средневековье деревянные колонны имели единый, традиционный, широко распространенный тип. Деревянный ствол колонны в нижней своей части вырезался в виде шара. Шар с октогональной подушкой имел форму кувшина, почему и до сих пор зовется "куза". Октогональная или круглая подушка имела также между капителью и прогоном. Базы колонн деревянные или каменные. Под базой колонны в полу обычно предусмотрена дополнительная антисейсмичная прокладка - вымостка из плоских камней или слой песка в углублении под базу (41,с.85;

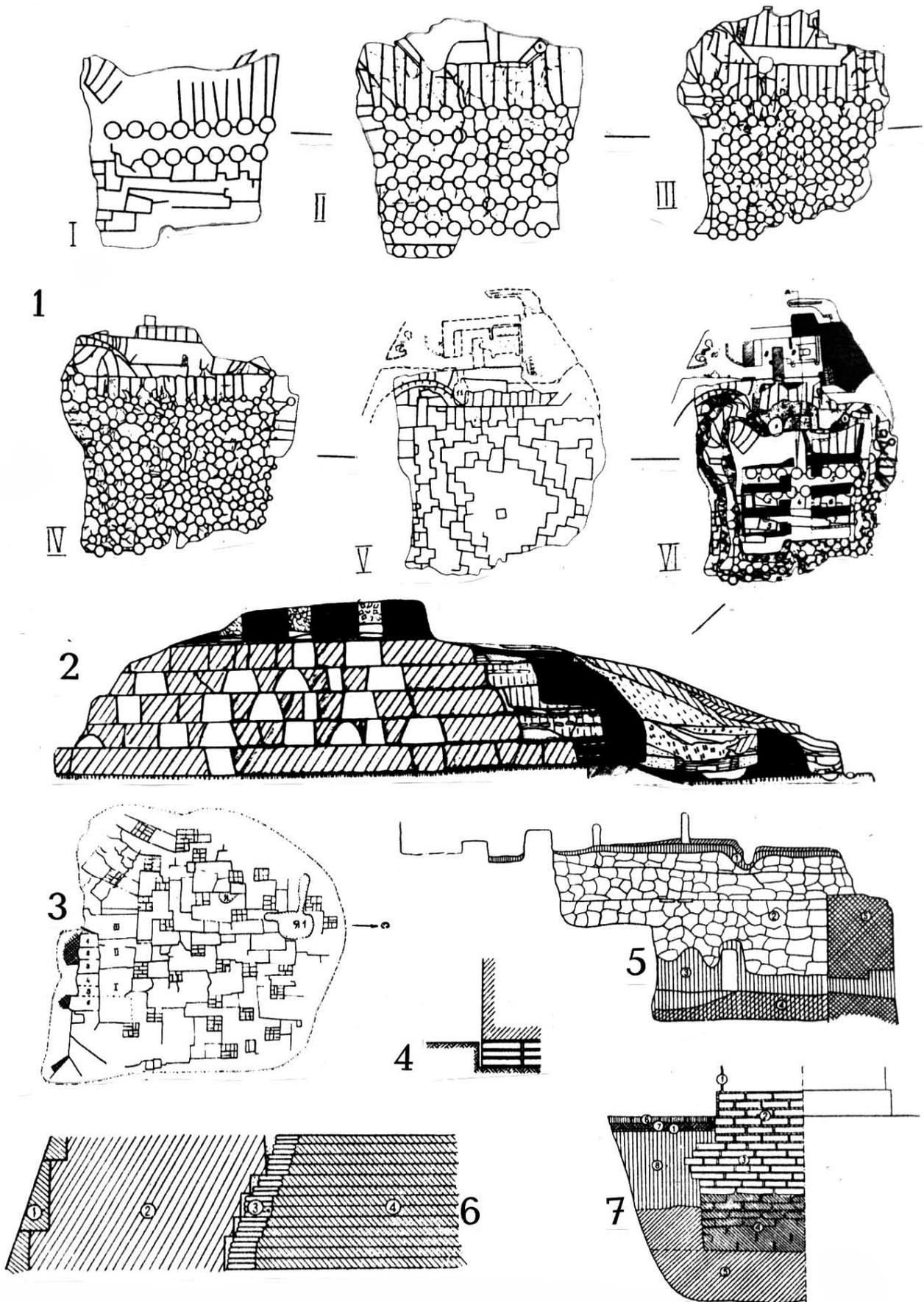

Рис. 3. Антисейсмика в платформах и фундаментах

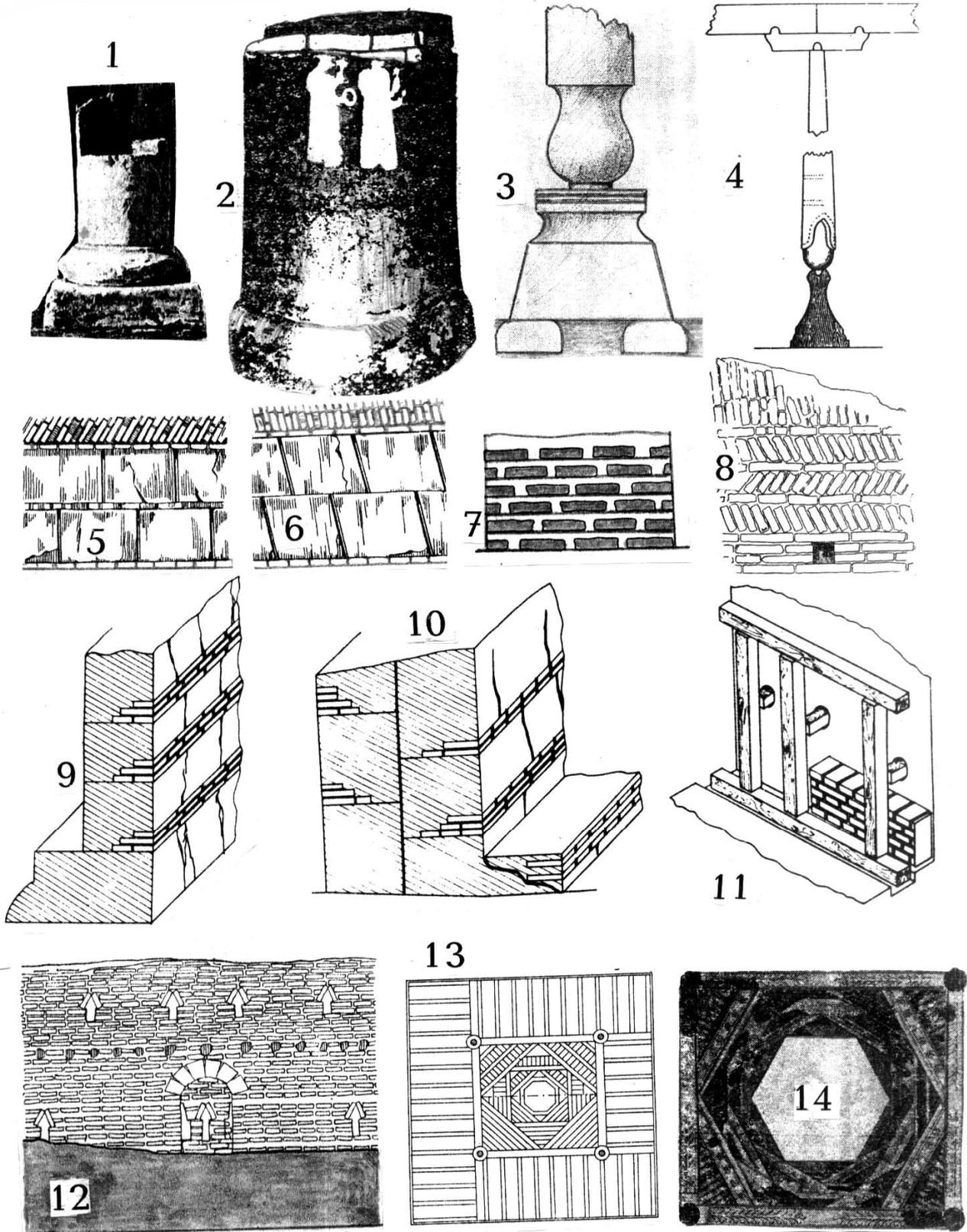

Рис. 4. Антисейсмические приемы в колоннах, стенах, архитравных перекрытиях

8,с.349). В замке Уртакурган для этой цели под деревянной базой колонны в пол были утоплены два куска дерева со слегка скругленным верхом (22,с.45-47) (рис. 4, 3). Деревянные стойки для поддержания кровли использовали также непосредственно в стенах зданий. Обычно они располагались заподлицо со стенами в вертикальных выемках. Или вдоль стен. Считается, что этот вариант пристенных колонн был выбран с учетом сейсмических воздействий. В этом случае деревянные перекрытия могли устоять, если даже стены из пахсы разрушались. Подобные, квадратные в плане деревянные колонны зафиксированы в буддийском храме в Акбешиме (43), в замке Уртакурган (22,с.43-49), на Афрасиабе (39, с.26) (рис. 4, 11).

Непосредственно в кладке самих стен также обязательно использовались антисейсмические приемы. Стены из сырцового кирпича укладывались вперевязку. Наиболее рациональна такая кладка из прямоугольного кирпича. Особенно эффективна разрезка вертикальных швов, когда кирпич сдвигается от нижележащего на его толщину. При этом кладка становится более эластичной при горизонтальных и вертикальных сейсмических колебаниях почвы (5,с.9) (рис. 4, 7).

В нижней части здания под стенами над срезом платформы, в обязательном порядке, выкладывался один ряд сырцовых кирпичей на тощем растворе или вообще без раствора (рис. 4, 5,6) Эти прослойки, как говорилось ранее, являлись искусственным разрывом, "который мог позволить некий сдвиг фундамента, или даже его излом без передачи возникших в нем усилий лежащим выше частям здания" (2,с.24; 44, с.37, 38; 45,с.30-35,51-52,55-59,64,69). При глинобитной кладке, часто, пахсовые блоки делались наклонными, причем угол наклона швов совпадал с наклоном рядов кладки свода (рис. 4, 6). Наклон швов в одну сторону предотвращал скалывание острых углов блоков под давлением кладки свода, особенно при землетрясениях. Подобная кладка встречена в древнем Пенджикенте (46,с.91). Прочная конструкция пахсовой кладки получалась при введении в ее состав галечника. Подобная пахса может рассматриваться в виде своеобразного бетона, полученного в результате применения своеобразного конструктивного приема. Из такой пахсы сложены массивные стены цитадели городища в Хазара Бухарской области (5,с.11). Применялся антисейсмический прием прослаивания рядов пахсовых блоков 1-3 рядами сырца на глине, что обеспечивало эластичность кладки (5,с.11; 47,с.105). Кладка сыр-

цовых слоев при 3-рядном варианте в разрезе имеет ступенчатую конфигурацию и создает зубчатое «шпоночное» соединение, увеличивающее площадь сцепления пахсы и кирпича, которое эффективно работает при сейсмических нагрузках на растяжение, изгиб, сдвиг и разрыв" (39,с.23; 48,с.21) (рис. 4, 9,10). Такие кладки встречаются довольно часто: в Пенджикенте, в замках округа Самарканда (Тали Барзу), Ташкентском оазисе (Шаштепа), Уструшане (Чильхуджра) и других памятниках Среднеазиатского региона. Высокой антисейсмичностью обладает кладка "на ребро" и в "елочку". Вертикальные швы между кирпичами, в этом случае, делались без применения раствора; такие стены обладают известной эластичностью, что помогает им противостоять сейсмическим толчкам (5,с.14) (рис. 4, 8). Тип такой кладки широко использовался в средневековье в постройках из жженого кирпича мелкого модуля, но зарождение его проследживается в более ранний период. Подобную кладку мы встречаем в постройках Пенджикента (41,с.74).

При комбинированной кладке стен монументальных зданий очень часто сырец, уложенный вплотную, без разрывов меж тонкими пахсовыми прослойками, клялся без раствора. Вообще, обнаружение в постройках Средней Азии отдельных кирпичных прослоек на тощем растворе или совсем без него в пахсовых кладках и в кладках из кирпича на высококачественном растворе является отличительным признаком антисейсмического назначения этих прослоек в сооружениях. Дополнением к ним являлись еще некоторые приемы комбинированной кладки и методика укладки кирпичей в каждом слое. Иногда одна стена включала в себя два или три метода кладки, характер которой менялся от монолита до дробного модуля снизу вверх. Так, в Джанбаскале низ стен сложен из пахсы, с уменьшением толщины слоев сверху, затем идет комбинированная кладка и сверху - сырцовая конструкция (46, с.93) (рис. 4, 12). Этот принцип смены массивных пахсовых рядов кладки более тонкими его прослойками или сырцовой кладкой сверху стен можно наблюдать повсеместно в раннесредневековых памятниках Средней Азии.

Перекрытия в сооружениях античного и раннесредневекового периодов Средней Азии встречаются плоские, сводчатые и купольные. Дверные проемы делались в виде арок, но часто, в связи с тем, что проходы были узкие, а стены широкие, арочные проходы не отличались от сводчатых перекрытий. Плоские балочные пере-

крытия состояли из балок, наката, камышового покрытия и глиняной обмазки (8,с.350). Большинство авторов, исследовавших эти перекрытия, приходит к выводу, что использование камышовых прокладок в них придавало теплоизоляционные свойства крыше за счет низкой теплопроводности камыша. На наш взгляд, не стоит упускать из виду и тот факт, что в течение многих веков использование этого материала в перекрытиях привело народных мастеров к выводу, что камыш практически не деформируется под действием большого веса глины, перекрывавшей слои камыша. Эти наблюдения могли войти впоследствии, в практику антисейсмических конструкций архитектурных памятников Средней Азии в качестве так называемых "камышовых поясов" или "камышовых подушек" (2, с.24), высокая эластичность которых гарантировала высокую степень сохранности построек при землетрясениях.

Встречаются межэтажные перекрытия плоские, балочные с деревянной обрешеткой. К архитектурным перекрытиям относятся и брусчатые перекрытия типа "рузан" (22,с.53; 41,с.82), которые позволяли перекрывать крупные помещения балками небольшой длины. Они представляли собой многогранную брусчатую пирамиду с малым подъемом и отверстием в центре, игравшим роль светового и вентиляционного люка. Архитектурные перекрытия выполнялись из сейсмостойкого материала, методика выкладки также давала возможность смещения деревянных частей относительно друг друга при сейсмических колебаниях (рис. 4, 13,14). Но наибольшее развитие получили в Средней Азии сырцовые сводчатые перекрытия, арки и купола. Широкое распространение сводов и куполов в постройках Средней Азии было обусловлено большим дефицитом и ценностью строительного леса и наличием неисчерпаемого запаса превосходного строительного материала - лесса. Узкие коридорообразные помещения перекрывались сводами, которые вплоть до VII-VIII в.в. н.э. имели коробовую кривую. Высокой популярностью пользовалось выведение свода поперечными "отрезками" (рис. 5, 1,2). Конструкция эта характеризуется высокой прочностью, возможностью устройства проема в торцовых стенах, простотой бескружалного способа выведения (49,с.218-222). В Хорезме для возведения арок и сводов использовался специально сформованный трапециевидный кирпич (рис. 5, 1), значительно реже - обычный, квадратный (38,с.269-270). Отдельные случаи использования трапециевидного кирпича отмечены в Ташкентском

оазисе (4,с.250; 12,с.130; 50,с.84) и Северной Бактрии, Пенджикенте. В большинстве же областей Средней Азии для выкладки сводов применялся прямоугольный стеновой кирпич. В памятниках раннесредневековой округи Самарканда кирпич для сводов отличался по размеру от стенового кирпича - он был значительно шире и короче. (ср. 52x22x9 см. и 45x29x6-10 см.) (33, с.243).

Сводчатые перекрытия прошли длительный путь развития. Наиболее древняя форма коробового сводчатого перекрытия "ложный свод" зародилась еще во II тыс. до н.э., ко II тысячелетию до н.э. относится появление сводов, выложенных "отрезками", клинчатые своды стали применяться на рубеже нашей эры (4, с.247) (рис. 5, 3-5). Кроме этих кладок сводов и арок практиковался прием кладки плашмя, когда кирпич облегал кривую не ребром, а постелью. При выкладке сводов поперечными отрезками угол отрезков с вертикалью практиковался до 30°, что отвечало наибольшей прочности свода при статических и сейсмических нагрузках. Во внешней стене обводного коридора пята свода делалась всегда ниже, чем во внутренней, так что "ползучий свод" давал возможность уравнивания распора внутренней массы сооружения и его сводов (46,с.96-97). При этом уровень пят свода не постоянен, он достигает максимума посреди галереи и сходит на нуль на поворотах, в углах здания. Древние зодчие знали, что углы являются наиболее устойчивой частью постройки и распор внутренних частей здания здесь наименьший. Своды с различным уровнем пят встречаются довольно часто во всех регионах Средней Азии (городище Пенджикент, Актеле, Аязкала I, Мунчактепе, Чильхуджра и т.д.).

Если галереи имели уклон в одну сторону (особенно в пандусных коридорах), то отрезки свода также получали наклон в сторону понижения пола, что не только облегчало выполнение кладки, но и работу конструкций (47,с.108), особенно, при сейсмических нагрузках. Свод из наклонных отрезков выгоднее плоского перекрытия, так как нагрузка его делится на две составляющие, одна из которых действует как скалывающая сила на щелевые стены, а другая дает горизонтальный распор в направлении, обратном наклону отрезков и уравнивается соответствующей шипцовой стеной. В наклонных галереях и пандусах, дополнительно к этому, увеличивался угол между отрезками и стеной, что смягчало действие косых усилий на

стены (5, с.17). Клинчатая кладка сводов применялась довольно часто, но наибольшее распространение она получила в арках. В отдельных случаях, еще до VII в. н.э., стало вводиться сочетание двух различных приемов кладки (рис. 5, 6-13). Комбинирование кладок в арках и сводах было вызвано использованием при их возведении стенового кирпича, при значительной длине которого швы на периферии кладки очень сильно расширялись и превосходили его толщину, во избежание чего постельные швы клинчатой кладки делали тоньше, направление их имело меньший наклон, чем угол радиуса кривизны в этих точках. Заполнение замковой части приходилось делать другим приемом и включением замкового камня (5, с.25). В комбинированных арках кривые различного радиуса сопрягались под углом или сочетались с отрезками прямой (Актепе), в результате чего, в них видно деление на несущую часть и венчающую. Своды сложенные отрезками, имеют недостатки. При сильном раскачивании здания они начинают расслаиваться по рядам, т.к. не имеют перевязки и связаны только слоем раствора. Своды, выложенные вертикальными отрезками, более устойчивы при землетрясениях, чем своды, выложенные наклонными рядами, но слабее обычной клинчатой кладки (3, с.13,148). В то же время, своды клинчатой кладки из-за своей монолитности, очень часто при сейсмических толчках разрушаются в замковой части, которая при этом выпадает при землетрясениях (38, с.290). Появление и развитие комбинированных кладок в VII-VIII вв. н.э. стало весьма прогрессивным явлением в сводчатых конструкциях Средней Азии - оно заложило основу появления стрельчатых конструкций арок и сводов. Стрельчатые своды и арки зародились в недрах комбинированных с коробовой кривой и заострением в замке (рис. 5, 10-13) и стали наиболее развитой антисейсмической конструкцией, которая даже "претерпевая поломки, - у пят, по середине кривой и в замковой части, - начинает работать как некая шарнирная система» (2, с.33) (рис. 5, 14,15). При стрельчатом очертании замок арки или свода становится шарниром, который придает эластичность всей конструкции и предохраняет ее от разрушения при землетрясениях (Нагимкала, Кызкала, Актепа) (49, с.226-227). Важным достижением сводчатой строительной техники стали купола. Археологические исследования выявили довольно значительное количество купольных перекрытий из сырца, в основном, в памятниках эпохи раннего средневековья. Это купола на круглом или квадратном

основании. В первом случае, это, обычно, купола оборонительных башен (51, с.150), во втором - культово-ритуальных помещений (52, с.59-79; 22, с.33; 49, с.138; 7, с.146-147,149; 17, с.85,90-91; 53, с.52-59; 54, с.169-170; 43, с.247; 55, с.312,315) (Актепа, Чильхуджра, Уртакурган, Малая Кызкала в Мерве, пристройка к замку № 36 и домов № 50, 115 Беркуткалинского и замка № 2 Яккелпарсанского оазисов, в буддийском храме в Акбешиме, на Мунчактепа в Кабадиане и др.). Купола на квадратном основании прошли несколько фаз развития. Начальной является устройство купола превышающего в диаметре поперечник основания, затем диаметр его равен стороне основания и диаметр купола меньше поперечника основания (47, с.109). Для рассматриваемого периода характерны архаичные купола с диаметром куполов, превышающих поперечник стен. Вначале диаметр куполов не превышал 3,5-4 м. Конструкция, когда диаметр купола превышает поперечник основания (VII-VIII вв.), уменьшает свес купола в углах постройки. Для того, чтобы не увеличивать диаметр купола, среднеазиатские мастера стали использовать трюмпы. В Хорезме трюмпы выполнялись в виде перспективных арок (рис. 5, 18), в Ташкенте в виде раскрытого конуса, в Пенджикенте в полукуполе помещения № 29 на объекте VI - в виде трех элементов: полочки, пояса трюмпов и трюмпов в виде перспективных арок (41, с.72) (рис. 5, 17). Арочные паруса раннесредневековых куполов были очень удобны при возведении и обладали высокими эстетическими качествами, но имели два существенных недостатка. Сила распора от купола передавалась через них на стену в 8 случайных и неудобных точках, в то время как углы здания оказывались незагруженными. Центр тяжести сооружения располагался высоко, что в условиях высокой сейсмичности Средней Азии являлось весьма отрицательным фактором. При сейсмических толчках силы распора получали от купола большее плечо, что увеличивало разрушающую силу землетрясения. С применением арочных парусов купольного покрытия связаны и малые размеры помещений - при увеличении размеров помещений, соответственно, увеличивались его высота, высота арочных парусов и высота купола, что еще более поднимало центр тяжести сооружения и снижало антисейсмическую устойчивость. Эта проблема (снижения центра тяжести) была успешно решена только в XV в. путем введения четырех перекрещивающихся подпружных арок и заполнением системой щитовидных парусов пазух между куполами и арками (56, с.105-106).

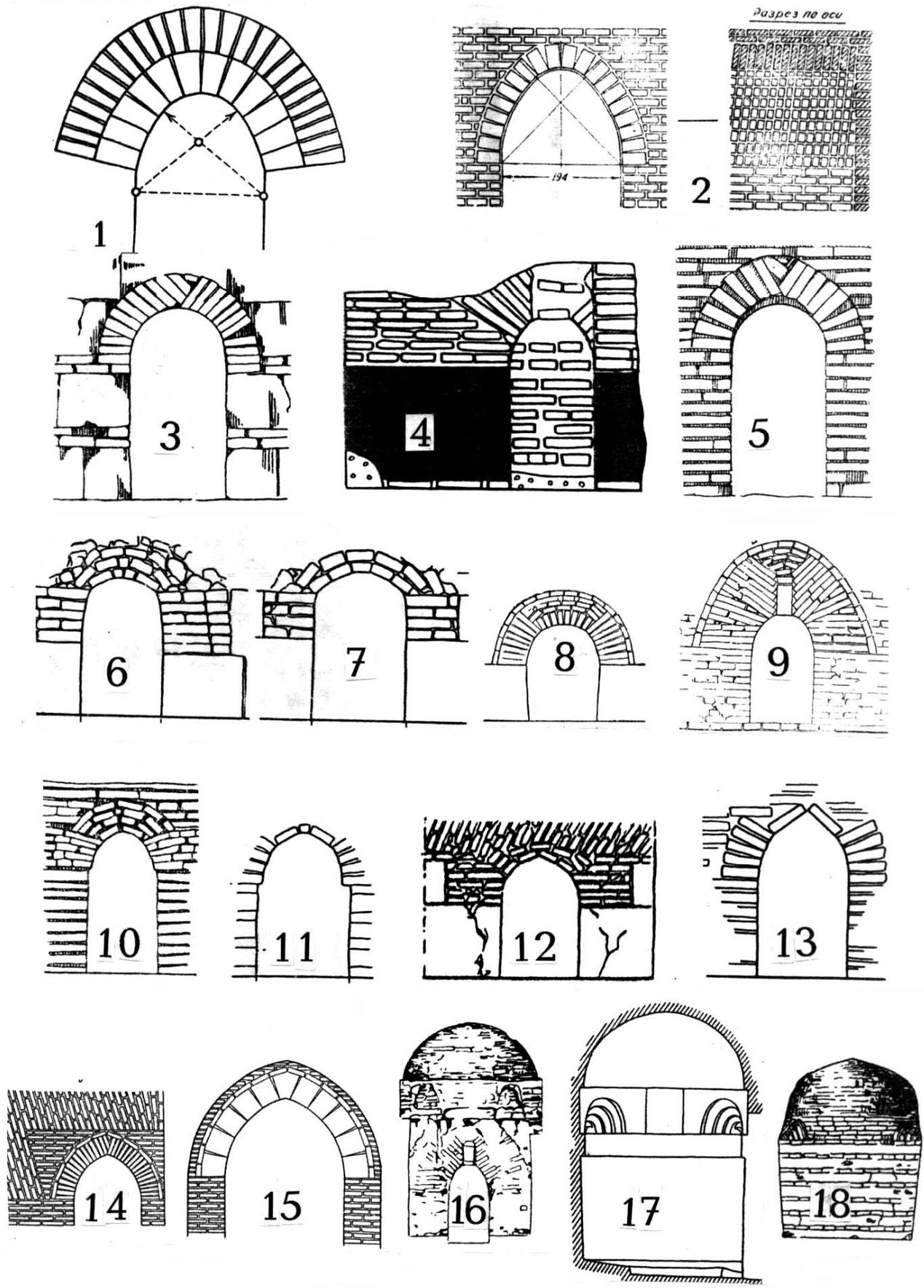

Рис. 5. Сводчатые перекрытия, арки, купола

К купольным формам перекрытий можно отнести и шатровые перекрытия (12, с.108; 23, с.83), использовавшиеся в культовых помещениях раннесредневековых зданий. Для этого времени они выполнялись из тонких жердей и каркас их имел возможность смещения при сейсмических колебаниях.

Вообще, купольные перекрытия считаются наиболее сейсмостойкими. Даже землетрясения значительной силы оставляют на них лишь трещины, с которыми купола могут существовать очень длительное время не разрушаясь (2, с.33-34).

В этой статье рассматриваются, в основном, антисейсмические приемы в сооружениях монументального характера. Жилые и хозяйственные постройки бедных слоев населения очень часто имели плоские тяжелые глиняные перекрытия, менее качественный строительный материал и не выдерживая сильных сейсмических толчков, разрушались. Даже сознавая преимущества сводчатых и купольных построек низшие слои населения не могли их себе позволить из-за дороговизны такого метода строительства.

Применение тех или иных антисейсмических приемов в постройках античности и раннего средневековья зависело также от квалификации мастеров-строителей. Не во всех крупных сооружениях соблюдалась симметричность и центричность планировки, что также снижало их сейсмостойкость. Встречаются и архитектурные просчеты в виде завышения размеров помещений, в результате которых перекрытия были перегружены и быстро разрушались. Нередки и случаи перестраховки, когда совмещались несколько строительных приемов, взаимоисключающих друг друга, как например, применение арочных парусов в купольной постройке, имеющей диаметр купола больше диаметра основания [Актепа (рис. 5, 16)] и др.

Историко-политическая обстановка античного и раннесредневекового периодов, с ее постоянными завоевательными походами, передвижением воинственных кочевых племен по Сред-

ней Азии, с зарождением и развитием феодализма, присущей ему феодальной раздробленностью, предопределила развитие монументальной сырцово-кирпичной архитектуры в сторону постоянного наращивания ее механической прочности, выражавшееся в увеличении толщины стен, возведении мощных стилобатов, усилении фортификации. Этим объясняется необходимость увеличения прочности межэтажных перекрытий и многовековое использование клинчатой кладки, довольно позднее появление стрельчатых арок и сводов, которые получили широкое, массовое распространение лишь с появлением более мелкого модуля - жженого кирпича квадратного формата. (X-XII вв. н.э.). Именно с этого времени (X в.) забрасывается большинство мощных сырцовых феодальных замков. Централизованное государство Саманидов обеспечило безопасность своих границ, сведя на "нет" роль феодалов в этом вопросе. Отпала необходимость как в самих укрепленных замках, так и в возведении жилых домов с мощными стенами. Толщина стен резко уменьшается до 1,5 - 2 жженных кирпичей квадратной или мелкой прямоугольной формы. Применение жженого кирпича дало толчок к введению в обиход таких новых высокопластичных, антисейсмичных растворов, как ганч и кыр. В сводах победила и окончательно утвердилась стрельчатая кривая, в куполах - новые тромпы, а в монументальных постройках появилась необходимость введения в строительство подземных фундаментов на эластичных подушках из чистой глины, камышовых и каменных антисейсмичных поясов и т.д. В жилых и хозяйственных постройках населения стала обычной каркасная конструкция стен. Причем, каждый мастер по своему комбинирует известные ему от предков антисейсмические приемы в отдельных постройках, но беря за основу "всех сейсмостойких конструкций и растворов их пластические и эластические достоинства" (2, с.38).

1. БСЭ, т. 23. М., 1976.

2. Бачинский Н.М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М-Л., 1949.

3. Засыпкин Б.Н. Своды в архитектуре Узбекистана // Архитектурное наследие, № 13. М., 1961.

4. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Т., 1966.

5. Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследие, № 3. М., 1953.

6. Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. М., 1978.

7. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

8. Пугаченкова Г.А. Архитектура Средней Азии // Всеобщая история архитектуры. М., 1970.

9. Толстов С.П., Вайнберг Б.И. Кой-кырган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. // Тр. ХАЭЭ, т. V. М., 1967.

10. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

11. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.

12. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Т., 1983.

13. Филанович М.И. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье // Градостроительство и архитектура. Т., 1989.
14. Шайдуллаев Ш.Б. Раскопки на крепости-поселении Талашкан I // Полевой археологический отчет о раскопках могильника эпохи бронзы Джаркутан-4В (весна-осень 1985). Архив ИА АН РУз, Ф.5, О.1, Д.75. Самарканд, 1985.
15. Воронина В.Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента // МИА, № 15. М.-Л., 1950.
16. Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии VI-VIII вв. // Всеобщая история архитектуры. т. 8. М., 1969.
17. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
18. Альбаум Л.И. Балалыктепа. Т., 1960.
19. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда М., 1959. III-VI вв. Т., 1981.
20. Лебедева Т.И. Сельская округа и ее роль в формировании полевыми работами на Заргартепе и Саратепа в юго-раннесредневекового Самарканда. Автореферат канд. дисс. Т., западной части г.Самарканда (ж-м Саттепо) за 1986 1994.
21. Пулатов У.П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
22. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
23. Лебедева Т.И. Заргартепе // Археологические работы на новых стройках Узбекистана. Т., 1990.
24. Лебедева Т.И. Раннесредневековый замок Саратепа на юго-западной окраине г.Самарканда // ИМКУ № 26, Т., 1992.
25. Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИИМК, № XIV. М., 1947.
26. Васильев А.И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. Л., 1934.
27. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан // Материальная культура Уструшаны, №1. Душанбе, 1966.
28. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Тр.ИИАЭ АН Тадж. ССР, т.35. Сталинобад, 1955.
29. Сулейманов Р.Х. Зороастрийская дахма Еркургана // Тезисы докл. "Я.Г.Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане". Т., 1988.
30. Сулейманов Р.Х. Дахма Еркургана // ОНУ, № 11. Т., 1989.
31. Сулейманов Р.Х. Раскопки на Сеталаке I // Культура древне-бухарского оазиса III-VI вв. н.э. Т., 1983.
32. Мушкегов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т.1. СПб., 1886.
33. Лебедева Т.И. Сельская округа и ее роль в формировании раннесредневекового Самарканда. Канд. дисс. Самарканд, 1995.
34. Григорьев Г.В. Городище Тали Барзу // ТОВЭ, т. 2. Л., 1940.
35. Григорьев Г.В. Тали Барзу как памятник домусульманского Согда // КСИИМК, № XIII. М.-Л., 1946.
36. Лебедева Т.И. Сельская округа Самарканда // Научный отчет за 1989 г. Архив ИА АН РУз. Самарканд, 1989.
37. Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии//СА № 1. М., 1959.
38. Лапиров-Скобло М.С. Реконструкция памятника // Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. Тр. ХАЭЭ, т.V. М., 1967.
39. Ахунбабаев Х.Г. Социально-планиграфическая структура квартала знати на Афрасиабе и проблема изучения раннесредневекового Самарканда. Канд. дисс. Самарканд, 1990.
40. Тереножкин А.И. Холм Актепе близ Ташкента // Тр. ИИА. Т., 1948.
41. Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента // МИА № 124. М.-Л., 1964.
42. Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Т., 1987.
43. Хмельницкий С.Г. Опыт реконструкции буддийского храма городища Акбешим // Тр. КАЭЭ, т. 2. 1988.
44. Бурякова Э.Ю., Лебедева Т.И. Научный отчет по полевым работам на Заргартепе и Саратепа в юго-западной части г.Самарканда (ж-м Саттепо) за 1986 г. Архив ИА АН РУз. Самарканд, 1986.
45. Лебедева Т.И. Научный отчет по археологическим работам на Саратепа в ж-м Саттепо. Архив ИА АН РУз. г.Самарканд, 1988.
46. Воронина В.Л. Строительная техника древнего Хорезма // Тр. ХАЭЭ т. 1. М., 1952.
47. Воронина В.Л. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии // КСИИМК XXVIII. М.-Л., 1949.
48. Ахунбабаева М.Н. Антисейсмические мероприятия в архитектуре раннесредневекового Самарканда // Тез.докл. Советско-французского коллоквиума "Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи". 25 - 30 сентября 1990 г. Самарканд, 1990.
49. Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958.
50. Литвинский Б.А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. // Тр. АН Тадж. ССР. Душанбе, 1956.
51. Воронина В.Л. Архитектура замка Актепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. ТИИА, т.1. Т., 1948.
52. Пулатов У.П. История изучения Чил-Худжры // Сообщ. Гос. респ. объедин. музея историко-краеведческих и изобраз. искусств вып. 4. Душанбе, 1966.
53. Неразик Е.Е. Купольная постройка в Якпе-Парсанском оазисе раннесредневекового Хорезма // Градостроительство и архитектура. Т., 1989.
54. Кызласов Л.Р. Исследования на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. // Тр. КАЭЭ т. 2. М., 1959.
55. Мандельштам А.М., Певзнер С.Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952-53 гг. // МИА № 66. М.-Л., 1958.
56. Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. Т., 1956.

Ф.А. МАКСУДОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ
ПРОЦАРАПАННОГО ОРНАМЕНТА
НА КЕРАМИКЕ МАРГИЛАНА
(по материалам Кызлартепа).

При раскопках поселений и могильников Ферганской долины эпохи античности встречается красноангобированная керамика с процарапанным орнаментом. Ее находят повсеместно в Фергане, но аналогий по блеску ангоба и технике нанесения орнамента за пределами Ферганы почти не существует, за исключением нескольких случаев находок серолощенных керамических сосудов с процарапанным орнаментом из Хорезма (1, с. 120), а также находок керамики с процарапанным орнаментом из Центральной части долины Ганга и Индии (2, с. 33). Причем, образцы из Индии оказались более близкими к ферганскому по узору (3, с. 314).

Исследованию красноангобированной керамики Ферганы посвящено много работ, но тем не менее, вопросы появления и бытования красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом, а также вопросы семантики сюжетов орнамента остаются проблематичными, так как сведения о религии, мифологии и космогонических представлениях древних ферганцев очень мало, к тому же, данный прием орнаментации внезапно возникнув в начале I тыс. н.э., постепенно исчезает с ухудшением качества керамики к V в. н.э.

Исследователи красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом датируют ее появление и бытование по-разному. Некоторые из них (Т.Г. Оболдуева, В.Д. Жуков, Я.Г. Гулямов, Ю.А.Заднепровский) датируют такую керамику относительно широким промежуток времени, охватывающим период с III в. до н.э. до III в. н.э. (6, с. 39-40, 77, 120-121; 8, с. 8).

Следующая группа исследователей (А.Н. Бернштам, В.И. Козенкова) датирует керамику с процарапанным орнаментом периодом со I-II вв. до н.э. до I-II вв. н.э. (7, сводная таблица; 10, с. 230).

Третья группа исследователей (Б.А. Латынин, Н.Г. Горбунова, Е.Д. Салтовская, Б. Абдулгазиева) датирует такую керамику периодом с I в. н.э. до IV - V вв. н.э. (5, с. 144; 13, с. 117-175; 14, с. 11-13; 15, с. 45).

Известно, что для обоснования датировок вышеуказанные авторы пользовались, архитектурными параллелями, наконечниками стрел, сравнительно-типологическим анализом керамических комплексов, скудными нумизматическими данными и т.д. Но, как видно, появление процарапанного орнамента на красноангобированной керамике датируется по-разному.

В этом, во-первых, сказывается недостаточность датирующих находок, что не позволяет говорить о дате с уверенностью (4, с. 145), во-вторых, недостаточность хорошо стратифицированных комплексов осложняет проблему датировки. Несмотря на то, что на поселении Гайраттепе (Восточная Фергана) имеется стратиграфическая последовательность (10, с. 32-236), к абсолютным датам В.И. Козенковой все же относятся с сомнением из-за отсутствия датирующего материала (16, с. 75).

В связи с этим считаем необходимым уделить внимание материалам городища Эски Ахси (Ахсикет), который непрерывно существовал с III-II вв. до н.э. до монгольского нашествия. В частности, авторы, исследовавшие стратиграфию Ахсикета пишут, что красноангобированная керамика с процарапанным орнаментом «бытует, видимо, только начиная со II в. н.э.» (17, с. 85).

В литературе уже высказывалось предположение о более позднем появлении процарапанного орнамента (6, с. 77; 16, с. 83), что подтверждается тем, что красноангобированная керамика с процарапанным орнаментом на многослойном памятнике Эски Ахси встречается в более поздних слоях. Мы разделяем это мнение и также относим время появления и существования красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом ко II-IV вв. н.э.

При исследовании характера процарапанной линии Б.А. Литвинский предположил, что скорее всего, «рисунок наносился на ангобированную поверхность до обжига, на просушенный ангобированный сосуд, причем и ангоб должен был быть сухим» (11, с. 160). Это подтвердилось специальным исследованием Э. Сайко. По

ее мнению, орнамент наносился, т.е. процарапывался острым предметом после просушки ангоба до обжига (11, с. 161).

В ходе археологических работ на позднеантичном памятнике Кызлартепе, который находится на территории города Маргелана Ферганской области, найдены фрагменты красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом.

Это, в основном, сосуды изготовленные на гончарном круге из хорошо отмученной глины, без примесей и твердых включений. Черепок твердый, в изломе светлого цвета, покрыт снаружи плотным ангобом. Ангоб коричневого,

красно-бурого и черного цветов. На открытых сосудах ангоб наносился с обеих сторон, обжиг равномерный. Сосуды тонкостенны, хорошего качества. Чаще представлены фрагментами горшков и крынок, реже - кубков. Большая фрагментарность осложняет вопрос о форме сосудов.

Все фрагменты керамики с процарапанным орнаментом из Кызлартепе объединены в несколько групп по типу орнамента.

В первую группу вошли фрагменты стенок сосудов (горшков ?) с процарапанным орнаментом в виде спирали (рис. 1, А-1, А-2, А-3, А-4, А-5, А-6).

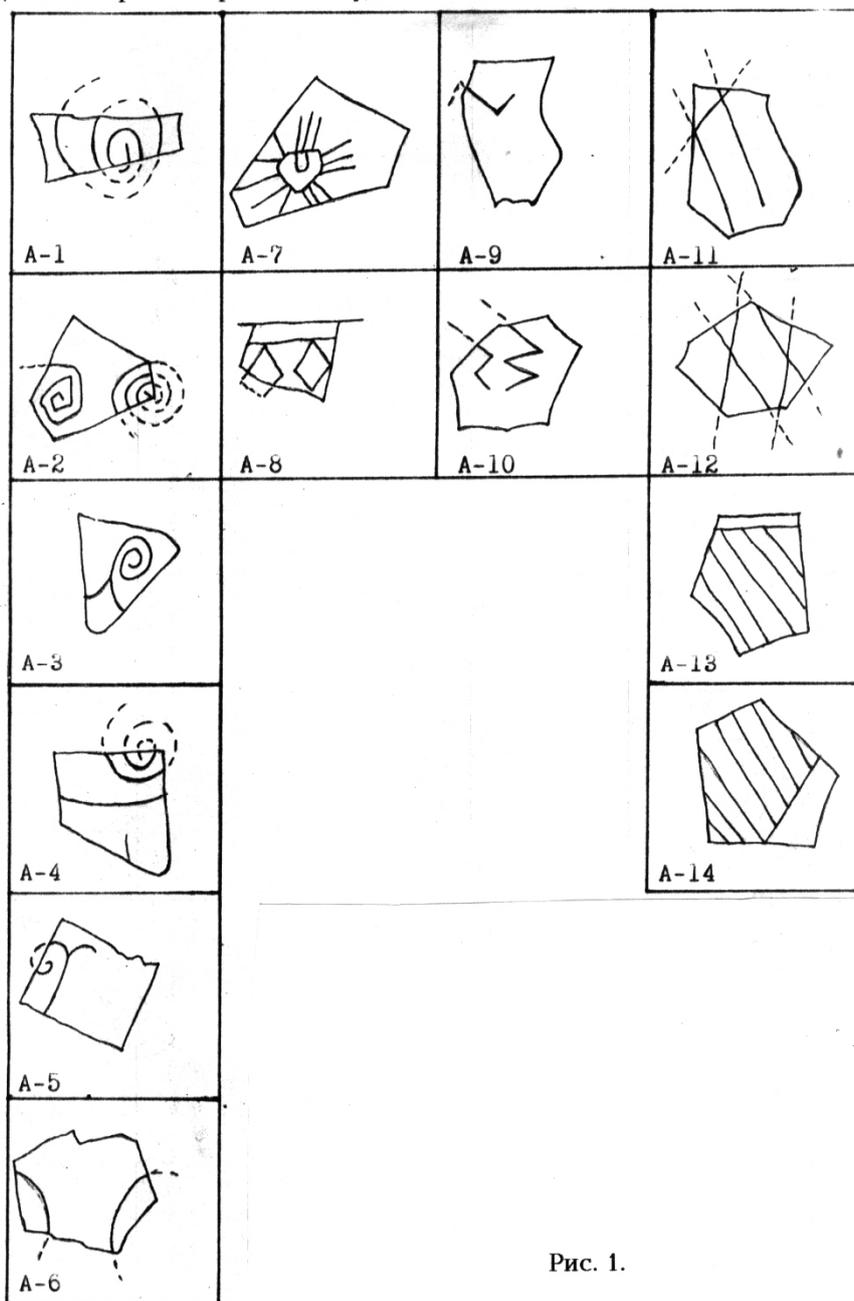

Рис. 1.

Во вторую группу объединены два фрагмента с процарапанным орнаментом в виде зигзагов (рис. 1, А-9, А-10), где на одном из фрагментов (рис. 1, А-9, венчик кубка) зигзагообразная линия процарапана горизонтально. Второй фрагмент украшен вертикальными зигзагами (рис. 1, А-10, стенка горшка ?)

Третья группа состоит из фрагментов стенок сосудов (горшков) с процарапанными параллельными диагональными линиями, которые пересекаются и образуют так называемую «косую штриховку» (рис. 1, А-11, А-12).

Следующая группа состоит из двух фрагментов, украшенных параллельными диагональными непересекающимися линиями (рис. 1, А-13, А-14).

В пятую группу вошел фрагмент керамики, украшенный орнаментом в виде «солнца» с расходящимися «лучами» (14 лучей) и с кружочками внутри (рис. 1, А-7, стенка горшка ?)

Шестая группа состоит из фрагментов керамики, где процарапаны ромбики, как бы свисающие с верхней линии, нанесенной по кругу сосуда (рис. 1, А-8, венчик горшка, диаметр венчика - 16 см, имеется отверстие для подвешивания диаметром 0,5 см).

Весь комплекс керамики Кызлартепе по форме, ангобному покрытию, степени обжига и качества, структуре теста и т.д. аналогичен керамическим комплексам Ферганы первых веков нашей эры (16, с. 93).

Раскрытие смыслового значения процарапанного орнамента до сих пор не являлось объектом специального изучения в культуре Ферганы. В литературе этому вопросу уделялось мало внимания, имеются лишь описания видов узора и поверхностная попытка осмысления орнамента (3, с. 316; 18, с. 35-37). Изучение семантики процарапанного орнамента представляет большой интерес, т.к. раскрытие смыслового значения орнамента пополняет знания о религиозных и космогонических представлениях древних народов, об их укладе жизни этнокультурной принадлежности и, вообще, о степени духовной культуры.

Изображение само по себе есть информация, т.е. отображение мысленного представления, в данном случае зафиксированное на керамике. Таким образом, попыткой расшифровки орнамента можно получить информацию о жизни тех или иных древних народов.

Рассмотрим сюжет Б-4 (рис. 2) из Кызлартепе, процарапанный на кубке, зигзагообразная линия, идущая горизонтально по кругу сосуда. Аналогичный орнамент найден и на других поселениях и могильниках Ферганы и сопредельных регио-

нов. В частности, с процарапанным орнаментом: Б-1, Б-3 (рис. 2) - в могильниках Северного Таджикистана в пределах Ферганской долины (11, табл. 14); Б-2 (рис. 2) - в могильнике Темир-Коруг (3, с. 441); с расписным орнаментом: в поселении более раннего периода Дальверзинтепе (19, табл. XVII).

Узор внешне напоминает изображение горной местности. Вероятно, это и есть, идеограмма гор. Не исключено, что горы были культом поклонения у народов древней Ферганы, т.к. и земледельцы, орошающие свои поля ручьями, спускавшимися с гор, и пастушеские племена, пасущие скот в горных пастбищах (яйлау) в повседневной жизни непосредственно были связаны с горами, окаймляющими Ферганскую долину. Культ гор издавна был известен многим племенам Центральной Азии. Здесь уместно напомнить, что название гор Тянь-Шань в переводе с китайского означает «небесные горы». Гора в мифологии центральноазиатских народов воспринимается как модель вселенной, образ мира, в котором отражены основные элементы и параметры космоса (20, с. 145, 147-148, 158-160). По этнографическим данным население адырной зоны Юго-Восточной Ферганы называло одну из высоких горных вершин словом «Улуг Таг», что означает «Великая гора» в переводе с узбекского языка и считало ее священной. В центре города Ош - одного из самых древнейших городов Ферганы, находится гора Сулейман-Таг и местное население связывает ее с пророком Соломоном. Как видно, горы в Фергане считались священными и, таким образом, изображение гор на керамике, возможно, говорит о поклонении древних народов Ферганы горам.

Следующий тип орнамента из Кызлартепе В-4 (рис. 2) представлен косыми параллельными линиями, процарапанными на горшке. Известны аналогии в ферганских поселениях и могильниках, а также в поселениях вне Ферганы. С процарапанным орнаментом: В-1, В-3 (рис. 2) - в поселении Куюктепе в Восточной Фергане (18, с. 36); В-2 (рис. 2) - в могильниках Северного Таджикистана в пределах Ферганской долины (11, табл. 14). С расписным орнаментом: В-5 (рис. 2) - аналогичный орнамент имеется в материалах древних и отдаленных поселений трипольской культуры (21, с. 41).

Исследователи трипольской культуры интерпретируют этот сюжет как изображение дождя (21, с. 39-40). «Дождь» или «небесная

влага», видимо, почитался и древним населением Ферганы, т.к. в эпоху античности земледельцы Ферганы занимались искусственным орошением (22, с. 49-50). Полноводные горные потоки и обилие атмосферных осадков являлись необходимыми условиями для ведения орошаемого земледелия и предгорно-пастбищного (яйлажно-го) скотоводства. На сюжете В-3 (рис. 2) показаны «ограниченные массы воды, падающие сверху». Это говорит о том, что у населения древней Ферганы имелись понятия о вышестоящем мире, где находилось восхваление или принесение жертв можно было добиться «падения небесной влаги на землю». Таким образом, изображение «дождя» на керамике Ферганы, вероятно, говорит о существовании культа дождя у древних ферганцев.

Далее рассмотрим сюжет Г-4 (рис. 2) из Кызлартепе, где изображена «раскрывающаяся спираль». Этот орнамент также имеет множество аналогий в Фергане. С процарапанным орнаментом: Г-1 (рис. 2) - в поселении Гайраттепе в Восточной Фергане (10, с. 230); Г-2 (рис. 2) - в могильнике Коштепе (13, с. 322); Г-4 (рис. 2) - в поселении Куюктепе в Восточной Фергане (18, с. 36). С расписным орнаментом: Г-5 (рис. 2) - в поселении Гайраттепе (10, с. 232).

Сюжет Г-1 (рис. 2) внешне напоминает цветок или траву. Сюжеты Г-2, Г-3 (рис. 2) на наш взгляд, есть более символизированные изображения растительности, только в этом случае использован основной метод магии - часть вместо целого (23, с. 358-359). Это версия оправдывается и тем, что на сюжетах Г-2 и Г-3 (рис. 2) «растительность» находится в «горах», где ее поливает «дождь», т.е. могло быть изображением горного пастбища (яйлау). Символически это изображение, возможно, означает поклонение культу растительности (плодородия).

Древние ферганцы, занимавшиеся орошаемым земледелием и горно-пастбищным скотоводством, очевидно, особо почитали культ растительности. Известно, что жители Ферганы уже во II в. до н.э. были знакомы с культурой винограда и люцерны. Последняя была важным кормом для «даваньских (ферганских) потоковровных» лошадей. По словам китайского посла Чжан Цзяна, посетившего Фергану во II в. до н.э., китайцы ознакомились с культурами винограда и люцерны через Фергану (24, с. 161).

Таким образом, экономическая зависимость, пастухов-скотоводов от природы, очевидно, «за-

ставляла» их почитать и поклоняться духам природы, в данном случае - растительности.

Следующий сюжет Д-4 (рис. 2) из Кызлартепе представлен в виде вертикальных зигзагов. Имеются аналогичные сюжеты в Фергане и за ее пределами. С процарапанным орнаментом: Д-1 (рис. 2) - в Кайнаватском могильнике (11, табл. 39); Д-2 (рис. 2) - в тепе Керкидонской группы (16, с. 81); Д-3 (рис. 2) - в материалах Мархаматского комплекса (3, сводная таблица); Д-5 (рис. 2) - в могильниках Таласской долины (11, табл. 46).

Изображение внешне напоминает молнию. Объяснение данному сюжету дать нелегко, т.к. он требует предварительного знания мифологии и космогонических представлений древних ферганцев. Смысл этого сюжета можно расшифровывать и интерпретировать с помощью космогонических представлений древнетюркских племен. В частности, «по представлениям алтайцев, в мире существовали и действовали... некие живые аморфные образования, например, жизненные силы или некая белая материя, якобы спускавшаяся из-за облаков и обладавшая производительной силой» (25, с. 154). Возможно, эти зигзаги имеют отношение к подобным представлениям об аморфных образованиях. С другой стороны, если, как мы предполагали выше, у древних ферганцев имелся культ дождя, то вертикальные зигзаги могли означать молнию или специфическое изображение падающего дождя.

Процарапанный орнамент на фрагменте Е-4 (рис. 2) из Кызлартепе с изображением ромбиков, как бы свисающих с горизонтальной линии имеет аналогии, в основном, в восточных районах Ферганы. С процарапанным орнаментом: Е-1, Е-2 (рис. 2) - в могильниках Кунгай (13, с. 291); Е-3 (рис. 2) - в могильнике Хангиз II (13, с. 353). С расписным орнаментом: Е-5 (рис. 2) - в орнаментах шурабашатской культуры (19, табл. XVII).

Как уже отмечалось выше, у древних ферганцев имелось понятие о земном и небесном мирах. Между небом и землей находилось пространство, наполненное воздухом. Если верхнюю часть рисунка с изображением волн воды (источник дождей) считать небесным миром, а нижнюю с изображением гор и пастбищ - земным, то пространство между небом и

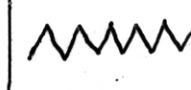
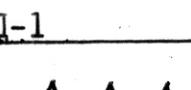
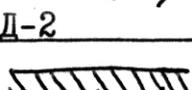
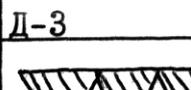
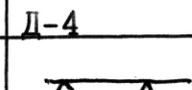
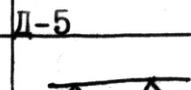
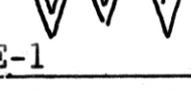
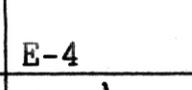
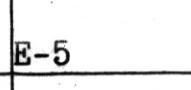
ПРОЦАРАПАННЫЙ ОРНАМЕНТ ФЕРГАНЫ (АНАЛОГИИ)			КЫЗЛАРТЕПЕ	РАСПИСНОЙ ОРНАМЕНТ (АНАЛОГИИ)
 B-1	 B-2	 B-3	 B-4	 B-5
 B-1	 B-2	 B-3	 B-4	 B-5
 Г-1	 Г-2	 Г-3	 Г-4	 Г-5
 Д-1	 Д-2	 Д-3	 Д-4	 Д-5
 E-1	 E-2	 E-3	 E-4	 E-5
 Ж-1			 Ж-2	 Ж-3

Рис. 2.

землей в виде ромбика можно принять за воздушное пространство, ветер.

Древние трипольцы обожествляли воздушное пространство, связывая его с неким божеством (26, с. 18, рис. 31). Вероятно, пространство от поверхности земли до начала неба в понимании древних ферганцев также персонифицировалось и связывалось с неким духом. Таким образом, можно сказать, что у них имелось понятие о трехчастном делении мира.

По другой версии, ромб - есть пиктограмма культа плодородия (ромб и треугольник, нарисованный вершиной вниз означал символ материнства и плодородия), известного в Центральной Азии с эпохи энеолита (27, с. 58-64). Возможно и то, что культ плодородия у ферганцев также ассоциировался с изображением ромба.

Особый интерес представляет сюжет Ж-2 (рис. 2) из Кызлартепе, где процарапан круг в круге: от внешнего круга отходят прямые линии в виде лучей. Внешне напоминает солнце с расходящимися лучами. Аналогий найдено немного. С процарапанным орнаментом: Ж-1 (рис. 2) - в могильнике Тура-Таш (11, табл. 48). С расписным орнаментом: Ж-3 (рис. 2) - в керамике шурабашатской культуры (19, табл. XLVII).

Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с солярным культом, возможно, поклонением космосу. Это говорит о том, что у древних ферганцев наряду с полиспиритуализмом (поклонение различным духам: природы, предков и т.д.) было и какое-то другое верование.

Общеизвестно, что солярный культ был характерен в большей степени индоиранским племенам-огнепоклонникам.

Древним кочевым племенам, жившим в восточной части Центральной Азии был известен шаманизм; племена юэцжи, жившие западнее всех кочевых племен, поклонялись единому небесному божеству; племена хунну, в силу своего географического расположения между восточной и западной частями кочевых степей и гор Центральной Азии, синтезировали в своей духовной культуре и единобожие и шаманизм (28, с. 98-99).

Известно, что задолго до вторжения гуннов, на территории Центральной Азии - в Семиречье, Тянь-Шане и по Сырдарье были расселены значительные группы тюркоязычного населения (7, с. 214-215). Нет сомнений в том, что появление древнетюркских элементов культуры в Фергане относится к середине I тысячелетия до н.э. Можно предположить, что древнетюркские племена под влиянием индоранцев переняли солярный

культ и через солнце стали изображать свое всевышнее небесное божество.

Поклонение солнцу в качестве единого или важнейшего божества, по сравнению с поклонением духам природы, стоит на более высоком уровне религиозного сознания. Наличие культа солнца говорит о разграничении божеств по степени важности или о единобожии.

Особый интерес представляет вопрос о функциональном назначении посуды с процарапанным орнаментом. Мы считаем, что такая посуда использовалась для хранения продуктов питания; на это указывает и то, что основная масса керамики с процарапанным орнаментом представлена горшками, некоторые - с проушными отверстиями. Вероятно, орнамент и наносился в качестве оберега.

Исходя из «ритуально-оберегательного» характера назначения орнаментированных сосудов, а также редкой встречаемости самих экземпляров (с процарапанным орнаментом), можно считать, что посуда имела культовый характер. Эти сосуды могли быть заказными и, соответственно, стоить дороже.

Исследованный орнамент по семантике не входит в рамки ни буддизма, ни христианства. Скорее всего это - смешение полиспиритуализма с поклонением космосу.

Как свидетельствуют археологические материалы, в первые века нашей эры во всех ирригационных районах Ферганы появляется большое количество городов и поселений городского типа, происходит обширный процесс урбанизации (29, с. 49), увеличивается ассортимент керамических сосудов. К этому времени относится высококачественная посуда с обработкой поверхности до металлического блеска (30, с. 11).

В заключении хотим отметить, что в начале II в. н.э. в Фергане происходят серьезные изменения, в частности, «гунны распространяют свою власть на запад от Пулэля (Синьцзянь, озеро Баркуль) до Дациня (по всей вероятности Каспийское море), захватывая тем самым, Тянь-Шань и Фергану» (7, с. 95).

Возможно, появление техники процарапанного орнамента связано с этим самым продвижением племен хунну на запад, к тому же и семантика процарапанного орнамента, как видно, не противоречит религиозным представлениям хуннов. По всей вероятности, какая-то часть племен хунну, прибыв в Фергану, оседает и в синтезе с местной культурой Давани, которая к этому времени испытала возде-

ствии юэчжей и усуней, создает данный метод и мотивы орнаментации.

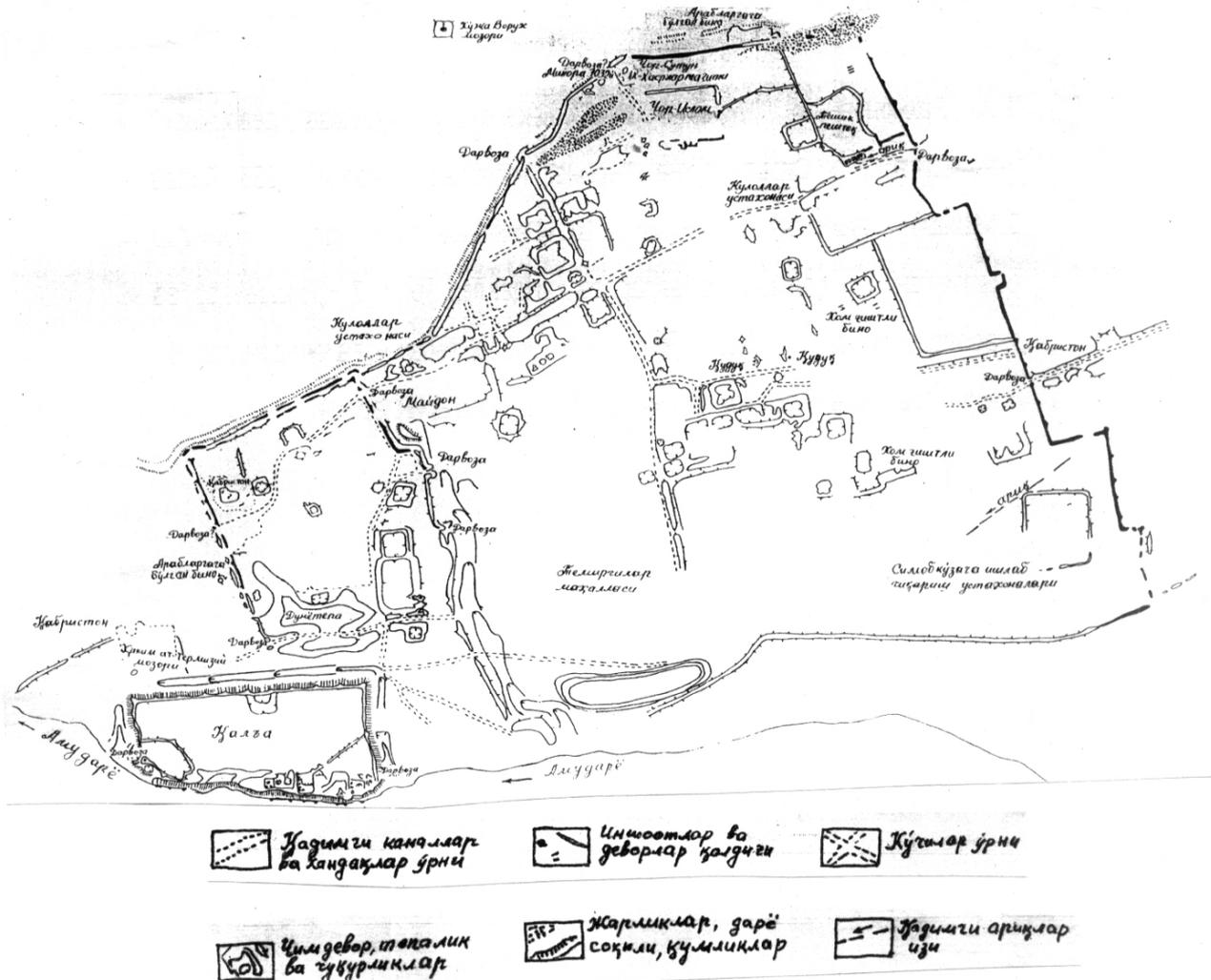
1. Воробьева М.Г. Керамика // Кой-Крылган-Кала. М., 1974.
2. Sharma G., Negi J. The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II, М., 1975.
3. Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
4. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ, 1961, № 3.
5. Латынин Б.А. Вопросы хронологии земледельческих поселений. Л., 1961.
6. Труды Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1951. Т. IV.
7. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Ферганы // МИА, № 26, 1952.
8. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана. Автореф. Дисс. Канд. ист. наук. Л., 1954.
9. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
10. Козенкова Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
11. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
12. Горбунова Н.Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры//ТГЭ, 1979.
13. Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana (VI c. BC - VI c. AD). BAR International Series 281, Oxford, 1986. Пер. Ф.П.Андрюшкина.
14. Салтовская Е.Д. Северо-западна Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. Дисс. Канд. ист. наук. Душанбе, 1971.
15. Абдулгазиева Б. Керамика поселения гончаров Камолтепа // ОНУ, 1995, № 5-8.
16. Горбунова Н.Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом // АСГЭ, 1971, № 13.
17. Анарбаев А.А., Иневаткина О.Н. Стратиграфическое изучение Шахристана I городища Эски Ахси // ИМКУ, вып. 24. Т., 1990.
18. Кудратов С. Орнаментированная керамика из поселения Куюктепа // ОНУ, № 12, 1988.
19. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118, М.-Л., 1962.
20. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ, № 2, 1946.
21. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА, № 1, 1965.
22. Анарбаев А.А., Максудов А. К вопросу об определении возраста орошаемого земледелия // ТД межд. конф. «Генезис и пути урбанизации Центральной Азии». Самарканд, 1995.
23. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.
24. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, т. 2.
25. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979.
26. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. 2 часть // СА, № 2, 1965.
27. Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982.
28. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
29. Анарбаев А.А. Города Северной Ферганы в древности и раннем средневековье // ОНУ, № 1-2. Т., 1994.
30. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) // СА, № 1, 1988.

Ш.А. РАҲМОНОВ

КЎХНА ТЕРМИЗ ШАҲРИСТОНИ МУДОФАА ДЕВОРЛАРИ

Марказий Осиёнинг қадим шаҳар марказларидан бири кўхна Термизнинг мудофаа иншоатларида олиб борилаётган тадқиқотлар қадим ҳарбий меъморчиликни ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Кўхна Термиз истехкомларини ўрганиш дастлаб 1936-1938 йилларда шаҳар харобаларида изланишлар олиб борган проф.

М.Е. Массон раҳбарлигидаги Термиз археологик комплекс экспедицияси (ТАКЭ) фаолияти билан боғлиқдир. Шу даврда девор қолдиқлари тўла тавсифланиб, уларнинг чамали топографик тарҳи туширилди (1-Сурат) ҳамда ёзма манба маълумотлари асосида уларнинг тараққиёт даврлари кўрсатиб берилди (Массон, 1940; Шишкин, 1940).

1. Сурат. Кўхна Термиз топографик тарҳи. 1936 йилда В.А. Шишкин туширган. 1985 йилда Ш.А.Раҳмонов томонидан аниқликлар киритилган. 1-Қадимги каналлар ва хандақлар ўрни. 2-Иншоотлар ва деворлар қолдиғи. 3-Қўчалар ўрни. 4-Чимдевор тепалик ва чуқурликлар. 5-Жарликлар дарё соҳили ва қумликлар. 6-Қадимги ариқлар изи.

1979 йилдан бошлаб Ўзбекистон ФА археология Илмгоҳининг Термиз археологик бўлинмаси томониан шаҳар харобларида тадқиқотлар яна тикланди. Албатта истехкомлар қолдиқларини ўрганиш бўлинма олдидаги асосий муаммолардан бири эди. Устивор режа асосида истехком харобларининг барча қисмларида изланишлар олиб борилди. Натижада ТАКЭ ходимлари хулосалари тасдиғини топди ва кўп ҳолларда аниқликлар киритилди (Рахмонов, 1989;1992).

Ўз вақтида Термизни тўрта халқа деворлари; қалъа-аркни, шахристонни ва икки рободни ўраб турган. Урушдан кейинги ўзлаштиришлар натижасида тўртинчи халқа деворлари бутунлай текислаб юборилган. Қуйида шаҳар истехкомларининг муҳим қисмларидан бири шахристон деворлари тўғрисида фикр юритилади.

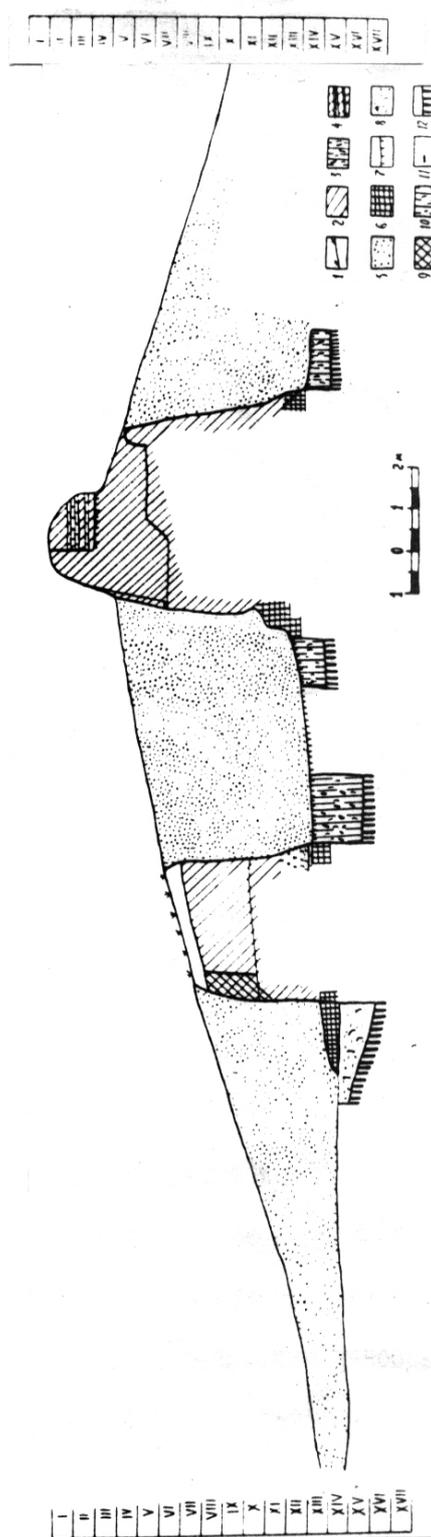
Кўхна Термиз шахристони арк-қалъадан шимол, шимоли-шарқ ва шарқ томонлардаги майдонни эгаллаб туради (1-Сурат). Ўз вақтида В.А.Шишкин шахристон шаклини тўғри тўртбурчакка киёслаб бу шакл унинг шимоли-ғарбий қисмига хослиғини кўрсатган эди. Шахристон қалъага тақалган томондан бошқа ҳамма томондан деворлар билан ўраб олинган. Унинг деворлари кўшалок яъни икки параллел деворлардан ташкил топган бўлиб, ораси 7-11 м. (Шишкин, 1940, с.133). Ички девор салобатлироқ ва нисбатан яхшироқ сақланган: ташки девор пастроқ нисбатан ночорроқ аҳволда. Термиз археологик комплекс экспедицияси тадқиқотчилари ушбу деворларда бир неча таъмир ва қурилишлар даврини кўрсатиб, сўнгги таъмир даврини сопол ва бошқа топилмалар асосида XII асрнинг охири - XIII асрнинг бошлари ёхуд муғуллар истилоси арафаси билан саналашса, деворларга асос солинишини араблар истилосигача бўлган даврларга тақашади (Массон, 1940, с.94).

Ҳозирда шахристон деворнинг шимоли-ғарбий томони нисбатан яхши сақлаган. Унинг деворлари бевосита қалъа шимоли-ғарбий томони дарвоза тахмин қилинаётган жойдан хандак ортидан бошланади. Деворнинг айнан шу қисмида шахристон дарвозаларининг бири тадқиқотчилар томонидан кўрсатилади. Деворларнинг бу қисми ҳозирда анча ночор аҳволда бўлиб, мутахасисгина улар қолдиғини кўриши мумкин. Девор жануби-шарқдан шимоли-ғарбга томон йўналган бўлиб, ҳозирда, тахминан унинг ўрталарида бурж қолдиғини кўриш мумкин. Ушбу буржни

шартли равишда биринчи рақамли бурж деб оламыз. Унинг эни 9 м, девордан ташқарига 4,4 м чиқиб туради. Бурж ярим айлана шаклига эга бўлиб диаметри ҳам 4,4 м, сўнгги таъмир даврида у квадрат шаклидаги хом ғиштлар (ўлчамлари 24-25x24-25x4 см) билан ўраб олинади. Биринчи бурждан 43 м шимолда иккинчи бурж қолдиғи кузатилади, унинг эни 7,5 м девордан ташқарига 4 м чиқиб туради. Яна 2 - бурждан 44 м масофада 3 - бурж жойлашган, унинг эни 6,3 м, девордан ташқарига 2,8 м чиқиб туради. Сўнгги бурждан 38 м масофада 4-бурж жойлашган. Сўнгра ундан девор тўғри бурчак билан шимоли-шарқ йўналишига қараб қайрилади. Шундай қилиб шахристон шимоли-ғарбий деворлари 300 м масофада кузатилади. 4-бурчак буржда таъмир излари яққол кузатилади, унинг диаметри 7,2 м. Бурчак бурждан шарқий йўналиш бўйлаб 40 м масофада кейинги бурж жойлашган, у девордан ташқарига 3,2 м чиқиб туради, эни ҳам 3,2 м. Ушбу йўналишдаги буржлар илгариги томон буржларидан фаркли ўлароқ ярим айлана эмас, балки ярим овал шаклига эгадирлар. Сўнгги бурждан 36 м масофада кейинги 6-бурж жойлашган бўлиб, девордан 3,2 м чиқиб туради. Ушбу бурж нисбатан яхши сақланган буржлардан бири бўлиб, унинг устида эни 2,2 м ташки томондан 1,5 м девор билан тўсиб қўйилган камонбозлар майдончаси жойлашган. Юқорида қайд қилинганидек, шимоли-ғарбий деворлар нисбатан яхши сақланган бўлиб, уларда ҳар иккала деворлар ҳам яхши кузатилади. Ташки девордаги буржлар ички девордаги буржлар ўртасига тўғри келади. Деворлар орасидаги масофа 11 м ташкил қилади. сўнгги бурждан 41,7 м масофада 7-бурж жойлашган. Ундан 41 м масофада кейинги бурж ўрни кузатилади. Кейинги бурж (9) 39 м масофада кузатилиб, унинг фақат ўрнини кўриш мумкин. Бу қисмида ҳам девор текислаб юборилган. 9 ва 10 - буржлар орасидаги масофа 40 м. Сўнгги бурж девордан 3,5 м чиқиб туради, эни ҳам 3,5 м. Унинг устида ярим овал шаклидаги камонбозлар майдончаси сақланган, узунлиги 1,9 м, эни 1,5 м. Майдончанинг ташки тўсиқ девори 0,6-0,7 м қалинликка эга. Ташки девор бутунлай бузилиб кетган бўлсада, унда буржлар ўрнини кўриш мумкин. Ташки девор буржлари асосий девор буржлари тўғрисида жойлашган. Асосий деворда сўнгги таъмирда камонбозлар майдончасини ёпиб ташланганини кўриш мумкин. Сўнгги бурждан роса 40 м масофада 11 - бурж жойлашган. Ундан 93 м масофада 13 шимолий-шарқий бурчак буржи жойлашган (оралик

масофада ҳозирда текислаб юборилган 12 - бурж бўлгани шубҳасиз). Бурчак бурж эса кичик бир тепачага айланиб қолган. Деворлар шу жойда тўғри жануби-шарқий томонга буриладилар. 13-бурждан 20 м масофада қўшалок буржлар (14-15) билан мустақамланган дарвоза жойлашган. Унинг эни 6 м, нисбатан 15-бурж яхши сақланган, баландлиги 4,8 м. Унинг устида бир неча қатор пишиқ ғишт ва пахса қаламаларини кузатиш мумкин. Ундан 39 м масофада 16-бурж жойлашган. Сўнги буржлар оралик масофасида сўнги даврга оид тўлдириб ташланган камонбозлар майдончасини кўриш мумкин. Кейин 40 м масофада 17 - бурж ўрнини кўриш мумкин. Ташки деворда ҳам буржлар ўрнини аранг кузатиш мумкин, улар асосий девор буржлари тўғрисида жойлашган. Бурчак бурждан 160 м масофада деворлар шарқий томонга, сўнгра 25 метрдан сўнг яна жанубга қайрилади. Шу жойдан ташки девор бутунлай йўқолиб, унинг ўрнини хандак эгалайди. Сунгра асосий девор ҳозирда чим девор шаклида аранг кўзга илғарли ҳолатда қалъа шимоли-шарқий деворига параллел равишда дарё соҳилга қадар кузатилади.

Деворлар кесими. 1985 ва 1992 йиллар дала тадқиқотлари мавсумида шахристон деворларига асос солинган даври, уларнинг тузилишини аниқлаш мақсадида деворларда археологик тадқиқотлар олиб борилди. Шахристон деворларининг шимоли-шарқий томонида дарвозадан 15 м жанубда девор қирқиб кесимда ўрганилди (2-Сурат). Кесим эни 2 м, умумий узунлиги 40 м. Кесимнинг шартли ўлчов нуктаси сифатида асосий деворнинг энг яхши сақланган жойи олинди. Деворлар ушбу жойда шамол кумлари билан кўмилиб қолган бўлиб, ҳозирда фақат асосий деворнинг 1,5 м баландликдаги юқори қисми кўриниб туради. Шу сабаб уларни қазиб очиш бир нав енгилроқ бўлса, ниҳоятда яхши пишириб урилган пахса деворларни қирқиб тузилишини кузатиш катта қийинчиликлар туғдиради. Кесим натижаларига кўра деворлар ягона текис саҳнда қурилмаганлиги аниқланди. Девор тагидаги тин ер учламчи давр кумлоқ қатламидан иборат бўлиб, у ниҳоятда қаттиқ, бутун шаҳар шу қатлам устида қурилган, арк-қалъа ўрни табиий бироз баландроқ бўлган. У қатлам ташки девор тагида ўлчов нуктасидан 7,5-8 м пастликда

2 - Сурат. Деворлар кесими. 1-Юза қатлам. 2-Пахса. 3-Сополли тупроқ қатлами. 4-Пахса ва хом ғишт қаламаси. 5-Учирма кум қатлами. 6-Пойдевор. 7-Текис саҳн. 8-Сополли кум қатлами. 9- Қушимча пахса. 10-Пишиқ ғишт ва сополли тупроқ қатлами. 11- Пишиқ ғишт қаламаси. 12-Тин ер.

бўлса, ички асосий девор тагида 6,5 м пастликда кузатилади. Деворлар орасидаги масофа улар асосида 5,3 м, юқори сақланиб қолган қисмида 6,5 м. Табиийки, деворлар кесимда конус шаклида эгилтириб қурилган бўлиб, бу қурилишда меъморий услуб ҳисобланади ҳамда деворларни пастки қисмини ташқи таъсуротлар натижасида бузилишдан сақласа, ҳарбий санъатда девор ҳимоячиларга нишонга олишда душманни девор тагига яқин келганда ҳам бир мунча имконият яратган. Ташқи девор пойдевори тагидан 0,7-0,8 м қалинлигида кам миқдордаги сопол парчалари қўшилган дарё оқова қуми қатлами кузатилди. Ушбу қатлам усти текисланиб 0,5-0,6 м баландликдаги пахса пойдевор қурилган. У деворнинг ташқи томонига эгилтириб, девор чизиғидан 1,5-1,6 м чиқариб қурилган, бу билан юқорида эслатилган ҳарбий санъат ва меъморчилик услубига қаттиқ риоя қилинганини яна бир бор кўришимиз мумкин. Девор ички томонидан пахса ва квадрат шаклидаги хом ғиштлар (ўлчамлари 24-25x5см) қаламаси кузатилади. Қаламада дастлаб ораси 5 см бўлган уч қатор хом ғишт қаламасини, сўнгра ораси 10 см бўлган яна уч қатор қаламани кейин юқорида бутунлай пахса девор кузатилади. Девор 3 м баландликда сақланган. Унда аниқ икки қурилиш даврини кузатиш мумкин; биринчисида девор қалинлиги 2,7 м, кейинги даврда унга ташқи томондан 0,6 м девор қўшилади. Таъмир эслатиб ўтилганидек, девор ички томони паст қисмида ҳам кузатилади.

Ташқи девордан фарқли ўларок, ички асосий девор 0,8 м баландликдаги пойдеворда пахсадан қурилган (пахса пешлари ўлчами 0,6-0,7 м). Девор қалинлиги унинг асосида 5,6 м, сақланиб қолган баландлигида эса 3,8 м ташкил этади. Девор ўз фаолияти даврида бир неча маротаба таъмирланган. Дастлаб унинг юқори қисмида ташқаридан тўсилган камонбозлар майдончаси бўлган. Майдонча текис саҳни ўлчов нуктасидан 1,55 м пастликда жойлашган. Унинг эни 0,75 м бўлиб, ташқи тўсиқ деворчаси қалинлиги 0,85 м сақлаган баландлиги 1,1 м. Камонбозлар майдончаси эни торлик қилиб қолади шекилли, кейинги таъмир даврида унга 0,5 м қалинлигида пахса девор қўшилади. Натижада майдонча эни 1,25 м этади ва камонбозлар ҳаракатида бир мунча қулайликка эришилади. Кейинги таъмир даврида камонбозлар майдончаси ҳам квадрат шаклидаги хом ғишт (26x7 см) ва пахса қаламалари билан тўлдириб

ташланади. Деворни ташқи юзаси қисман бузилганда бир қатор пишиқ ғишт (20x5 см) териб юқориси пахса билан суваб ташланади. Бу бир қатор ғишт-ҳошия бутун асосий девор юзасида кузатилади. Деворлар орасидаги текис саҳн ташқи деворга томон қияликка эга бўлиб, асосий деворда ўлчов нуктасидан 5,6 м пастликда бўлса, ташқи девор тагида 6,15 м саҳнда кузатилади. Текис саҳн тагида сопол ва қурилиш ташландиқларидан (пишиқ ва хом ғишт парчалари) ташкил топган қаттиқ қатлам кузатилади.

Деворларга асос солиниши ҳамда таъмирлаш давриларини аниқлашда асосий ашёвий манба бўлиб ниҳоятда ночор парчалардан ташкил топган сопол бўлақлари ҳисобланади. Улар камонбозлар майдончасини тўлдириб ташланган қатламдан, бевосита деворлар таркибидан, деворлар орасидаги текис саҳн тагидан, пойдевор таркибидан ҳамда ташқарисидан тин ер устидаги қатламдан олинган бўлиб, деворлардаги таъмир ва ўзгаришларни мутлак, бўлмасида ҳар қалай саналашда асос бўлади. Пойдевор тагидаги қатлам сопол парчалари тоғора, коса, кўза, қопқоқ ҳамда ҳайкалча бўлақлари кўринишида қайд қилинди. Тоғора (1-Жадв. 9-10) қисман кум кўшиб яхши эйланган лойдан кулол чархида тайёрланган, очиқ-малла рангда, ички юзасига очиқ ангоб берилган, одатда ангоб кам кузатилади. Тоғора пастак конус шаклига эга. Гардиш қирқимда учбурчак шаклида. Кўзалар асосан тор бўйинли, гардиши қирқимда тўрт бурчак шаклида (1-Жадв. 5-7). Кўза гардиши парчаси туткичи бўлаги (1-Жадв. 8) билан, ташқи юзасига очиқ ангоб берилган. Унинг туткичида иккита думалоқ тугмача кўринишида безакчалар ёпиштирилган. Коса гардишлари икки хилда: яхши эйланган лойдан тайёрланган очиқ малла рангда, устидан қизил ангоб берилган, яна малла ангоб ҳам учраб туради. Гардиши ичкарига енгил қайрилган (1-Жадв. 1-3) диаметри 19-26 см. Кейинги кўриниши малла ангобли ўткир учли гардиши ичкарига қайрилган (1-Жадв.4). Қопқоқлар соман ва қисман кум кўшилган лойдан тайёрланган бўлиб, одатча очиқ ангобли, тагида кум сепилган. Қопқоқ парчасида (1-Жадв. 16) ўткир асбобда бажарилган босма безак мавжуд. От ҳайкалчаси парчаси (1-Жадв. 15), орқа чап оёғи ҳамда синиқ думи сақланган.

Ташқи девор пойдевори таркибидан кўза ва коса парчалари олинди. Қадаҳ шаклидаги коса гардиши диаметри 15 см. Ташқи юзасига ювиладиган қизил ангоб берилган. Гардиш тўғри салгина ташқарига қайрилган. Конус шаклидаги коса гардиши (1-Жадв.17) қизғиш рангда

ангобланган. Сирланган коса гардиши оқ юзага қора рангда гул солинган, унинг ташқи томонидан оқ юзага тик кизил чизиклар чизилган (1-Жадв. 23). Тор бўйинли кўза парчалари тутқичи билан учратилади (1-Жадв.2). Ташқи юзаси очик рангда ангобланган. Худди шундай кўза туткичларида думалоқ тугмачалар кўринишида безакчалар ёпиштириб қўйилган (1-Жадв.22). бошқа бўлаги эса кўк-сарғиш ангобланиб туткич устида ғумбаксимон безакча ўрнатилган (1-Жадв.21). Яна қўлда тайёрланган кўза парчаси ташқи юзасида тирналган безак излари кузатилади (1-Жадв. 19), унинг лойи таркибида тош парчаларини кўриш мумкин.

Девор таркибидан олинган сопол парчалари сирланган ва сирламаган идиш намуналаридан иборат бўлди. Косалар гардиш ва таглик бўлаклари кўринишида. Тўғри гардиш юзасида рангсиз сир тагидан бўёқлар бир-бирига қоришиб кетган, унда очик юзага кўк, тўқ малла малла-сарик рангдаги гулларни кузатиш мумкин (1-Жадв. 29). Косанинг халқасимон таглиги (1-Жадв. 30) беагини аниқлаш имкони бўлмади. Липкопча гардиши парчаси (1-Жадв. 28) оқ юзага кўк доғлар тарзида гулланган. Тор бўйинли кўза гардиши парчаси (1-Жадв. 31), лойи асосан ортиқча аралашмаларсиз бўлиб тобида пиширилган. Яна кўзанинг икки бўлак

1- Жадвал. Деворлар кесими. Сопол идишлар мажмуаси.

девори: бирида ўртасида гул солинган тугмасимон айлана тамға (1-Жадв. 33), иккинчисида марказга монанд терилган думалоқ тугмачалар ёнидан яна тугмачали таёқча ёпиштирилган (1-Жадв. 32).

Деворлар орасидаги текис саҳн тагидан олинган сопол намуналари коса гардиши ва тагликлардан иборат бўлди. Оқ юзали коса таглиги (1-Жадв. 25) текис ўртасига томон бироз бўртган, ички юзасида малла рангда хошияси тўқ малла рангда битилган куфи хати намунасини кўриш мумкин. Халқасимон таглик парчаси (1-Жадв.27), диаметри 9 см баландлиги 0,6 см. Оқиш юзага ичи нуқталар билан тўлдирилган тўқ малла доиралар туширилган. Юпқа деворли коса гардиши бўлаги (1-Жадв.24) кирғоғидан ички томонда оқ юзага ёзувга монанд белгилар кузатилади. Коса гардиши парчаси (1-Жадв. 26) ички юзасида рангсиз сир остидан чаплашиб кетган кўк, сариқ ва малла рангдаги гуллар туширилган.

Камонбозлар майдончаси кўмилмаси таркибидан қайд қилинган сопол парчалари коса, тувак ва кўзаларнинг бир неча шаклларига оид бўлди. Косанинг пастак халқасимон таглиги (1-Жадв. 38), диаметри 9 см, баландлиги 0,5 см. Унинг ички юзасида биконус шаклли тўқ малла рангдаги тўғри параллел чизикларда тасвирланган. Ташки кирғоғида қизғиш малла рангдаги доғлар кузатилади. Ярим сферик шаклли косалар гардиши (1-Жадв, 35-36) тўғри учли, диаметри 18-20 см. Гардиш ички кирғоғида қизил юзада икки сарғиш-малла рангдаги чизик ташки кирғоғида эса мўйқалам билан чизилган эгик қизил чизиклар туширилган. Бошқа парчада эса рангсиз сир тагидан оқ юзага кўк сариқ ва оқ рангдаги безаклар тасвирланган. Очик шаклдаги коса гардиши парчаси (1-Жадв. 37) оқ юзасида кўк доғсимон гуллар туширилган. Сирланмаган сопол намуналаридан тувакча, коса ҳамда кўза парчалари қайд қилинган. Туваклар гардиши қирқимда чангаксимон ва овал кўринишларига эга (1-жадв. 41-42). Кўзалар икки тор бўйинли идиш гардиши парчасидан (1-Жадв. 39-40) иборат бўлиб, гардишлар қирқимда учбурчак кўринишига эга. Цилиндр шаклидаги коса тоза яхши эйланган лойдан чархда тайёрланган. Гардишнинг ташқари юқори томонида ўрик данаги кўринишида ёпиштирилган бўртма безак мавжуд (1-жадв. 43).

Тин ер қатлами устидан қайд қилинган сопол намуналари ушбу худудда истехкомлар қурилгунгача бўлган даврда ҳам ҳаёт бўлганлигини кўрсатади. Пойдевор таркибида

қайд қилинган идиш бўлаклари ичида кушонлар даврига таъллуқли парчалар, яна ўрта асрлар даври сопол намуналари кўплаб кузатилади. Чунончи, оқ юзали сирланган сопол парчалари, ҳашаматли кўза бўлаклари IX-X асрлар билан саналанади. (Лунина, 1962, с.227; Тошходжаев, 1967, с.11; Шишкина, 1979, с.25 ва бошқалар). Деворлар орасидаги текис саҳн тагидан сопол парчалари куфи хати, ёзувсимон белгилар эса XI-XII асрларга бориб тақалади. (Большаков, 1958; 1963, рис. 11). Камонбозлар майдони қаламасидан олинган сопол парчалари Самарқанд ва Мари сополларининг мўғуллари истилоси арафаси даври сополлари намуналари билан яқинликка эғалигини кўриш мумкин (Тошходжаев, 1967, с. 112; Лунина, 1962, с.240).

Умуман олганда пахсадан мудофаа деворларини камонбозлар майдончаси ҳамда ярим овалсимон буржлар билан қуриш айнан ўрта аср шаҳар қурилишига хосдир (Самарқанд, Ахсикет, Мари, Хоразм шаҳарлари).

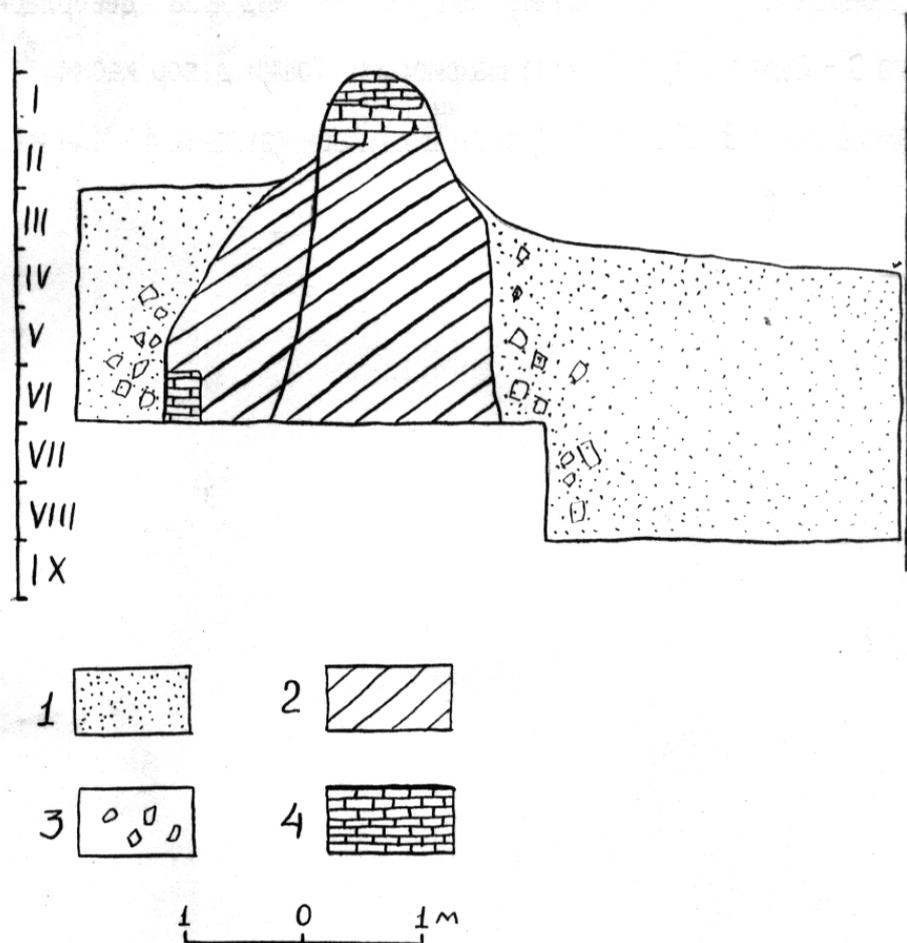
Ёзма манбалар маълумотлари таҳлили ҳамда уларни археологик тадқиқотлар натижалари билан таққослаш ҳозирда шаҳристон истехкомларининг тараққиёт босқичларини кузатиш имконини бермоқда. Юқорида қайд қилинганидек, шаҳристон мудофаа деворлари ўзига хос хусусиятга эга: жануби-ғарбий томонида кўшалок девор мавжуд бўлиб, асосий ички девор ярим айлана шаклдаги буржларга эга, шимолий томон деворларига эса ярим овал шаклидаги буржларни кузатиш мумкин бўлса, шимоли-шарқий деворнинг жанубий қисмида ташки девор ўрнида хандак кузатилади. Ал-Истахрий Термиз шаҳрининг уч қисмини; қалъа, мадина ва рободни кўрсатиб ўтар экан, сўнгисида "ўзгача" деворни эслатади. Макдусийда шаҳар истехкомлари эслатиб ўтилиб, шаҳристонни уч дарвозаси бўлганлиги айтилади. Ат-Тоборий маълумотларида робод девори ҳамда унинг VIII аср бошларида Муса ибн Хазим томонидан ҳимоя қилиниши воқеаларини кўриш мумкин (Ат-Табари, 1987, с. 105). Ат-Тоборий маълумотларини таҳлил қилар эканлар, таржимонлар, бизнингча, қалъа-арк ўз даврида мадина (шаҳристон) деб, ҳозирги шаҳристон эса робод деб аталган дея тўғри хулосага келадилар (Большаков, 1987, с.374). Кейинчалик робод шаҳристонга айланиб, сўнгги робод эса шаҳарни сув билан таъминловчи канал оқими бўйлаб юқорига муғуллар истилоси арафасидаги рободлар ўрнига кўчади. Ал-Истахрий бекорга деворларни "ўзига хос"лигини кўрсатмайди. X асрда деворлар қайта тикланганда ҳам ушбу

худуд ҳали эски номда робод деб юритилган. Ўз вақтида М.Е.Массон «робод» номини шаҳарнинг қайси қисмига қиёслаш шартли эканлигини айтганида яна бир бор ҳақ эди (Массон, 1940, с. 92).

Юқоридаги маълумотлар асосида шаҳристон истехкомларининг турли даврларга оид икки қисмини кўрсатиб ўтиш мумкин. Дастлаб ҳозирги истехкомлари араблар истилосидан анча илгари (Массон, 1940, с.94) ёки илк кушонлар (Рахмонов, 1994, с. 92) даврида қурилади. Бу ҳол пойдевор тагидан олинган сопол намуналари билан ҳам тасдиқланади. Шаҳристон девори дастлаб фақат ташқи девордан ташкил топган. Унга илк кушонлар даврида асос солинган. Шаҳар маданияти энг тараккий етган X аср бошларида унинг деворларида йирик таъмир ишлари кузатилади. Натижада асосий девор қурилади, ташқи девор ташқи томонидан пахса билан ўраб олинади. Худди шунингдек, буржлар ҳам пахса, ички паст қисмида ҳам ғишт билан ўралади. Учинчи

даврдан таъмирлардан сўнг асосий девор буржлари (мудофаанинг нозик жойларидагилари) пишиқ ғишт билан ўраб олинади. Асосий ички девор ташқи юзаси қисман таъмирланади. Бу давр ёзма манбалар маълумотлари асосида XI асрнинг II ярмига тўғри келади. Тўртинчи сўнгги даврдан камонбозлар майдони тўлдириб ташланади, у эҳтимол янада юқорироқ бўлгандир. Бу давр сопол намуналари ва ёзма манбалар маълумотлари асосида муғуллар истилосигача бўлган давр XII аср охири ва XIII аср бошлари билан саналаниб, бу борада В.А.Шишкин фикрини тасдиқлайди (Шишкин, 1940, с. 133-134).

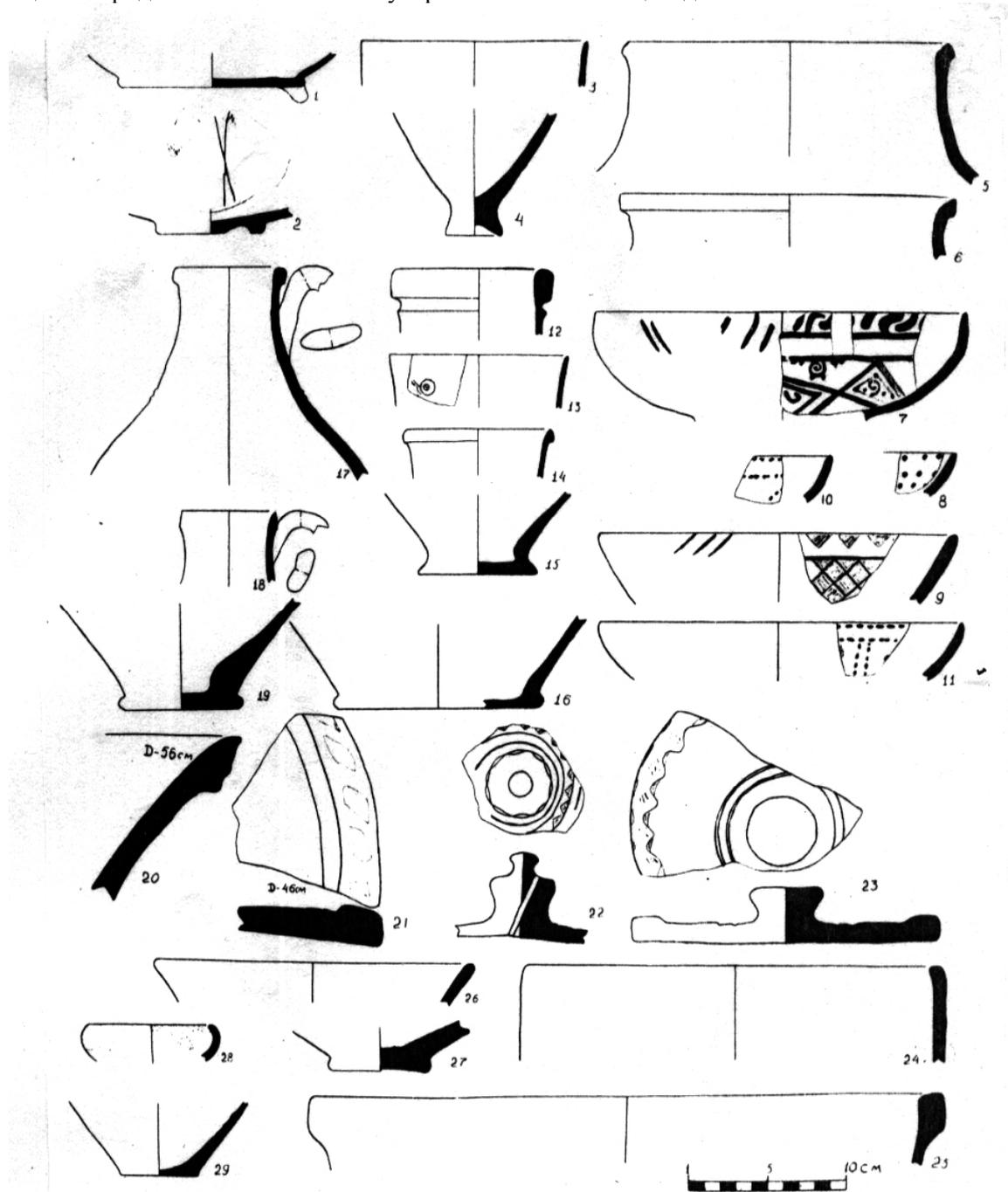
Ташқи девор кесими. Шимоли-шарқий бурчакдан 70 метрлар ғарбда ташқи деворни қирқишни амалга оширдик. Ушбу кесим ҳозирча охирига етказилмаган. Кесим узунлиги 10 м, эни 2 м бўлиб, шимоли-ғарбдан жануби-шарққа томон йўналган (3-сурат).

3 - Сурат. Ташқи девор кесими. 1-Учирма кум қатлами. 2-Пахса. 3-Қурилиш ахлатлари қатлами. 4-Ҳом ғишт қаламаси

Ўлчов нуқтаси сифатида шу ташқи деворнинг кесим олдидаги юқори белгиси олинди. Маълумки ташқи девор ички деворга нисбатан анча паст бўлиб, 1,5 м қалинликдаги девор ҳозирда кўмилиб қолган қатламдан бир метрлар юқорига чиқиб турарди. Қуйида бевосита девор тузилиши тўғрисида тўхталиб ўтамыз. Девор кесимда биринчи, иккинчи ярус саҳнларида пала-партиш терилган квадрат шаклидаги хом ғишт (ўлчамлари 30х6 см) ва паҳса қаламларидан ташкил топган. Сўнгра VI

ярус охиригача тоза мустаҳкам паҳса девор кузатилиб, худди шу саҳнда 2 м қалинликка эга. Деворни ички томонидан мустаҳкам таъмир кузатилиб, у бир метрлар қалинликдаги паҳса ва квадрат шаклидаги хом ғиштлардан (ўлчамлари 25х26х4-5 см) тикланади. Дастлабги девор ва таъмир девор орасида анча фарқ сезилиб, сўнггисида нисбатан пала-партишликни кузатиш мумкин. Шундай қилиб VI ярус охирида деворнинг умумий қалинлиги 3 метрни ташкил қилади.

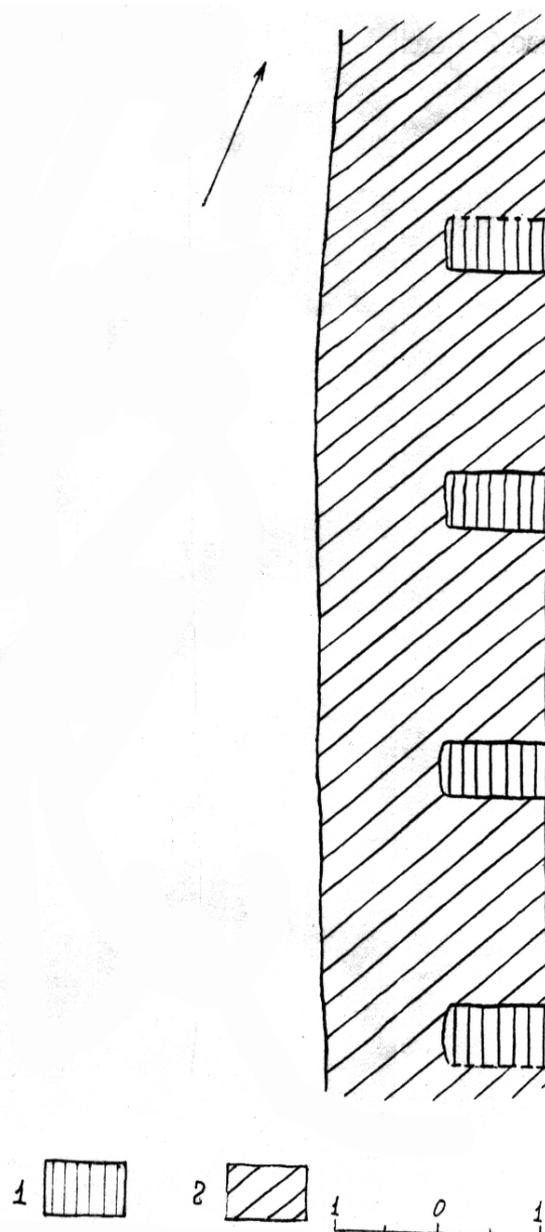
2. Жадвал. Ташқи девор кесими ва кунгурали девор қизишмаси. Сопол идишлар мажмуаси.

Кесим билан қамраб олинган деворнинг ички ва ташқи томонлари асосан шамол учуриб келтирган кум ҳамда девордан йиқилиб тушган ташландиқ қатламлар билан кўмилиб қолгани сабабли топилма ашёвий далиллар ниҳоятда аралашиб кетган. Шундай бўлсада, барча топилмалар, сополларни учта хронологик даврий мажмуага ажратиш мумкин. Биринчи мажмуа сополлари туркумига тўрта идиш парчаси таълукли бўлиб, улар: хум, коса ва қозон синиқларидир. Коса синиқлари (2 жадв. 26-27) гардиш ва такликдан ташкил топиб, гардиш кулранг лойли коса парчасидир, лойи тоза, юза қисми кул рангда ангобланган тобида пиширилган айланаси диаметри 20 см. Таглик айлана шаклида, диаметри 6,2 см, кизғиш лойига қисман кум қушилган, ташқи юзаси сарғиш оқ, ичи эса кизғиш рангда ангобланган, тобида пиширилган. Хум (2 жадв. 25) гардиши кесимда тўғрибурчак шаклида, тўмтоқ лойи кизғиш ташқи юзаси оқ-сарғиш ангобланган, тобида пиширилган. Айланаси диаметри 40 см. Қозон парчаси (2 Жадв. 24) тўмтоқ гардиш айланаси диаметри 26 см, лойига ёзилган сопол майдалари (шамот) ва кум қўшилган, ичининг бир қисми ҳамда ташқи юзаси қизил рангда ангобланган. Ташқи юзасида кўйик излари мавжуд, тобида пиширилган. Ушбу идишлар барча белгилари билан юқорида таъкидлаганимиздек, илк кушонлар даври сополларига яқинликни курсатади (Пидаев, 1987, б. 89-90; 1991, б. 90). Бу идишлар албатта ташқи деворга дастлаб асос солиниш даврини билдиради. Кейинги даврий мажмуа сополларига тоғора ва коса парчаларини кўрсатиш мумкин. Косача гардиши бўлаги бўлиб (2 жадв. 28), унинг айлана диаметри 8 см. Лойи тоза, маллатоб, ичи ва ташқи томонидан гардиши атрофида қизил ангоб чапланган. Иккинчи булак коса синиғи (2 жадв. 29), унинг таглигига таълукли бўлиб, лойи сарғиш қизил рангда, сарғиш оқ рангда ангобланган. Тагида қум сепилган ва тобида пиширилган. Тоғора очик конуссимон шаклда бўлиб (2 Жадв. 20), гардиши кесимда учбурчак шаклида, айланаси диаметри 56 см. Лойи кизғиш рангда, ташқи юзаси сарғиш оқ рангда ангобланган, тобида пиширилган. Ушбу сопол идишлар барча хусусиятлари билан илк ўрта аср сополларига яқинликни кўрсатади (Аннаев, 1988, б. 38 ва бошқалар). Кам миқдорда топилган сопол идишларнинг асосий қисмини сўнги хронологик мажмуа сополлари ташкил қилиб, булар технологик жиҳатдан

икки турга; сирланган ва сирланмаган идишларга бўлинади. Сирланган идишларни косалар ташкил қилиб, уларнинг ичи тўлик ва ташқи юзаси фақат гардиш атрофида сирланган. Косалар шаклан эгилган ва тик гардиши бўлиб (2 жадв. 7-11), лойи кизғиш рангда деярли аралашмаларсиз, тобида пиширилган. Безаклари геометрик ва ёзувга таклидан бўлиб, асосан оқиш юзага туширилган ҳамда турли-туман; оқ қизил, сариқ, яшил, қора, малла кулранг ва булар аралашмаларида бажарилган. Сирланмаган идишларнинг асосий қисмини кўзалар (2 жадв. 12-19) ташкил қилиб, улар гардишли бўйни ҳамда дастаси билан ва текис тагликларидан иборат бўлди. Гардишлар кесимда тўғри ва тўртбурчак, учбурчак шаклида бўлса, бўйинлари эса цилиндр шаклидадир. Безаклардан фақат тугмачадек қўлда ёпиштирилган нақш парчасини кўрсатиш мумкин (2 жадв. 13). Яна сирланмаган идишлар қаторига катта қалин қопқоғларни (2 жадв. 20-23) кўрсатиш мумкин. Улар асосан ўртасида тутқичли, қирғоқларига бармоқ ва тўмтоқ буюм билан босиб безакланган. Қопқоқ тутқичида қиялаштириб тешилган буғ чиқаргич тешиги ҳам бор (2 жадв. 22). Ушбу сопол идишлар мажмуаси асосан X-XI асрлар билан саналади (Пидаев, 1987, б. 93-94). Шундай қилиб, ташқи девор кесимида ҳозирча аниқ ажралаётган икки даврни кузатиш мумкин, улар дастлаб деворга асос солинган давр, илк кушонлар даври ва кейинги йирик таъмирлаш даври X аср яъни шу даврда ички асосий девор ҳам қурилади. Сопол мажмуасида қайд этилган илк ўрта асрлар даврига таълукли қатламларни эса ҳозирча девор таркибида учратмадик. Келажакда шахристон истехкомларида олиб бориладиган тадқиқотлар албатта юқоридаги даврлашларга аниқликлар киритиб, унинг тузилиши ва тархи тўғрисида янада аниқроқ маълумотлар беради. Эндиликда шуниси аёнки шахристон деворлари дастлаб илк кушонлар даврида қурилган ҳамда фақат унинг ўрта асрлардаги ташқи деворидан ташкил топган.

Ташқи деворлардаги қазималар. Нисбатан яхши сақланган шахристон муҳофаа иншоатларининг шарқий ва шимоли-ғарбий томонлари ташқи деворларини диққат билан кузатганда пахса девор ичида яхши силлиқ юза ажралишини кўриш мумкин. Бу ҳол шарқий ташқи деворда янада яхшироқ кузатилиб, яқин 200 метрлар масофада қайд этилади. Қазималарини шимоли-шарқий дарвозанинг жанубий томонидан тўғридан-тўғри тозалаш билан бошладик. Натижада сўнгроқ пахса билан бутунлай ёпиб ташланган кугурали девор

қолдигини 10 метрлар масофада қазиб очдик (4 сурат). Шарқий деворни 1985 йилдаги кесими маълумотлари асосида муҳокама қиладиган бўлсак, кунгуралар бошланиши тахминан девор асосидан 2,5 метрча юқорига тўғри келади (Рахмонов, 1989, б. 13). Шундай қилиб кунгурали девор ниҳоятла яхши ишланган пахсадан қурилган бўлиб, текис ва силлик қилиб қирилган. Кунгуралар девор ташқи юзасига текисланган, улар баландлиги 1 м, эни 0,5 м қалинлиги ҳам 1 м, орасидаги масофа ҳаммасида бор хил роса 2 метрни ташкил қилади (5 сурат). Ҳозирда ташқи деворнинг кунгура саҳнидаги қалинлиги 2,4 метрни ташкил қилади. Кейинги таъмирлаш натижасида девор кунгуралари билан тўлалигича ёпиб ташланади. Ёпишда ишлатилган пахса таркибидан олинган сопол парчалари таъмирлаш даврини саналашда муҳим ашёвий манба бўлиб хизмат қилади. Сопол идишлар мажмуаси топилган жойига қараб икки даврий мажмуага ажралади. Булар бевосита ёпиб ташланган пахса қатлам таркибидан ва айнан кунгурали девор таркибидан топилган идишлардир. Кунгурали девор таркибидан топилган идиш парчалари ниҳоятда кам бўлсада (2 жадв. 3-6), шаклан ва технологик хусусиятлари билан аниқ саналанади. Бу идишлар жумласига кулол чархида ишланган юқори сифатли паймона-қадаҳ (2 жадв. 3-4) ва ғўлча (2 жадв. 5-6) парчаларини курсатиш мумкин. Хусусан паймона парчалари тўғрисида муҳокама қиладиган бўлсак улар цилиндр-конуссимон шаклга ва нозик тагликка эга. Улар маллатоб тоза лойдан тайёрланиб ташқи томонидан кизил рангда ангобланган. Ушбу шаклдаги идишлар Бахтар замин кулолчилигида кенг тарқалган хилига кириб Тирмиз харобаларидаги изланишлар чоғида ҳам кўплаб учрайди ҳамда илк кушонлар даври билан саналади (Козловский, Некрасова, 1976, б. 32-35; Пидаев, 1987, б. 89-90). Худди шунингдек, ушбу идиш намуналарини Халчаёнда (Пугаченкова, 1966, б. 39-40), Далварзинтепа (Некрасова, Пугаченкова, 1978, б. 147-150) ва бошқа кўплаб ёдгорликларда учратиш мумкин. Шундай қилиб, кунгурали девор дастлаб қурилишини илк кушонлар даврига тўғри келади.

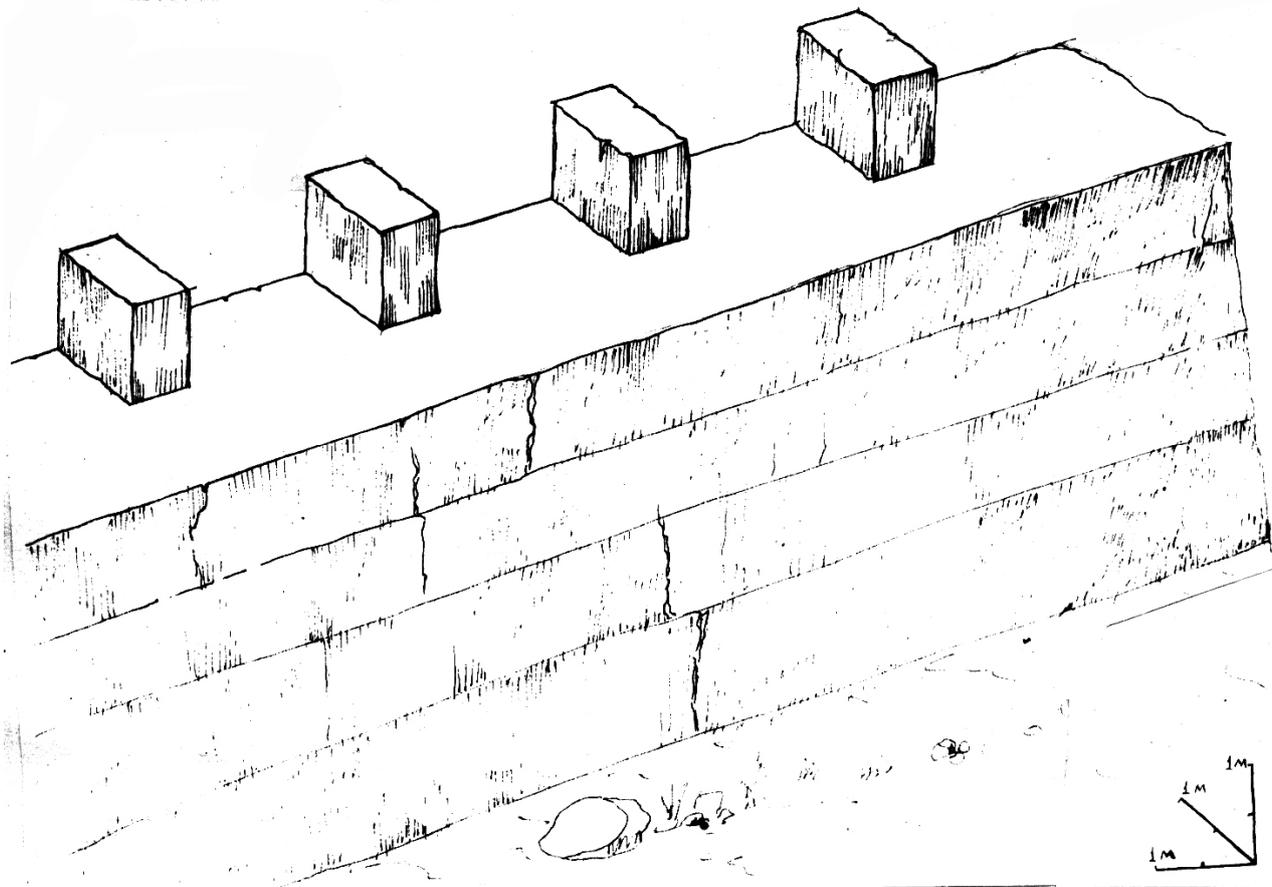

4 - Сурат. Кунгурали девор қолдиги тархи. 1- Кунгуралар. 2-Пахса.

Яна кейинги пайтларда қатор мутахасислар Тирмиз шаҳрини кушонлар давридаги майдонини Қалъа ва Чингизтепа билан чеклаб унинг ушбу даврда Бахтар заминидаги энг йирик шаҳарлар жумласига киришига ҳам шубҳа билдира бошладилар (Альбаум, 1982, б. 56; 1985, б. 12; 1990, б. 23). Шахристон истехкомларида қайд этилган усти кунгурадор деворлар кушонлар ҳарбий истехкомлар қурилиш анъаналарига хос бўлиб, антик даврдаги барча йирик шаҳарлар истехкомлари қолдикларида қайд этилсада, ханузгача тўлалигича сақланган ҳолда ҳеч бир ёдгорликда учратилмаганди. Албатта бу ўринда анъанани кейинги даврларга

хам анчайин кенг ривожланиб, ҳаттоки дафн маросимлари иншоатлари - остодонларда нақш тарзида туширилган. Агарда кунгураларни дастлаб келиб чиқишига мурожаат қиладиган бўлсак, унда милодгача III минг йиллик ўрталрига бориб тақалади (Абдуллаев, 1991, б.119). Яна шу нарсани эътиборга олиш керакки, айнан шу илк кушонлар даврида Шимолий Бактриянинг йирик шаҳар марказларидан бири Далварзинтепаннинг ҳам шаҳар деворларига асос солинади (Пугаченкова, 1978, с. 22) Шундай қилиб, Шимолий Бактрия заминиди «буюк юечжалар» ёки илк кушонлар даврида икки йирик марказининг шаҳар деворларига асос солинади. Энди кунгурали деворни пахса билан ёпиб ташланган қатламга қайтадиган бўлсак, бу ерда пахса нисбатан яхши ишлов берилмаган лойдан тайёрланган унинг таркибида ҳам ва пишитилмаган ғўра тупроқлар қолдиғини учратиш мумкин. Худди шу таркибдаги пахсани робод деворларида ҳам кузатиш мумкин. Ушбу таъмир даври пахса таркибидан олинган бир неча бўлак сопол

парчалари кўза (2 жадв. 1) ва коса (2 жадв. 2) синиклари бўлиб, улар юқори сифатлилиги билан ажралиб туради. Кўза ҳажман кичкина бўлсада лойи ниҳоятда тоза гилтупроқдан аралашмаларсиз оқиш рангда, яна шундай ангобланган ҳам таглик учта думбоқ оёқча устида (1), ўта сифатли қилиб тобида пиширилган. Сирланган коса парчаси таглиги халқасимон шаклга эга, лойи қизғиш аралашмаларсиз, ички юзаси сирланган, безакларда сариқ ва яшил ранглар бир-бирига чаплашиб кетган, яна қизғиш деворгача тирналган чизикларни кузатиш мумкин. Ушбу сопол парчалари шаклан ҳамда безаклари, технологик хусусиятлари билан кўплаб ёдгорликлар сопол мажмуаларига яқинликка эга. Хусусан бу ҳолни Термиз сопол мажмуаларида ҳам кузатиш мумкин (Пидаев, 1987, б. 94), бу идиш парчалари X асрлар билан саналаниб, деворни таъмир даврини ҳам шу вақт билан саналаш мумкин бўлади. Худди шу давр шаҳристон ички асосий девори қурилиши ҳам саналади (Рахмонов, 1989, б. 13).

5 - Сурат. Кунгурали девор аксонометрияси.

Кўхна Термиз шаҳристони истехкомлари ёки умуман Термиз истехкомлари қурилиш услуби, тузилиши, таъмирлаш хусусиятлари, боринги, қурилиш даврларига нафақат Шимолий Тохаристон, балки бутун Марказий Осиё ўрта аср шаҳар истехкомлари билан ниҳоятда яқинликка эгадир. Бу ўринда Жанубий Тожикистондаги Лағмон шаҳар харобасидаги истехкомлар қолдиғини девор ва буржлари ҳар томонлама Термиз девор буржларига яқинлигини кўриш мумкин (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 154, рис. 44). Дахистон вилоятидаги Мисрион шаҳар шаҳристони истехкомларида ҳам қўшалок девор қолдиқлари кузатилиб, деворлар орасидаги тор майдон душманга ўзига хос қопқон бўлган (Пугаченкова, 1958, с. 195). Шу билан бирга у ҳарбий санъат нуқтаи-назаридан ушбу деворларга нисбатан манжаниқларни ишлатишга имкон бермаган Яна қўшалок деворлар Охур ва Рустам-қалъада ҳам учрайди (Атагарыев, 1986, с. 40, 49). Ўрта аср шаҳар истехкомлари қурилишининг яна бир услуби деворларни ички томонидан ҳимоячиларнинг ҳаракатланиши учун очиқ майдон қолдирилган (Атагарыев, 1986, с. 171) бўлиб, бу Термиз шаҳристони деворларида ҳам яққол кузатилади. Г.А.Пугаченкова таъкидлаганидек, XI-XII асрлар шаҳар истехкомларида баландлик белгилари юқори туради, яъни ўткир кунгурали бақувват девор ва баланд буржлар... (Пугаченкова, 1958, с. 202).

Дарвозалар хусусида. Юқорида таъкидланганидек шаҳристон деворларида бешта дарвоза ўрнини кузатиш мумкин. Улардан учтаси шимоли-шарқий деворда ва иккитаси жануби-ғарбий деворда жойлашган. Ҳарбий меъморчилик нуқтаи-назаридан дарвозалар муҳофазанинг энг қалтис жойлари ҳисобланиб, имконият борича камроқ қурилган ҳамда улар муҳофаасига алоҳида эътибор берилган (Кюи, 1889, с. 6). Нисбатан яхши сақланган дарвозалардан бири шимоли-

шарқий бурчак яқинидаги дарвоза бўлиб, унда нисбатан катта бўлмаган бўсаға (6 м) ҳар икки томондан буржлар билан ҳимоя қилинган. Бу ўринда Тоборийни эътиборга лойиқ хабари диққатимизни ўзига тортади, яъни Тархунга дарвоза орқали шаҳарга бостириб киришдан деворни бузиб уни ишғол қилиш енгилроқ бўлган (Ат-Табари, 1987, с. 105). Ушбу маълумот шаҳар дарвозаларининг ниҳоятда мустаҳкам муҳофаа қилинганидан далолат беради. Яна ҳарбий меъморчилик қонуниятларига зид равишда улар сонининг кўп бўлиши мумкин, марказлашган кудратли давлатда эҳтимол, шаҳар ичкарасида ҳаракатларда қулайлик нуқтаи-назаридан дарвозалар сони кўпайтирилгандир. Худди шунингдек, амир Исмоил Сомонийнинг ибораси билан айтганда: «То мен тирик эканман, Бухоро вилоятнинг девори мен бўлмаган» (Наршахий, 1991, с. 112), яъни буюк кудратли давлатда шаҳар истехкомларининг мустаҳкамлигига эҳтиёж унинг ичкарасида ҳаракатланишга қулайликка нисбатан камроқ бўлган.

Шундай қилиб, Кўхна Термиз шаҳристони истехкомларидаги тадқиқотлар, уларнинг истехком сифатида дастлаб милодгача I асрларда асос солинганлигини ҳамда фақат ташқи девордан ташкил топганлигини кўрсатиб турибди. Сўнгра X аср бошларидан бошлаб, юқорида кўрсатилган йирик таъмирлашлардан сўнг «ўзига хос» қўшалок девор кўринишини олган. Ҳозиргача олиб борилган тадқиқотлар истехкомлардаги илк ўрта асрлар қатламлари тўғрисида бевосита маълумот бермасда, бу даврларда ҳозирги ташқи деворнинг фаолият кўрсатилганлиги шубҳасиздир. Чунончи, юқорида эслатилган VII аср бошларида (704 йил) робод (шаҳристон) деворларининг Муса ибн Хазим томонидан муҳофаа қилиниши фикри-мизнинг яққол далилидир. Истехкомларда келажакда олиб борилажак тадқиқотлар албатта, бу давр девори тузилиши, тархи ҳамда аниқ тараққиёт даврлари тўғрисида маълумот беради.

1. Абдуллаев К.А. К символике архитектурных деталей на аоссурных рельефах // ИМКУ, вып. 25, Т., 1991.
2. Альбаум Л.И. К толкованию каратепинских комплексов // Буддийские памятники в Старом Термезе. М., 1982.
3. Альбаум Л.И. К вопросу об исторической топографии городища Старого Термеза // Творческое наследие народов Средней Азии

в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Т., 1985.

4. Альбаум Л.И. Раскопки на городище Старый Термез (1976-1989) // Археология Средней Азии. ТД, Т., 1990.
5. Аннаев Т.Ж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Т., 1988.

6. Атагарриев Е. Средневековый Дахистан. История и культура города юго-западного Туркменистана. Л., 1986.
7. Ат-Табари. История. Ташкент, 1987.
8. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. Журнал «Эпиграфика Востока», 1958, вып. XII, Москва.
9. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. Журнал «Эпиграфика Востока», 1963, вып. XV, Москва.
10. Большаков О.Г. Комментарии Ат-Табари. История. Ташкент, 1987.
11. Козловский В.А., Некрасова Е.Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976.
12. Кюи Ц. Очерк истории долговременной фортификации. СПб., 1889.
13. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
14. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-начало XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962.
15. Массон М.Е. Городище Старый Термез и изучение. Труды ТАКЭ т. I, Т., 1940.
16. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.
17. Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Т., 1978.
18. Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Сб. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Т., 1987.
19. Пидаев Ш.Р. Сероглиняная керамика Мирзакултепа. ИМКУ, вып. 25, Т., 1991.
20. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI, Ашхабад, 1958.
21. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.
22. Пугаченкова Г.А. Укрепления нижнего города // Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.
23. Рахманов Ш.А. Средневековая фортификация Северного Тохаристана V - начала XIII вв. Самарканд, 1989.
24. Рахмонов Ш.А. Қадимги Термиз ўрта аср истеҳкомлари. Ўзбекистон қадим ва ўрта асрларда. Самарқанд, 1992.
25. Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967.
26. Шишкин В.А. К исторической топографии Старого Термеза. Труды ТАКЭ, т. 1, Т., 1940.
27. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
28. Шишкина Г.В. Северные ворота древнего Самарканда // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

А.А. ГРИЦИНА

ИЗУЧЕНИЕ КУРГАНОВ В СЫРДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганы Сырдарьинской области долгое время оставались вне поля зрения специалистов. Между тем, основную ее часть составляет Голлодная степь, населенная в древности кочевыми народами. Однако, в результате сплошного археологического обследования, курганов здесь зафиксировано относительно немного. Как правило, это отдельно стоящие холмы крупных размеров. Это можно объяснить тем, что большинство из них уничтожено в ходе освоения степи под орошение, а сохранились наиболее крупные, использующиеся, в основном под кладбища. Некоторые из памятников, обследованные в 1984 г. Сырдарьинским отрядом (1, с.133), также можно отнести к курганам (Сарытепа, Киндыктепа и др), т.к. при их обследовании не найдено каких - либо следов обживания.

Лучше сохранились курганы в южной подгорной части области (к югу от Хаваста), где, напротив, редко встречаются отдельно стоящие памятники этой категории, а преобладают курганные группы относительно небольших размеров.

Всего на территории Сырдарьинской области зафиксировано 17 групп или отдельно стоящих курганов (рис.1). Курганы изучались в ходе выполнения хоздоговорных работ в зонах комплексной реконструкции орошаемых земель Гулистанского, Ворошиловского и Хавастского районов.

Раскопки кургана Улькан-Сайлык. Памятник расположен на территории поселка племптицерепродуктора, на северной окраине г. Гулистана. Впервые он отмечен на карте В.Ф.Караева (2), затем его отметил М.Е.Массоно, предположивший, что он являлся цистерной-сардоба (3, с.17), через которую мог проходить караванный путь, упоминаемый Хордадбехом. Этот прямой путь из Хаваса в Хушкет, а оттуда в Бенакет описан Абу-л-Фидой, который, как известно, использовал сочинения Хордадбега (4, с.23). Хушкет локализован на месте городища Нурата возле одноименного селения в Сайхунабадском районе (5, с.22). С целью выявления функционального назначения памятника, на западном склоне его, начиная с XIII яруса от реперной точки, расположенной на вершине

холма, был заложен шурф-разрез (рис.2). Наполнение его представляло собой рыхлый однородный лесс. В конце XIX яруса в северо-восточной части раскопа неожиданно было зафиксировано и расчищено три очажных (?) пятна. Два из них окантованы лентами прокалины. Размеры пятен 40x50, 33x38 и 28x30см., прокалины до 20 см. В XXI ярусе было расчищено еще два следа от возжигания огня. Первый из них имел форму полукруга и частично уходил под восточную стену раскопа. Диаметр его составлял не менее 62 см, толщина окантовки 6см. Внутри очага находился пепел, а земля была прокалена докрасна. Другой след имел X-образную форму и включал прокаленную землю с угольками. Еще два следа горения обнаружены в начале XXII яруса. Один из них - в виде полудужия черного цвета. Возможно, это остатки сгоревшей ветки. Другой след - бесформенных очертаний, вытянут с запада на восток на 70 см. С запада он ограничивался перпендикулярно расположенной линией красного цвета.

В конце XXII яруса, расчищен очаг диаметром 45 см, внутри которого находились обгорелые кости животных. И, наконец, в конце XXII-нач. XXIII яруса, уже в материковом грунте, расчищен самый большой очаг, часть которого уходила за пределы северной стены раскопа. В нем, кроме костей животных, найдены фрагменты керамических сосудов.

Тщательное исследование характера месторасположения всех очагов показало, что они находились не в оплывах кургана, а непосредственно в его насыпи. Следовательно, следы несомненно ритуальных возжиганий, расположенные на разных уровнях, говорят о каких-то последовательных этапах возведения насыпи, в ходе которых и совершались эти действия. Видимо не случайно и то, что почти все очаги располагались друг над другом. Кости, найденные в ритуальных очагах, по определению А.Р. Батирова, принадлежали мелкому рогатому скоту (баранам и козам). Отметим, что обычай сжигать кости жертвенного животного имеет глубокие корни. Он известен у скифов и древних монголов, продолжает бытовать в наше время у

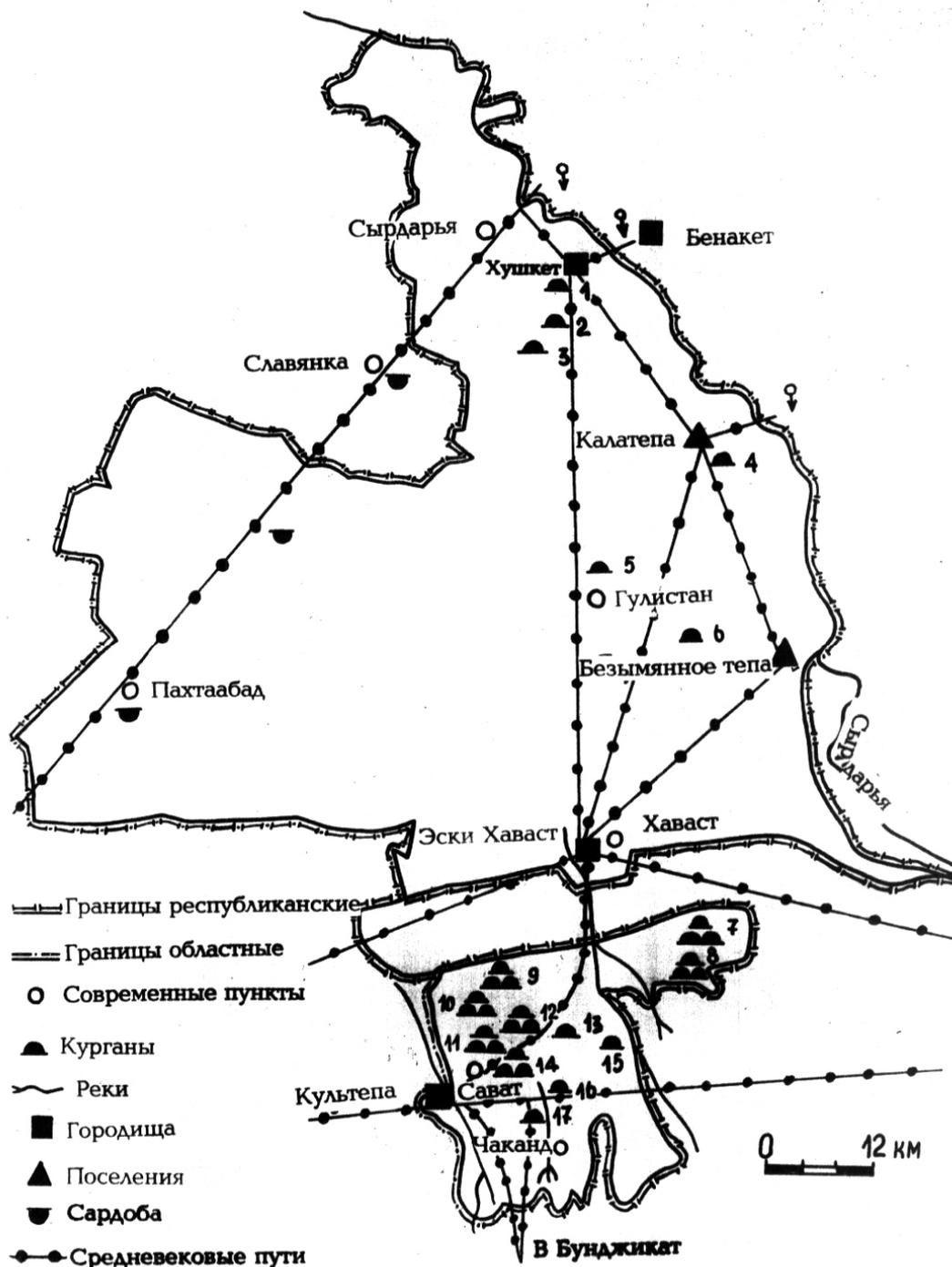

Рис. 1. Курганы Сырдарьинской области. 1. Сарытепа. 2. Читтытепа. 3. Киндыктепа. 4. Суйритепа. 5. Улькан-Сайлык. 6. Безымянный курган в совхозе "Баяут-4". 7-8. Курганы у селения Кушканд. 9-10, 11. Саганакский могильник. 12. Курганные группы к северу и западу от селения Сават. 13, 15-17. Отдельно стоящие курганы.

бурят и калмыков (21, с.85).

В нижнем очаге найдено три черепка. Два из них от котлов ручной формовки, а один - от кувшина гончарной выделки. Изнутри его имеются глубокие концентрические углубления от пальцев гончара. Керамику можно отнести к X-XII вв.

Таким образом, проведенные исследования показали, что перед нами крупный, видимо, царский курган. Не исключено, что это погребение племенного вождя тюркоязычных кочевников, известных в Средней Азии под названием гузов или огузов. О том, что в Голодной степи, расположенной в пределах Уструшаны, кочевали гузы сообщается в письменных источ-

никах. Ибн Хаукаль, описывая Замин, отмечал, что к северу от него расположена "страна гузов", представлявшая собой степь, в которой нет гор (6, с.20). Гузы упоминаются и Абу-Насром Ал-Утби в связи с битвой между представителем саманидской династии Абу Ибра-

химом Мунтасиром и караханидским илеком (7, с.226). Огузы обитали в районе Средней Сырдарьи (Фарабский округ, Шаш), в том числе и на ее левом берегу (8, с.74-75). По мнению Н.Н.Негматова, в IX-X вв. огузы

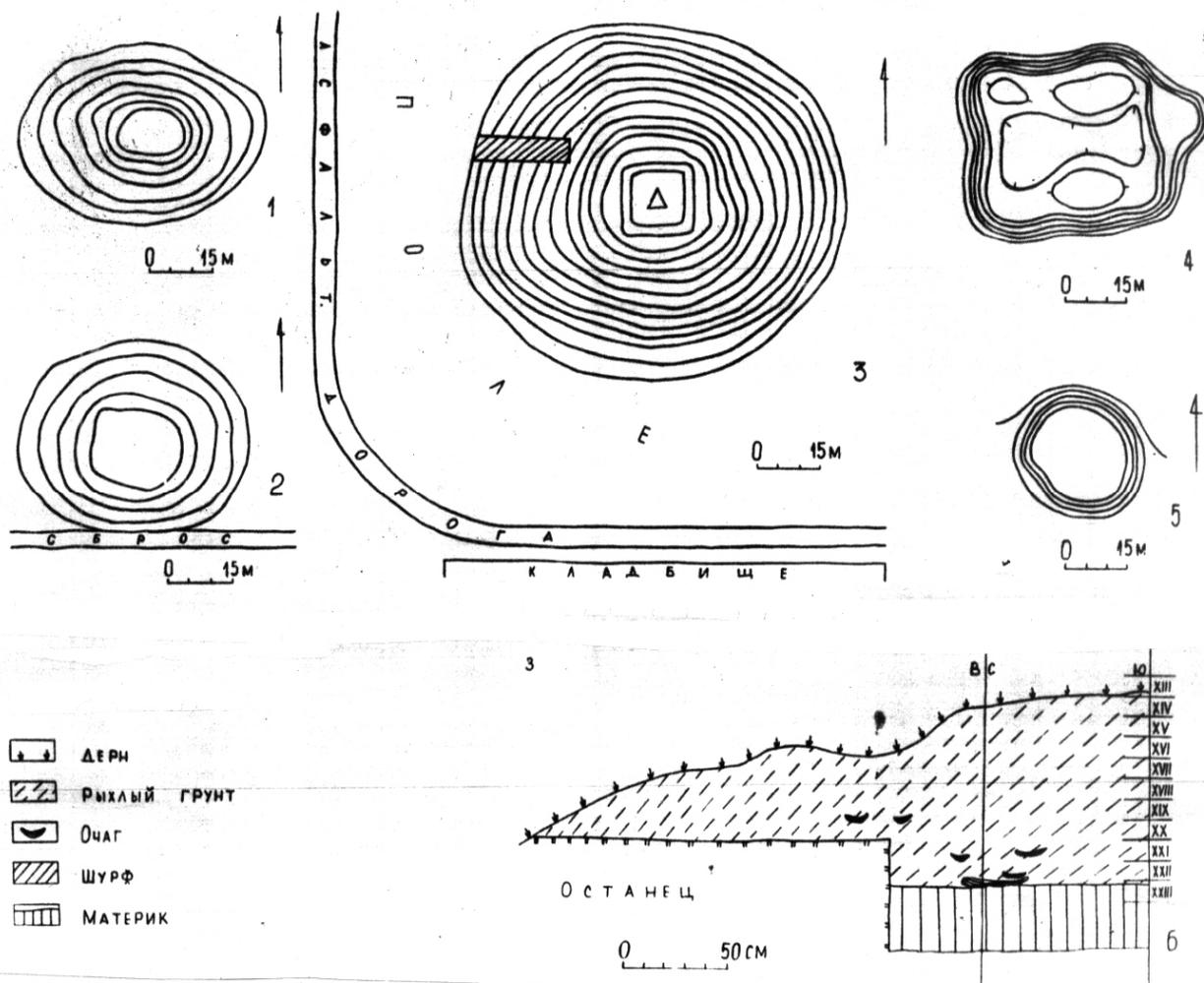

Рис.2. Планы курганов и поселений. 1. Курган в совхозе "Баяут-4". 2. Безымянное тепа. 3. Улькансайлык. 4. Калатепа. 5. Суиритепа. 6. Северная и восточная стены раскопа на кургане Улькан-Сайлык.

кочевали в присырдарьинских районах Голодной степи, на северо-западных границах Уструшаны (9, с.34).

Что касается нашего кургана, то он видимо, был возведен уже после того, как забрасывается прямой караванный путь от Хаваса в Хушкет, функционировавший в IX в. По сведениям Кудама и других средневековых авторов, начиная с X в., путь от Хаваса следовал прямо к Сырдарье и далее вдоль ее берегов (рис.1).

Раскопки Саганакского могильника. Могильник выявлен автором в 1988 г. Он расположен на правом берегу Ходжамушкентсая (Саганаксая), западнее селения Сават (Рис. 1). Первое погребение было вскрыто случайно при раскоп-

ках древнеуструшанского поселения Саганактепа 1 (10, с.21), вокруг которого и разбросаны курганы могильника. Погребение осуществлено в рыхлом культурном слое и заглублено в материковый лесс.¹ Наиболее четко удалось проследить часть заваленной погребальной камеры. С запада, видимо, приходил дромос, начало которого было заложено камнями. Реконструируемые по остаткам размеры дромоса составляют: длина 360, а ширина 90 см, погреб-

¹ Раскопки провел М.Х.Пардаев.

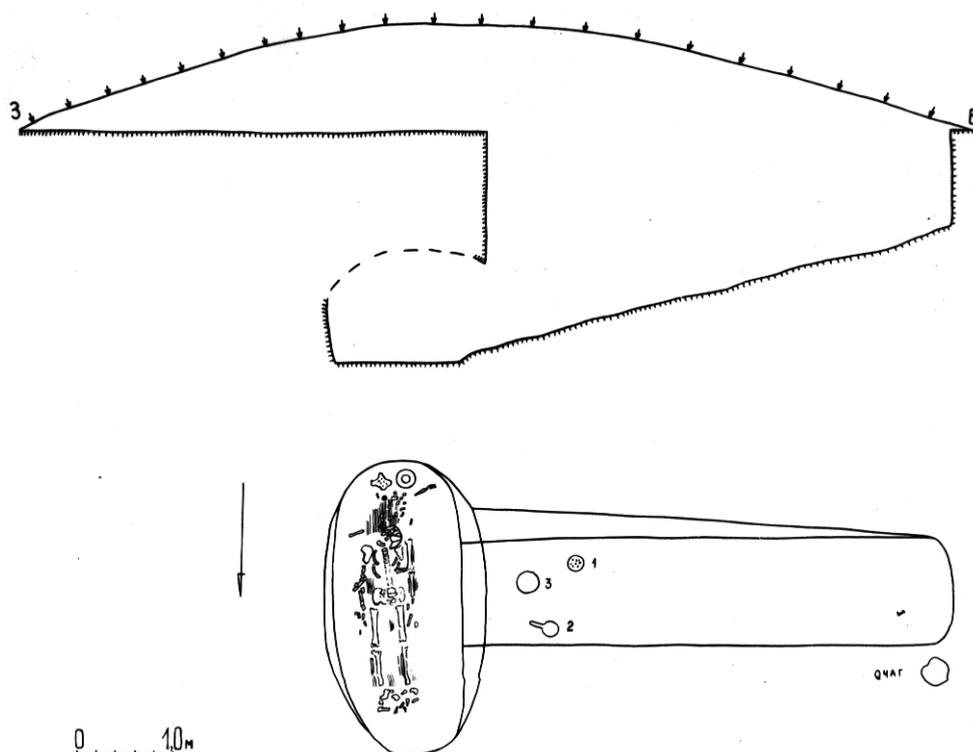

Рис.3. Саганакский могильник. Курган №2.

бальной камеры - длина около 250, ширина более 100 см. Погребенный лежал на правом боку, головой на север, лицом на запад. Руки согнуты в локтях, кисти покоились в области таза. Ноги слегка согнуты в коленях. Погребенный оказался мужчиной зрелого возраста. Череп мезокраний, средиземноморского типа.²

В дромосе найдено два сосуда и бронзовый шар со сквозным отверстием. Сбоку к нему подходит еще два небольших отверстия (рис.3, б). Один из сосудов - безручный кувшин станковой работы. Поверхность цвета лесса (рис.3, 4). Другой сосуд представляет собой лепную кружечку с нарушенными пропорциями. Ручка не сохранилась. Напротив нее имеется едва намеченный слив (рис.2, 5). Оба сосуда находят аналогии в каучинской культуре (11, с.166, рис.56).

Курган №1. Раположен в 160м к ССВ от поселения Саганактепа 1 и представлял собой холм, вытянутый с севера на юг, размерами 8x4м, высотой 0,5 м. Раскопки оказались неудачными. После снятия лессовой насыпи, следов погребальной камеры или дромоса обнаружить не удалось.

Курган №2. Расположен южнее кургана №1. Размеры его по основанию составляли 10x10 м,

высота - более 1м. Примерно в центре кургана, под лессовой насыпью находилась овальная в плане погребальная камера (катакомба), ориентированная по линии север-юг. Длина катакомбы 310 см, ширина 170 см. По мере приближения к уровню пола, камера несколько уменьшается в размерах. Свод ее не сохранился, но по его остаткам можно предположить, что высота от уровня пола не превышала 110-120 см.

В камере на камышовой подстилке лежал погребенный головой на юг, лицом на ЮВВ? Череп раздавлен обвалившимся сводом. Положение костяка: на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты (рис.4). Погребенный являлся мужчиной зрелого возраста.

К югу от черепа находился целый сосуд и крупный фрагмент котла, который использовался как своеобразная чаша, а также железный нож с остатками истлевшей деревянной ручки. В "чаше" и вокруг нее находился пепел. По-видимому, она использовалась в качестве курильницы. Отметим, что обычай оставлять курильницы около погребенных характерен для курганов первых веков н.э. (12, с.67). Рядом с вышеупомянутыми находками лежали остатки ритуальной пищи- фрагменты черепа барана.

² Определения антрополога Е.Л. Усмановой

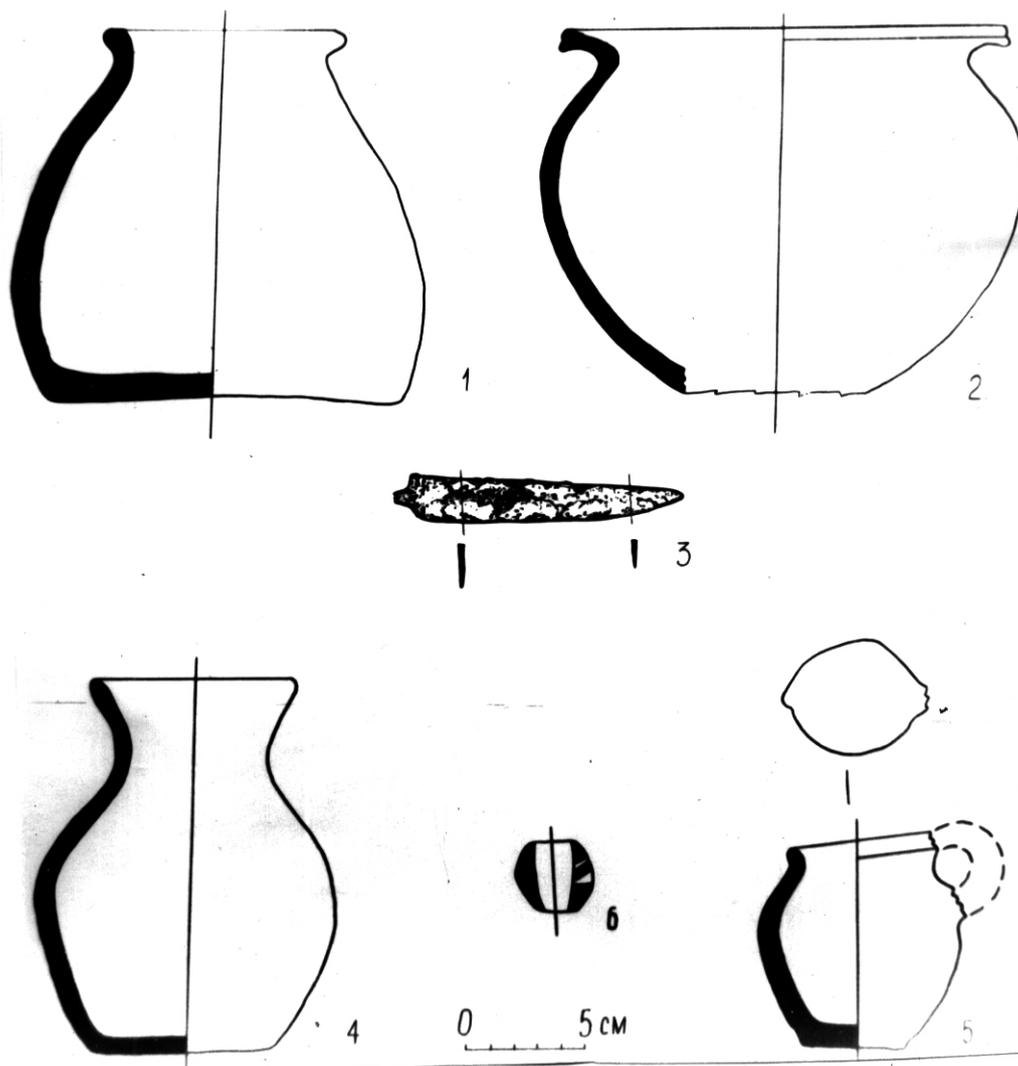

Рис.4, 1-3. Инвентарь из кургана №2. 4-6. Инвентарь из погребения в древнеуструшанском поселении Саганактепа

С запада, перпендикулярно длинной оси катакомбы, подходил дромос. Вход в катакомбу, видимо, был заложен гуваляком, остатки которого отмечены в завале. Уровень пола камеры расположен на 15 см ниже уровня пола дромоса. Пол дромоса сделан наклонно, в виде пандуса. Общая длина его составляет 520 см, ширина - в пределах 120 см. Вдоль южной стены дромоса при рытье оставлен выступ-пристеночек. Благодаря этому приему, была выровнена ширина дромоса, который первоначально расширился по мере подхода к катакомбе. Аналогичный прием "выпрямления" дромоса отмечен в одном из погребений под Самаркандом (13, с.187) и в Фергане (22, с.120-121).

При вскрытии дромоса, рядом с ним было расчищено очажное прокаленное пятно. Другое пятно зафиксировано в заподнении самого дромоса, на расстоянии 230 см от входа в катакомбу (рис.4).

Заполнение дромоса представляло собой рыхлый лесс, без посторонних включений. Перед самым входом в погребальную камеру, в полу дромоса было расчищено три лунки, глубиной от 5 до 8 см. В одной из них находилась земля темного цвета с пеплом? Поверхность дромоса шероховатая. На его стенах видны следы инструмента с широким рабочим краем.

В катакомбе найдено два сосуда и железный нож. Один сосуд целый. Это приземистый кувшин с широким, слегка вогнутым дном, сформированный ручным способом. (рис.4,1). Поверхность коричневого цвета. Глина плотная, без посторонних примесей. Сосуды с подобными пропорциями являются специфической формой кочевнической керамики (14, с.134; 15, с.260), характерной для северных районов Средней Азии. Аналогичные сосуды имеются среди керамики могильника близ Ширинсая (16, с.335, рис.13,6), Тура-Таш (17, с.77, табл. VII), куру-

мов и "мугхона" Ферганы и Чача (11, с.232, рис. 67, 46-47).

Поверхность котла, сформированного также ручным способом, закопчена. Глина - с примесью белых вкраплений. Не исключено, что сосуд имел поддон, который позволял увеличить плоскость дна, поскольку без него он был бы неустойчив. (рис.4,2). Подобные сосуды известны в керамическом комплексе среднего этапа кугайско-карабулакской культуры, датированной I-IV вв. н.э. (18, с.103, рис.2, 45).

Найденный в камере нож прямой, однолезвийный, переход от черенка к лезвию плавный. Черенок был, несомненно, посажен симметрично, продолжая ось лезвия (рис. 4,3). Подобные ножи Б.А.Литвинский относит к первому отделу, тип 1(19, табл.1). Наш нож наиболее сходен с ножами из Ворухского могильника и Карамарских курумов (19, табл. 3, 1,3).

Что касается самого погребального сооружения-катакомбы с подходящим к нему перпендикулярно длинным дромосом, то подобные погребения имеют широкое распространение в

Средней Азии и Казахстане и относятся к т.н. кенкольскому типу (20, с.84). Однако, наибольшее сходство как по конструкции погребального сооружения, ориентации, так и характеру находок, наблюдается с погребениями могильника Карабель в Фергане отнесенными к II-IV вв. н.э. (17, с.62-64). Этим временем датируется и наше погребение. Согласно схеме районирования, предложенной Н.Г.Горбуновой наше погребение, хотя и расположено за пределами Ферганы, но несомненно тяготеющее к этому региону, можно отнести ко второй группе погребений, занимающих окраинные районы Ферганы (западные и юго-западные) (20, с.94, 96).

Вышеописанное захоронение в древнеуструшанском поселении отличается от погребения кургана №2 по положению, ориентации погребенного и характеру находок. Требуется уточнения его датировка. Относятся ли эти погребения к одному хронологическому периоду и одной этнической группе может выявить только дальнейшее изучение могильника.

1. Алимов У.А., Сверчков Л.М. Археологические исследования в Сырдарьинской области // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент. Фан, 1987.

2. Караваев В.Ф. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк. Петроград, 1914.

3. Массон М.Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Ташкент, 1936.

4. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н.Велихановой. Баку; Элм, 1986.

5. Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тысячелетия до н.э. - начале XIII в. н.э. / археологическое исследование/ Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1990.

6. Бетгер Е.К. Извлечения из книги "Пути и страны" Абу-л-Касима ибн-Хаукаля // Труды САГУ им. В.И.Ленина. Ташкент. 1957.

7. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М.-Л., 1939.

8. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

9. Негматов Н.Н. К вопросу об этнической принадлежности населения Уструшаны // КСИИМК. Вып. 61. М., 1956.

10. Грицина А.А. К сложению городов и поселений на древних путях Северной Уструшаны // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент: Фан, 1990.

11. Левина Л.М. керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., Наука, 1971.

12. Обельченко О.В. Могильник Акджартепе // ИМКУ. Вып.3. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1962.

13. Обельченко О.В. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА, 1967, №2.

14. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., Наука, 1975.

15. Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986.

16. Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширинса в Узбекистане // СА, 1952, XVI.

17. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе; Изд-во АН Кирг.ССР, 1962.

18. Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник. Л.Искусство, 1984.

19. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., Наука, 1978.

20. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. // Археологический сборник. Вып. 22. Л.: Искусство, 1981.

21. Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.

22. Брыкина Г.А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСИА, М., 1982, №170.

Г.И. БОГОМОЛОВ

ПАНЦИРНЫЙ ДОСПЕХ С ГОРОДИЩА КАНКА

В процессе вскрытия храмового комплекса VI-нач.VII вв на городище Канка, на полу одного из двух культовых помещений (пом. 5) обнаружено большое количество панцирных пластин. Это первая находка панцирного доспеха в таком количестве в Чаче. Более 1500 штук целых и фрагментированных пластин лежало полосой от северного до восточного угла помещения. Так как комплекс в целом погиб от пожара, то первоначально казалось, что это следы какой-то поспешной схватки с врагом, однако настаивало то обстоятельство, что пластин практически нет в южной половине культовой залы, кроме того, панцирные пластины и кольчужные кольца, правда в меньшем количестве, были расчищены и на втором нижнем уровне пола помещения. Видимо, эти боевые доспехи были развешены на северной стене культового помещения и попали в храм в качестве победных трофеев или даров.

В составе найденного комплекса часть пластин сохранилась в спаянной массе в виде горизонтальных пластин, длиной 18-20 см. Все пластины изготовлены в виде плоской полосы, вдоль ее длинных сторон сделаны ряды сквозных мелких отверстий, явно скреплявших пластины между собой и кожаной основой. Верхняя пластина прикрывала нижнюю почти на треть. Выделяется 12 типов пластин. В основу классификации положены размеры и форма пластин. (Рис. 1)

1. Крупные пластины в виде длинной и широкой полосы, один конец которых ровный, т.е. прямоугольный, другой - сильно заовален. Размеры пластин - 11,6х3,4 см, толщина - 0,3 см. Вдоль длинных сторон пробито по ряду мелких отверстий диаметром 0,1-0,2 см. Пластины этого типа либо ровные, либо слегка изогнутые в средней части. Подобные пластинки найдены в материалах Пенджикента VI-VIII вв. (1, с.77), несколько более ранним периодом датируется пластинка с Актобе(8,с.64). Среди синхронных изображений воинов в Пенджикенте хорошо видно, что пластинки этого типа крепились на куртке или подоле панцирной юбки, причем

направлены овальным краем вверх (2, с.54, рис.41).

2. Панцирные пластинки второго типа близки к первому, также выделяются два варианта с легким изгибом в средней части или концевой (овальной). Размеры почти стандартны 10-10,5х3, 5-3 см и толщина 0,2 см. Вдоль края прочищаются сквозные отверстия диаметром 0,2 см. На одном из цельных фрагментов доспеха из трех пластин видно, что они заходят друг на друга, скрепляясь между собой через отверстия. Последние образуют как бы горизонтальный ряд из двух параллельных отверстий.

3. Пластинки этого типа также изготавливались в виде плоской полосы с одним прямоугольным краем и другим овальным. Размеры 8,8 - 9х - 4-3 см, толщина 0,2-0,3 см. Пластины слегка изогнуты. Вдоль края прочищаются сквозные отверстия, расположенные попарно. Пластинки с пробитыми отверстиями вдоль всего края известны по материалам Пенджикента (1, с. 77, рис. 46). Интересно, что ряд пластин только этого типа был украшен пятью шишечками округлой формы. Последние выбивались керном, видимо, с внутренней стороны пластин. Четыре шишечки образуют правильную фигуру (четырёхугольник), а пятая помещается в центре. На всех имеющихся пластинках шишечки расположены одинаково. Возможно, шишечки имели усилительную функцию, либо только декоративную. На одной из пенджикентских росписей панцирные пластинки всадника тоже украшены шишечкой, но только одной. (2, рис. 41).

4. Пластины этого типа, возможно, являются вариантом предыдущего. У них близкие размеры 9х3, 5-4, 2 см при толщине в 0,2-0,3 см. Но отличаются формой пластины, где овальная часть шире прямоугольного торца. В них также вдоль всего края сделаны отверстия. Овальный конец пластины слегка загнут.

Вообще, судя по размерам, они могли крепиться на верхней части панциря, где размер пластин везде приблизительно равен 8-10х8, - 10см (3, с.93).

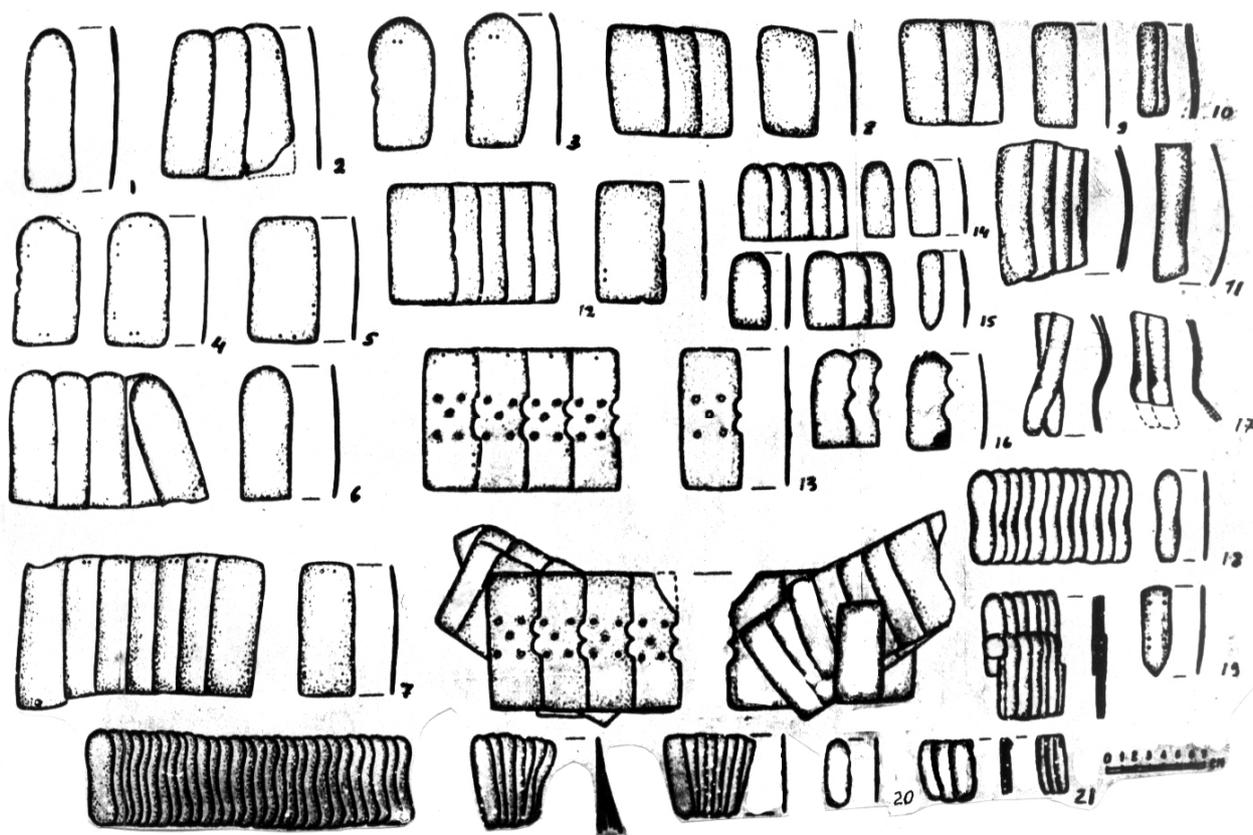

Рис.1. Типы панцерных пластин

5. К этому типу относятся плоские прямоугольные пластины, иногда изогнутые в средней части или на концах. Размеры пластин - 8,2x4,3 см, толщина - 0,3 см. Вдоль края попарно расположены сквозные отверстия диаметром 0,2 см. На некоторых экземплярах один край пластин - концы длинных сторон - слегка округлены.

На пенджикентских росписях, в одной из батальных сцен, у двух воинов на доспехи нашиты прямоугольные панцерные пластинки (2, с.80).

6. Пластины этого типа близки к предыдущему. Размеры их 7,1x3-2,8 см, толщина 0,2-0,3 см. Вдоль края пластин проходит ряд из трех заходящих друг на друга пластин. Отверстия образуют вертикальные ряды на месте стыка пластин.

Возможно, к этому же типу следует отнести ряд пластинок размерами 7,1x3,8 см и толщиной в 0,3 см.

7. Этот тип пластин представлен в комплексе двумя экземплярами. Изготовлены они в виде прямоугольной полосы 6,5x2,5 см и толщиной 0,2. Одна из длинных сторон с заметной кривизной, другая имеет характерную деталь - зубчатый край с двумя пологими вырезами и тремя

зубцами. Вдоль верхнего края сделано 4 мелких отверстия, вдоль длинных - 8. В средней части пластинка слегка изогнута. Прямых аналогий этому типу не обнаружено, хотя отчасти они напоминают пластины из Сары-Джана (6, с.49, рис.!) и Релкинского могильника в Западной Сибири (9, с.52, табл. XI,4).

8. Небольшие плоские пластинки с одним ровным (прямоугольным) краем, другим - овальным, точнее как бы скошенным с двух сторон. Размеры их 5x2,6 см и толщина 0,3-0,4 см.

Видимо, вариантом этого типа являются пластинки несколько более узкой формы. Размеры их 5x2 см при толщине в 0,3 см. Часть пластинок ровная, часть имеет слегка изогнутую форму. На доспехах воинов в пенджикентских росписях более мелкие пластинки располагаются в районе талий. (2, с.80).

9. Небольшая группа тонких пластинок ножевидной формы. Размеры их 5,8-6x1,7 см и толщина 0,2-0,3 см. Один край прямоугольный, другой овально-заостренный. Характерна как бы скошенность этого овала с одной стороны. Видимо, вдоль края пластины проходил ряд мелких отверстий. Расположение их на доспехе

пока непонятно. Возможно они закрывали верхнюю часть руки (предплечья).

10. Этот тип образуют еще более мелкие пластины, также ровные с одним прямоугольным краем (иногда, правда, концы его слегка заовалены), другим - плавным, овальным. Вдоль края пластины проходит ряд из мелких отверстий. Если учесть, что пластинки налезают, обычно, одна на другую, то между пластинками получается очень узкое пространство. Таким образом, эти пластинки за счет плотного расположения образовывали двойной - тройной ряд, причем, следует учесть, что удар приходился на ребро пластин. Судя по росписям Пенджикента, мелкие пластинки-чешуйки защищали верхнюю часть тулова (грудь) воина, тогда как крупные прикрывали живот и бедра.

В собрании материала есть фрагменты рядов из таких пластин, где каждая из них размером 4,5x2 см и толщиной 0,3 см. Все они с одним овальным краем. Пластины соединены между собой посредством отверстий по краям пластин, расположенных через равные расстояния. Здесь же в одном из отверстий сохранилась бронзовая заклепка (стерженек с прямоугольной шляпкой).

11. Этот тип образуют узкие пластины, заметно изогнутые. Один край у них обломан, другой как бы срезан под углом. Размеры их 9,2x2-2,3 см, при толщине 0,3 см. Вдоль длинных сторон проходит ряд сквозных отверстий. По два параллельных отверстия с одного конца длинной стороны и по два с другого. В материале имеется кусок доспеха (ряд из четырех пластин). Пластины налезают друг на друга, меньшие как бы вставлены в большие. Причем, край с косой линией среза образует единую, как бы падающую к кисти линию. Судя по пенджикентским изображениям, они закрывали руки воина. (2, с.109).

Подобный прием, так называемые рукава "браслетного" набора, встречается в скифских доспехах уже с V-IV вв. до н.э. Он имел кожаную основу, на которую нашивались узкие горизонтальные изогнутые пластинки металла. Они располагались по двум четвертям диаметра рукава, т.е. броней защищалась лишь внешняя часть руки. (4, с.117).

12. Образует его небольшой массив из 6 пластин. Все они длинной узкой формы с одним обломанным краем, другим - острой листовидной формы. Пластины длиной 8-9x1,8 см и толщиной 0,2 см. Все они округло выгнуты в средней части, так что треть пластины с заостренным краем образует почти прямой угол.

Возможно, это фрагмент оплечья. По крайней мере, они явно прикрывали какую-то выпуклую часть тела.

Кроме того, большую группу образуют мелкие железные кольца. Выделяются несколько типов. Во-первых, это цельные кольца уплотненной формы диаметром 1,2 и 1,6 см. Во-вторых, это кольца диаметром 1,6 см с сомкнутыми концами, точнее, концы проволоки заходят друг на друга и заклепаны. В третьих, это кольца с несомкнутыми концами. Один из концов даже отогнут под прямым углом. Диаметры их 1,4 см, 2,8 см, 2,1 см. Видимо на них надевались несколько сплошных колец и заклепывались с другой ячейкой, образуя сплошное плетение.

Кольчужные ряды могли прикрывать шею воина, руки и грудь. Не исключено, что двойной или тройной ряд кольчуги мог служить воротником панцирной куртки.

Таким образом, большинство типов пластин обладает общими признаками-удлиненными очертаниями, преобладание одного прямого угла и противоположного овальной формы, идентичным расположением краевых отверстий, комбинация которых устойчива на всех типах. Исключение составляют узкие пластины рукавов. Все пластины доспеха располагались вертикально и образовывали горизонтальный ряд, который соединялся внахлест с другими уже набранными полосами. Любопытные параллели обнаруживаются в сохранившемся описании монгольского доспеха, оставленного Плано Карпини: «...они делают одну тонкую полосу, толщиной в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготавливают много полос; в каждой полосе они делают восемь мелких отверстий и вставляют три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают выше названные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают через отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и с другой стороны и сшивается с другими ремешками, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней так и людей. И ... заставляют так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо». (5, с.50-51).

Схожую картину сборки таких рядов ("ремней" - у Карпини) в единый массив обнаруживает канкинский доспех. Но не совсем ясно ти-

пологическая принадлежность панциря. Казалось бы наиболее близок ламелярный тип, которому соответствует единое вертикальное крепление в горизонтальных рядах. Характерно расположение отверстий по периметру пластин. Судя по изображениям воинов, наличие подобных черт в конструкциях панциря отражает широкое бытование этого типа доспеха и фиксируется во всех сопредельных территориях. Но с другой стороны в ламинарном доспехе (и это отмечается у Карпини) - длина пластинок в ряду неодинакова - ряд сужался в одну сторону справа налево), самая длинная пластина оказывалась на одном конце, поверх нее средняя, а наверху самая короткая. (6, с.50).

В нашем материале все пластины в ряду одного размера. Был обнаружен целый кусок доспеха, состоящий из 4-х рядов мелких узких пластин. Общая длина его 30 см, ширина 12 см. Пластины в ряду наслаивались друг на друга, где каждая почти наполовину закрывалась последующими, а сверху на одну треть закрывалась верхними рядами. Типологически это намного ближе к чешуйчатому доспеху. Правда, исследователи различают два приема при сборке панциря. На первый способ указывает отсутствие отверстий в нижней трети чешуек, что предполагает крепление их на мягкую основу (12, с.53). Если же это чешуйчатое покрытие близкое к ламинарному, то отверстия на пластинах сделаны по всему периметру. Но соединяясь между собой посредством ременной связки, в отличие от ламелярного, каждый ряд на одну треть перекрывает предыдущий и немного смещен относительно другого, композиционно напоминая рыбу чешую. Причем чешуйчатое покрытие обладало, по сравнению с ламинарным повышенными защитными свойствами, так как в любой точке получали многослойную защиту. Но в силу этого же доспех был менее подвижен и более тяжелым (12, с.52-54). А.И.Соловьев приводит данные, что у археологически целых доспехов насчитывается 2859 деталей, а их вес достигает 16850 г. (12, с.54). Однако, хотя пластин в канкинской находке меньше, можно предполагать, что это остатки не одного экземпляра. Так как уже отмечалось пластины были обнаружены на двух уровнях полов и в соседнем культовом помещении.

Отметим еще одну деталь: на принадлежность панциря к чешуйчато наборному типу указывает направление чешуйчатых пластин

закругленными концами вверх. Некоторые из исследователей считают, что при ином способе крепления они смогли бы держаться в таком положении (3, с.92).

О широком бытовании в Средней Азии этого типа доспехов свидетельствуют прямые аналогии воинскому снаряжению ряда персонажей в Пенджикентских росписях. (Рис.2) В различных сценах трижды изображены всадники в чешуйчато-наборном панцире, где все чешуйки - прямоугольной, вытянутой формы с одним верхним овальным краем. Чешуйки лат одного из персонажей украшены овальной шишечкой в центре пластины (2, с.54, с. 89, рис. 41, с.92, рис.44).

Имеется такой панцирь у предводителей отрядов всадников в сцене осады замка на блюде из деревни Больше-Аниковской (Пермская область). Причем, углублением показана шишечка в центре чешуек (9, рис. 180-181). Хотя датировка блюда весьма расплывчата и колеблется от VI-VII вв. до X-XI вв. (10, с. 58-59), на наш взгляд, помимо перечисленных Г.А.Пугаченковой деталей в пользу датировки чаши VI-VII вв., следует отнести форму колчана, крепление его и налучья с одной стороны и отсутствие у всех всадников стремян с другой. Заметим, у воинов на Пенджикентских росписях, которые датируются VII-VIII вв. (11, рис. 54,55,32), чешуйчато-наборный панцирь с овальным завершением пластин уже количественно уступает ламинарному доспеху с зубчатыми пластинами.

Принципиально важен момент о покрое доспеха. В последнее время распространилось суждение о доспехе в виде запасного длиннополого халата с разрезами впереди, с полами, рукавами, воротом (6, с.52). Однако такая реконструкция представляется маловероятной. Во-первых, запах халата требовал дополнительного крепления в верхней части (в нижней он схватывался поясом). Во-вторых, помимо дополнительного укрепления левой стороны и без того закрытого щитом увеличивалась тяжесть доспеха с этой стороны. В-третьих, реалии такого панциря пока не обнаружены, известные нам изображения воинов не дают косога разреза, т.е. запаха ни с левой, ни с правой стороны. Вся эволюция доспеха с соседних территорий указывает на развитие его от более эффективной панцирной куртки.

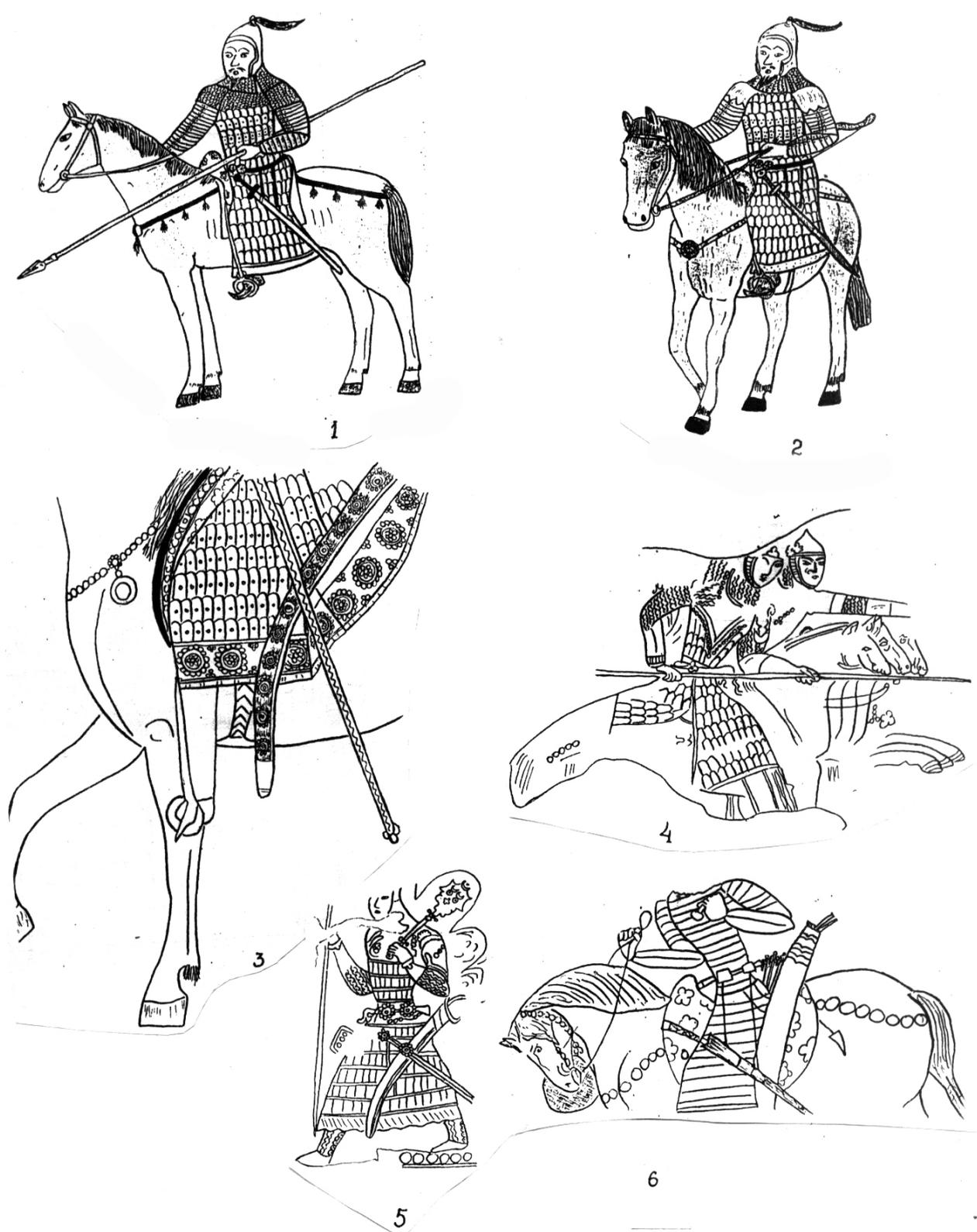

Рис. 2. Изображения воинов в защитных доспехах в росписях Пенджикента (3-5), на щите с горы Муг (6), реконструкция защитного доспеха с городища Канка (1-2)

Рис. 3.

По всей видимости, защита корпуса производилась посредством пригнанной к телу нагрудно-наспинной части (куртки) и расширяющейся книзу набедренной юбки. Основу панциря составляли крупные прямоугольные пластины. Отдельные участки прикрывались мелкими пластинками, металлической чешуей или кольчужными кольцами. Для защиты рук использовались ламилярные рукава (рукава "браслетного" набора). (Рис. 3).

Ближайшей аналогией являются изображения на росписях VI-VII вв. в Пенджикенте доспехов согдийских воинов. Но в то же время, это не следует считать инновацией Согда, не ис-

ключена длительная местная традиция. Защитные доспехи этого типа имели широкое хождение, отражали передовые достижения военного дела того времени, что обусловило их бытование вплоть до XI века. Однако остается открытым вопрос о месте и времени появления этого типа доспеха. Возможно, он является дальнейшим развитием сакского или сако-юэчжийского панциря, появление которого связывается с северными районами Центральной Азии, а именно с Ферганой (4, с.121). Не исключено, что предтечей металлического панциря этого типа стали доспехи в виде многослойных кожаных пластинок, материала, в избытке имевшегося и

широко использовавшегося у скотоводов. Военно-политическая борьба в середине I тыс. до н.э., в Центральной и Восточной Азии, втянувшая различные кочевые народы, позволяла им познакомиться с передовой военной техникой (например, в Ассирии бытование чешуйчатого доспеха зафиксировано для IX-VIII вв. до н.э.). послужила быстрому распространению среди кочевников металлического доспеха. Все это

привело к замене, видимо, хронологически более раннего кожаного панциря на металлический. В связи с этим любопытно одно из толкований наименования Кангюй, согласно которому - это сакский топоним с промежуточным значением - "люди в кожаных одеждах" (доспехах?) от KANGA (kanga) - "кожа", "шкура" (7,с.23).

1. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., Наука, 1973.

2. Belenizki A.M. Mittelasien. Kunst der Soyden.: Leipzig, Buch und Kunstverlag, 1980.

3. Горелик М.В., Кушанский доспех / Древняя Индия. Историко-культурные связи М., Наука, ГРВЛ, 1982.

4. Горелик М.В. Сакский доспех / Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. Наука, ГРВЛ, 1987.

5. Карпини Плано. История монголов / Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

6. Кожомбердиев И., Худяков Ю., Реконструкция древнетюркского панциря из памятников Сары-Дон // Информационный бюллетень МАИКЦА, вып. 17, 1991.

7. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, изд "Ифрон", 1968.

8. Максимова А.Г., Мерщев М.С., Вайнберг В.И., Левина Л.М. Древности Чардары, А-Ата, Наука. 1968, с.64.

9. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент. 1961.

10. Пугаченкова Г.А. К датировке и интерпретации трех предметов "восточного серебра" из коллекции Эрмитажа //Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., Наука. ГРВЛ, 1981.

11. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда- Л., 1980.

12. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.

Ю.Ф.БУРЯКОВ, К.К.АСКАРОВ

К ТИПОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

(по материалам южных районов Самаркандского оазиса)

Эпоха раннего средневековья - один из сложных переломных моментов этнической и социально-экономической истории Средней Азии, активного вторжения в оазисы и оседания кочевников, сложения новых экономических отношений и культурно-хозяйственных типов.

В научной литературе до недавнего времени господствовало представление о раннем средневековье как о периоде раздробленности и упадка. Наиболее детально оно было сформулировано С.П.Толстовым по материалам Хорезма (1, с. 152-153).

Существующие же в это время города вырастают преимущественно из суммы замков дехкан или цитаделей крупного дехкана-правителя; застроены слабо и основная функция их административная (2, с. 53).

Однако системный анализ археологических объектов и регионов и широкие планиграфические раскопки слоев этой эпохи показали, что действительная картина более сложна, неоднородна. Наряду с распадом крупных государств, объединявших разнородные регионы, происходит сложение владений с более гомогенной экономической структурой, многие города и большие и малые связаны с ремеслом и торговлей, складываются экономические связи между городками и сельскими поселениями, между оазисами и степью.

Эта линия развития может быть прослежена довольно четко на материалах Согда, лежащего в центре и экономических, и культурных связей оазисов Средней Азии и в то же время, связанного с кочевыми племенами.

Систематические исследования Самарканда дают нам представление о развитии экономики и культуры столицы Согда. Планомерное изучение небольшого согдийского городка - Пенджикента, раскрыло структуру плотно застроенного, хорошо укрепленного, цветущего городка, в планировке которого сочетаются дома купцов, ремесленников и феодалов, храмы и мастерские. Активным действующим лицом города, кроме феодалов, являются уже купцы и ремесленники.

Системное исследование археологических памятников Самаркандского Согда, сочетающее полный учет объектов и специальное изучение отдельных базовых памятников, начинается с 70-х гг. (3, с. 540-541), а затем после некоторого перерыва с конца 80-х гг. в связи с составлением археологической карты Согда. Было выявлено более 70 памятников поры древности и средневековья, проведена определенная работа по типологии объектов и динамике развития системы расселения, выявлены характерные археологические комплексы отдельных эпох. Большой интерес представляет эпоха раннего средневековья, т.к. по наблюдениям исследователей к IV-V вв. и относилось возникновение и расцвет подавляющего большинства пунктов некоторых микрорайонов, формирование ирригационных систем и процесс сложения городов. (4, с. 148).

Системное изучение памятников Согда в динамике их развития показывает не только их количественный рост в эпоху раннего средневековья, но и изменение топографии систем расселения, иерархии связей различных типов поселений, их внутренней структуры.

В связи с этим, авторами было предпринято комплексное исследование памятников южных районов Самаркандского Согда, выяснение функционального назначения различных типов поселений и системы их взаимосвязей, в целях реконструкции общей картины социально-хозяйственной жизни региона в средневековую эпоху.

В южных районах Самаркандского Согда в общей сложности выявляется около 180 памятников, содержащих слои раннего средневековья. Исследованные районы сведены нами в две историко-экономические зоны: первая, связана с предгорной частью бассейна Даргома; вторая - с бассейном среднего течения реки Зарафшан. Первая зона включает два микрооазиса с разными географическими условиями: а) территория между Зарафшаном и каналом Даргом; б) задаргомская степь. Во вторую экономическую зону включен бассейн канала Нарпай.

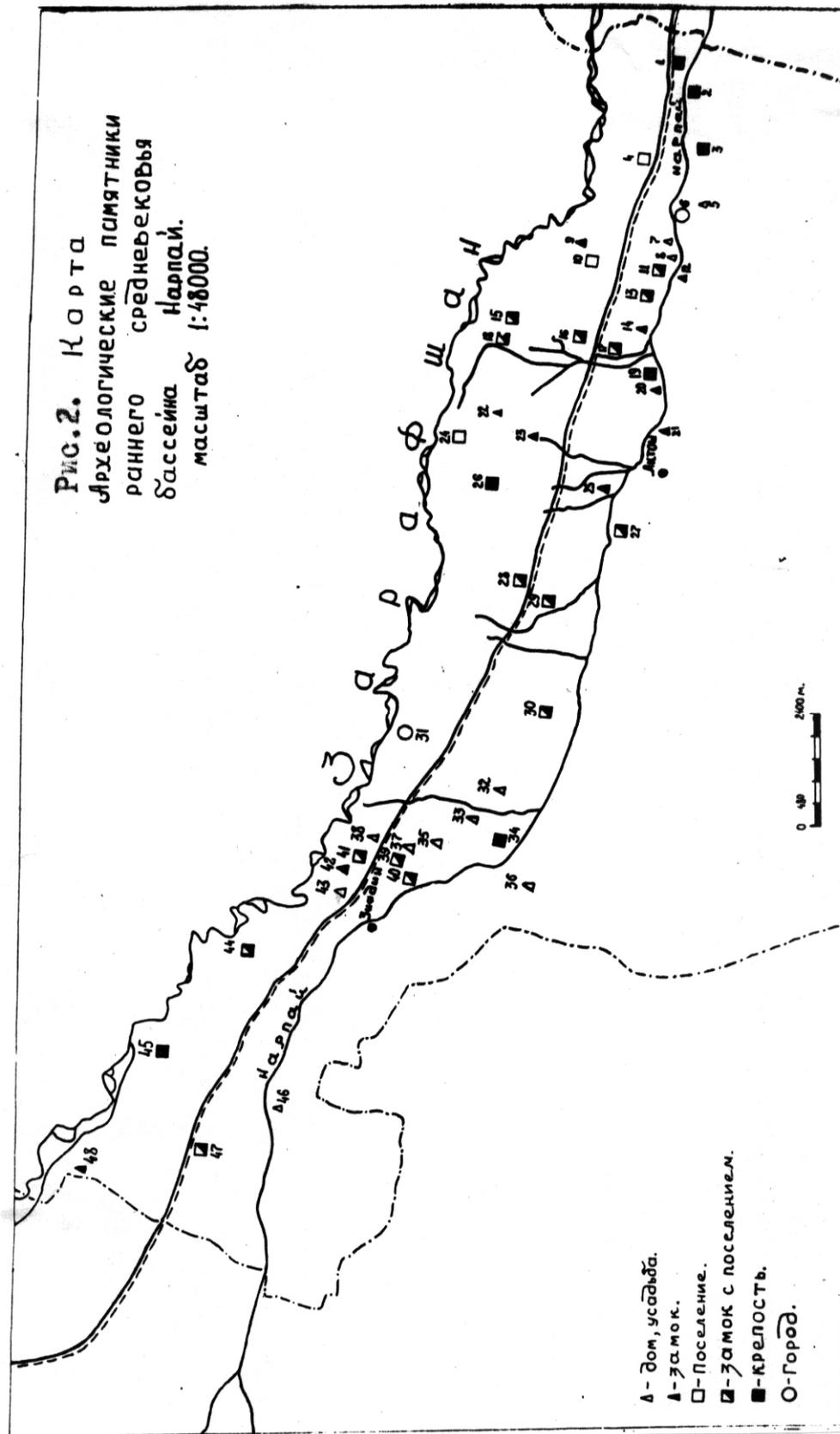

Рис. 1. 2.

Наибольшее количество памятников выявлено в первой историко-экономической зоне. Между Зарафшаном и каналом Даргом нами систематизированы, сохранившиеся к настоящему времени, 63 памятника (Рис.1.), содержащие раннесредневековые напластования. Имеются многослойные объекты: с античной поры функционировали 9 пунктов, имеются объекты, возникшие в античности или в раннем средневековье и доживающие, с небольшими перерывами до XVII-XIX вв. Однослойные раннесредневековые памятники составляют 37 пунктов. Соотношение объектов свидетельствует об увеличении сельских пунктов в раннем средневековье и о стабильном развитии сельской жизни, связанной с естественными географическими условиями. По своей структуре объекты близки к горному Согду, так как крупных пунктов мало - 5 из 63.

Еще более гомогенную структуру показывает система памятников историко-экономического микрооазиса Задаргомской степи. По нашим подсчетам здесь располагается 68 пунктов расселения, в которых отмечены раннесредневековые культурные напластования. Только 7 из общего числа имеют материалы предшествующего времени. Лишь два пункта дают четкие античные материалы (со II в. до н.э.), а на 5 пунктах они очень проблематичны (III-IV, II-IV вв. н.э.). Также немногочисленны пункты, на которых зафиксированы материалы поры развитого средневековья - 15 объектов, таким образом и в данном микрооазисе преобладающее количество пунктов формируется в период раннего средневековья. Однако более сложную картину, мы видим при систематизации памятников долины среднего Заравшана. Здесь гораздо меньше памятников археологии вообще, что явно противоречит характеристике Согда средневековыми восточными географами. Нам представляется, что это связано с последующим уничтожением объектов в связи с распашкой площадей под хлопковые поля. Особенно активно этот процесс проходил в 60-80-е годы нашего столетия, когда была поставлена задача максимального освоения долины под хлопковые посевы. Многие сохранившиеся памятники имеют значительно меньшие размеры, чем они имели в действительности, что подтверждается находкой материалов за их пределами. Это объясняется, опять-таки, разрушением памятников при вторичном использовании их территории. Но хотя, данные по этим микрооазисам менее конкретны, они, тем не менее раскрывают нам сложную картину освоения этих территорий.

В бассейне Нарпая зафиксировано 48 пунктов (Рис.2). 29 из них непосредственно в микрооазисе Нарпая: 6 начинают свою жизнь с античности, 23 в раннесредневековый период, 18 продолжают

функционировать в период развитого средневековья. Итак, если в раннесредневековую эпоху появляются 23 новых пункта, то большая часть их продолжает жить в последующее время, причем, к ним прибавляются новые пункты, возникающие в период развитого средневековья. Это показатель стабильного развития сельскохозяйственной экономики Согда.

Аналогичная картина наблюдается на западной оконечности южных районов Самаркандского Согда в Пахтачийском районе.

Из 19 пунктов расселения здесь 8 начинают функционировать с античной эпохи, а 6 продолжают жить в пору развитого средневековья, пополняясь большой группой поселений, не нанесенных на предлагаемую карту. Это показатель стабильности экономики, хотя более половины - 11 пунктов появились с поры раннего средневековья.

Важную роль в определении функционального назначения поселений играет типологический анализ. Картографический учет археологических памятников показал, что сельские пункты раннесредневековой эпохи количественно занимают одно из ведущих мест в системе расселения среднеазиатских владений. Становятся понятными сведения восточных авторов IX-X вв.: сообщения Макдиси о 12 тысячах укрепленных замков вокруг Миздахкана (6, с. 187), о 16 тысячах селений Чаганиана при 12 городах (7, с. 180), Истахри, о 4 тысячах замков в Бухаре. Более близки во времени, хотя возможно, также несколько преувеличенные сообщения Якуби, о 400 замках в Уструшане (8, с. 34). Все это - результат преобладания сельских пунктов в раннесредневековой жизни владений.

Учет пунктов в южных районах Самаркандского Согда, конечно, не полон из-за разрушения их временем и активной деятельностью человека. Письменные источники по раннему средневековью не представляют нам данных ни по топографии, ни по внутренней структуре этих пунктов, вследствие чего археологам приходится разрабатывать свою методику выяснения назначения населенных пунктов, основанную на внешних формальных морфологических признаках, проверяемых путем раскопок базовых памятников.

Морфологическая классификация археологических объектов - составная часть системного анализа, так как за археологическими типами скрываются определенные категории исторических пунктов расселения. Под типами поселений археологи понимают поселения с устойчивым выполнением определенных функций, которые запечатлены в их внутренней структуре и находят отражение и в размерах памятника, и в его внутренней структуре, и в соотношении структурных

компонентов, и в особенностях материальной культуры, запечатленной в составе находок (9, с. 36). Историки отмечают, что типология позволяет определить, наряду с известными, какие-то новые существенные стороны конкретного, а затем в основе и общее явление, если довести сравнительный анализ до исторического выражения (10, с. 9).

Ведущие принципы археологической типологии включают следующие компоненты: группировка по размерам поселений, выделение планиграфических групп (по топографической и внутренней планиграфической структуре, сравнительном анализе пропорций элементов внутренней структуры - соотношению укрепленного ядра и прилегающей территории, наличию или отсутствию укреплений) и затем историко-социологическая интерпретация типов поселений.

Сравнительное изучение сельских поселений и городов раннесредневекового Согда на базе уже известных пунктов дает основание выделить их общие черты - наличие и у тех, и у других, оборонительных стен, цитадели с парадным - домом-дворцом правителя, культового ядра, часто сплошной застройки самого поселения с примыкающими друг к другу домами.

В то же время выделяется больше различий, нежели сходства. Помимо различных размеров общей территории сельского поселения и городского пункта, обусловленных различными спектрами выполняемых ими функций, к характерным различиям следует отнести и различное соотношение внутренних частей поселений и города-цитадели. Различен характер хозяйства, в связи с отмеченным объемом и содержанием ремесленного производства. Поселение может быть обнесено крепостными стенами или иметь естественные укрепления (11, с. 57-59).

Одна из ранних системных типологических разработок памятников древнего Востока принадлежит Роберту Мак Адамсу, систематизировавшему памятники района Багдада с IV тыс. до н.э. до начала XX в. н.э. (12, с. 185) и характер их связей, прослеженный в динамике развития. Им же представлена иерархическая система для ранних периодов, охватывающая сельские поселения площадью от 0,1 га, городки в 6-25 га и крупные урбанизированные центры до 50 га и выше (13, с. 18).

Среднеазиатские археологи уделили этому вопросу большое внимание. В связи с изучением исторической топографии Северного При Тяньшанья VIII-XII вв. н.э., А.Н.Бернштам выделяет по материалам городища Красной Речки три типа застройки:

а) небольшие тепа с примыкающими к ним прямоугольными площадками, приподнятыми на 2-3 метра над окружающей территорией;

б) такие же тепа с внутренними 4-х угольными укреплениями;

в) обыкновенные, малого размера турткули - 4-х угольные постройки, образующие кварталы из нескольких таких построек, вытянутых в одну линию.

Отдельно он выделил укрепленные усадьбы отдельных семейств - 2-х - 3-х этажные кешки-замки (14, с. 55-57; 72-73). Позже исследователь выделяет 2 типа сельских поселений:

а) тепа замкового типа с площадкой;

б) тепа конусовидной формы и отдельные дома.

Он же отмечает 4 типа городищ, в состав которых включаются и поселения размером всего 1 га. Основным типом застройки автор считает одиночные дома, стоящие на стилобате, часто единственные, внутри окруженного стеной двора (15, с. 32-33).

Ю.А.Заднепровский, однако, по аналогичным материалам в Фергане считает, что пункты менее 3-х га не могут выполнить городские функции. В качестве верхней грани сельского поселения, он ставит размер в 4 га, хотя и учитывает особенности пунктов, считая, что Касан при более меньших размерах выполнял функцию города (16, с. 12).

Э.В.Ртвеладзе при систематизации поселений Кушанского времени юга Узбекистана также считал возможным относить к разряду небольших городов поселения площадью 1,5-3 га, имеющие 3-х частную структуру (17, с. 65).

Наиболее полная классификация была представлена Э.В.Ртвеладзе на базе системного анализа Северной Бактрии-Тохаристана. Для ранне-средневековой эпохи он выделил 14 типов расселения. Шесть из них связаны с городищами площадью от 3-х и более га. Остальные представлены следующими типами:

1. Квадратные или прямоугольные тепе, окруженные стенами с башнями, в одном из углов, обведенные рвом или без него кешк или донжон, вокруг массив жилья. Площадь около 1 га.

2. Отдельно стоящие квадратные или прямоугольные замки на стилобате, часть из них 2-х этажные. Площадь 0,1-0,2 га.

3. Поселение из жилых массивов, разделенных улочкой, характерны нечеткость планировки жилья и отсутствие центральных замков.

4. Дом-усадьба на платформе, обведенной внешней стеной.

5. Квадратное или прямоугольное тепе с прилегающим бугром высотой 3-4 метра. Площадь 0,3-0,6 га.

6. Пригородные замки и усадьбы.

7. Культовое здание.

8. Поселение неясной планировки и функции, обнесенное стенами, внутри которых 2-3 изолированных холма. Площадь 1,5-4 га.

Наиболее многочисленным типом автор считает сооружения замков и усадеб без древней основы (18, с. 138-139).

В этой детальной характеристике совмещены и археологическая (морфологическая) типология и историческая классификация населенных пунктов. Следует отметить, что без раскопок довольно трудно разделить отдельно стоящие замки на стилобате (тип 2), дома-усады на платформе (тип 6) и культовые здания (тип 7), которые археологически фиксируются в виде высокого тепа, скрывающего сооружения на платформе, без специальных раскопок сложно также разделить и поселения (типы 3 и 8).

Поэтому на первичном этапе систематизация этих пунктов расселения может быть сведена в 4 группы:

а) тип I; б) тип 2, 4, 6, 7; в) тип 3, 8; г) тип 5.

Не всегда к городским пунктам можно отнести городища площадью в 3-4 га. Исследования показывают, что наиболее характерной является грация с выделением территориальной границы сельского и городского пункта в 4-6 га, если они коррелируются с другими показателями городских функций (19, с. 10).

Ранняя специальная типология сельских поселений по материалам Хорезма принадлежит Е.Е.Неразикову, рассматривающей этот вопрос в связи с изучением системы расселения афригидского этапа. Исследователем выделены два типа сельских поселений - усадьба с донжоном и усадьба без донжона.

В первую же группу автор относит и отдельные здания, так как считает, что термины «замок» и «усадьба» довольно условны (20, с. 5). Далее она классифицирует их в группы по размерам площади от 6 до 30 га - городские пункты - Беркуткала, замки-усады размером 0,25-0,5 га и ниже этого предела - отдельно стоящее здание (21, с. 43).

Несколько иная типология раннесредневековых пунктов расселения представлена Б.Абдулгазиевой, обследовавшей памятники 11 ирригационных микрорайонов восточной Ферганы. Автор предлагает 4 категории пунктов расселения: сельские поселения, крепости-убежища, каравансарай, города (22, с. 8).

Расцвет сельской жизни по автору, относится к античной эпохе, а в эпоху раннего средневековья она отмечает сокращение жизни. Типология в целом, соответствует иерархии систем взаимосвязи.

Детальная типология сельских поселений представлена и в других регионах Средней Азии. Так, Т.Д.Аннаев, исследующий в Тохаристане памят-

ники интересующей нас эпохи, выделил шесть типов расселения:

а) отдельно стоящие холмы квадратной, прямоугольной или округлой формы с прилегающей территорией и объектами античных форм с внутренним ровным рельефом, обведенные стеной;

б) двухэтажные отдельные постройки на стилобате, обведенные стенами с башнями по углам;

в) квадратные, прямоугольные или неправильной формы холмы.

В центре, в углу или к одной из стен, к нему примыкает дополнительная территория, обведенная стеной. Площадь 0,5-1 га;

г) прямоугольные, квадратные и овальные, укрепленные снаружи и ровно обжитые внутри поселения площадью 0,3-2,0 га;

д) прямоугольные, квадратные или неправильной формы поселения с цитаделью в середине или вдоль одной из сторон, площадью от 1,5 до 5 га;

е) памятник городского типа от 6 до 20 га. Форма - квадратная, прямоугольная, многогранная. Внутри - цитадель, окруженная рвом (23, с. 8). В этой довольно детальной типологии нельзя не отметить смешение функциональных и морфологических элементов, которое привело к тому, что некоторые группы памятников, входящие по формально-типологическому признаку в единую группу, отнесены к различным типам, различаемым размерами (группы III-IV).

Большая работа с сельскими поселениями проведена исследователями южного Согда. С.К.Кабанов, занимавшийся много лет историей Нахшебского Согда на рубеже древности и средневековья, выделил в нем пять типов поселений:

а) холмы размером 15-40 м и высотой до 2,5 м, которые были отнесены к разряду сельских усадеб;

б) функционально, к этой же группе им отнесены памятники второго типа - более крупные холмы, высотой 4-5 м и площадью до 0,2 га;

в) к третьему типу отнесены памятники площадью 0,2-0,9 га и высотой до 10 м. По результатам раскопок высота их объясняется тем, что строения возводились на искусственных стилобатах;

г) в четвертый тип сведены поселения площадью 1-3 га;

д) более крупный пятый вид отнесен к пунктам городского типа (24, с. 95).

Работами кафедры археологии ТашГУ по составлению археологической карты южного Согда установлено, что около 80 % учтенных памятников относятся к поре раннего средневековья, из них 40 % - многослойные, 60 % - целиком ранне-средневековые.

Исследователями они классифицируются в пять типов:

а) укрепленные крупные усадьбы с двором, в центре которого жилой комплекс. Площадь до 3 га;

б) мелкие тепа (1-1,5 га с двором без укрепления);

в) квадратные и прямоугольные тепа (1-1,2 га) с жилыми постройками в центре;

г) холмы, высотой 4-8 м и диаметром 20-30 м, со следами укреплений;

д) небольшие тепа, высотой до 2-х метров и размерами 20x25 м (25, с. 69-70).

Морфологически группы классифицированы детально, но функционально как нам представляется, интерпретирован лишь первый тип, определенный в качестве усадьбы. Интересно подчеркнуть, что и здесь, в составе пунктов расселения археологической карты, основная часть относится к поре раннего средневековья. Причем, подчеркивается слабый уровень урбанизации, что определяется особенностями экономики, носящей, по мнению автора, экстенсивный характер. Эта классификация способствовала дальнейшей работе по районированию памятников, выделению экономических микрооазисов, разработке вопросов иерархии различных типов сельских поселений в системе раннесредневекового среднеазиатского общества (26, с. 25-29).

В Бухарском Согде исследования раннесредневековых памятников проводились Р.Абдиримовым. Он выделил 8 ирригационных районов, пункты которых сведены в пять типов расселения:

а) отдельно стоящие поселения прямоугольной или квадратной формы (площадью до 2,5 га), выделены три варианта: размером до 0,5 га, до 1 га и 1-2,5 га. Все они отнесены к поселениям замкового типа, причем два первых - к замковым усадьбам;

б) отдельно стоящие поселения овальной формы и площадью до 0,5 га, отнесенные к разряду неукрепленных поселений;

в) прямоугольные или квадратные поселения с возвышающимся массивом в одной из сторон и прилегающей более низкой территорией, площадью до 3,5 га, в которых также выделено 3 варианта: квадратный или прямоугольный массив с прилегающей пониженной территорией, площадью до 1 га; поселения такой же формы, но с возвышающимся массивом и следами укрепления, площадью до 1,5 га; укрепления такой же формы с возвышенным массивом вдоль одной стены и прилегающей более широкой территорией, площадью от 1,5 до 3,5 га. Все они считаются замками;

г) отдельно стоящий замок, квадратной или прямоугольной формы с примыкающим поселением, варианты площадью около 3 га, от 3 до 5 га;

д) поселения городского типа, площадью более 5 га (27, с. 6-7).

Эта типология на наш взгляд, представляется формализованно-условной, т.к. фактически, в ней в одну группу включены памятники и первого типа, площадью до 0,05 га и третьего типа, размером до 3-5 га, которые функционально, конечно, различимы. Во-вторых, в эту типологическую колонку не включена такая категория расселения как крепость, характерная для раннего средневековья. В-третьих, к числу поселений отнесены пункты расселения площадью до 0,5 га, которые, принимая во внимание их малые размеры, не могли быть поселениями.

Большие работы проведены в области классификации памятников Самаркандского Согда О.М.Ростовцевым, на основе изучения геофототопографического размещения сельских поселений долины Зарафшана. Выделено пять типов памятников:

а) двухъярусные, включающие замок со двором размером от 0,2 га до 5 га, при размерах самого укрепления от 10x15 м до 40x50 м, при высоте 6-20 м;

б) также двухъярусные, но многослойные, с цитаделью, отделенной рвом от поселения, окружающего ее кольцом или полукольцом;

в) тепа небольших размеров, площадью 0,1-0,2 га, высотой 3-4 м, без шлейфа двора, типа усадьбы у Кафыр-Калы;

г) невысокие холмы, площадью 0,5-0,8 га и высотой 2-4 м;

д) прямоугольные, обведенные стенами от 120x125 м до 300-400 м площадью, с цитаделью до 10-15 м в середине (28, с. 100-102).

Автором представлена, в основном морфологическая типология и отмечено, что назначение объектов различно, это усадьба феодалов, каравансарай, культовые сооружения, что может быть выяснено только после раскопок.

В отличие от предыдущего исследователя, Ю.Якубовым, проводившим исследование горных поселений Согда, основной упор сделан на анализ функциональной роли пунктов. Автор первоначально выделяет три типа поселений:

а) замки-усадьбы, состоящие из одного здания, имеющие до десяти помещений;

б) двухчастные памятники - двухэтажные замки и примыкающие к ним небольшие поселения;

в) крупные пункты с дворцом и поселением, окруженным крепостными стенами, типа Гордони Хиссар, отнесенного к типичным селениям дому-сульманского Согда (29, с. 52-53).

Позже он выделил четыре типа сельских поселений:

а) первый, площадью 0,2-0,3 га - укрепленный замок (кешк-кат) типа замка на горе Муг. Это замок-укрепление;

б) второй, двухъярусные памятники, площадью 0,4-0,7 га, типа Батуртепа, это -дом и небольшое селение;

в) третий - типа Гардони Хиссар, - замок с поселением. Замок, расположенный на платформе, поселение отделено от него улицей;

г) четвертый, условно назван «городищами», т.к. площадь их более 5 га, типа Санджар Шаха и Суджины. Они состоят из двух частей - дзитадель и шахристан-город, обнесенные стенами, разделенные рвом. Это - крепости управителя района (30, с.29-56). При всей специфике горных поселений, они представляют собой типичную картину застройки раннесредневекового Согда.

Для понимания функционального назначения сельских поселений Согда важны исследования Г. В. Шишкиной, (31, с.192-222) Э. Ю. Буряковой и Т.И. Лебедевой сооружений замкового типа на юго-западной окраине Самарканда (32, с.134-144, с.93-105)

Все материалы, подкрепляемые раскопками базовых памятников, позволяют нам наметить морфологическую типологию и попытаться распределить функциональное назначение памятников.

Анализ пунктов расселения раннесредневековой эпохи Средней Азии позволяет считать, что территориальная грань между сельскими и городскими пунктами этого времени лежит в пределах 4-5 га, с учетом в отдельных случаях, объектов, выполнявших функции категории другого типа при не соблюдении данного принципа.

Поэтому мы, в отличие от В.И.Распоповой, считаем, что городища Кафыркала и Талибарзу выполняли уже городские административно-политические функции.

Основываясь на опыте предшественников, учитывая собственные материалы по размеру и внутренней структуре объектов, мы предлагаем следующую археологическую классификацию:

1.Небольшие тепа различной конфигурации, иногда с более мощной внешней стеной, площадью от 0,02 га до 0,35 га. Высотой до 4-х м.

2.Небольшие тепа, чаще квадратные или прямоугольные, со следами мощных обводных стен, площадью 0,10-0,50 га, высотой более 4-х м.

3.Тепа, квадратной, прямоугольной, ромбовидной формы с ровным или пониженным внутри рельефом, окруженные снаружи, площадью от 0,5 до 4-х га, высотой до 4-х м.

4.Двухъярусные тепа с прямоугольным, квадратным или округлым возвышением и, примыкающая к нему, пониженная территория с ровным рельефом. Высота ядра до 10 м, окружающей территории - 2-4 м. Площадь от 0,5 до 2 га.

5.Тепа квадратные, прямоугольные или овальные с ровным рельефом внутри или возвышением вдоль стен и понижением внутри, окруженные мощной стеной, иногда с башнями. Высота 4-6 м, площадью 1,5-4 га. Вариантом их является тепе аналогичной формы с возвышением укрепленного ядра в центре, вдоль фаса одной из стен или в углу. Высота ядра до 10 м, остальной территории - 4-6 м. Площадью 1,5-4 га.

6.Тепа аналогичной формы, площадью от 5 га и более. В целом, представленные нами в системной характеристике объекты могут быть объединены по данным типологии в следующей таблице.

Наименование микрооазисов	типы памятников					
	7	29	4	15	3	5
Памятники между Даргомом и Зарафшаном	11,1%	46%	6,3%	24%	4,7%	7,9%
Памятники Зарафшанской степи	43 63,3%	12 17,5%	5 7,4%	3 4,4%	3 4,4%	2 3%
Памятники бассейна Нарпай	11 22,9%	10 21%	3 6,3%	15 31,2%	7 14,6%	2 4%

Предлагаемая типология в определенной степени условна, т.к. не фиксируются памятники переходных типов. Кроме того, площадь памятников, особенно двух первых типов, часто близка по размерам и их можно классифицировать, главным образом, по высоте. При небольшой территории памятники второго типа имеют значительно большую высоту. Тем не менее, при определенной условности деления, анализ памятников, вскрытых в различных регионах, показывает, что за ними скрываются определенные типы населенных пунктов, корреляция функций которых

проверяется с помощью археологических раскопок. Они показывают, что выделенные нами 6 типов археологических памятников - одиночные дома и усадьбы, замки и поселения, замки с поселениями, крепости, поселения городского типа.

Системный анализ позволяет прийти к выводу, что, во-первых, пора раннего средневековья явилась крупным этапом в становлении сельскохозяйственной экономики Самаркандского Согда, во-вторых, развитие ее в период развитого средневековья в разных микрорайонах шло разными путями. Если в Нарпайской зоне она началась в ан-

тичности, активно развивалась в раннем средневековье и стабилизировалась в развитом средневековье, то в Междуречье Зарафшана и Даргома, Задаргомской степи, она постепенно хиреет и сокращается (особенно в последней зоне), что связывается с прослеженным Т.И.Лебедевой обезвоживанием предгорной полосы в округе Самарканда в связи с интенсивным использованием вод Даргома.

1. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 152-153.

2. Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 53.

3. Буряков Ю.Ф., Крикис Я.К., Равшанов Р., Ростовцев О.М. Работы в Самаркандской области//Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 5-7-508.

4. Ахунбабаев Х.Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979-1980 гг. ИМКУ, вып. 18, Т., 1983, с. 151-164.

5. Адылов Ш., Мирзаахмедов Д.К. Новые материалы к изучению рустака Фай. С. 148.

6. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1, VII-XV вв. М.-Л., 1939, с. 187.

7. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 180.

8. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье//Труды АН Тадж.ССР. Сталинабад, 1957, с. 34.

9. Массон В.М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (вопросы типологии поселений и культурогенеза) //ОНУ, 1981, № 6, с. 36.

10. Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза//Средние века. М., 1968. С. 9.

11. Распопова В.И. Согдийский город и деревня в начале VII в.//Древние города. Материалы всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 57-59.

12. Adams R. Mac Land behing. Bagdad. A.History of Setlment on the Diala plains. Chicago and London. 1965, p. 185.

13. Adams R. Mac and Nissen the Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Socies. Chicago and London, 1972, p. 18.

14. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1941 с. 32-33.

15. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 55-57, 72-73.

16. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана. Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1954, с. 12.

17. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории

Выявленная в топографических группах определенной иерархичность освоения площадей свидетельствует о формировании гомогенной системы Южного Согда, что отмечается с IV-V вв. Выявляются пласты оседающего кочевого населения от эфталитов до тюрок, волны которых пришли в Среднюю Азию в IV-VI вв. н.э.

Сурхандарьинской области // Древний город Средней Азии. М., 1973, с. 65.

18. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990, с. 138-139.

19. Массон В.М. ук.соч. с. 36; Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 10.

20. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского периода Хорезма. М., 1966, с. 5.

21. Неразик Е.Е. Там же.

22. Абдулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье (система расселения, районирование и типология). Автореф. дисс. к.и.н. Самарканд, 1988. С. 8.

23. Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Ташкент, 1988, с. 8.

24. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья. Ташкент, 1977, с. 95.

25. Дресвянская Г.Я., Сагдуллаев А.С., Усманова З.И. Классификация раннесредневековых памятников среднего течения Кашкадарьи // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977, с. 69-70.

26. Дресвянская Г.Я. К районированию археологических памятников раннего средневековья (по материалам Яккабагского района) // ОНУ, 1985, № 10, с. 25-29.

27. Абдиримов Р. Раннесредневековые поселения Бухарского Согда (районирование, типология, периодизация). Автореф. дисс. к.и.н. Самарканд, 1986.

28. Ростовцев О.М. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда // ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975, с. 100-102.

29. Якубов Ю.Я. К типологии сельских поселений горного Согда V-VII вв. н.э. Тезисы Всесоюзного совещания. Душанбе, 1977, с. 52-53.

С.Р. БАРАТОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭФТАЛИТАХ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

В литературе уже давно сложилось мнение ряда исследователей о принадлежности некоторых групп погребальных памятников Ферганской долины собственно эфталитам. Еще в 1909 году К.И. Иностранцев, познакомившись с материалами о ферганских мугхона, отметил их сходство с погребальными сооружениями эфталитов - «е-да», описанными в китайской хронике «Бэй-ши»: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах» (14, с. 269). Сходство, однако, было высказано в виде предположения, обращенного к исследователям туркестанских древностей. Им же самим мугхона рассматривались в связи с зороастрийским погребальным обрядом, погребальной практикой и наусами (14, с. 116-119). В 1963 году Е.Е. Неразик, упомянув предположение К.И. Иностранцева, сопоставила тогда уже достаточно хорошо изученные мугхона с каменными склепами эфталитов «Бэй ши». К тому времени в Фергане были обнаружены и исследованы грунтовые захоронения под курганными насыпями, в которых погребенные часто находились в деревянных гробах - Карабулакский, Исфаринский (11, с. 22-35; 15, с. 74-81) и Кайрагачский (13, с. 90-112; 6, с. 129) могильники. Она соотнесла эти факты с сообщениями другой китайской хроники - «Лян шу», в которой говорится о том, что у эфталитов существовал обычай класть покойников в деревянный гроб, отметив при этом Фергану как единственную область, где сосуществовали эти два типа погребальных сооружений, свойственных эфталитам (19, с. 553-554). В 1972 году Б.Г.Гафуров провел параллель находкам алебастровых идолов в могильниках Ферганы с антропоморфной скульптурой из Кангка-Кала и Куня-Уаза, которая соотносилась ее исследователями с хионитами Аммиана Марцеллина (9, с. 257). В 1976 году Б.А.Литвинский вновь подчеркивает, что лишь в Фергане, да примыкающих к ней районах Чача наблюдается сочетание двух обрядов: захоронения в каменных склепах и в грунтовых могилах (с курганными насыпями), причем в последних нередко в деревянном гробе. Тогда же, в качестве предположения, им была высказана мысль о том, что с Ферганой

была связана одна из групп эфталитов, а именно «красные хионы», распространенные и в Тохаристане (16, с.55-56). И наконец, в 1982 году Г.А.Брыкина, суммировав и подтвердив все выше изложенные мнения, предположила, что Фергана была областью, население которой приняло участие в этногенезе эфталитов (6, с. 129).

Однако, оказалось, что при более детальном и пристальном рассмотрении предложенные сопоставления данных письменных источников с конкретными материалами археологических памятников обнаруживают противоречия, не позволяющие, на наш взгляд, рассматривать их положительно. Результаты археологических исследований последних лет, проведенных нами в Ферганской долине, утвердили нашу точку зрения и позволил вновь поставить на обсуждение ряд вопросов, связанных с проблемой локализации эфталитов на ее территории.

Самое популярное, никогда не вызывавшее сомнения тождество мугхона и курумов «каменным склепам» эфталитов - «е-да» распадается при сопоставлении самого фрагмента «Бэй ши» с конкретными материалами результатов исследования некрополей. Из чтения фрагмента совершенно ясно, что могильники эфталитов состояли из каменных склепов знати и грунтовых захоронений рядовых соплеменников. Мугхона и курумы, напротив, являются наземными сооружениями, составляют единые, «стерильные» в этнокультурном отношении родо-племенные некрополи, на территории которых вообще отсутствуют грунтовые погребения, синхронные времени их функционирования. Этот факт был отмечен Н.Г.Горбуновой еще в 1981 году (10, с. 93). Могильники, состоящие из курумов и мугхона, конечно же не являются местом погребения исключительно знати. Результаты археологических исследований, проведенных нами на Варзискском, Шахском, Чимбийсайском, Гавасайском и Кучкаратинском некрополях показали, что в сооружениях обоих типов располагались и богатые и бедные захоронения (3, с. 22-104).

Очевидно, что исследователями были искусственно объединены не относящиеся к друг другу археологические комплексы, принадлежавшие различным этно-культурным группам племен, оставивших могильники в разных частях Фер-

ганской долины, но сосуществовавшие на ее территории какой-то период времени. Все эти археологические комплексы имеют различные генетические линии.

Результаты наших исследований погребальных комплексов Северной Ферганы позволили сопоставить с курумами и мугхона другой фрагмент «Бэй ши», повествующий о полиандрии среди эфталитов: «Братья имеют одну жену, жена мужа, не имеющего братьев, то есть одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев; на одеяние нашивает такое же число кистей (4, с. 268). В семейных склепах, какими являются мугхона и курумы, полиандрия должна была найти отражение в соответствующей структуре половозрастного состава погребенных. Исследования, проведенные на материалах Варзикского могильника показали, что в них произведены захоронения членов одной семьи, половозрастной состав которой иллюстрирует моногамную форму брачных отношений (2, с. 56-59).

Б.А.Литвинский, обосновывая тождество ферганских мугхона «каменных склепов» эфталитов, ссылается на В.Эберхарда: «Богатых погребали, нагромождая кучи камней; бедных же погребали в земле» и уточняет, что речь идет не просто о кучах камней, а именно о погребальных домиках, опираясь при этом на указание К.Еноки (12, с.49-50; 54) о том, что в тексте «Бэй ши» употреблен термин «tsang», буквальное значение которого «склад», «кладовая» и здесь он применен в смысле «постройка», «место хранения трупа» (16, с. 56). Термином «tsang» в китайском языке обозначаются два различных по начертанию и смыслу иероглифа. Один - «tsang» буквально обозначает «хранилище», «амбар», «сокровищница», «склад», «питака» (санскрит.) - буддийский канон (5, с.267; 23, 1440; 1368). Второй или - «tsang» буквально обозначает: «место хранения останков тела», «захоронение», «погребение» (5, с. 976; 23, 1441; 24, с. 1408)¹.

Общеизвестно, что каждый китайский иероглиф является своеобразной идеограммой, рисунком, при помощи которого выражались конкретные понятия; кроме вложенного смысла он содержит еще и стилизованное изображение информации и в этом аспекте он несет дополнительную информацию, становится историче-

ским источником. При анализе начертания обих иероглифов оказывается, что каждый из них обозначал сооружения, основная часть конструкции которых располагалась ниже уровня дневной поверхности. Это может означать, что во фрагменте «Бэй-ши», где речь идет о «каменных склепах» эфталитов - «е-да», говорится о подземных сооружениях, вероятно, высеченных в скальном грунте².

В связи с этим предположением интересно обратить внимание на Куркатские склепы, расположенные близ городища Ширин. Они вырублены в песчанике, погребальный сопровождающий инвентарь их отличается богатством и представляют собой захоронения родовой знати. Рядом находится грунтовый могильник, содержащий погребения рядовых членов общества. Материалы из склепов и некрополя идентичны и синхронны по времени. Время функционирования погребального комплекса в целом охватывает период с III-VII вв. н.э. Исследователь этого памятника А.Мирбабаев также отметил его сходство с данными китайской хроники, но лишь прибавил Уструшану к Фергане, как еще одну возможную область обитания части эфталитских племен (18, с. 283-291). Склепы, вырубленные в скальном грунте, известны и в Северном Тохаристане. Обнаружены и исследованы они в местечке Биттепе в окрестностях столицы средневекового Чаганиана - городища Будрач. Э.В.Ртвелдазе рассматривает Куркатские и Биттепинские склепы как единую линию генетического развития погребальной архитектуры, отмечая однако, существенное отличие последних, заключенное в разнообразии планировочной композиции, способах захоронений и составе погребального сопровождающего инвентаря. Погребальный обряд, зафиксированный в склепах Биттепе, он интерпретирует как манихейский (21, с. 118-132; 22, с. 144-146).

Предложенное тождество ферганских погребений с антропоморфной скульптурой с хионитами Аммиана Марцеллина также распадается при более пристальном рассмотрении имеющихся в нашем распоряжении материалов. Прежде всего, следует уточнить, что им описан обряд трупосожжения погибшего царевича: тело «в воинском снаряжении было вынесено и помещено на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо исполне-

¹ Автор выражает большую благодарность Н.Рахимбабаевой за оказанную помощь в чтении и интерпретации китайских иероглифов.

² Автор выражает большую признательность профессору Л.Н.Меншикову и С.Г.Кляшторному за оказанную поддержку в работе и консультации.

ны, что совершенно походили на покойников...». Затем «труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы согласно воле погибшего юноши, отвести их для предания родной земле» (1, с. 129). Во всех ферганских захоронениях, где была обнаружена скульптура, зафиксирован обряд трупоположения. В Ворухском могильнике, в обоих случаях «идолы» обнаружены в женских захоронениях и лежали у ног погребенных: в кургане 3 - за пределами гроба (11, с. 29, рис. 9), в кургане 51 - около бедра правой ноги. Алебастровые «идолы» были также обнаружены в трех курганных могильниках Ташрават VIII в Юго-Западной Фергане, в курганах 13, 20 и 33. Во всех трех случаях «идолы» находились среди парных захоронений - мужских и женских. По мнению Т.Н.Булыгиной, они принадлежали женщинам и являлись, видимо, семейными оберегами, положенными в погребения вместе с хранительницами этих «идолов», указав при этом на особое положение женщин, захороненных вместе с ними (7). Не останавливаясь на анализе погребальной практики, связанной с использованием в погребальном ритуале в качестве сопровождающего инвентаря культовой антропоморфной скульптуры - «идолов», которая должна стать предметом специального исследования, отметим лишь, что они с завидным постоянством сопровождают исключительно женские погребения, начиная с эпохи бронзы до раннего средневековья.

Использование скульптуры в погребальном ритуале хионитского царевича, описанном Аммианом Марцелином, интересным образом перекликается с сообщением Прокопия Кесарийского об уннах-эфталитах: «Самые богатые из них приобретают себе друзей, человек до двадцати и более; друзья обедают вместе с ним, разделяют его достаток, имея на него общее с ним право. Когда же тот, кто приобрел друзей умрет, то по закону, и они должны быть положены в гроб вместе с ним, живые» (Прокопий Кесарийский, 1862, с. 14). Можно предположить, что «десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо исполнены, что совершенно походили на покойников...» у хионитов Аммиана Марцелина являлись скульптурными изображениями, имитирующих «друзей» богатых «уннов - эфталитов» Прокопия Кесарийского. В истории известны примеры, когда обычай погребения с покойником его жен, рабов и т.д. при различных обстоятельствах трансформировался и последних заменяли их изображениями. Однако, сведения

Прокопия Кесарийского отражают по времени более поздние реалии и, видимо, в данном случае можно говорить об обратном явлении, когда места «изображений» вновь занимали живые люди.

Таким образом, как было показано, ни одно ранее предлагавшееся тождество ферганских погребальных памятников хионитам - эфталитам известным нам письменным источникам на самом деле не обнаруживает никаких аргументов в пользу его подтверждения и не позволяет предполагать, что Фергана могла быть областью, население которой принимало участие в их этногенезе.

Однако, совершенно очевидно, что территория Ферганской долины не могла оказаться в стороне от политических событий того времени, и остаться вне сферы влияния государства эфталитов, границы которого простирались далеко за пределы Средней Азии.

Данные нумизматических исследований позволяют говорить о том, что в среднеазиатской части государства эфталитов не было централизованного монетного чекана, осуществлявшегося от имени одного правителя, и это безусловно отражает систему конфедеративного устройства их политического объединения. Монеты разного типа и номинала выпускали правители Чача, Хорезма, Согда и Кеша. В самом Тохаристане, являвшемся оплотом эфталитов, чеканка монет осуществлялась правителями более мелких областей (21, с. 90-91). При эфталитах, как и при тюрках, в ряде районов Средней Азии и в самом Тохаристане оставались местные династии (17, с. 81, 134; 8, с. 91-93). Э.В. Ртвеладзе доказывает, что собственно эфталитским чеканом являются монеты с легендой «*αλχου*» и «*αλχου χηθο*», а само слово «*αλχου*» передает самоназвание эфталитов. Монеты с этой легендой охватывают период с конца IV в. н.э. вплоть до 559 года, совпадая в начальной дате со временем выступления эфталитов на арену истории, а в завершающей стадии - с разгромом их тюрками в 60-х годах VI в. н.э. Ареал распространения монет охватывает Северную Индию, Кабулистан и Тохаристан вплоть до Гиссарского хребта на юге Узбекистана, очерчивая территорию основного расселения эфталитов (20, с. 110-112). В целом, очевидно, что в государстве эфталитов была развитая система товарно-денежных отношений, из которой совершенно исключена, пожалуй, единственная область Средней Азии - Фергана. Вероятно, отсутствием на ее территории собственно эфталитов можно объяснить то, что на ее памятниках до сих пор не найдено ни одной сасанидской драх-

мы Пероза II, Валаша, Кавада и Хосрова I, часто встречаемых в Ташкентском оазисе, Согде и Уструшане. Большинство этих монет, как считают исследователи, поступало к эфталитам в качестве дани от сасанидских правителей.

В Ферганской долине в этот период отмечается наиболее широкое распространение археологических памятников скотоводов различных родо-племенных и этно-культурных групп. Они осваивают новые необжитые окраины долины: на юге, распространяются далеко на север от Кураминского хребта вплоть до Каратау. Именно этим временем датируется большинство раскопанных погребений. Все они генетически восходят к погребальным сооружениям,

впервые появившимся в эпоху бронзы и начале нашей эры, и не могут быть связаны с эфталитами. Памятники аштской культуры в это время занимают доминирующее положение (2, с. 16-23).

Фергана, вероятно, находилась в номинальной зависимости от эфталитов, являясь равноправным членом конфедерации и, пользуясь особым положением смогла избежать их присутствия. Такое положение целого культурно-исторического региона могло состояться только в условиях централизованного управления областью, но о содержании его на уровне наших современных знаний можно лишь догадываться.

1. Аммиан Марцелин. История. Пер. Ю.Куляковского и А.Сонина. Киев, вып. 1, 1906.

2. Баратов С.Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугхона). Диссертация к.и.н. Самарканд, 1991 а. Библиотека ИА АН РУз.

3. Баратов С.Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугхона). Автореф. к.и.н. Самарканд, 1991 б.

4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II, М.-Л., 1950.

5. Большой китайско-русский словарь. Под ред. Л.Ошанина. М., 1983.

6. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.

7. Булыгина Т.Н. Погребения с идолами из могильника Ташрават VIII в Юго-Западной Фергане. ТД конф. молодых ученых Института археологии АН РУз 18 марта 1986 г., Архив ИА АН РУз.

8. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. Л., 1977.

9. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Душанбе, 1989.

10. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия нашей эры // АСГЭ, вып. 22, 1981.

11. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН Тадж. ССР, том. 35. Душанбе, 1955.

12. Enoki K. On the nationality of the Ephthalites. MDTB. No 15, Tokyo, 1959.

13. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (сер. I тысячелетия до н.э. - середина I тысячелетия н.э.). Фрунзе, 1960.

14. Иностранцев К.И. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках//ЖМНП. Нов. Серия СПб., XX, № 3, 1909.

15. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (раскопки, погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972.

16. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и средневековой Ферганы//История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

17. Мандельштам А.Н. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье//СА, XX, 1954.

18. Мирбабаев А.К. О работе Уструшанского отряда в 1976 году//АРТ, вып. XVI, 1982.

19. Неразик Е.Е. Предки таджикского народа в IV-V вв. н.э. //ИТН, том I, М., 1963.

20. Ртвеладзе Э.В. К истории эфталитов - алхондов//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. ТД. Ташкент, 1985.

21. Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.

22. Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан в раннесредневековое время // Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.

23. Словарь современного китайского языка. Синдай хан юй цзи джан. Пекин, 1985.

24. Энциклопедический словарь. Море слов. Цзи хай. Шанхай, 1979.

А.Э. БЕРДИМУРАДОВ, М.К. САМИБАЕВ

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРЕКРЫТИЙ СОГДИЙСКОГО ХРАМА ДЖАРТЕПА II

Начиная с 1986 года стационарным объектом исследования Ургутского отряда Института археологии Академии Наук Республики Узбекистан является раннесредневековый согдийский храм - Джартепа II, расположенный на трассе одного из ответвлений Великого шелкового пути, ведущего из Самарканда в Пенджикент, на территории называемой в древности Варагсар [3; 4].

Первоначально, на месте храма стояло прямоугольное здание, вытянутое по оси З-В к углам которого во втором периоде были пристроены четыре двухэтажные, овальные в плане башни с щелевидными бойницами на втором этаже. В третьем периоде по внешнему периметру первоначального здания был построен ряд коридорообразных помещений, образовавших новый оборонительный пояс, сменивший круглые башни. Как многие укрепления Согда V - VI вв., он состоял из прямоугольных башен с узкими промежутками между ними [15].

В четвертом периоде центральное ядро памятника коренным образом перестраивается (рис. 1). Часть южной стены первоначального здания снесли до основания и на образовавшейся площади возвели огромный 8 -ми колонный прямоугольный зал, вытянутый по оси С-Ю. В данный момент в зале обнаружено 5 проходов (в северо - западной его части еще проводятся археологические работы). К северу от зала расположена квадратная в плане целла. В этом периоде были прорублены два прохода по оси З-В, которые связывали зал с южными башнями второго периода. Ю-З башня в четвертом периоде использовалась как сокровищница храма. К югу от зала был построен 12 - ти колонный вестибюль, вытянутый поперек оси памятника. Этот вестибюль был построен на остатках ранних сооружений, в связи с чем пол его выше, чем пол зала. Связываются они друг с другом при помощи массивного двухдверного прохода с тамбуром и двух пандусов. По середине южной стены имеется вход, снабженный пандусом, который связывает это здание с дворовой частью памятника. Также в вестибюле имеются два боковых прохода с лестницами, посредством которых можно было попасть в перифе-

рийные помещения. Все стены целлы, зала и вестибюля были покрыты живописью. Но, к сожалению, из-за сильного пожара, на рубеже VII-VIII вв. [5] эти росписи сильно пострадали .

Без сомнения, в этом периоде памятник приобретает культовый характер. Его архитектурная композиция - вестибюль, зал и целла, расположенные друг за другом на одной оси - известна по многим культовым памятникам широкого хронологического диапазона - от ахеменидских до храмов огня современных зороастрийцев Индии.

Однако, еще важнее для понимания функции здания служат найденные в помещениях (в основном, в сокровищнице) , широкий набор храмовой утвари и сохранившиеся фрагменты культовой живописи.

По истечению сравнительно короткого времени после пожара на рубеже VII - VIII вв., центральная часть здания четвертого периода была частично с nivelирована и забутована, а на образовавшейся площадке заново был построен другой храм (пятый период). Здание этого периода состоит из двухколонного, открытого на юг зала (пом. 14), который через дверные проемы в северной стене соединяется с целлой (пом. 5) и ее двумя боковыми помещениями (пом.4 и 6). Все эти помещения с трех сторон окружены обходным коридором (пом. 3 и 7). К югу от зала расположен вестибюль (пом. 13) (рис. 2). В целле имеется подиум и на нем алтарь для возжигания огня. Зал, целла и западное боковое помещение были украшены настенной живописью [6, с. 79;13].

Как мы видим, осевая композиция предыдущего храма в принципе сохранена и в пятом периоде. К тому же, к этой схеме добавляется обводной коридор и пристенный алтарь в целле, которые являются безусловными атрибутами культовых сооружений. Наиболее близкими к архитектуре пятого периода являются городские храмы Пенджикента (V - VIII в) [19]. Эти храмы принадлежали согдийцам, исповедующим религию зороастрийского толка [16, с 21].

В помещениях этого периода так же были обнаружены многочисленные находки культового характера.

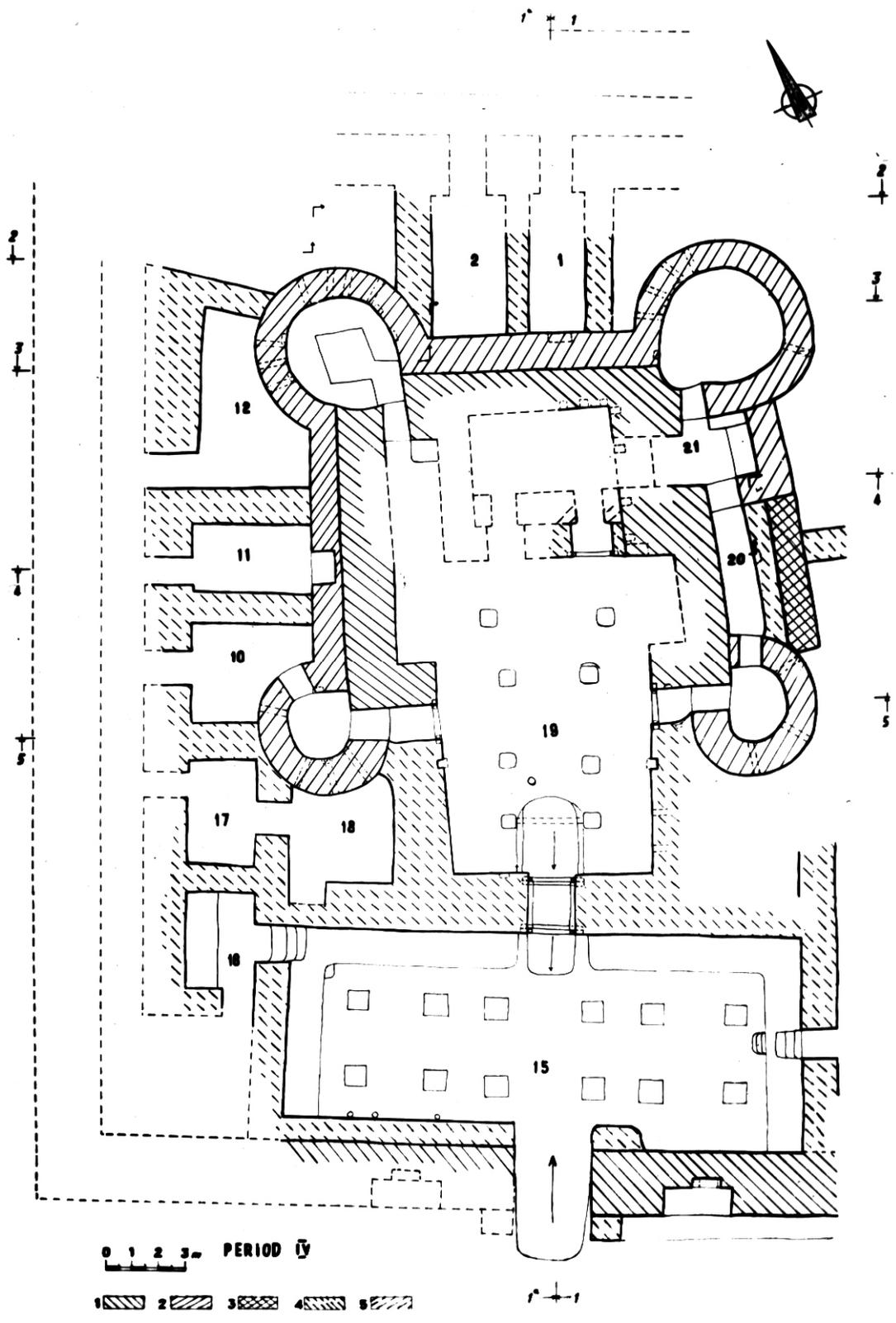

Рис. 1. План здания IV периода

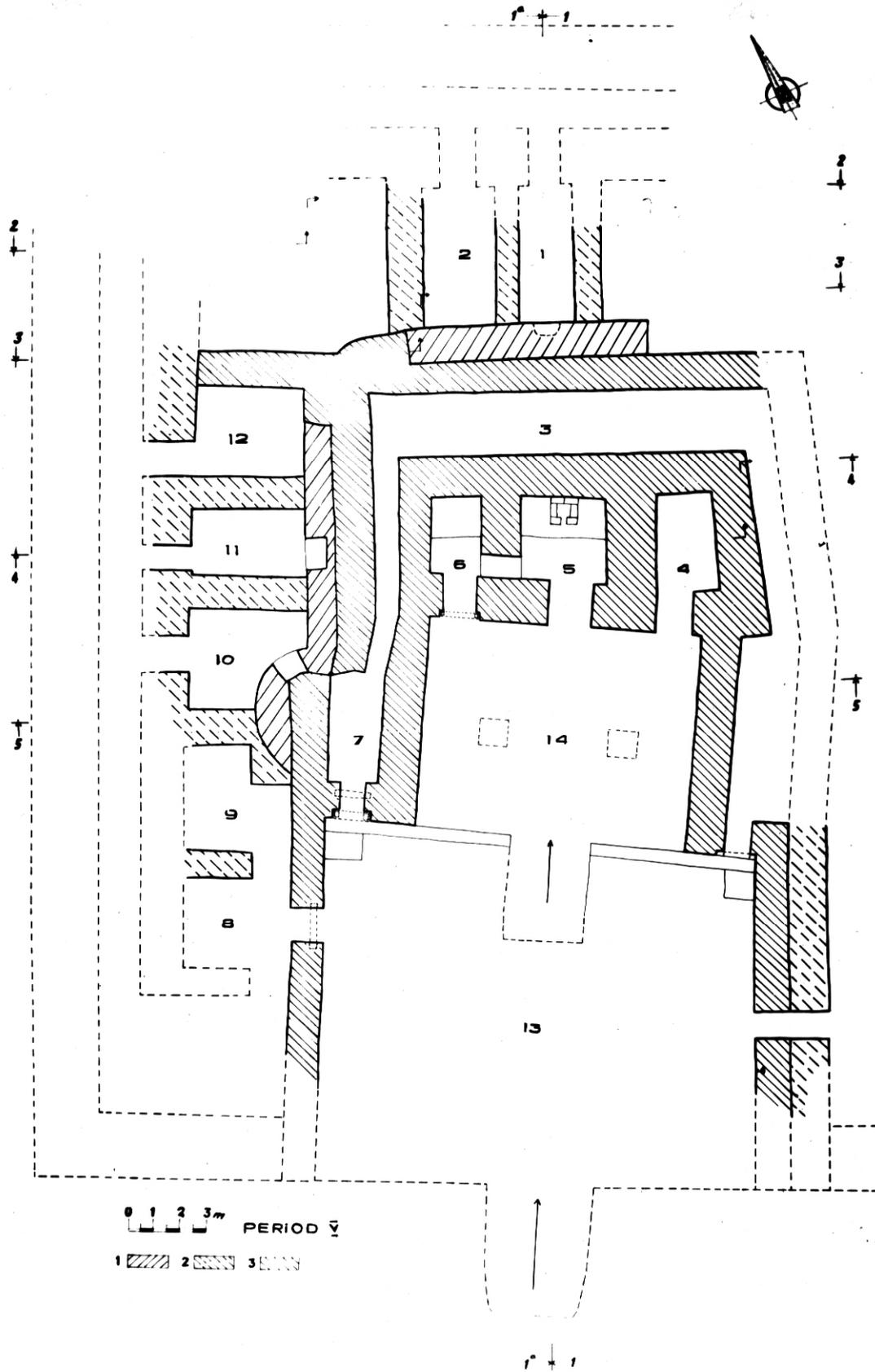

Рис. 2. План здания V периода

Анализ всех находок, обнаруженных в помещениях храма Джартепа II, позволил сделать следующие выводы по хронологии памятника:

- первый - третий периоды датируются - IV (?) - V вв.;
- четвертый период - V - VII вв.;
- пятый период - концом VII - первой половиной VIII вв. [14, с. 2, 11]

Степень сохранности помещений двух последних периодов дает возможность сделать попытку реконструировать архитектурный облик этих зданий. Хотя археологические работы к северу от зала четвертого периода еще не завершены, тем не менее, наличие деревянных баз от колонн, дошедших до нас в зале и вестибюле, позволяют понять суть архитектурной идеи этого периода (рис.3).

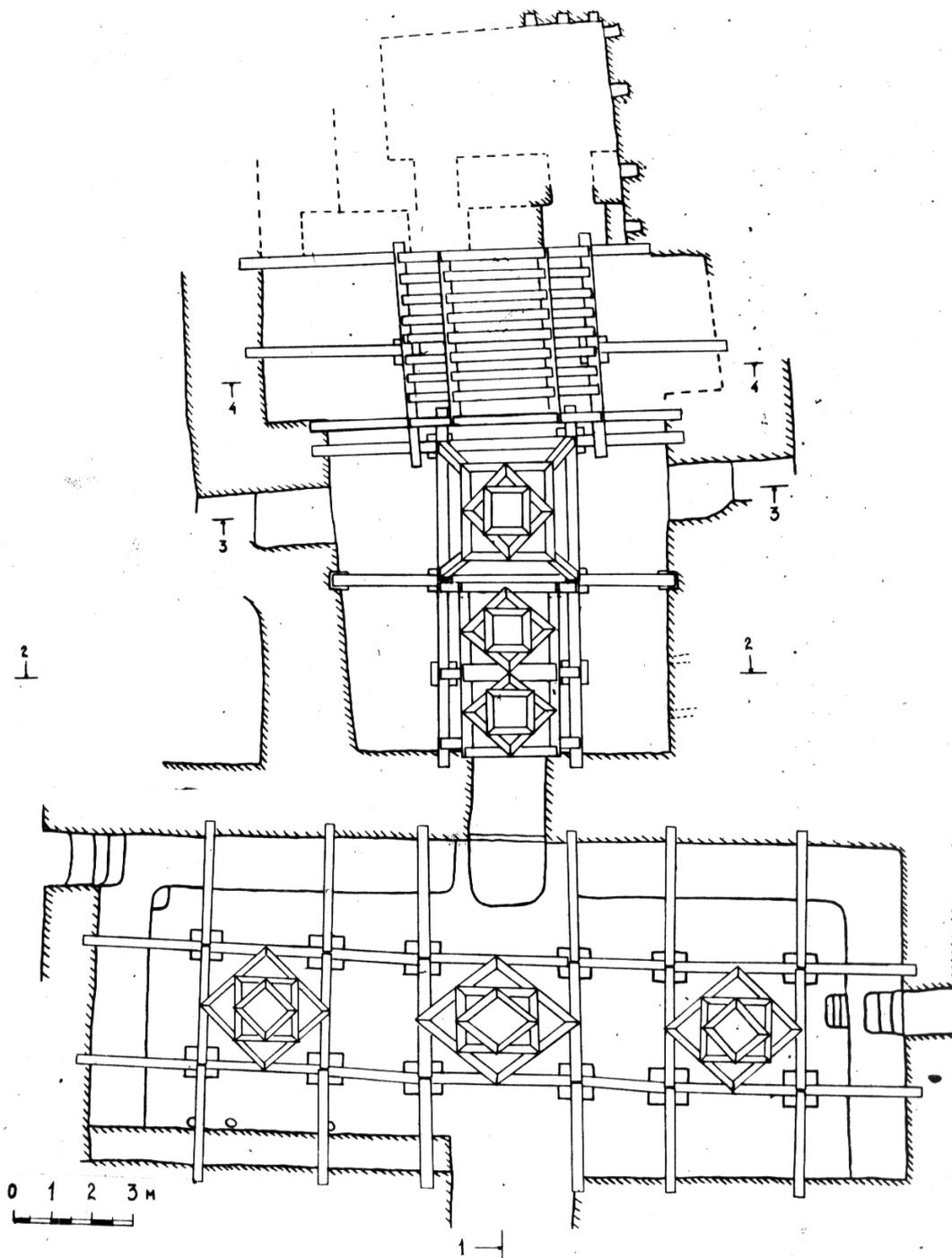

Рис. 3. План IV периода с элементами реконструкции перекрытия.

При строительстве здания четвертого периода, строителям необходимо было решить про-

блему единой кровли. Они должны были избежать большого перепада уровней плоской кров-

ли, в связи со значительным несоответствием уровня полов в разных помещениях. Так, первоначальный пол зала расположен ниже полов периферийных помещений на 3,16 м и на 1,62 м от уровня пола вестибюля. Разница между полами вестибюля и периферийных помещений составляет 1,54 м. Как мы видим, наиболее сложной проблемой для строителей было решить задачу, связанную с перекрытием зала. Здесь надо было довести высоту его потолка под общий уровень кровли, чтобы не допустить скопления влаги над наиболее парадными помещениями и избежать протечки. Об этой задаче, несомненно вставшей перед согдийскими архитекторами, писали В.Л.Воронина [8, с.68] и Б.И. Маршак [11, с.56].

Плоский потолок восьмиколонного зала исключается по нескольким причинам. Высота сохранившихся отпечатков полуколонн с подбалками в стенах зала доходит до 4 м. Если сделать реконструкцию с плоским потолком на эту высоту, то зал окажется непомерно низким, гораздо ниже окружающих его помещений. Кроме того, сохранившиеся стены зала выше, чем верхний край отпечатка подбалки, и при плоском перекрытии это могло привести к накоплению осадков на кровле.

Вероятно, при решении этой проблемы, в зале был применен двойной потолок и кровля, лежащая на перекрытии, выложенном в виде трапециевидных в сечении деревянных "сводов", в сочетании с "куполом" в форме усеченной пирамиды. При этом, по всей видимости, использовался характерный для согдийской архитектуры принцип развития композиции в глубину, т.е. от южного прохода зала к предполагаемой целле.

При деревянных и при сводчатых перекрытиях, как показывают раскопки в долине Зарафшана (Афрасиаб, Пенджикент, Варахша и др.), согдийские мастера стремились развивать интерьер залов ввысь. Этому принципу соответствуют предложенные реконструкции пенджикентских залов и "капелл" без колонн или с двумя колоннами, для которых предполагаются деревянные перекрытия в виде усеченной пирамиды [1, с.53-55, рис.15; 9, с. 67-89]. Для четырехколонных квадратных залов Б.И. Маршак предложил перекрытие типа "вписанного креста" с трапециевидными в поперечном сечении деревянными сводами [11, с.53-64, рис. 1]. В искусственных гротах XIV и XV Бамиана (Северный Афганистан (VI-VII вв.)) с большой точностью переданы перекрытия наземных зданий с аналогичными потолками [11, fig. 27,

28, 154]. Формы таких потолков можно увидеть и в пещерных храмах Восточного Туркестана [10, 1916, с.67, рис.69].

Двойные перекрытия с усеченной пирамидой засвидетельствованы на Канке (Чач [7, с.8, рис. 3]). В Пенджикенте трапециевидная "арка" из балки с откосами обнаружена на объекте XXIII [1, 1979, с.54], кроме того на объекте XVI обнаружен зал VII в. с перекрытием в виде деревянного трапециевидного свода с окнами в обоих его торцах. Над сводом была плоская кровля [12, с.18; сведения об этом зале нам любезно предоставила В.И. Распопова].

Реконструкцию перекрытия удобно начать с прямоугольной части зала, примыкающей к южному проходу. В ней 6 колонн, образующих три нефа (рис.3). Средний более широкий неф делится на две части: северную квадратную и южную прямоугольную. Граница образована второй (если считать от южного входа) парой колонн и парой углублений от деревянных стволов с подбалками в боковых стенах напротив этих колонн. Очевидно эта граница имела конструктивное значение, и каждая из частей перекрывалась не совсем так, как другая. В северной части четыре базы образуют квадратный участок площадью приблизительно 3 x 3 м. При таком плане напрашивается симметричный потолок в виде усеченной пирамиды. Четыре колонны, высотой приблизительно 3,5 м (без подбалок) связывались при помощи прогонов, пропущенных через подбалки, с западной и восточной стен, причем, южные прогоны лежали на реальных пристенных столбах. Концы этих прогонов, в середине зала, проходя через подбалочные отверстия завершались консолями. В свою очередь, на эти консоли можно было положить балки. Так колонны закреплялись друг с другом и одновременно со стенами по направлению З-В. По направлению С-Ю эти колонны связывали балки, начинающиеся от оси южных колонн рассматриваемого квадрата. Северный конец этих балок, длина которых должна была быть больше 4,25 м, завершался консолями (рис.4). На них, в свою очередь, можно было положить три балки, послужившие как опоры для балок потолка в северной части зала.

При такой конструктивной раскладке над квадратом получается рама из четырех балок с единым уровнем верхней плоскости, на которую и могли поставить потолок в виде усеченной пирамиды. Нижние концы двух северных угловых стоек пирамиды ложились по центру колонн. Южные стойки слегка отодвинуты севернее от оси колонн, чтобы оставить место для концов

балок - прогонов, перекинутых от южной стены (рис.4). В связи с нагрузками, которые несли консоли этих балок в северной части, образовывался опрокидывающий момент, однако нагрузка от мощной усеченной пирамиды полно-

стью устраняла угрозу выворачивания балок (рис.4). Прогонь, углубленный в стену и опирающийся на столбы, увеличивали жесткость южной стороны квадрата, поглощая распор пирамиды.

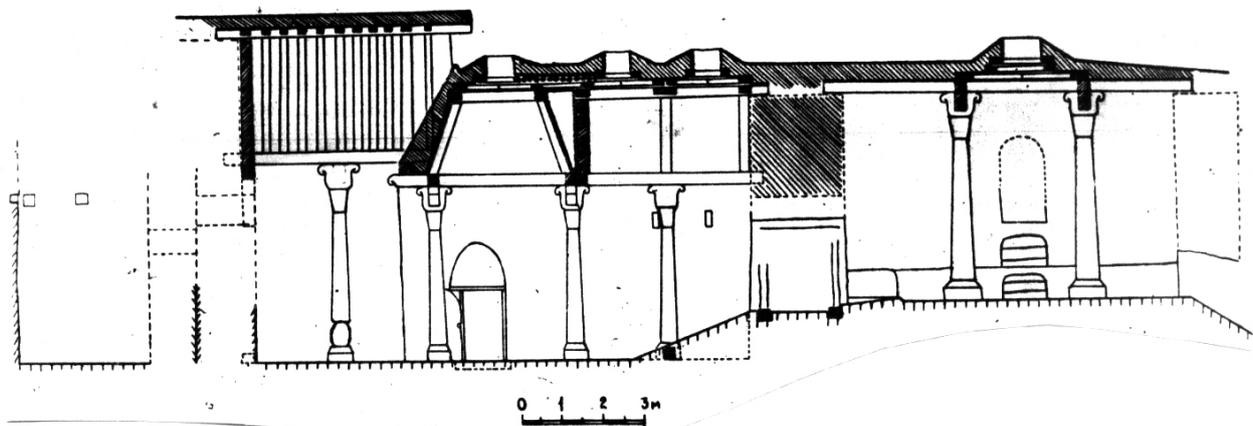

Рис. 4. Разрез здания IV периода с элементами реконструкции перекрытия.

Верхняя часть пирамиды, вероятно, завершалась квадратными венцами из брусьев в виде перекрытия «чорхона» со световым отверстием, снабженным возможно, люком [2, с.90,102, рис.5, 12]. Верхний край люка окажется на уровне кровли. Высота пирамиды могла составить не менее 1,70 м, учитывая пропорции аналогичных перекрытий, о которых речь шла выше (рис.4, 6).

Пространство среднего нефа между вторым рядом колонн и южным проходом зала, вероятно, было перекрыто трапециевидным в сечении потолком той же высоты, что и северная усеченная пирамида. Две балки (длиной 4,5 м, около 4 м в свету), положенные одним концом на южную стену зала, а другим - на подбалки второго ряда колонн, несли основную нагрузку этого потолка. Чтобы уменьшить нагрузку на эти прогоны в середине, эти балки подпирались колоннами (рис.4-5).

Нерасчлененность основных балок, дает жесткую конструктивную основу для потолка. В связи с этим надо отметить, что в первом от входа ряду колонн отсутствовали прогоны, перекинутые от них к восточной и западной стенам. Остатки полуистлевшего бревна, найденные между базами первого ряда колонн на уровне первоначального пола внутри тела пандуса, видимо, должны были стабилизировать конструкцию, не имеющую верхних прогонов

по направлению В-3 (рис.5). То, что архитектор был озабочен такой стабилизацией, является косвенным доказательством применения конструкции, дающей распор. Трапециевидный деревянный свод был именно такой конструкцией.

На основные балки опирался трапециевидный свод. Верхняя часть свода завершалась, вероятно, двумя квадратными венцами из брусьев, также, видимо, оформленных в виде «чорхона» (ср.: прямоугольные потолки с двойной «чорхоной» в Бамиане [17, pl. 105, E-1]) (рис.3).

Тимпан между откосами и балками в северном конце свода, давал возможность поместить туда деревянный рельеф или арку с живописной композицией. Обугленные доски с изображениями арки на двух колоннах и помещенные под ними сюжетные композиции культового характера были найдены в зале 57 объекта XXIII в Пенджикенте. Они напоминают аркады с изображениями в нижней части купола нескольких буддийских гротов Бамиана (11, с.56).

Наличие пристенных столбов показывает важность конструктивного узла по второму ряду колонн перекрытия. Как было сказано выше, южные стойки от пирамидального потолка стоят на колоннах этого ряда. Кроме того, здесь же располагались и наклонные балки северного конца деревянного свода. Дополнительные пристенные столбы укрепили всю систему

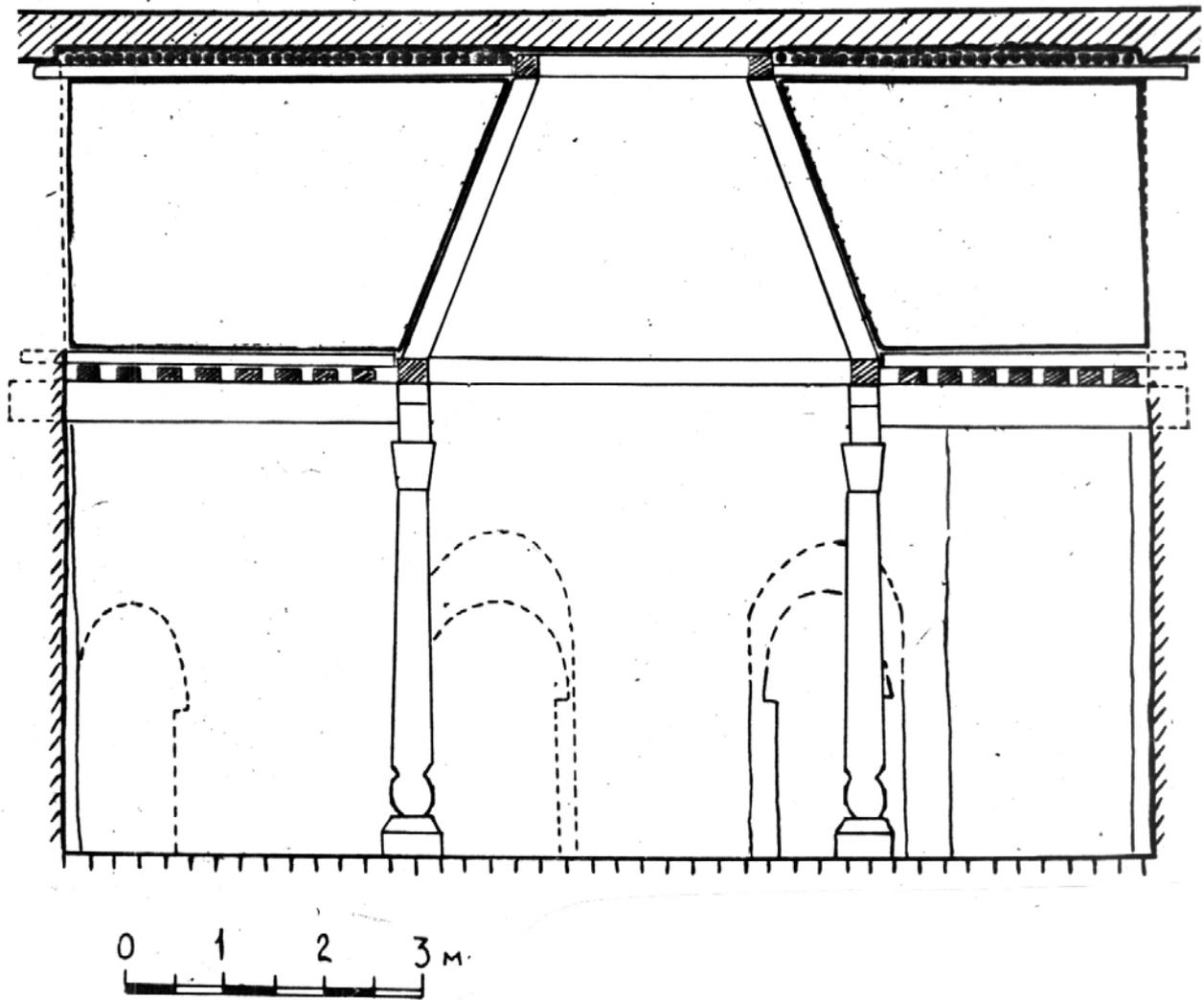

Рис. 5. Разрез здания IV периода с элементами реконструкции перекрытия.

перекрытия с разнонаправленными нагрузками.

Наиболее сложной проблемой, ставшей перед строителями, являлось перекрытие северной части зала. Она была усложнена тем обстоятельством, что в этой части зал расширяется, в связи с чем, две крайние северные колонны были расположены западнее и восточнее осей рядов других колонн (рис.3). Такое расположение открывало людям, стоявшим в среднем нефе, проходы в целлу, что, видимо, было важно для ритуала, совершавшегося в храме. В таком случае возникает естественный вопрос, на что же опираются южные концы основных балок потолка, перекинутые через капители двух северных колонн.

Северные концы этих балок могли жестко крепиться в стене. Южные прогоны, видимо, были переброшены от восточной и западной стен на консоли от балок, положенных в направлении С-Ю, на которые опирался цен-

тральный пирамидальный потолок. Вероятно, для жесткости конструкции между консолями также был переброшен брус (рис.4). На эти прогоны и были положены основные балки потолка длиной не меньше 5 м, которые опирались на северную стену зала и две северные колонны. Аналогичный конструктивный узел предложил Б.И. Маршак для реконструкции перекрытия портика-айвана храма I Пенджикента, где колонны расположены так же, как и у нас [18, р. 292, fig.4]. Чтобы уменьшить нагрузку по середине, эти балки подпираются колоннами, которые, в свою очередь, соединены с восточной и западной стенами зала прогонами.

На оставшейся между колоннами северной стеной и рамой на консолях площади размером приблизительно 4,75 x 4,20 м можно было бы сконструировать два вида перекрытия, которые мы предложили для южной части среднего нефа.

На наш взгляд, здесь можно остановиться на потолке в виде трапециевидного свода. В его пользу говорит наличие колонн, дающих возможность поставить несколько наклонных стоек на балки с минимальной нагрузкой в пролетах. Для наклонных стоек пирамидального купола достаточно было бы углов прямоугольного каркаса. Да и колонны для купола расположились совсем не к месту.

Высота трапециевидного свода составляла бы приблизительно 3 м. При этом уровень кровли над этим сводом окажется выше на 1,25 м, чем в других частях здания. Это давало возможность сконструировать с южной стороны окно с наклонной поверхностью внизу для направленного освещения торцевой стены зала, в которой внизу были богато оформленные входы в целлу, а наверху могла быть помещена композиция, вписанная в трапециевидную арку (такой вариант мы предложили и для южной части зала). При этом есть возможность избежать перекрытия в виде "чорхона" с люком в потолке, что сильно уменьшило бы тяжесть, приходящуюся на основные балки (рис.4).

Наличие люков в южной части и окна в северной - позволяет в достаточной степени осветить зал. При таком варианте происходит попадание части атмосферных осадков в помещение, чем оправдывается устройство водоотводного ташнау в зале.

Над колоннами со сводами можно было незаметно поместить дополнительные опоры для крыш.

Предложенная нами схема чередования конфигурации потолка - в середине купол, а у входа и в глубине свода - с точки зрения эстетики согдийцев вполне могла оказаться приемлемой организацией развития форм. При этом, также надо учесть сложность ритма, характерного для согдийского искусства вообще, например, для росписей, украшавших интерьеры парадных залов Согда.

В вестибюле конструкции потолка держались на 12 колоннах, которые расположились тремя группами. Две крайние группы колонн образовывали квадраты площадью приблизительно 3,75 x 3,75 м. В середине группа из четырех колонн, в свою очередь, располагалась на площади 4,40 x 3,75 (рис.4).

Для выравнивания общего уровня кровли надо, чтобы высота колонн, (база, ствол колонны, капитель и подбалка вместе взятые), составляла 4,95 м, против 4.10 м в южной части зала. Базы их заметно шире. Судя по найденному отпечатку нижней части ствола колонны,

она имела диаметр у основания 61 см, что в принципе позволяло увеличивать ее высоту, сохраняя пропорции. Шаровидного элемента (кузаги) у колонн вестибюля не было. (Он возможно имелся у двух колонн северной части зала. Они были выше, чем в южной части, но площадь их баз не больше. Чтобы избежать непропорциональности, было бы логично ввести дополнительный элемент, тем более, что он был весьма распространен в Согде) (рис.4).

Колонны по длинной (З-В) оси вестибюля соединялись между собой прогонами, проходящими через подбалочные отверстия. Таким же способом крайние колонны были закреплены с западной и восточной стенами вестибюля. Длина этих прогонов зависела от расстояния между колоннами, или стенами и колоннами.

По короткой оси (С-Ю) колонны между собой соединялись балками, которые лежали на подбалках. Видимо, такими балками были соединены колонны с северной и южной стенами.

Для того, чтобы получить раму на едином уровне, и возвести потолок, между колоннами внутри основных квадратов на прогоны должны быть положены дополнительные балки. При такой раскладке, образовывалась бы жесткая конструктивная рама, позволявшая перекрыть эти квадраты потолком в виде "чорхона" со световым люком в центре.

Такой потолок, видимо, устраивал строителей. Незначительное наращивание его в высоту, в отличие от форм потолка в зале, требовалось необходимостью единого уровня кровли, т.к. пол вестибюля выше, чем пол зала.

Наличие невысокого бортика в начале северного пандуса, соединяющего этот вестибюль с залом, говорит о наличии отверстий в потолке. Этот бортик не позволял атмосферным осадкам, протекавшим через световые люки в вестибюль, попадать в зал.

Большое количество горелого дерева, обнаруженного в зале и вестибюле, говорит о том, что во внутреннем оформлении деревянные архитектурные детали играли большую роль.

Если принять эту реконструкцию, то можно предположить что высота зала доходила до 8 м в северной части и 6,65 м в южной, а высота вестибюля - 5,5 м. При этом мы также можем рассчитать приблизительную высоту периферийных помещений. Высота их составляла примерно от 3,05 до 3,37 м при условии единой плоской кровли. В основном, они имели плоские перекрытия из горизонтальных брусев. Исключение, видимо составляло пом.18, если в нем, по нашему предположению, находился вечный огонь храма.

Учитывая это обстоятельство, видимо, необходимо, было бы перекрыть это помещение с дымовым люком посередине потолка. В этом случае, наиболее подходящим вариантом потолка

является пирамидальный купол с низкопосаженными гнездами для наклонных балок (см.9,с.70-77; 7, с.8, рис.3) (рис.6).

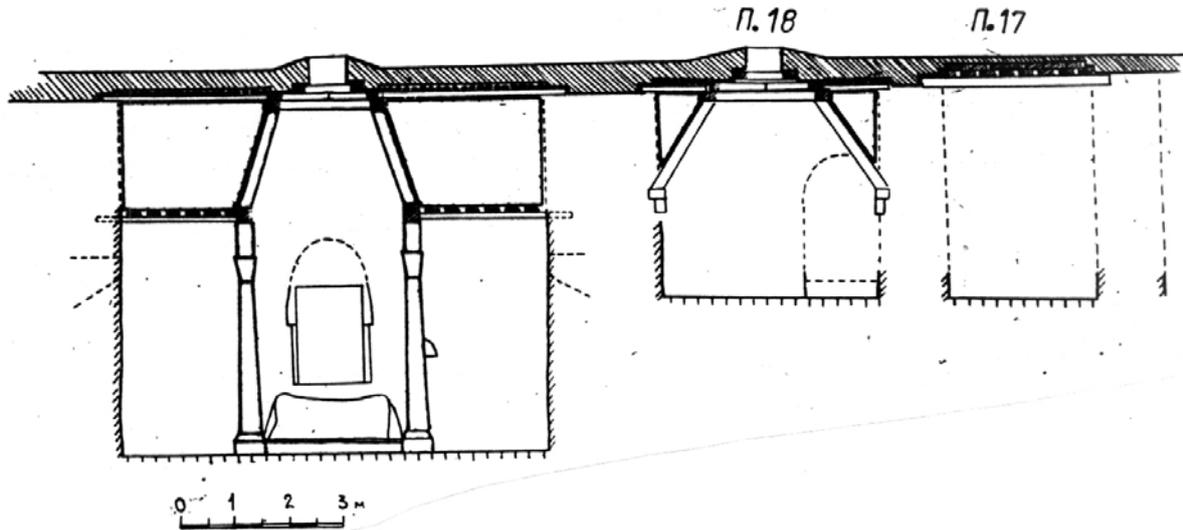

Рис. 6. Разрез здания IV периода с элементами реконструкции перекрытия.

Здание храма пятого периода в отличие от предыдущего, дошло до нас в худшем состоянии. В связи с этим реконструкция перекрытия здания этого периода еще более усложняется. Решая эту проблему, мы будем опираться на конструкции перекрытий, предложенные для здания четвертого периода. Также привлечем реконструкцию храма 1 Пенджикента (18,с.292,рис.4), который близок в планировочном отношении к зданию храма пятого периода Джартепа.

В структурном отношении здание этого периода, проще предыдущего. При постройке храма четвертого периода, строителям нужно было решить сложную проблему, связанную с доводкой уровня потолка низко расположенного огромного зала под общий уровень кровли здания. При этом, видимо, использовали применявшиеся тогда разные формы и конструкции потолков. В пятом периоде центральный прямоугольный зал, целла с двумя боковыми помещениями и обводной коридор были расположены выше, чем портик-айван и периферийные помещения. Это обстоятельство упрощало задачу строителей, связанную с перекрытием здания, где центральное ядро доминировало над периферийными помещениями и не

было необходимости думать о едином уровне кровли, как в четвертом периоде.

В середине центрального зала (пом. 14) этого периода, на полу прослеживаются следы баз от двух колонн, размером 1 x 1 м. В связи с понижением холма в южной части зала, мы можем только предположить о наличии тут еще двух колонн, так как на расстоянии 10,3 м (ширина зала) невозможно перебросить балки без помощи этих колонн. (Рис.7)

Высоту колонн зала мы можем вычислить чисто гипотетически. Так как сохранность стен пятого периода не позволяет определить точную высоту колонн (как это было возможно в предыдущем периоде) нам остается только опереться на размеры, предложенные для здания четвертого периода.

Если учесть, что в зале четвертого периода при наличии баз размерами 64x64 см высота основных колонн составляла 4,10 м, а в вестибюле базы имели размеры 78 x 78 см, колонны имели приблизительно высоту 4,95 м, то в зале пятого периода при наличии баз размерами 1 x 1 м высота колонн могла бы быть более 5 м. При этом появлялась возможность использовать шаровидный элемент (кузаги), чтобы соблюсти пропорции колонн.

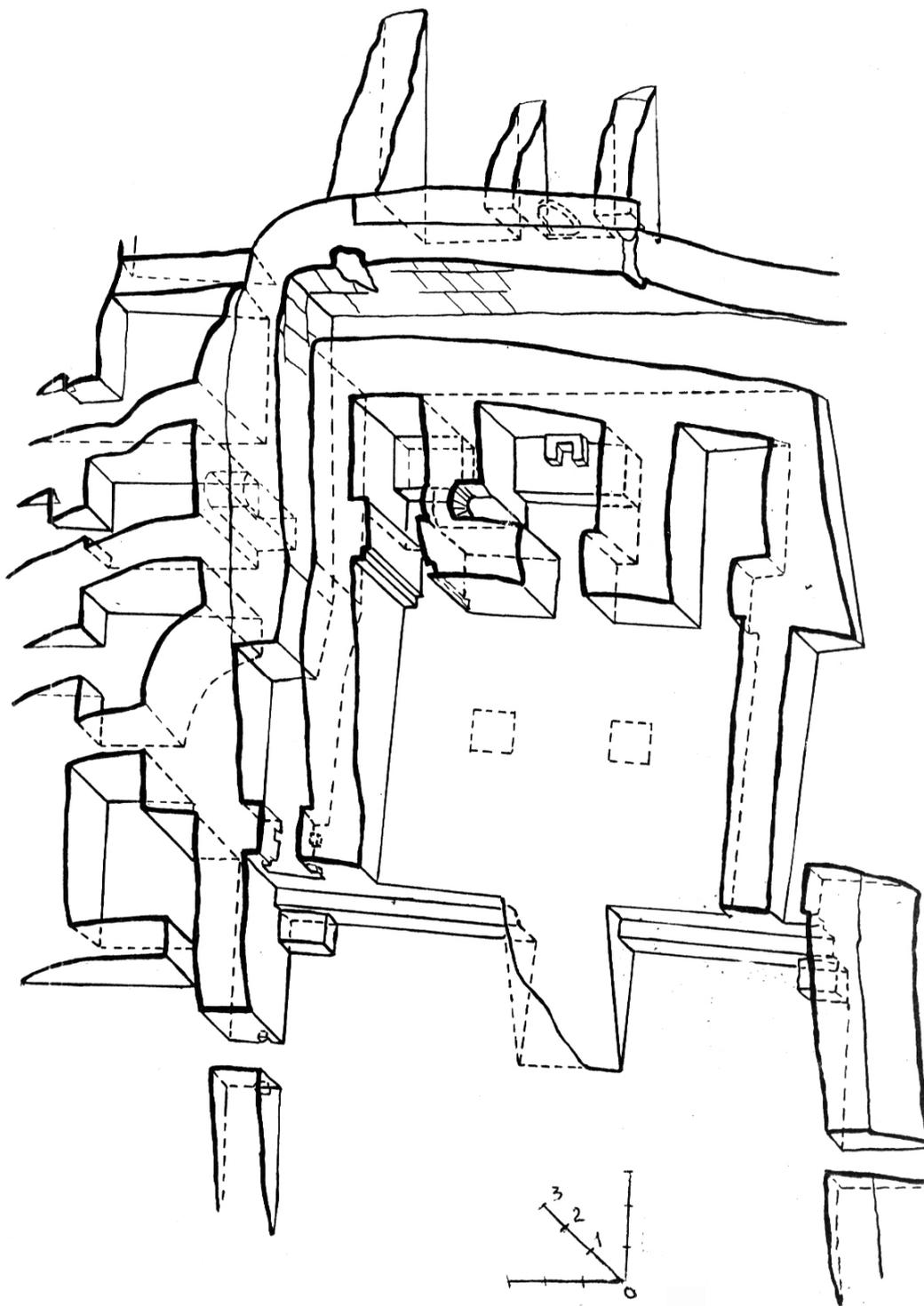

Рис. 7. Аксиономеирия здания храма V периода.

Эти четыре колонны связывались с западной и восточной стенами зала при помощи прогонов, пропущенных через подбалки. Концы этих прогонов, в середине зала, проходя через подбалочные отверстия завершались консолями, на которых, в свою очередь, можно было положить балки. Так колонны закреплялись друг с

другом и одновременно со стенами по направлению 3-В. По направлению С-Ю их связывали балки, переброшенные от северной стены через колонны. Южные концы их могли завершаться консолями, широкого карниза, который был необходим для ограничения попадания осадков в зал с южной, открытой, стороны. На эти консоли

могли положить брусья, подперев их пристенными столбами [18, p. 192, fig. 4]. На эти брусья, в свою очередь, по направлению С-Ю плотно ложились доски, в результате чего образовался выступ карниза, закрывающий часть пандуса и полностью край платформы с хорошо сохранившимся фасом.

При такой конструкции в середине зала за северными колоннами образовывается квадратная рама с единым уровнем верхней плоскости, где могли поставить потолок в виде усеченной пирамиды, аналогичный пирамиде в середине зала четвертого периода. Разница между ними могли состоять лишь в том, что в первом случае, вероятно, верхняя часть пирамиды завершалась перекрытием в виде "чорхона" со световым отверстием. Основной световой поток в зале пятого периода поступал с южной стороны, где не было стены. В связи с этим не существовало проблемы освещения этого зала, как в предыдущем периоде, и необходимости в световом отверстии в верхней части купола. Возможно, что над этим квадратом была только "чорхона" без пирамидального купола.

Одним из сложных аспектов рассматриваемой проблемы, является реконструкция перекрытия основного помещения здания пятого периода - целлы (пом.5). Здесь можно предположить сразу несколько вариантов перекрытия.

Первый, наиболее простой - плоское перекрытие из балок, лежащих на западной и восточной стенах. В связи с тем, что с юга помещение имело довольно широкий проход посередине стены, нагрузка на эту стену, видимо, считалась бы не целесообразной.

Второй - сводчатое перекрытие, выложенное из сырца, ось которого могла быть С-Ю.

Третий - двойной потолок в виде усеченной пирамиды из дерева (предложенный для перекрытия зала).

Четвертый - это купольное перекрытие из сырца.

Если иметь в виду, что для творческого метода согдийских архитекторов характерно было использование в парадных зданиях композиционного принципа развития форм в глубину от более простых к более сложным, то первые два варианта, предложенные нами для перекрытия целы, отпадают. Остаются два последних варианта. Чтобы поставить потолок в виде усеченной пирамиды необходимо было сделать гнезда для наклонных балок по углам помещения. Наибольшая сохранившаяся высота стены целлы 2,20 м в С-З углу, где не было отверстия для гнезда. Это обстоятельство еще не исключает

возможности такого перекрытия: гнезда от балок могли располагаться куда выше. Однако в известных нам случаях гнезда наклонных балок от этого типа потолка расположены не так уж высоко.

Наиболее сложным архитектурным элементом, среди перечисленных выше вариантов перекрытий, является сырцовый купол. Имеется ряд факторов, позволивших нам предположить купольное перекрытие целлы. Основной фактор - это сама планировка целлы. Чтобы поставить сырцовый купол необходимо квадратное в плане помещение с массивными стенами, которые могли бы выдержать большую нагрузку. Эти признаки присущи рассматриваемому помещению. Для трех первых вариантов, предложенных нами перекрытий, южная стена не была нужна. Строители в этих случаях могли бы упростить свою задачу, оставив южную сторону целлы открытой, как был открыт с юга зал. Тем более, что балки, переброшенные от колонн зала, ложились на южные концы его западной и восточной стен, а двери в проходе не было.

Для сырцового купола с необходимым для его постройки ярусом тропов необходимо было наличие южной стены. Вероятность купола также подтверждается заполнением внутри помещения, где в большом количестве встречены остатки сырцовых кирпичей.

В середине купола, без сомнения, имелось отверстие, служившее как для освещения, так и для вентиляции в тех случаях, когда возжигали священный огонь в целле во время проведения ритуалов.

Боковые помещения целлы (пом.4 и 6) возможно имели сводчатые перекрытия из сырца или же их потолок был в виде деревянного трапезиевидного свода. Какой из этих двух вариантов применялся в этих помещениях, зависело от типа перекрытия целлы. В любом случае, если исходить из предположения, что пом. 6 служило как хранилище вечного огня, в его перекрытии должно было быть отверстие для дыма.

Вестибюль или портик-айван (пом.13) если и имел какое-то перекрытие, то оно могло быть в виде навесов вдоль боковых, западной и восточной стен, которые могли подпираться поставленными в ряд тонкими колоннами. Хотя надо заметить, что, вероятно, в результате интенсивных смывов осадками как поверхности пола, так и стен, следов от опор и балок этих навесов не сохранилось.

Остатки свода в западной части обводного коридора ясно показывают тип перекрытия. Для периферийных помещений можно предположить

два варианта перекрытий: плоские на балках или сводчатые из сырца.

Перед нами не стоял вопрос абсолютно точно реконструировать облик здания храма в четвертом и пятом периодах. С самого начала была поставлена задача понять лишь суть архитектурной идеи здания. Предложенные нами реконструкции здания храма стали возможны

1. Абдуллоев Д., Гуревич Л.Л. Чертежи строителей древнего Пенджикента // УСА, вып. 4 1979, с.53-55

2. Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования. // Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., "Искусство", 1959,

3. Бердимуратов А.Э. О работах Ургутского отряда // АО, 1986 г. М., 1988, с.493.

4. Бердимуратов А.Э., Храм на торговом пути из Самарканда в Пенджикент. // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО) Самарканд, 1-6 октября 1990 г. Ташкент, "Фан", 1990, с.145-147.

5. Бердимуратов А.Э. К вопросу о датировке храма огня на Джартепе // Города и Каравансарай на трассах Великого шелкового пути (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО) Ургенч, 2-3 мая 1991 г. Ургенч, 1991, с.52-53.

6. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К., Результаты раскопок храма на Джартепе II // ИМКУ, вып. 26, 1992, с.77- 92.

7. Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И., Канка-Харашкент. // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, «Фан», 1990, с.7-16.

8. Воронина, В.Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954-1959 гг.) // МИА N 124, 1964, с.67-72.

9. Гуревич Л.Л. К интерпретации пенджикентских "капелл". // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М. "Наука", 1990, с.67-89.

10. Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана, Петроград, 1916.

11. Маршак Б.И. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста. Пенджикент и Бамиан V-VIII вв. // Probleme der Architektur des Orients. Martin-Luter- Universitat Halle - Wittenberg wissenschaftliche Beitrage 1983 /26 (121), Halle 1983. s.53-64.

12. Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации), Л., "Наука", 1990.

ми в результате уникальной сохранности здания четвертого периода и целостности (с точки зрения планиграфии) основного ядра пятого периода в совокупности с опытом реконструкции зданий согдийской архитектуры учеными, работавшими в Пенджикенте.

13. Самибаев М.К. Новый памятник согдийского искусства в контексте ирано-согдийского культурного синтеза на последних этапах раннего средневековья. // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 сентября 1990 года. Ташкент, "Фан", 1990, с.87-89.

14. Самибаев М.К. Некоторые проблемы реконструкции архитектурного облика здания храма Джартепе II в IV периоде. // Ўзбекистон - Ҷадидда ва Ҷарта асрларда. Республика еш тарихчи олимлари илмий анжуманининг маърузалари баени. 15-16 март. Самарканд шаҳри. Самарканд, 1993, с.37-40.

15. Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., "Наука" 1990, с.58- 66.

16. Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V-VIII вв). Автореферат канд.дисс. Л., 1986

17. Klimburg-Salter D., The kingdom of Bamian. Buddhist art and Culture of the Hindu Kush, Naples-Rome, 1989

18. Marsak B.I. Les Fouilles de Pendjikent // Comptes rendus de l'Academie des inscriptions et belles-lettres, Janvier-mars, Paris, 1990, pp. 286-313.

19. Skoda V.G., Le culte du feu dans les sanctuaires de Pandzikent // Cultes en monuments religieux dans l'Asie preislamique, Paris, 1987, pp. 63-72

20. Tarzi Z., L'architecture et la decor rupestre des grottes de Bamiyan. Paris, 1977.

А.А. РАИМКУЛОВ

СВОЕОБРАЗНЫЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ЮЖНОГО СОГДА

Южным Согдом называется историческая область, расположенная в долине р. Кашкадарья, которая является вторым по значению водным ресурсом Согда после Зарафшана. На территории Южного Согда (современная Кашкадарьинская область) имеется более тысячи археологических памятников. Десятки из них подвергались раскопкам. Среди раскопанных памятников некоторые оказались храмами и святилищами, изучение которых позволяет отчасти реконструировать религиозные представления населения доарабского Согда. Одно из таких культовых зданий было раскопано на поселении Коштепа.

Коштепа находится в поселке Шайхали близ г.Карши. Холм вытянут в направлении север-юг, размерами 250x100 м, высотой 12-13 м. В южном конце имеется цитадель. Памятник окружен ровом шириной 15-20 м. Вокруг основного бугра, за ровом имеются сильно оплывшие, плоские всхолмления. В настоящее время эта территория практически уничтожена. Здесь во время планировочных работ строителями было найдено множество обломков керамической посуды. В процессе археологического изучения данного участка был вскрыт уникальный архитектурный комплекс. Он представляет собой двухчастное сооружение, состоящее из тринадцати помещений. В западную часть входят помещения 6-11 и 13; в восточную - 1-5 и 12. В северной части, видимо, располагался айван. Пол его обнаружен на глубине 20-25 см (рис. 1).

Расположение помещений западного комплекса было следующим. Главным входом в комплекс являлся крестообразный в плане коридор (помещение 13) размерами 4,60x1,50 м. В северной его стене была сделана ниша, в которой стоял закопанный хум. Западный конец коридора занят ступенчатой суфой, где сооружен однокамерный, полукруглый очаг. Пол помещения постепенно понижается вглубь. От коридора шел вход в другой узкий коридор (помещение 7). В восточной части находится помещение 6 размерами 9,70x2,30 м. Полы помещения 6 и 7

находятся на глубине 75 см, т.е. на 25 см ниже уровня пола помещения 13.¹

К югу от помещения 7, на одной линии расположены четыре помещения. В отличие от вышеописанных помещений эти четыре помещения имеют довольно рыхлое, однородное, песчанистое заполнение. Первое из них помещение 8 - размерами 3x1,95 м. Пол - на глубине 1,25 м, т.е. на 50 см ниже уровня пола помещения 7. Поэтому перед проходом сооружена ступенька. Вдоль восточной стены имеется суфа. Южнее расположено помещение 9 размерами 3x1 м. За южной стеной его - помещение 10 размерами 3x2,37 м. Полы этих помещений находились на глубине 1 м. В ходе раскопок выяснилось, что этот пол был верхний, а стена между помещениями 9 и 10 оказалась поздней. До возведения этой стены - помещения 9 и 10 были одного размера - 4,18x3 м. Пол обнаружен на глубине 1,80 м, т.е. на 52 см ниже уровня пола помещения 8. Под северо-восточным проходом сооружена ступенька. Вдоль всех стен построены суфы. Между суфами на полу имеется четырехугольное углубление размерами 71x67 см. По краям его сделан глинобитный бортик высотой 7-8 см, толщиной 9 см. Внутренняя поверхность его на 10 см ниже уровня пола и заполнена золой толщиной 5 см. Позже зола была перекрыта слоем глины и сооружен отштукатуренный подиум, высотой 12 см. На его поверхности имеются следы огня.

К югу от этого помещения расположено помещение II четырехугольной формы, размерами: 2,60-3,25x2,85 м. Пол находится на глубине 1,63 м. Вдоль южной стены построена суфа и довольно большой очаг шириной 1,20 м. Стены очага сильно закопчены.

Восточнее от вышеописанных расположены еще три помещения (12,5 и 4). Главный вход в этот комплекс находился в юго-восточном углу помещения 12. Ширина его пока неизвестна. В середине помещения 12 обнаружены остатки ступеньки. Рядом со ступенькой - помещение 5, типа маленького коридора, ведущего в поме-

¹ В первоначальный период двухканальный коленчатый дымоход проходил под суфами вдоль стен и выводился вертикальным каналом в дальнем левом углу помещения.

щение 4, которое находилось к северу. Размеры помещения 4:3,80x1,65 м. Оно имело два ряда стен; сначала пахсовые, затем изнутри была сооружена вторая линия из сырцового кирпича, которая сверху завершалась сводом. Пространство между этими линиями заполнено кирпичной кладкой. Пята свода начинается прямо с по-

ла. Остатки свода показывают, что высота его была около 1,5 м. В отличие от предыдущих помещений (8, 9, 10,11) заполнение этих помещений состоит из более плотного грунта с остатками кирпичей и органического вещества, костей животных и т.д. Полы помещений находились на глубине 1,20 м.

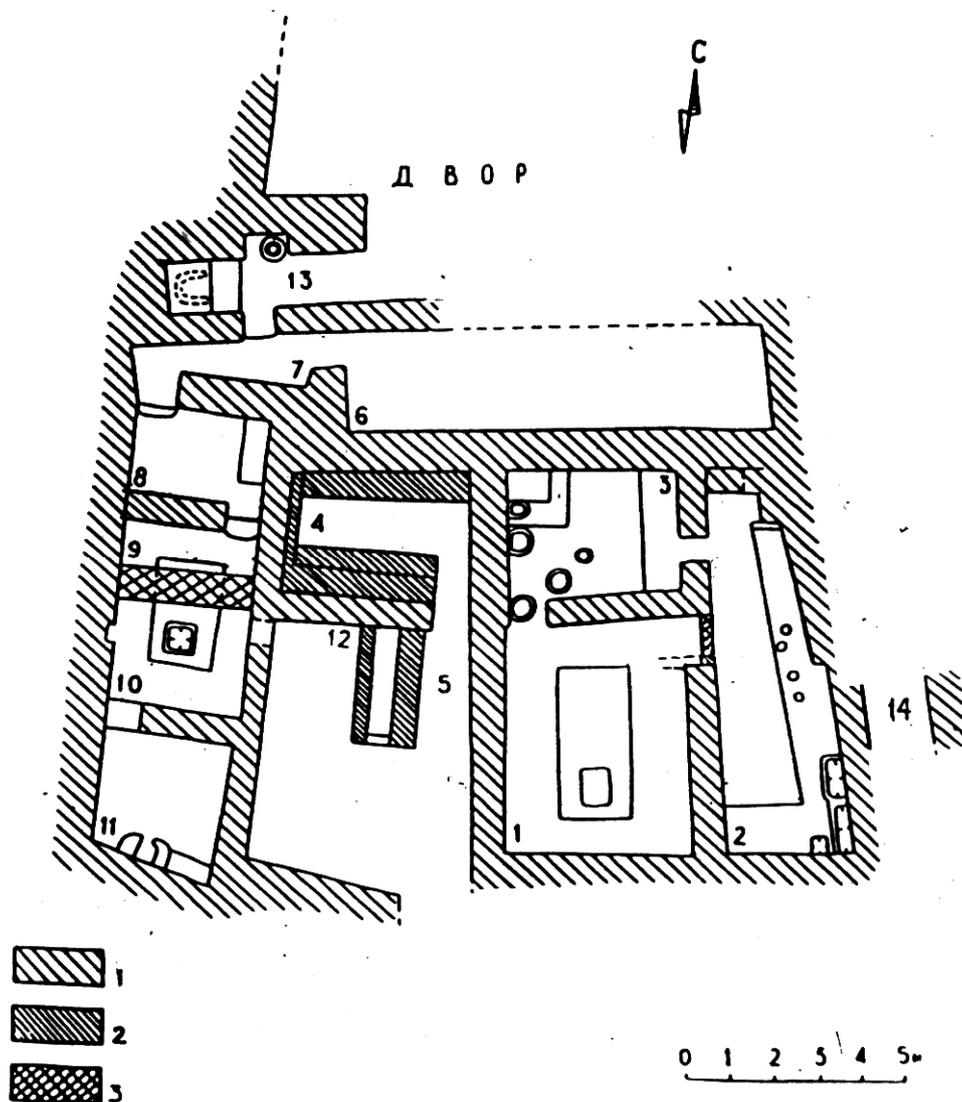

Рис. 1 План раскопа.
1 - пахсовая стена, 2 - сырцовые кирпичи, 3 - поздняя стена

К востоку имелись еще три помещения, связанные друг с другом проходами (помещения 1, 2, 3). Наружного входа в комплекс не оказалось. Заполнение помещений состоит из довольно рыхлого, однородного, песчанистого грунта с небольшим количеством керамики. Следующим по отсчету от начального является помещение 3, размерами 3,85x2,70 м. Пол находится на глубине 1,35 м. Вдоль восточной стены сооружена широкая суфа, в этой же стене имеется также проход с глиняным порогом. На высоте около

70 см от порога проход заметно сужается. По всей видимости, верх прохода был полукруглый, высотой около 1 м. В северо-западном углу сооружена угловая двухступенчатая суфа из сырцового кирпича. В разных местах помещения на полу стояли пять полых цилиндрических сооружений с прямыми стенками из красноватой глины толщиной 2,5-3 см. Самое большое из них диаметром 55 см, самое маленькое - 32 см. Назначение их пока неизвестно.

Следующим являлось помещение 2, представляющее узкую, длинную комнату, длиной 8,25 м. Ширина ее разная, поскольку в восточной стене имеются два изгиба и поэтому комната постепенно расширяется к югу. В северном конце ее ширина составляет 1,20 м, в середине - 2,15 м, а в южном конце - 2,90 м. Пол обнаружен на глубине 1,30 м, и постепенно понижается вглубь. Вдоль восточной и южной стен имеется суфа. На ее поверхности найдено четыре круглых углубления диаметром 20-25 см и глубиной 7-8 см. В юго-восточном углу этого помещения на суфе обнаружены три прямоугольных пустых внутри углубления с сырцовыми бортиками. На полу помещения также имелась цилиндрическая конструкция из красноватой глины, аналогичная вышеописанной. Здесь она оказалась разрушенной. В северном конце помещения, в стене имелась ниша с арочным оформлением. Она занимает почти всю ширину нижней части северной стены. Ширина и высота входа по 60 см. Портал ниши с двух сторон был обрамлен полуколоннами, имеющими гладкую поверхность.

Помещение I оказалось самым большим в этом комплексе. Размеры его 5,25x4,35 м. Пол вскрыт на глубине 1,55 м. Вдоль всех стен возведены суфы. Между ними сооружен четырехугольный подиум размерами 80x70 см и высотой 10 см. На его поверхности имеются следы огня. В юго-восточной части рядом с проходом на полу зафиксированы следы кирпичей, возможно, от перегородки, но она была разобрана еще в древности.

В юго-восточном направлении от помещения 2 обнаружены развалины еще одного помещения (помещение 14). Западная стена его хорошей сохранности, а восточная, из-за плохой сохранности, найдена с трудом. Заполнение очень рыхлое, с примесью комковатой глины, органических остатков и т.д. Керамические находки практически отсутствовали. Помещение имело арочное перекрытие. Пол еще не вскрыт. Все стены данного архитектурного комплекса построены из пахсы без всяких членений. Местами эти стены сохранились до двух метров, но везде они составляли сплошной монолит.

На заключительном этапе существования комплекса здесь проводились большие работы. В некоторых помещениях, имевших особое, пока не ясное назначение, все проходы замурованы при помощи сырцового кирпича, затем эти же помещения были специально засыпаны рыхлым, песчаным грунтом.

Что представляло собой это здание? Оно несомненно имело культовый характер. Здание

состояло из двух частей, в каждой из которых имелось несколько культовых помещений; в западном комплексе культовыми являлись помещения 8, 9, 10, 11; в восточном - 1, 2, 3. Песчаным грунтом засыпаны именно эти помещения.

В западном комплексе основным входом со стороны айвана являлся коридор (пом. 13). От коридора "спускались" в помещение 7, т.к. пол в помещении 7 на 25 см ниже уровня пола помещения 13. Примечательно, что со стороны айвана вглубь западного комплекса от помещения к помещению полы постепенно понижаются на 40-50 см. Здесь необходимо отметить один важный момент. Во время земляных работ с помощью бульдозера прилегающая территория Коштепа (где находилось это здание - Р.А.) была выравнена по уровню окружающей местности с целью расширения стадиона. На глубине 25-30 см от этого уровня находился пол айвана, а в самой глубинной части помещения пол находился на глубине 1,90 м. Создается впечатление, что помещения этого культового комплекса как будто сооружены в специально вырубленном или углубленном месте. Выше мы уже отметили, что в юго-восточной части пом. 2 расположено помещение 14, которое имело арочное перекрытие. Вертикальные стены ее и часть арки находились ниже уровня окружающей местности, т.е. помещения как будто вырублено в земле. Все стены комплекса из пахсы, без всяких членений и признаков кладки. Подобная техника строительства впервые наблюдалась С.К.Кабановым на раскопе на Каджартепа. "...До глубины 6 м от поверхности вскрывался плотный темно-коричневый грунт. На этом уровне сверху было открыто два помещения, разделенных ровной с обеих сторон стенкой толщиной в 52 см, которая, как грунт, состояла из темно-желтой плотной глины без всяких членений или без признаков кладки. Создалось впечатление, что эти помещения вырублены в плотном лессе. Данные предварительного этапа исследования лишь позволили предположить, что подземные камеры вырублены в верхней части искусственной насыпи - стилобата, на котором основано монументальное здание, разрушенное в последующие периоды обживания поселения" (13, с. 14-15). Эти подземные камеры, описанные С.К.Кабановым, тоже имели арочное перекрытие и песчаное заполнение. По нашему мнению, они также были специально засыпаны на заключительном этапе существования комплекса.

Восточная часть комплекса состоит из пяти помещений. Три из них являлись культовыми (пом. 1-3). Эти помещения были связаны друг с другом проходами, но наружных проемов не имели. Сюда спускались сверху через проход, который имелся в северо-западном углу на вер-

ху помещения 3, где сооружена двухъярусная суфа. Во время культовых церемоний при спуске была использована деревянная лестница - времянка, которую в другое время можно было убрать.

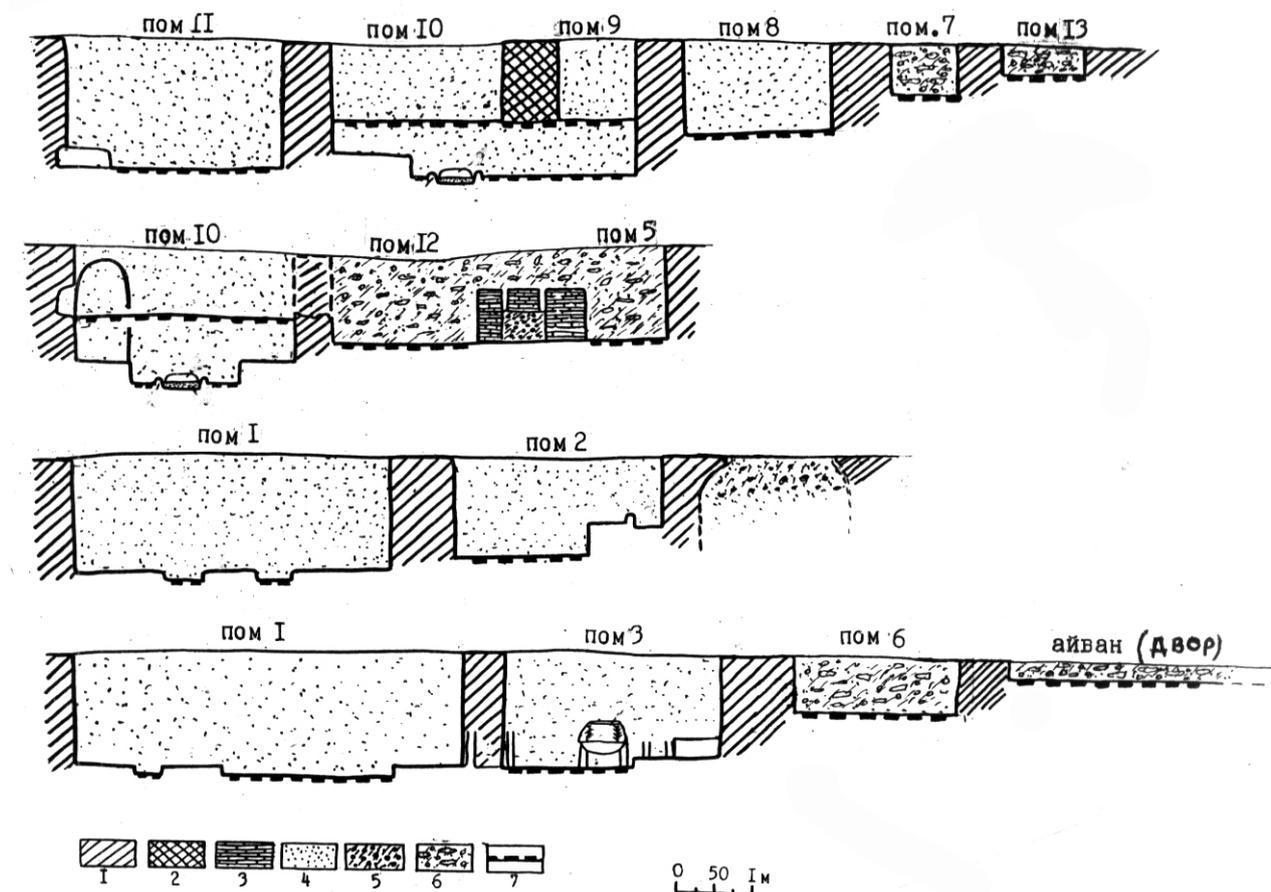

Рис. 2 Разрезы помещений.

1 - пахсовая стена, 2 - поздняя стена, 3 - сырцовые кирпичи, 4 - песчанистый грунт, 5 - рыхлый грунт, 6 - плотная глина, 7 - уровень пола.

Помещение 4 имело сводчатое перекрытие, сделанное для опоры небольшого помещения, построенного на втором этаже². Помещение, которое находилось над помещением 4, видимо, было с тремя проходами и являлось как прихожей восточного комплекса (возможно, и южного комплекса, который находился к югу от помещения 12. Это территория пока не раскопана - Р.А.). Один из проходов находился в верхнем конце ступенек помещения 12, второй - в восточной части, через него спускались в помещение 3, а третий, скорее всего, находился в северной части, в который можно было попасть через

кровлю пом. 6, находящегося рядом с главным входом западного комплекса.

В процессе раскопок из помещений был получен большой комплекс керамических изделий, в том числе, обильный набор целых сосудов. Большая часть из них найдена в помещениях восточного комплекса. Некоторые из сосудов были выделены нами как культовые; это кувшинчики с отрезанными горлышками, культовые котлы (рис. 3, 1-2, 5-6).

В айване найдены две башнеобразные курьильницы. У одной из них нижняя часть до 4 см высоты обточена ножом. Нижняя выпуклая часть имеет пунсонный кольцевой орнамент. В верхней части имеется два ряда валиков с таким же орнаментом. Коническая форма под-

² Термин «второй этаж» здесь применен условно, потому что комната над помещением 4 находилась всего на 1,5 м выше от уровня пола помещения 4.

ставки украшена в виде прорезанных насквозь треугольников. Аналогичная курильница найдена на территории Южного Согда на Пирматбабата (12, с. 35) и Хайрабадтепа в Тохаристане (1, с. 74-75) и т.д. Вторая курильница - такого же типа. Техника изготовления и нанесения орнаментов аналогична. В отличие от первой, в

этой курильнице в средней части ствола с трех сторон прорезаны три крестообразных прорезных отверстия в виде четырехлепестковой розетки. По краю отверстия и в нижней части нанесена линия темно-красной краской. Диаметр нижней части курильниц 13-13,5 см (рис. 3, 3-4).

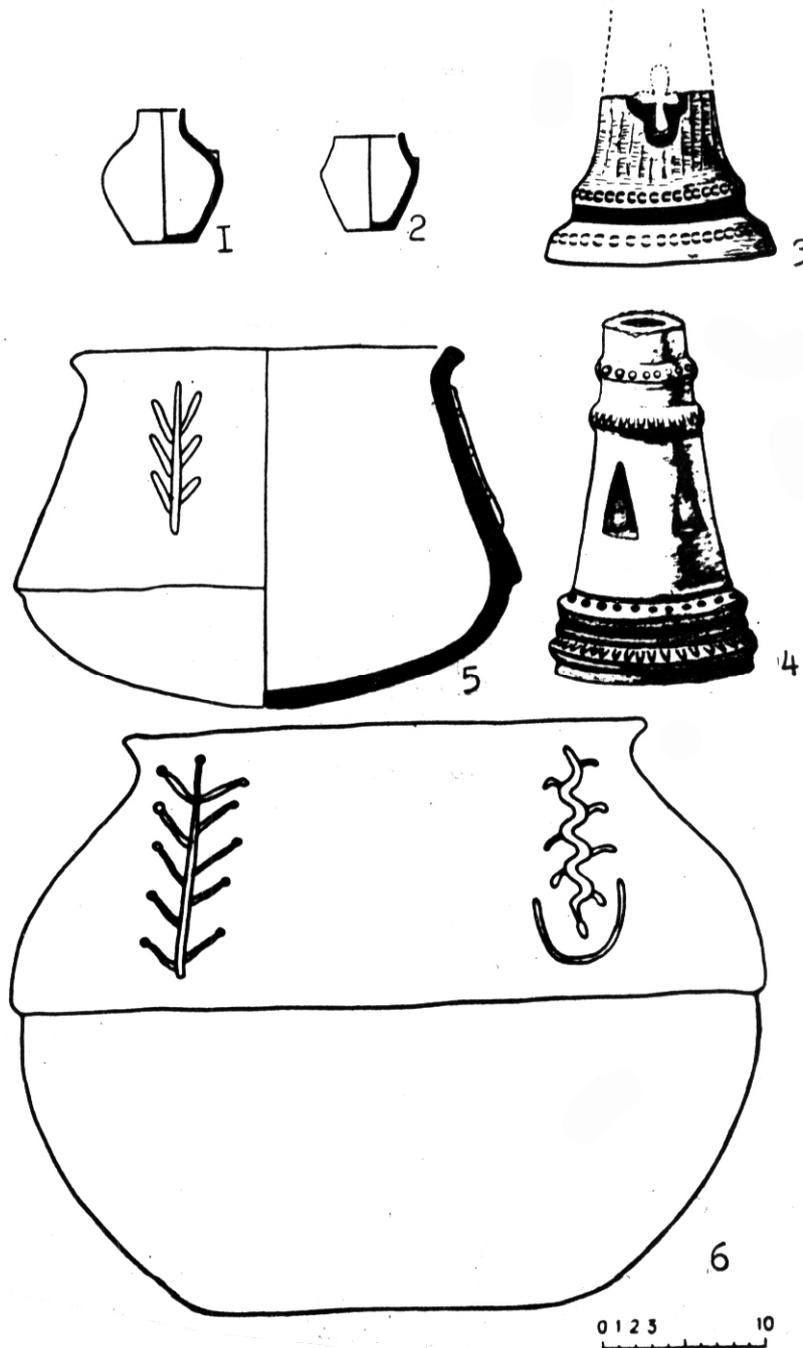

Рис. 3 Культовые предметы

Характер планировки и наличие культовых предметов показывает, что этот архитектурный комплекс являлся культовым. Культовые поме-

щения с наличием подиума - алтаря (в четырехугольном углублении хранилась даже зола) очень характерны для зороастрийских храмов и

культовых построек. На территории Согда и Бактрии подобные здания стояли либо вровень с землей, либо на невысоком цоколе, либо на высоком стилобате. В отличие от зороастрийских храмов основная часть нашего здания находится под землей, глубиной местами более 2 м и сооружена по заранее обдуманному проекту. Верхняя часть здания была поднята над уровнем окружающей местности примерно на 1 м. Среди окружающих построек, которые стояли на земле, это здание почти не выделялось. Из земли поднимались лишь очень невысокие айван и комната над помещением 4. Все внешние стены и перекрытие с наружной стороны, видимо, были засыпаны землей. С наружной стороны здание выглядело как небольшой холм, который имел откос к югу. Подобные культовые здания вовсе не характерны для зороастризма, и они больше всего напоминают тиры христианских, точнее несторианских монастырей Среднего Востока.

Несмотря на обилие археологических находок, архитектурные памятники, связанные с христианством на территории Средней Азии встречаются относительно редко. А по сведениям средневековых историков и географов их было немало. На территории Средней Азии раскопан ряд памятников, связанных с христианством: это Хароба-Кошук в Мерве (15): христианский храм в Старом Термезе (2, с. 34-41); церковь на территории городища Ак-Бешим (14) и христианская церковь Ташрабат в Киргизии (9).

Планировка церкви Коштета очень оригинальна и не имеет ничего общего с известными христианскими церквями Средней Азии. Полуподземные и подземные помещения только по характеру очень напоминают несторианскую подземную церковь острова Карк в Персидском заливе (20, с. 1-16). Это факт показывает, что церковь Коштета построена по принципу строительства несторианских церквей Ирана, который применялся на острове Карк. Возможно, здесь останавливались несториане, выходящие из зоны Персидского залива, поскольку в окрестностях Самарканда в X в. Ибн Хаукаль встречал иракских христиан (8, с. 18). В "Малой Кандии" упоминаются "катакомбы", использованные как святилища (7, с. 260). В последнее время было собрано достаточно археологических материалов, связанных с христианством, в частности, в

Самаркандском Регистане вскрыто погребение, в котором найдена металлическая бляшка типа несторианского креста. Рядом с погребением расчищен пол помещения, который был украшен майоликовыми плитками, сложенными в форме несторианского креста. Исследователи предполагают, что ими были вскрыты остатки погребального сооружения и храма христиан несторианского толка (5, с. 209-210). В Пенджикенте и на Афрасиабе найдены согдийские монеты с несторианскими крестами (16, с. 145-147; 17, с. 135). В Ургуте найдено бронзовое кадило (11). В этом же районе, около селения Утамас при раскопках поселения Коштета найден венчик хума с оттисками геммы, изображающие момент крещения (большая человеческая фигура, держащая крест над маленькой). находка датирована V в. н.э. (18, с. 20). По Ибн Хаукалю упоминаются постройки и кельи христиан в местности Савдар (или Шавдар) (4, с. 279). К северо-западу от нынешнего Ургута, к югу от Самарканда в IV веке существовал христианский монастырь (3, с. 48). По Абуд Фараджа упоминается несторианский митрополит в Самарканде в 1046 г. (4, с. 290).

Появление христиан в Центральной Азии официально относится к IV в., в 334 г. впервые упоминается епископат в Мерве. Позже он был преобразован в метрополию. Метрополия была создана также и в Самарканде. Все исследователи подчеркивают, что христианство распространялось на восток по линии торговых путей. Согд, находясь на перекрестке международных торговых путей и будучи одним из главных узлов этой трассы, всегда играл заметную роль не только в торговле, но и являлся одним из религиозных центров. Это и привело к созданию в его центре христианской метрополии. Такие метрополии создавались в Герате, Индии и Китае (4, с. 275).

Христианская метрополия в Самарканде в течение нескольких столетий играла основную роль в формировании церквей и других святынь в ряде других городов и населенных пунктов Согда. Видимо, раскопанный нами культовый комплекс, расположенный около города Насафа (Нахшеба) являлся одним из таких объектов. При помощи достоверных археологических материалов мы датировали его второй половиной VI - началом VII в. н.э.

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепа. Ташкент, 1960.

2. Альбаум Л.И. Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Ташкент, 1994.

3. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
4. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. - Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964.
5. Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969-1971 гг.) // "Афрасиаб", вып. 2. Ташкент, 1973.
6. Воронина В.Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. Советская археология, № 2, 1968.
7. Вяткин В.Л. Кандия Малая. Справочная книга Самаркандской области. Вып. VIII, Самарканд, 1906.
8. Бетгер Е.К. Извлечение из книги "Пути и страны" Абул-Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957.
9. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Ташкент, 1994.
10. Дресвянская Г.Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания. Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент, 1968.
11. Залеская В.Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. М., 1972.
12. Кабанов С.К. Руины здания времени Кушан близ Карши // ИМКУ, вып. 10. Ташкент, 1973.
13. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
14. Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды КАЭЭ, т. 2, М., 1959.
15. Пугаченкова Г.А. Хароба-Кошук. // Изв. Академии Наук Туркменской ССР, 1954, № 3.
16. Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С., Федоров М.Н. Нумизматические этюды // "Афрасиаб", вып. III, Ташкент, 1974.
17. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
18. Ташходжаев Ш.С. Археологические исследования древнего Самарканда // "Афрасиаб", вып. III, Ташкент, 1974.
19. Ghirshman. Ile de Kharg. Teheran, 1960.
20. Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935.

С.Р. ИЛЬЯСОВА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ЗАМКА АКТЕПА ЮНУСАБАДСКОГО В ТАШКЕНТЕ

Керамика Актепа являлась предметом изучения исследователей. А.И.Тереножкин, рассматривая керамику VI-VII вв. отмечал, что "Главная масса глиняной посуды является продукцией ремесленного производства", наряду с которой бытовала и лепная посуда домашнего изготовления. Им были выявлены тесные связи керамики Актепа и Согда. (1, с.56; 2, с.112-125; 3, с. 165).

Л.М.Левина, изучая комплекс керамики с Актепа, на основании публикаций А.И.Тереножкина, выявила большое сходство с керамикой памятников Ташкентского оазиса (верхние слои Каунчитепа, нижний слой Минг-Урюка, Алимбайтепа, Шурали-сай, Чаштепа и т.д.), Согда и Семиречья VII-VIII вв. (4, с.160-163).

М.И.Филанович считает, что керамика Актепа находит "самые близкие параллели в наборе посуды верхнего горизонта Мингуюка и Ханабадтепа, а также в керамических комплексах Согда VII-VIII вв. н.э., отличаясь от ряда ташкентских памятников, где в этот период продолжают бытовать традиции каучинского комплекса" (5, с.114-115).

Ряд исследователей привлекали керамические материалы Актепа в качестве сравнительного материала. (6, с. 146; 77, с.133; 9, с. 103-105).

За последние годы (1985-1990 гг.) в результате раскопок на памятнике получено большое количество керамики, что позволяет рассмотреть ее в специальной работе.

Керамические комплексы собраны по следующим участкам:

Разрез 2. На восточном фасаде замка был сделан археологический разрез вдоль внешней стены замка от уровня верхней галереи до материкового слоя. На уровне террасы выявлен мощный зольный слой с большим количеством керамики, костей животных, мусора. (31, с. 103).

Разрез вдоль восточной грани центральной башни на северном фасаде замка позволил собрать материал выброса керамики с верхнего и нижнего горизонтов функционирования замка.

Разрез 3 обнажил стык северо-восточной угловой башни и крепостной стены двора. Здесь

был собран немногочисленный, но достаточно выразительный материал.

При вскрытии северо-западной угловой башни в заполнении между внешним фасом башни и протейхизмой.

Большое количество керамики собрано на раскопе Р-2 в так называемой "дворовой части" замка Актепа.

В качестве сравнительного материала привлечена керамика с Чаштепа (31, с.112) и Кулактепа (31,с.113).

Перемешанность слоев в связи с гибелью памятника в результате арабского нашествия, и частичным обживанием после с перестройками и выбросом мусора, не позволяет четко выделить керамику нижнего и верхнего строительных горизонтов. Однако идентичность материала из разных участков позволяет рассмотреть весь полученный материал в комплексе.

Хумы. Основную массу составляют сосуды, выполненные комбинированным способом (сочетание приемов ручной и станковой лепки). Все они имеют отогнутый, различный в сечении (овальный, подтреугольный, подпрямоугольный (венчик) диаметры от 37 см до 50 см), выделенную горловину. Несколько фрагментов донец дают диаметры от 27 до 40 см. Тесто хорошего качества, примесь, в основном, в виде песка и гипса, обжиг равномерный. Снаружи хумы имеют потеки темного и красного ангоба. Несколько фрагментов снаружи по краю венчика украшены жгутом с пальцевыми вдавлениями. (табл. 1, 16, 20; табл. III, 4).

Вторую группу составляют сосуды, сделанные, по-видимому, только ручным способом. Сосуды более грубые, толщина стенок доходит до 2 см. Венчики почти прямые, иногда отогнутые, овальные в сечении. Снаружи украшены либо рядами пальцевых вдавлений, иногда в два ряда (табл.1, 21, таб. III,1), либо рядом слегка изогнутых удлиненных вмятин, выполненных пальцем (табл. 1, 24, табл. III, 2). Имеется фрагмент крупной крышки, по-видимому, от хума, с аналогичным орнаментом.

Датировать хумы по форме нам не представляется возможным, так как еще А.И.Тереножкин отмечал, что "Отмеченные различия в форме венчиков и отчасти шеек представляют собой ни что иное, как мелкие

вариации моделировки одного и того же типа хума". (2, с.113).

Орнаментация по наружной стороне пальцевыми вдавлениями отмечена на горшках джетыасарской культуры (4, с.47,60).

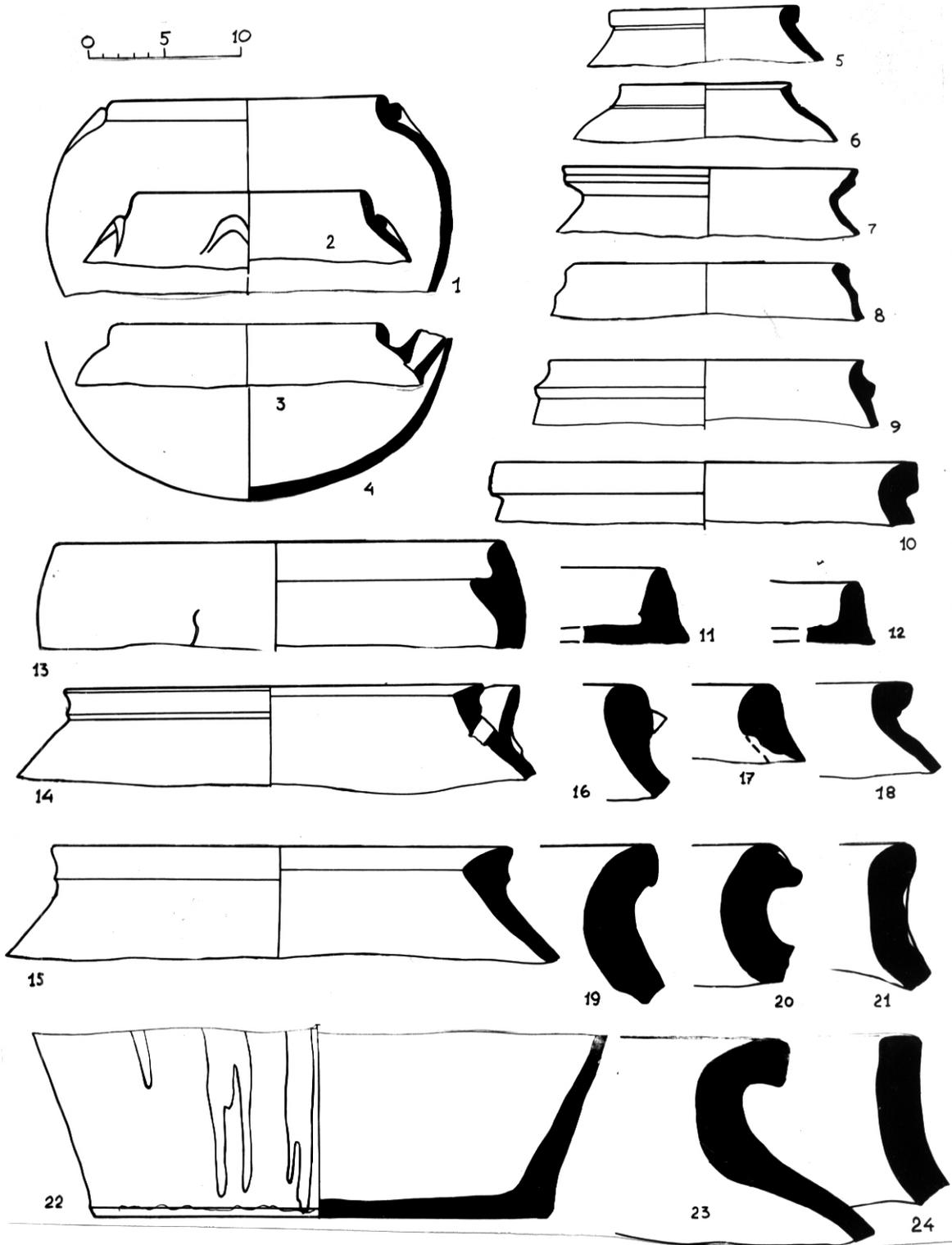

Табл. 1.

Е.Е.Неразик отмечает, что прием украшения сосудов ямками, сделанными пальцевыми вдавлениями, получил свое полное развитие в VII-VIII вв. (32, с.233, 235).

Раскопки хумхоны на Р-2 Актепа Юнусабадского показали сосуществование хумов первой и второй группы.

Для семиреченских хумов появление треугольных на вытянутой шейке венчиков и прямоугольных, нижний край которых оформлен жгутиком с пальцевыми вдавлениями, по мнению В.И.Распоповой, относится к VIII в.

(6, с.158). В Пенджикенте поясок фестонов, сделанный по сырой глине пальцами под ребристым венчиком хума появляется в VIII в. (6, с.158; 7, с.).

Аналогии второй группе хумов с Актепа мы находим на городищах Ташкентского оазиса: Чаштепе IV-V вв. (4, с.159-160/ и Шаушукумтобе VI-VIII вв. (4, с.147).

В Согде вертикальные венчики овального или почти прямоугольного сечения особенно характерны для V-VI вв. (6, с.158).

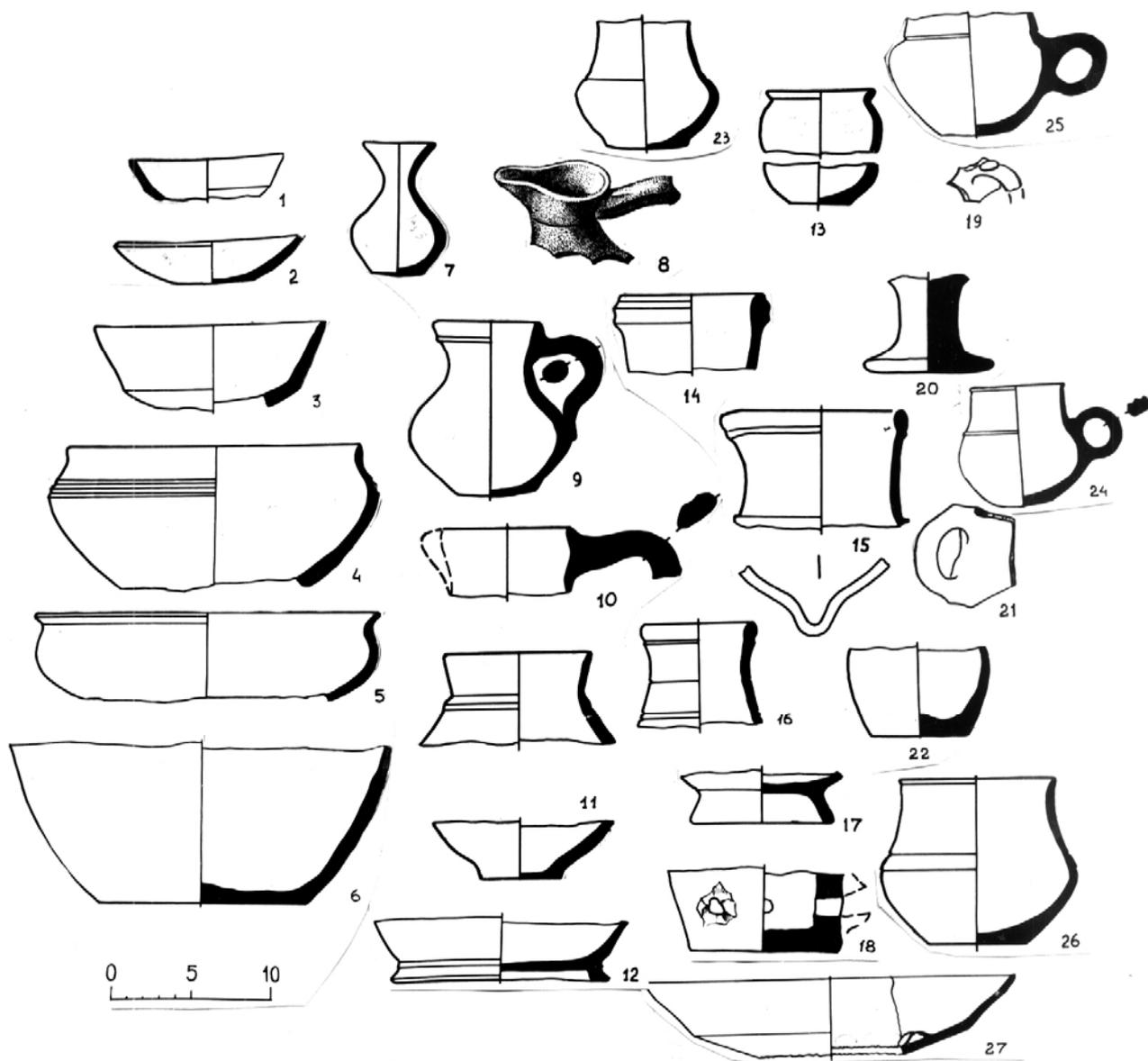

Табл. 2.

Хумы с удлиненным клювообразным венчиком находят аналогии в материалах Минг-Урюка VI-VII вв. (10, с.125, илл.5).

Интересной находкой является фрагмент крупного сосуда с загнутым внутрь округлым

венчиком. Внутри имеется полочка для крышки. Снаружи сосуд имеет следы закопченности (табл. 1, 13). Изготовлен на гончарном круге.

Интересной находкой является фрагмент крупного сосуда с массивной горизонтальной ручкой. Черепок красноватый, в тесте примесь песка и гипса, поверхность снаружи заглажена. Толщина ручки - 2,6 см, ширина - 3,4 см, посередине ее - глубокий желобок. Сосуд ручной лепки, под ручкой прочерчена тамга в виде "сердечка" с тремя опущенными вниз линиями. С внешней стороны имеются горизонтальные полосы (Табл. 3. 8). По ручке - пальцевые вдавления. Аналогичные сосуды встречены на городище Шурали-сай (с X-образной тамгой/ 11, с. 14, рис. 76,б). Характерной чертой этой керамики является наличие лишь одной очень массивной поперечной ручки под горлом сосуда, под которой часто помещается прочерченная по сырой глине тамга. Горла сосудов имеют с внешней стороны ряд горизонтальных полос.

Корчаги. Крупные сосуды с подтреугольными в сечении венчиками, имеющими желобок для крышки. Под венчиком - слив, оформленный пальцевыми вдавлениями (Табл., 1, 14, 15; табл. 3,6).

У сосуда с отогнутым сложнопрофилированным венчиком слив не сохранился, однако оформление вокруг него в виде концентрических кругов сохранилось. Тулово украшено горизонтальными и волнистыми линиями. Имеется круглый налп-шишечка, по центру которого - пальцевое вдавление. Кроме того, в орнаментации - овалы пятна ангоба (табл. 3,10).

По мнению М.И. Филанович, корчаги с подтреугольным профилем венчика находят аналогии в раннесредневековом Согде, в формах корчаг с ручкой и сливом. Однако - эта форма типичное порождение культуры Каунчи, имеющей глубокие корни в местной почве. И это обстоятельство приводит к выводу о проникновении этой формы в соседний Согд на ранних этапах с кангюйским культурным влиянием, а затем возвращается в Чач в трансформированном виде в VII-VIII вв. (5, с.95).

Однако оформление сливов пальцевыми вдавлениями и наличие налп-шишечек, ангобных пятен, характерных для комплексов джетысарской культуры (4, с.53), позволяет выявить свою линию развития этой формы во времени.

Горшки. Горшковидные сосуды представлены несколькими фрагментами тонкостенных, различных по форме венчиков

(Табл. 1, 6-8). Некоторые из них украшены потеками ангоба (Табл. 3, 14).

Кувшины. 1 тип представлен узкогорлыми кувшинами с оттянутым сливом и лентовидной ручкой, диаметр венчика 8-10 см. (табл. II, 8). 2 тип - широкогорлыми, оттянутым слегка сдавленным венчиком (табл. II, 15).

3 тип - широкогорлые без слива.

Среди находок интересной является форма маленького сосуда с воронкообразным венчиком, диаметр - 4см, дна - 3 см, высота - 8 см. (Табл. II, 8).

Среди найденных фрагментов ручек выделяется ручка с налп-ом в виде змейки, служащий для упора пальца. Кувшин из Семиречья VI-VIII вв. имеет аналогичный налп. (28, табл. IXI, 4). Кувшин из Пенджикента, в котором подражание металлу очевидно, также оформлен налп-ом-змейкой (8, с.189).

Хотелось бы выделить несколько фрагментов кольцевых поддонов (диаметры от 8 до 13 см// Табл. II, 17, табл. III, 17). На одном из них место перехода тулова в поддон орнаментировано рядом клиновидных штампов, характерных для ангобированных сосудов джетысарской культуры (4, с.175, 146).

На городище Канка найден археологически целый узкогорлый кувшин с грушевидным туловом на кольцевом поддоне, из слоев VII-VIII вв.

Находки кольцевых поддонов узкогорлых и широкогорлых кувшинов отмечены в слоях IV-VI вв. на городище Гяур-кала в Мерве (13, с.53). Б.А.Литвинский отмечает наличие кольцевых поддонов на сосудах из могильников Западной Ферганы, которые доживают до V в. (9, с.96, табл. I(23-21); табл.5(1,2,3,9,10).

Б.И. Маршак отмечал, что керамика VII-VIII вв. отражает формы металлической посуды, но гончары Согда обычно не передавали полых поддонов (8, с.200).

Находки кольцевых поддонов отмечены на Кулактепа и Чаштепа. На Актепа в общей сложности найдено 6 кольцевых поддонов.

Кружки. Основную массу находок составляют кружки с широкой почти цилиндрической горловиной, приземистым выпуклым корпусом на небольшом плоском дне, стенки у дна обрезаны ножом. что делает сосуд малоустойчивым. Имеется вертикальная ручка-петелька. (табл. II, 23,24,25). Кружки станковой работы. Тесто хорошего качества, прекрасная формовка.

Интересной находкой является кружка со сложной профилировкой корпуса, перегиб в верхней и нижней части кружки. Изготовлена на гончарном круге. Тулово украшено пальцевыми вмятинами. Перегибы выделены утолщением, в верхней части перегиб украшен полосой крестиков, выполненных острым предметом, в нижней части - насечками. В верхней части ручка имеет налест с выпуклой поверхностью. Тесто хорошего замеса.

Хотелось бы отметить находку на Кулактепе красноангобириванной лощенной кружки со сложнопрофилированной уступом-площадкой в верхней части ручки и украшенной штампованным орнаментом. Место перегиба в верхней части тулова оформлено валиком с насечками.

Аналогичное оформление перегиба отмечено и на одном из сосудов на Актепе (табл. III, 5).

Кружка из Кулактепа залощена до металлического блеска. Подобная посуда, выполненная в подражание металлической, отмечена в материалах с городища Канка (23, с.122). Однако кружка там не имеет налесты, украшена только валиком с рифлением. Выпуск красной лощенной керамики характерен для Чаа VII-VIII вв. (33, с.111-112).

На Актепа Юнусабадском имеется находка фрагмента кружки с налестом-площадкой, не имеющей орнамента. Однако поверхность кружки, не имеющей ангобного покрытия, залощена до металлического блеска.

По мнению исследователей, "сами кружки-исконный признак Каунчи, но сфероцилиндрические формы традиционно воспринимаются в виде, опосредованном развитием в Согде и Фергане в VII-VIII вв. (5, с.94).

Миски. 1 тип представлен мисками полусферической формы со слегка отогнутым венчиком (диаметр 22 см). (Табл. II, 5). 2 тип представлен чашами с коническим туловом и резким перегибом внизу (табл. II, 1,2,3). Одна из них снаружи ангобиривана и залощена. Сосуды прекрасного качества, станковой работы.

Интересной находкой является чаша, сформованная, по всей видимости, в сосуде (табл. III, 18). Снаружи по краю имеется прочерченный крест. Аналогичные чаши имеются из раскопок на Дурментепа (как нам любезно сообщила Г.В.Шишкина, и датируются Б.И.Маршаком первой половиной VII в.).

Плоскодонные, тонкостенные миски-чаши с перегибом стенок широко представлены в

керамических комплексах Ташкентского оазиса с III-IV вв. н.э., вплоть до VII вв. н.э. (31, с.72).

50% из общего количества керамики составляют тонкостенные котлы, которые несмотря на высокое качество изготовления, лепились от руки. Имеются все основания считать, что они изготовлялись ремесленным, а не домашним способом. (2, с.116). Котлы с шаровидной формой тулова, круглодонные, венчиком клиновидной формы с небольшим напуском наружу. На стенках имеются серповидные ручки (Табл. 1,1-2,3). Диаметры венчиков 20-25 см.

Котлы имеют следующую орнаментацию; пальцевые вдавления на ручке (табл. III, 15), ряд клиновидных (табл. III, 16), или дуговидных насечек (табл. III, 15) по венчику, растеки красного и черного ангоба.

Аналогичные котлы характерны для Ташкентского региона. (34, с.38).

Крышки. Отмечены единичными находками. Фрагмент плоской дисковидной крышки украшен снаружи насечками и орнаментом в виде незамкнутых треугольников. Фрагмент грибовидной ручки, украшенный пальцевыми вдавлениями. Аналогичный орнамент имеют сосуды со сливом - хурма из Кума (16, с.253, табл. VII, 16, 17).

Находки дастарханов также единичны. Наиболее выразителен фрагмент столика из Чаштепа (табл. III, 28,30), с обломанной ножкой, орнаментированной вокруг также пальцевыми вдавлениями. Столики на ножках отмечены на городище Алтынтепа (17, с.5).

Жаровни. Лепились от руки, в тесте обильная примесь шамота. (табл. 1,11, 12). По мнению исследователей, они обычны на поселениях Ташкентской области (2, с.117), встречаются и в Согде (17, с.11), (18, с.102-103, табл. 2, 61, 70).

На Актепа найдено несколько фрагментов изготовленных примитивным способом (табл. II, 21)13. Однако количество их незначительно.

Воронкообразный сосуд (табл. III, 25), детские погремушки с зооморфными головками имеют аналогии в Пенджикенте VII-VIII вв. (12, рис. 12,5; 22, с.114-116, рис. 51,3).

Фрагмент ножки курильницы - табл. II, 20). находит аналогии на Шортепа в Кашкадарье и датируется там VII в. //15, с.29, рис. 13, 34).

Светильник в виде чашечки (табл. III, 19) аналогичен, найденному на городище Ак-Бешим в Семиречье. (6, рис. 4,7).

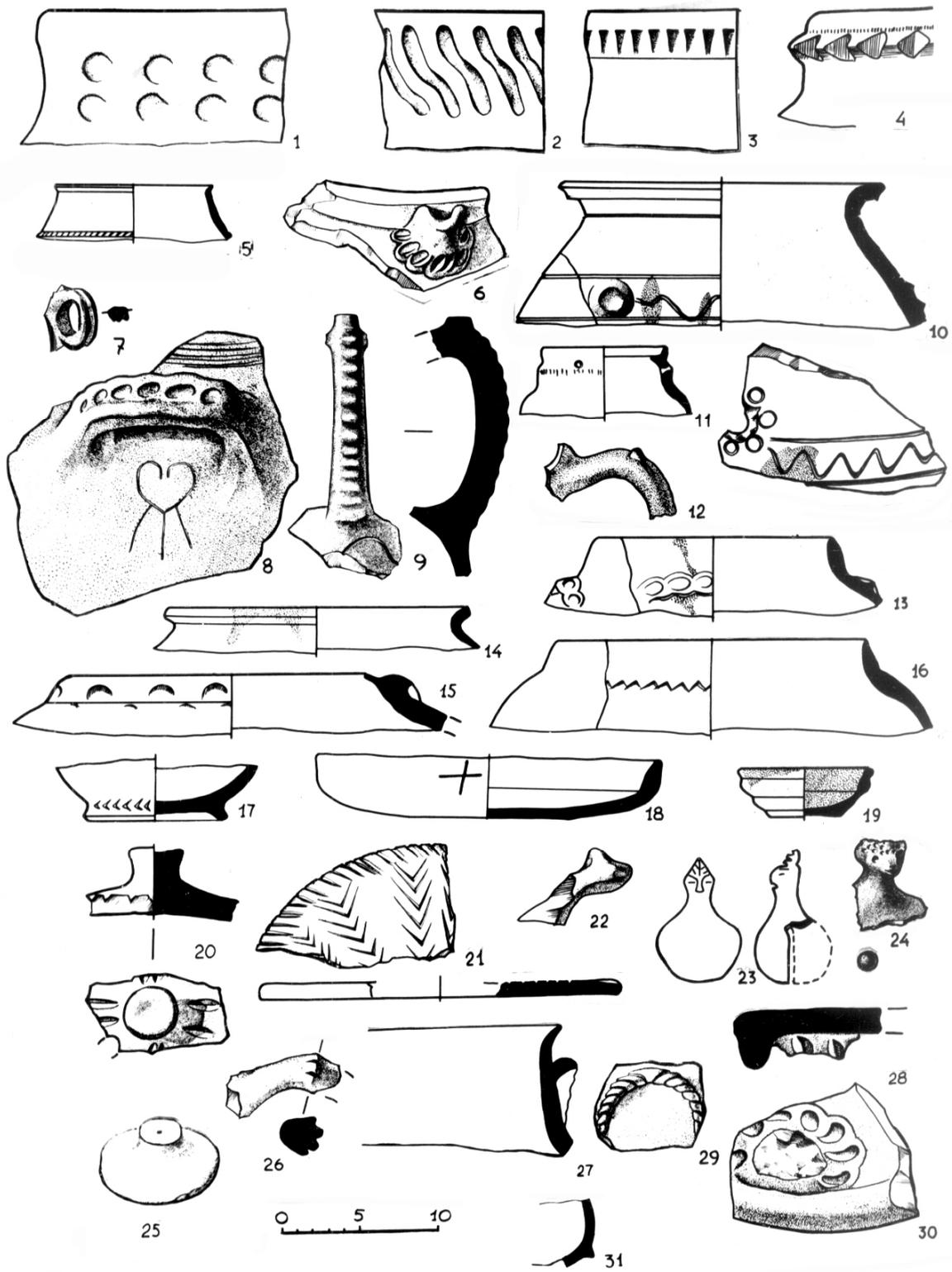

Табл. 3.

Красноангобированная керамика.

Котел с прямым чуть отогнутым краем, без выделенной горловины, с прегибом в нижней части тулова. В тесте большое количество примесей. Ручной лепки, снаружи и внутри

покрыт красно-коричневым ангобом и залощен до зеркального блеска. Нижняя часть под уступом закопчена. Уступ, очевидно, сделан для более прочной установки в очаге. Диаметр венчика - более 20 см, имеется полукруглая

ручка, орнаментированная глубокими насечками, имитирующими плетение. (табл. III, 27,31). Аналогичный котел с шаровидным туловом был найден А.И.Тереножкиным в галерее нижнего этажа (коллекция Музея истории народов Узбекистана. (инв. А-Т4719).

По типу напоминает котлы ручной лепки из верхних слоев Пенджикента (12, с.290, рис.30,32,1;22, с.138,рис.46,11).

Однако, ангобное покрытие котла с лощением не имеет аналогов. Котлы с налепными ручками в виде жгута известны для слоев VI-VII вв. на городище Калаи-Кахкаха. (21, с.172, табл.XV, 31).

Кувшин с расширяющимся венчиком (Д-10см), переходящим в округлое тулово, место перехода выделено уступом, диаметр плоского донца - 5 см. Сосуд ручной лепки, ангобирован снаружи и частично изнутри красно-коричневым ангобом, залощен.

Фрагмент миски ручной лепки с перегибом тулова., диаметр -15см. Покрит красным ангобом изнутри и снаружи. Внутри ниже перегиба, штампиком сделаны рельефные узоры. Внутренняя поверхность чаш из Кафыр-Калы украшалась штампованными радиально расположенными рельефами, свидетельствующими о подражании металлу. (8, с.177-178). Считалось, что чаши Чача VII-VIII вв. не являются подражанием металлу. (8,с.179). Аналогичная нашей миска, но несколько крупнее размером найдена в слоях VII-VIII вв. на городище Канка.

Интересной находкой является фрагмент чаши (диаметр 25 см) с круглыми налепами внутри (тал.II, 27).

1. Тереножкин А.И. Раскопки холма Актепе близ Ташкента в 1940 г. - Известия УзФАН, 1941, №3.

2. Тереножкин А.И. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.)- Труды Института Истории и археологии, т.1, Ташкент, 1948.

3. Тереножкин А.И. Согд и Чач. КСИИМК, XXIII, М.-Л., 1950.

4. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.

5. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент. 1983.

Находки чаш с орнаментацией внутри имеются в Фергане (20 с. 43).

Черноангобированная керамика представлена фрагментом ручки кувшина с рифлением. В верхней части имеется налеп. Аналогичные кувшины датируются в Чаче периодом Каунчи II/14, рис 7,5).

Таким образом, в керамике Актепа прослеживаются три линии связей: с керамикой каучинского круга, джетыясарской, а также согдийской.

Первая группа является, по-видимому, более ранней (V-VI вв.). Что касается третьей группы, то ее присутствие здесь может быть объяснено как генетическими связями (проникновение из Чача в Согд,(24, с.167; 26), где были выработаны свои варианты, так и подражанием керамическим формам, распространившимся вместе с согдийским экономическим и культурным влиянием.

Преобладание в керамике одних памятников Ташкента каунчинских (Шаш, Кугаит, Актепа Чиланзарское, Таукат, Бузгон), а на других согдийских элементов (Ханабад, Минг-Урюк, Актепа Юнусабадское, Кулактепа, Чаштепа)можно считать следствием либо особенностей их расположения относительно основных торговых путей (25,с.50), либо хронологическими рамками обживания.

Исследования, которые будут продолжены, позволят уточнить данные о раннесредневековой керамике Актепа Юнусабадского, в частности, и Чача в целом.

6. Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды КАЭЭ, т.IV, М., 1960.

7. Бентович И.Б. Керамика Пенджикента. МИА, №37, М.-Л., 1953.

8. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. ТГЭ, т.V, Л., 1961.

9. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.

10. Буряков Ю.Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ, вып. IXXXI, Ташкент, 1956.
11. Григорьев Г.В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции в 1937 г. УзФАН, Ташкент, 1940.
12. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII-VIII вв). МИА, №124, М.-Л., 1964.
13. Филанович М.И. Гяур-кала. ТЮТАКЭ, т.XV, Ашхабад, 1974.
14. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент. 1982.
15. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент. 1977.
16. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе. Дониш. 1988.
17. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Ранние культурные слои на городище Алтынтепе. Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научн. трудов ТашГУ, №582, Ташкент, 1981.
18. Дресвянская Г.Я., Марчук В.Я. Раннесредневековая посуда Чечак-тепе. В сб. Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Труды ТашГУ, ФАН, Ташкент, 1990.
20. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
21. Негматова Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
22. Исаков А.И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
23. Тихонин М.Р. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка. ИМКУ, вып.20, Ташкент, 1986.
24. Лебедева Т.И. Керамика Афрасиаба V-VI вв. н.э. ИМКУ, вып.23, Ташкент, 1990.
25. Филанович М.И. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье. В сб. Градостроительство и архитектура.
26. Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., Еркурган, Ташкент, 1984.
27. Горбунова Н.Г. О раннесредневековой керамике Ферганы. УСА, вып. 4, Л., 1979.
28. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. "Чуйская долина" - МИА, №14, М.-Л., 1950.
29. Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
30. Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент, 1984.
31. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Т., 1990.
32. Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода. Труды ХАЭЭ. т.IV. М., 1959.
33. Буряков Ю.Ф., Богомоллов Г.И. Изучение рабадов средневекового Харашкета. ИМКУ, вып.23., Ташкент, 1990.
34. Древний Ташкент. Ташкент. 1973.

С.Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ОБ ОДНОЙ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ФОРМЕ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1960 г. в Северном Таджикистане начались раскопки древнего здания - оно венчало собой холм, именуемый местными жителями Урта-курбан и возвышающийся над долиной речки Шахристансай (1). Здание, построенное в 7 веке, было укрепленным жилищем местного аристократа-землевладельца. Оно простояло около 200 лет без существенных перестроек и погибло от огня, вероятно, в 9 веке. Это была прямоугольная постройка около 10х9 м в плане, длинной стороной ориентированная в направлении С-Ю, выстроенная из сырцовых кирпичей размерами 50х25х9 см и блоков битой глины - пахсы. Продольный коридор делил дом на восточную и более широкую западную части. Западная часть, в свою очередь, была разделена входным коридором на две части: южную - занимал четырехколонный зал с тронной эстрадой-суфой, в северной - помещалась большая жилая комната. Восточную сторону дома последовательно, с севера на юг, составляли: узкое хозяйственное помещение, меньших размеров квадратный четырехколонный зал, маленькое квадратное и, видимо, купольное помещение со входом в виде широкой ниши с угловыми сиденьями-суфами, - судя по остаткам алтаря, здесь было что-то вроде домашней капеллы. Последним в восточной группе был бесступенчатый подъем-пандус, выведивший на кровлю (рис. 1). В центре здания, в месте пересечения продольного и входного коридоров была найдена куча обуглившихся балок потолка. Средняя часть потолка, видимо, сгорела полностью, но боковые его части только обуглились, и это их спасло: необуглившиеся деревянные детали обычно истлевают в земле бесследно.

Неплохая сохранность и довольно большое количество балок делали, как будто, возможной реконструкцию потолка - восстановление его первоначальной формы и устройства. Это было тем более интересно, что проблема деревянных перекрытий в древней архитектуре Средней Азии - одна из самых неясных. Отчасти задача облегчалась и тем, что сгоревший потолок был невелик: его размеры определялись пересечением обоих коридоров и составляли около 9,7 кв.м. Были выявлены балки 6 типов, отличающиеся размерами, формой и резным убранст-

вом. Расположенные в порядке от большего к меньшему, они составили такую картину.

Балки А - сечение 22х13 см. Две соседние стороны украшены резьбой. Вдоль широкой стороны тянется стебель с симметричными отростками-трилистниками. У оснований стебля видны уступчатые утолщения, - этими местами балки лежали на опорах. Значит, стороны со стеблем были обращены вниз, а соседние узкие стороны, тоже украшенные резьбой, были боковыми. Резьба на них располагалась в три ряда: ленты выпуклых кружков -«перлов», пятилепестковых пальметт и граненых ромбов-отголосок римской лавровой гирлянды (рис. 2, 3).

Балки Б - их противоположные грани (видимо, верхняя и нижняя) имеют ширину соответственно 22 и 19 см, узкая вертикальная грань - 11 см. Четвертая сторона этих балок не вертикальна, а скошена под углом 72° и украшена резьбой: полоса пальметт под полоской граненых ромбов, сверху - гладкий бордюр (рис. 4). Этим балкам принадлежит, возможно, фрагмент с изображением розетки в выпуклом кольце, - он не находит места в других типах балок. Видимо, такими розетками в медальонах были украшены грани шириной 19 см, обращенные вниз (рис. 4 а).

Балки В - в сечении 19х14 см. Они, как и следующие типы балок, лишены изобразительной скульптурной резьбы. Их убранство состоит из разных профилировок прямоугольного сечения, представление о которых дают рис. 5 и 6. Они расшифровываются как вырезанное из одного куска воспроизведение многослойного архитрава: его реальный прототип состоял из двух балок, лежащих одна на другой (верхняя шире нижней) и подбалок-консолей, тоже сбитых из двух досок, из которых верхняя по ширине равна верхней балке, а нижняя - нижней. Этот общий прием воплощен в нескольких вариантах.

Балки Г - сечение 19х14 см (рис. 7-1). В отличие от балок В заглубленный промежуток между подбалками здесь меньше ширины балки и расположен односторонне. Он немного больше половины ширины балки и с трех сторон окаймлен уступчатым контуром соединенных вместе подбалок.

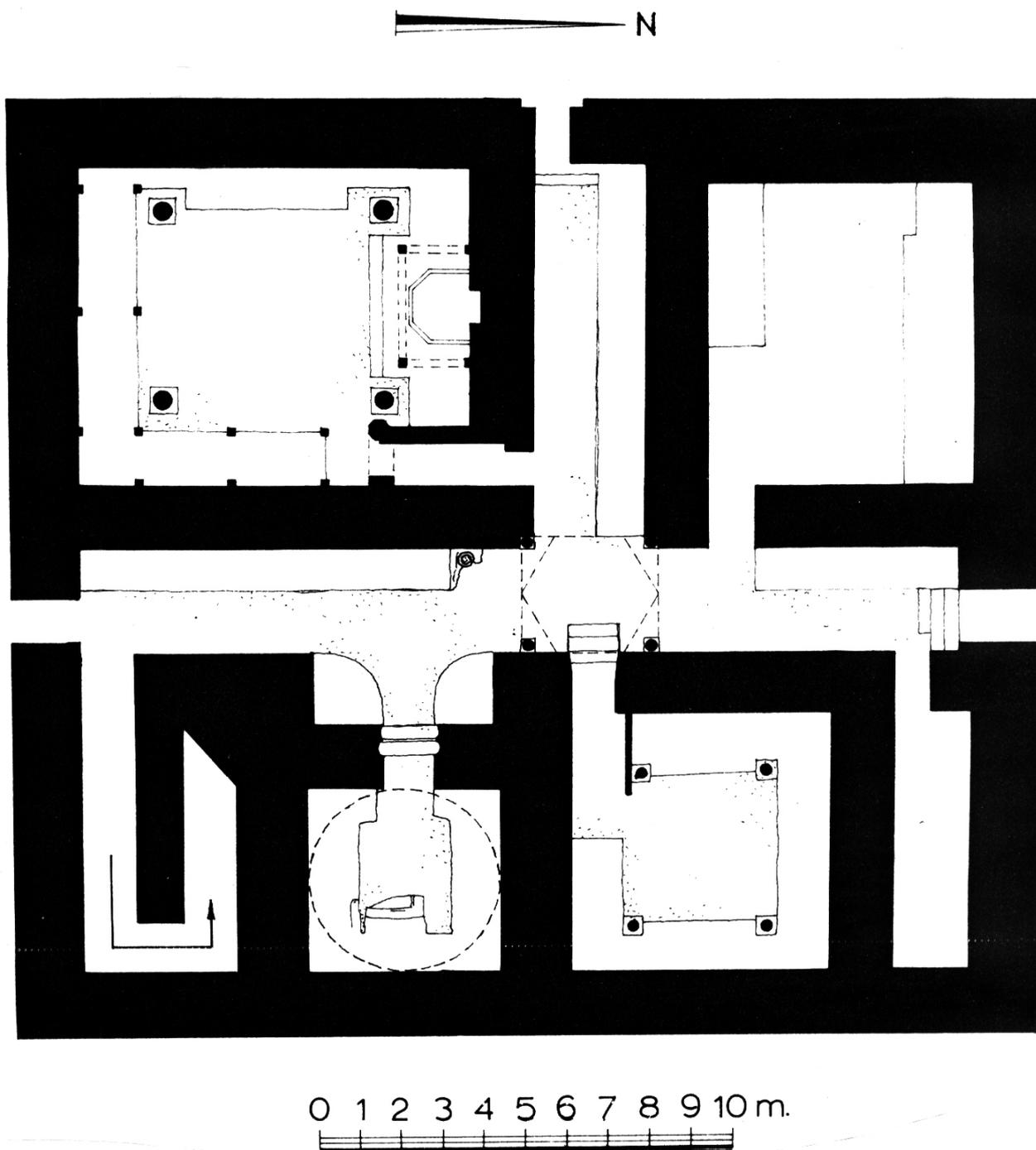

Рис. 1. Замок Уртакурган. План с частичной реконструкцией.

У балок Д и Е - сечение 13x13 см и более простая профилировка (рис. 7-2, 3) Одна сторона балок Д украшена продольной двускатной врезкой слегка сдвинутой относительно оси; соседняя грань оформлена плоской прямоугольной впадиной, тоже сдвинутой к одной стороне. Профилировка балок Е сведена к узкой прямоугольной прорези вдоль одной из граней, тоже сдвинутой с оси.

Остатки балок других типов найдены не были, - если они и были (что вероятно), то сгорели без следа. В массе обгорелого дерева мы нашли, кроме того, много круглых палок сечением 5-6 см без следов обработки.

6 типов балок для плоского потолка - явно слишком много. Да и балки такого потолка могут быть украшены с трех или одной нижней стороны, а не на двух соседних, взаимно перпендикулярных гранях, как балки А, Б, Г и Д.

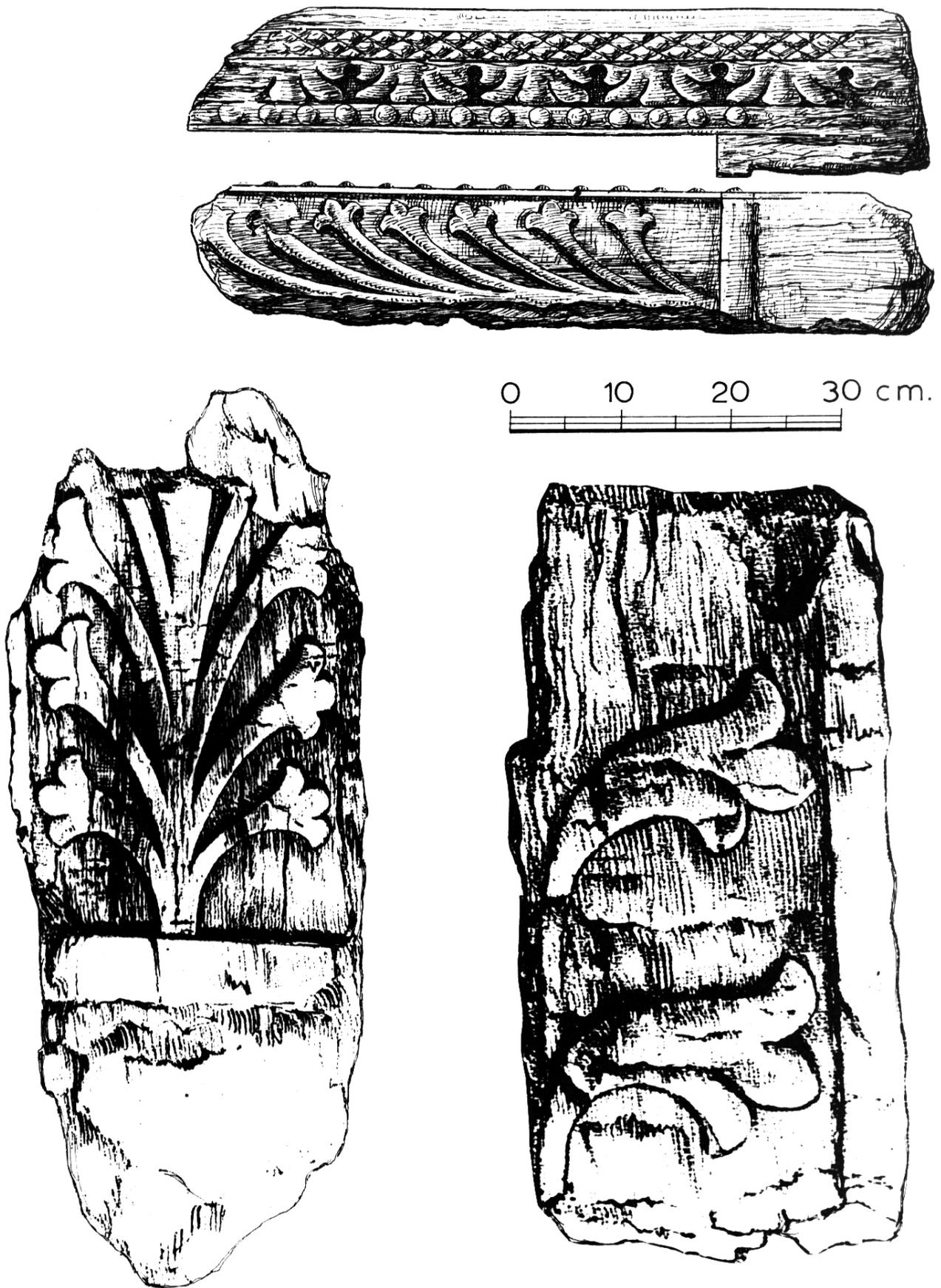

Рис. 2. Балки типа А.

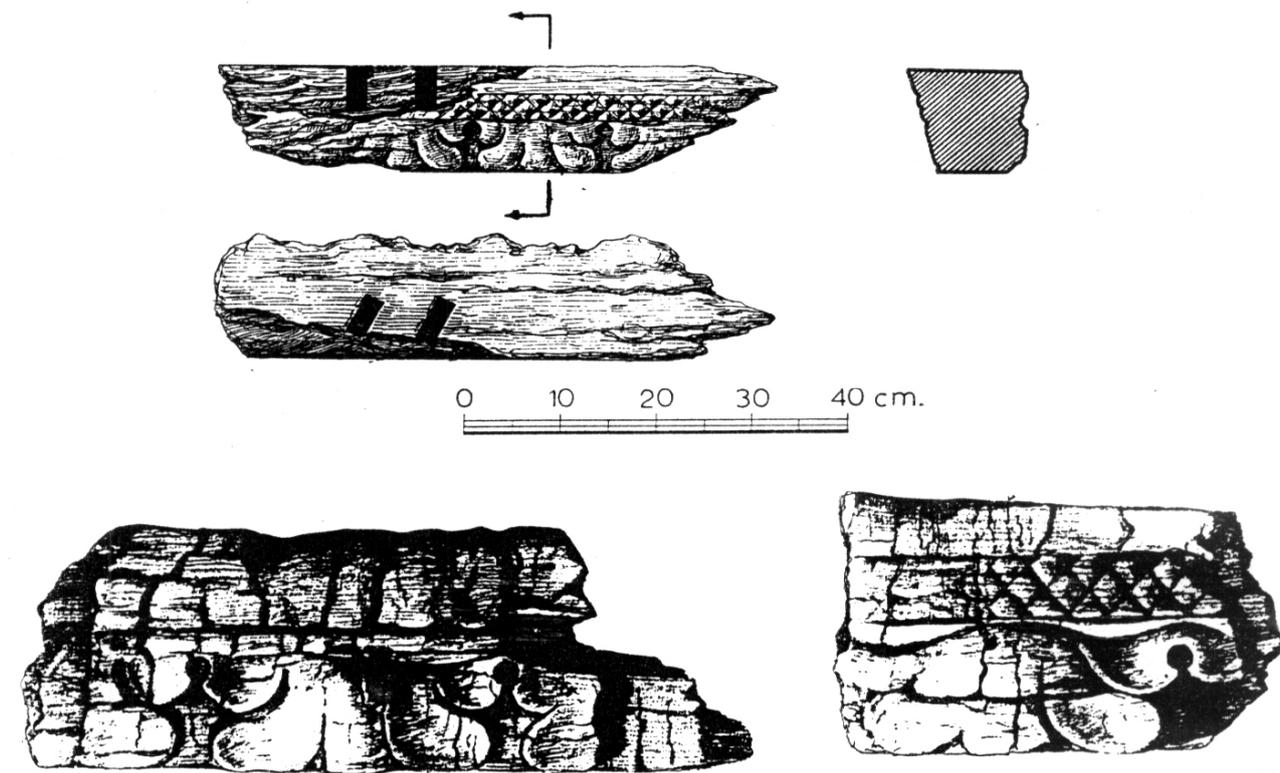

Рис. 3. Балки типа Б.

Есть только один тип деревянного перекрытия с множеством различных по размерам балок, которые обозримы с двух соседних сторон - нижней и боковой. Это так называемый касетный или балочный купол, некогда распространенный от Малой Азии до Тихого океана (2) и сохранившийся в редких горных областях, например, на Кавказе и на Памире (3). Впервые эта конструкция была описана Ксенофонтом в «Анабасисе» (4), позже - Витрувием (5). Она называется по-разному: в Азербайджане - «карадам», в Армении - «азарашен», в Грузии - «гвиргвини», в Средней Азии - «рузан» и «чорхона». Ее строительная суть повсюду одна: на квадратное основание, лежащее на стенах или столбах, кладется следующий квадрат балок, который вдвое меньше нижнего и уложен так, что его углы лежат на серединах нижних балок. На него укладывается новый квадратный венец, повернутый опять под 45° и вдвое меньше предыдущего. Так возводится уступчатая пирамида, состоящая из квадратных ступеней-венцов, углы которых опираются на середины лежащих ниже балок. Угловые части пирамиды закрывают, всю ее сверху и засыпают землей, кроме верхнего квадрата, - через него проникают свет и уходит дым очага. Иногда на нижний квадрат укладывались венцы восьмиугольной формы, повер-

нутые так же один относительно другого. Преимущества этой конструкции очевидны: «рузан» позволял перекрывать значительные пространства балками небольшой длины (много меньше, чем пролет между стенами) и обходится без промежуточных опор. Так создавалось свободное внутреннее пространство жилища, темноватое, но просторное и высокое. Если «рузан» построен из венцов-октагонов, то при предельной длине балок нижнего венца 5-5,5 м сторона перекрытого квадрата достигает почти 13 м, а его площадь - около 150 кв. м.

О том, что в центре Уртакурмана возвышался именно «рузан», свидетельствовали и косые прорезы у краев сохранившихся балок: в них вставлялись выступы соседних венцов, обеспечивая этим прочную связь всех элементов конструкции. Но в «рузане» с квадратными венцами эти прорезы расположены под углом 45° к краям балок, с 8-угольными - под $22,5^\circ$, прорезы же на балках Уртакурмана были, все без исключения, расположены под углом 60° к продольным сторонам, отклонения не превышали 4° . Практическая одинаковость углов означает, что это была не ошибка строителей, а система, связанная с формой и конструкцией потолка. Легко понять, что этой формой мог быть только шестиугольник. «Рузан» шестиугольной формы в принципе и на практике возможны, но их реальные образ-

цы неизвестны. Между обычными квадратными или (реже) восьмиугольными «рузан» и предполагаемыми шестиугольным есть важная разница: первые строятся на квадратном основании, тогда как второй должен был перекрывать площадь слегка удлиненного прямоугольника, описанного вокруг правильного шестиугольника или равностороннего треугольника.

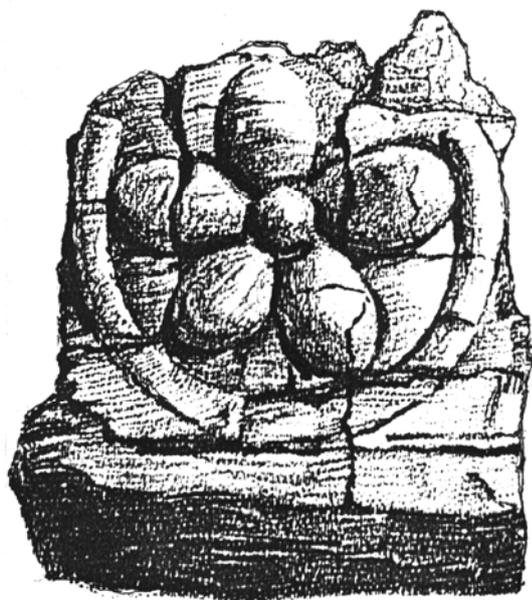

Рис. 4. Деталь балки типа В.

Легко устанавливается, что соотношение сторон такого прямоугольника выражено отношением

$$1:0,866 \text{ или } 1:\frac{3}{2} \text{-----}. \text{ Остается узнать,}$$

отвечают ли этому отношению пропорции площадки, образованной пересечением коридоров Уртакурмана. Они определяются расстоянием между выемками у конца входного коридора (здесь стояли две деревянные колонны) и расстоянием от этих выемок, их внутренних углов - до противоположной стены продольного коридора.

Эти два размера составляют соответственно 335 и 289 см, что точно отвечают отношению 1:0,866. Вероятность существования здесь «рузан» необычной шестиугольной формы находит таким образом убедительное подтверждение.

«Рузан» Уртакурмана опирался на четыре деревянные колонны. Две из них, как говори-

лось, были вставлены в угловые выемки на пересечении коридоров. От одной колонны сохранился отпечаток базы, ее удалось реконструировать (рис. 9). Две другие колонны, стоявшие по сторонам входа в малый зал, оставили по себе память в виде красных обожженных полос на глиняной стене. На колоннах лежали массивные балки А, обращенные вниз и внутрь гранями со скульптурной резьбой. Следующий венец - балки Б - образовывали первый шестиугольник. Украшенные резьбой их боковые грани были наклонены внутрь - вероятно, для того, чтобы декор было легче разглядеть. Следующие пять венцов образовывали балки, постепенно уменьшающиеся в размерах и украшенные уже не скульптурной резьбой, а прямоугольными профилировками. Может быть, имелись еще 2 или 3 верхних шестиугольных венца, которые полностью сгорели: получившееся на реконструкции верхнее отверстие слишком велико (больше 130 см шириной), да и верхние тонкие венцы должны были особенно сильно пострадать от огня. Этот «рузан», нарядно украшенный и раскрашенный (на обгорелом дереве есть следы красной краски) возвышался подобно балдахину над более низкими деревянными потолками соседних коридоров (рис. 10). Своеобразная профилировка балок урта-курманского «рузан» находит аналогии в буддийских пещерных храмах Бамиана (Афганистан, 5-6 вв.). В некоторых из них имитирован «рузан» со всеми его главными элементами, причем каменные балки бамианских сводов часто оформлены такими же плоскими выемками и профилями и в тех же сочетаниях, что и балки Уртакурмана. Различия невелики и сводятся к тому, что профилировка каменных балок Бамиана проще.

Эта профилировка не дает повода к ее культовому магическому или символическому истолкованию. Она сводится к усилению краев балки и утонению ее средней части, то есть выражает работу конструкции и характер сил, которые действуют на нее. Иначе говоря, она воспроизводит структуру деревянного архитрава, усиленного подбалками в местах опоры. Но особенность «рузан» - верхние балки опираются на середину нижних - заставила свести разницу сечений к минимуму. Конструктивный прием стал способом пластического декора архитектурных поверхностей.

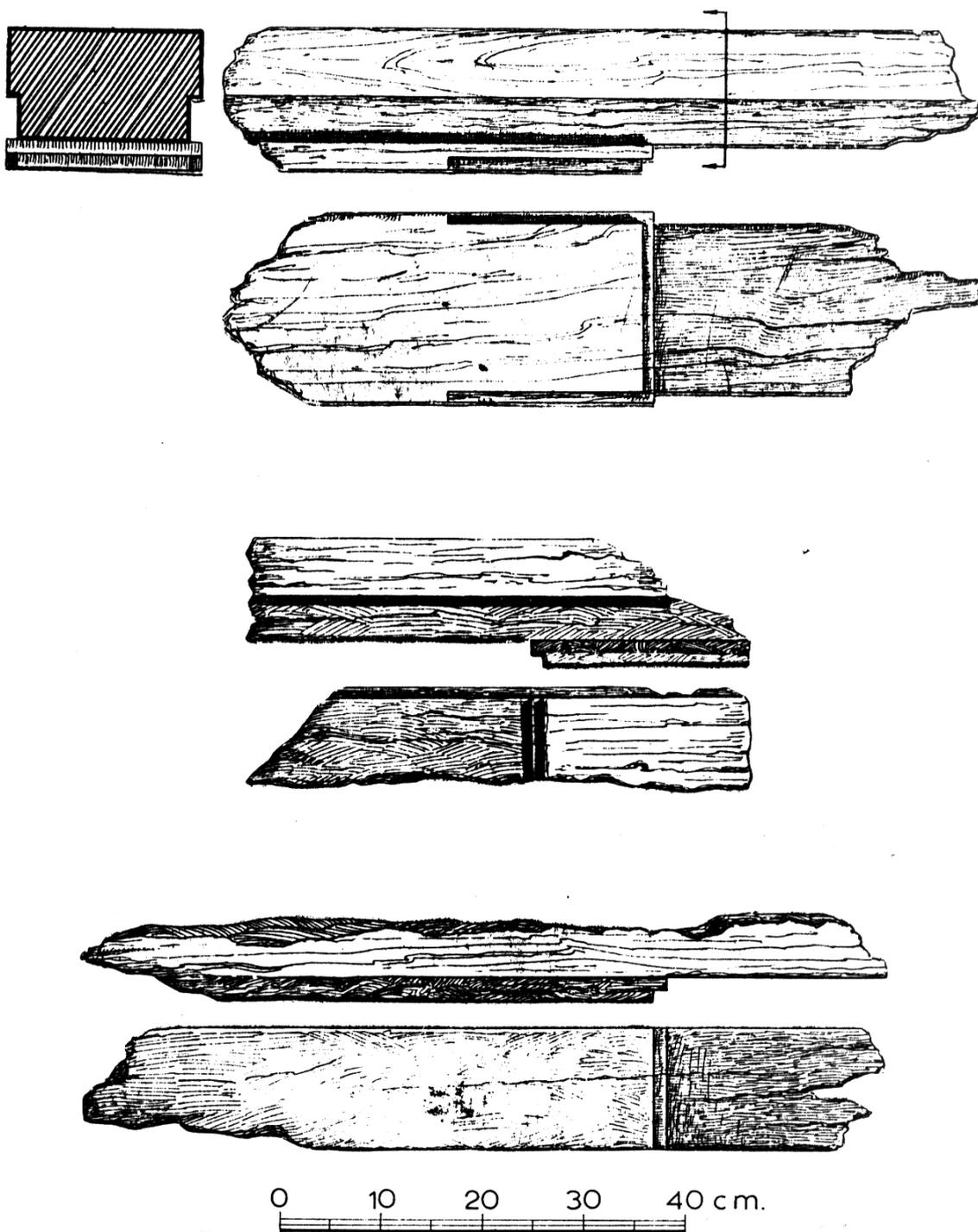

Рис. 5. Балки типа В.

Важным моментом строительства во все времена было перенесение проекта на строительную площадку, то есть изображение плана будущего здания на земле. Ошибка в построении прямых углов ведет к перекосу всего плана, что нечасто, но встречается в древней и средневековой архитектуре. Средством против

такой ошибки был «египетский» треугольник: соединенные концами трех бечевки с соотношением длины 3:4:5 автоматически образовывало прямой угол. При больших размерах постройки катеты этого треугольника приходилось многократно удлинять, что было неудобно и грозило ошибкой, неточностью плана.

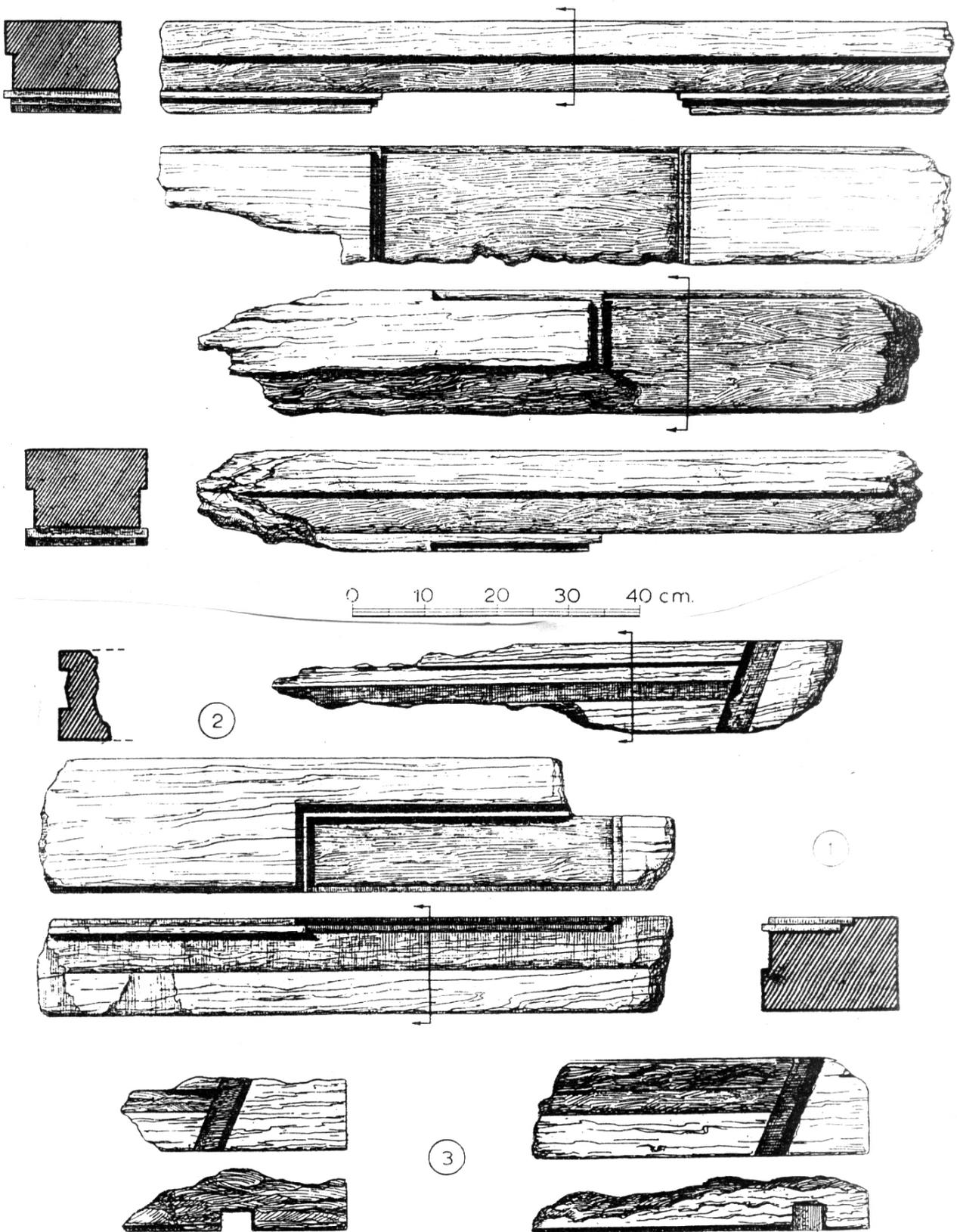

Рис. 6. Балки типов В.
Рис. 7. Балки типов Г. Д. Е.

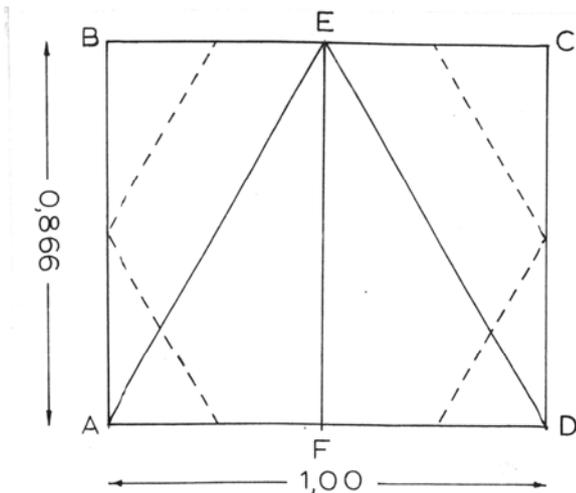

Рис. 8. Способ построения прямоугольника 1:0,866

Но прямоугольник 1:0,866 можно построить на выровненной строительной площадке без египетского треугольника, с помощью лишь шнура и кольшков. Для этого на земле откладывалась длина будущего здания AD (рис. 8). Из этих точек с помощью шнура с кольшком на конце проводились дуги радиусом AD, - они пересекались в точке E, формируя равносторонний треугольник ADE. На основании AD отмечалась средняя точка F. Далее из точек A и D при помощи шнура и кольшка проводились дуги радиусом, равным высоте EF, а из точки E - тем же способом - дуги, равные половине основания - AF или FD. Пересечение дуг давало точки B и C, которые вместе с точками A и D формируют искомый прямоугольник. Это простые манипуляции позволяли изобразить на земле прямоугольник большого размера и гарантировали точность построения прямых углов.

Эти свойства прямоугольника 1:0,866 были, очевидно, известны в древней и средневековой архитектуре. Здания с такими пропорциями есть уже в древнеегипетской архитектуре, а строительное искусство стран ислама знает много таких примеров. Вот некоторые из них. Замок Кусейр Амра в Иордании, начало 8 века. Размеры главного зала - 8,75x7,58 м (6).

Мечеть в Медине 705-715 гг. Ее первоначальный контур, включая внешние стены, вписан в прямоугольник 1:0,866 (7).

Замок Каср ал-Хайр восточный, 8 век. Двор слева от южного входа (8). Парадный двор в комплексе дворца Джаусак (Самарра)-Ирак, 9 век (9). Двор главной мечети в Наине - Иран,

около 960 г., и двор мечети в Ниризе - Иран, 943 г. (10).

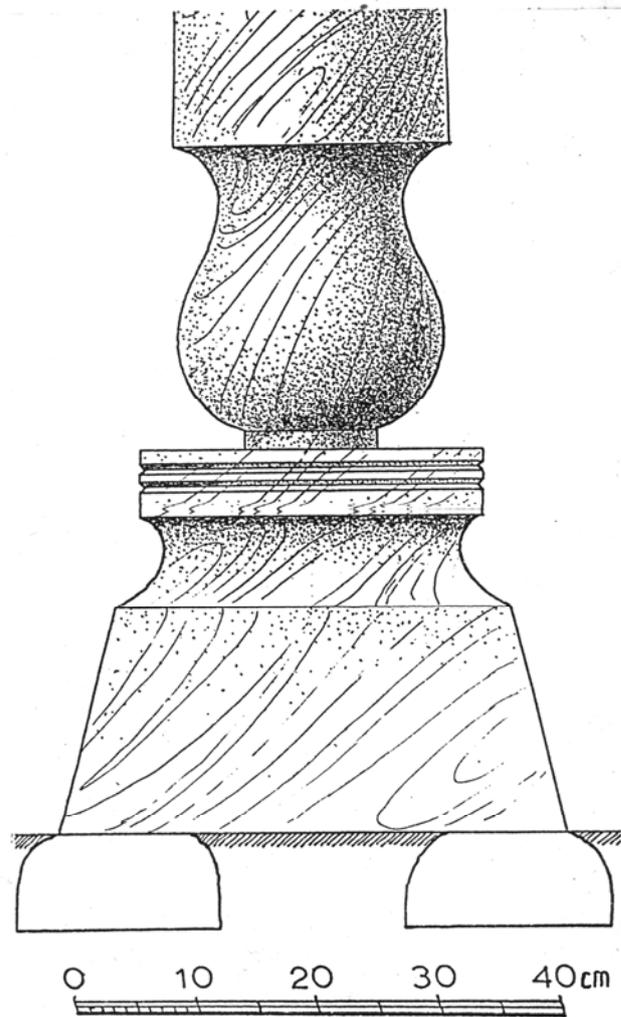

Рис. 9. Реконструкция базы деревянной колоны из Урукгургана

Дворец правителей Термеза 11-12 вв. Пропорции 1:0,866 - у аудиенц-зала - айвана (11).

Первоначальный (впоследствии измененный) двор мечети в Кордобе 10 в. Анализировалась графическая реконструкция (12).

Центральная часть (без боковых галерей) мечети в Сильване - западная Турция, 12 век (13).

Караван-сарай на городище ал-Аскер в окрестностях Мерва, 11-12 вв. Его внешний контур - 28x33 м (14).

Дворовая мечеть начала 13 в. в Дахистане, Южный Туркменистан (15). Разбивка на земле прямоугольника 1:0,866 была рабочим, вспомогательным приемом, облегчающим изображение осей плана, продольных и поперечных. Этот служебный смысл приема виден на примере двух замков в Южном Туркменистане - Сулу-кошук 9-10 вв. и Яккипер 11-12 вв., в которых прямо-

угольник 1:0,866 определяет в одном случае -
внешнюю, в другом - внутреннюю поверх-

ность наружных стен (16).

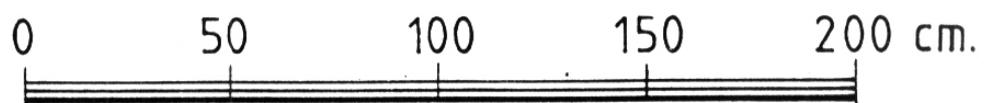
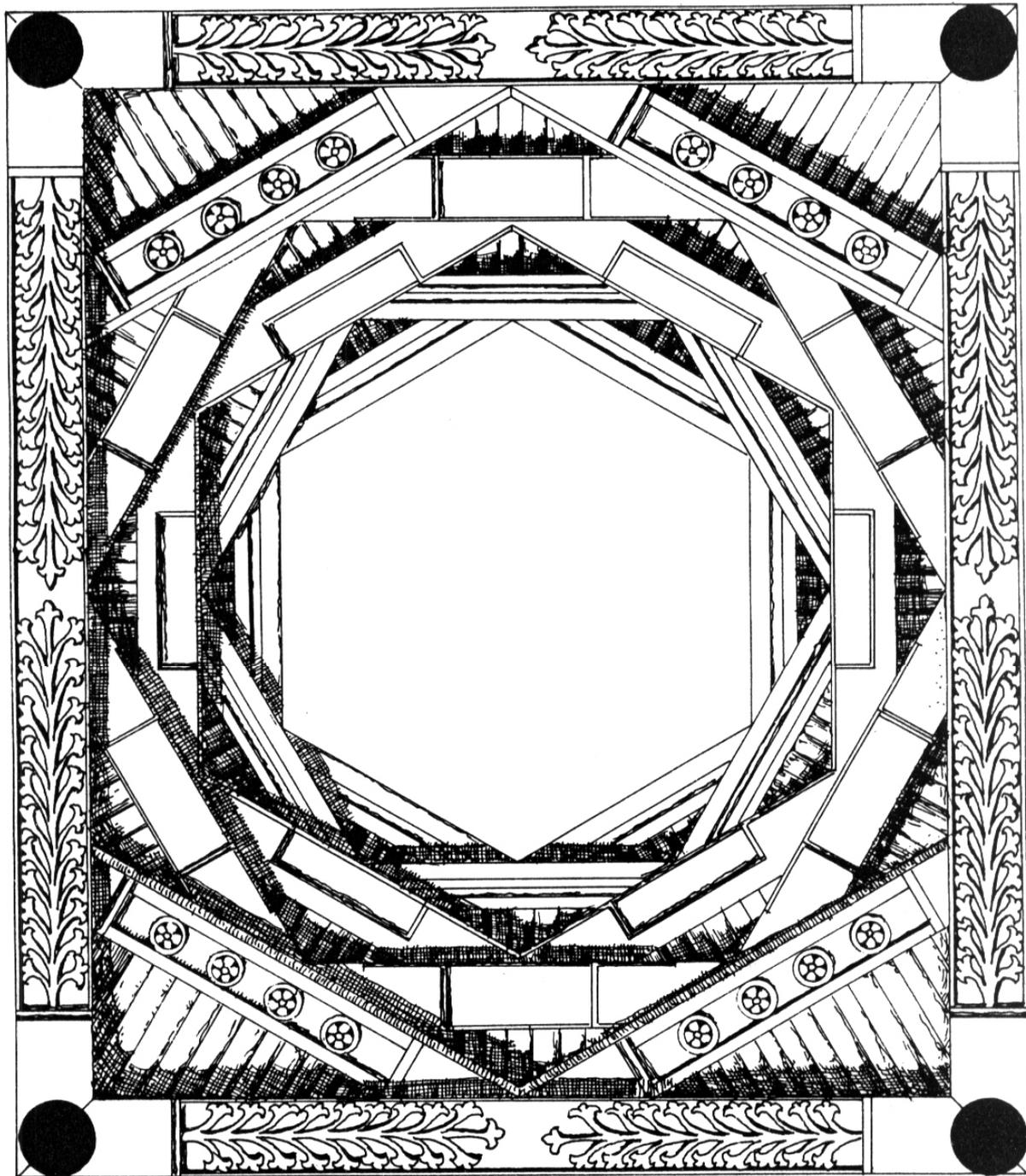

Рис. 10. Реконструкция шестиугольного балочного «купола» в Уртакургане.

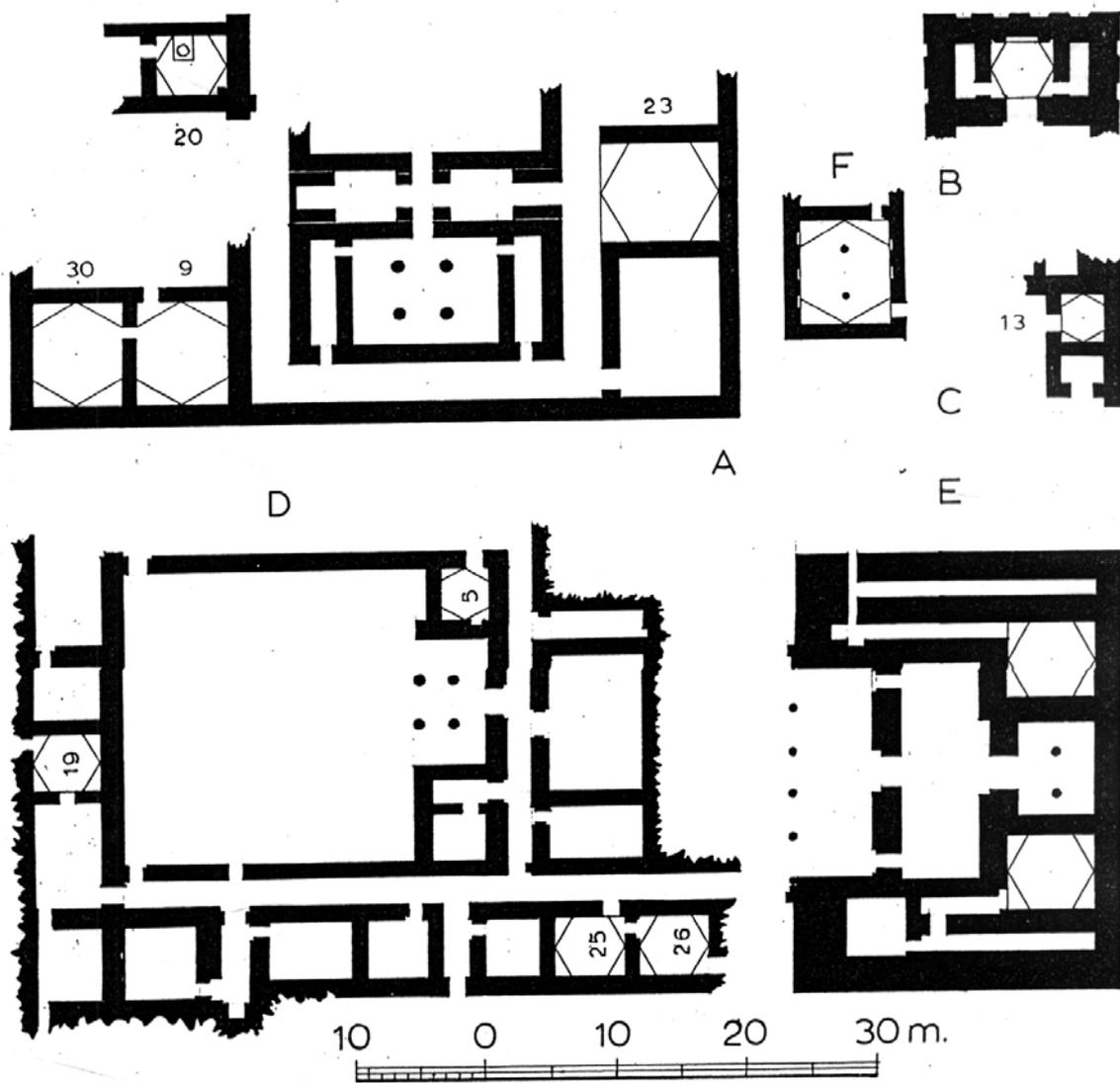

Рис. 11. Примеры шестиугольных балочных «куполов» в античной архитектуре Центральной Азии. А.- Дильберджин, Большой дом. В.- Ай-Ханум, «храм в пилястрах». С.- Дильберджин, Малый дом. D.-Саксанохур. Е.- Халчаян. F.- Гяур-кала (Хорезм), зал.

Из более поздних построек в Средней Азии, в планировке которых был применен - без связи с типом перекрытия - прямоугольник 1:0,866, назову двор медресе Кукельдаш 16 в. в Бухаре (17), платформу мечети Балянд 16 в. там же (18), внешний контур мавзолея Шади-Мульк-ака в Шахи-Зинде (1372 г.) (19) и наружный контур мечети Ак-мечеть в селении Тим (15 - начало 16 вв.) (20).

Во всех этих примерах архитектурная форма точно, без натяжек строится на прямоугольнике, в который вписывается равносторонний треугольник. Случайность тут исключена. Речь идет об одном и том же несложном, но долговечном и распространенном приеме. Пример Уртакурмана свидетельствует, что по

крайней мере в некоторых случаях эти пропорции помещения указывают на устройство перекрытия, - на то, что оно представляло собой шестиугольный брусчатый купол «рузан». Доказать это было бы легче, если бы форма перекрытия была связана с устройством самого помещения - с расположением дверей, стоек и т.п. Эта связь иногда видна. Всегда рискованна позиция исследователя, сообщающего, что он открыл форму древней архитектуры, ранее неизвестную и не сохранившуюся в натуре. Правда, мое первое сообщение об открытии шестиугольного «рузан» не встретило возражений, - кроме одного голословного, которое поэтому можно не принимать во внимание (21). Сложность задачи однако сохраняется.

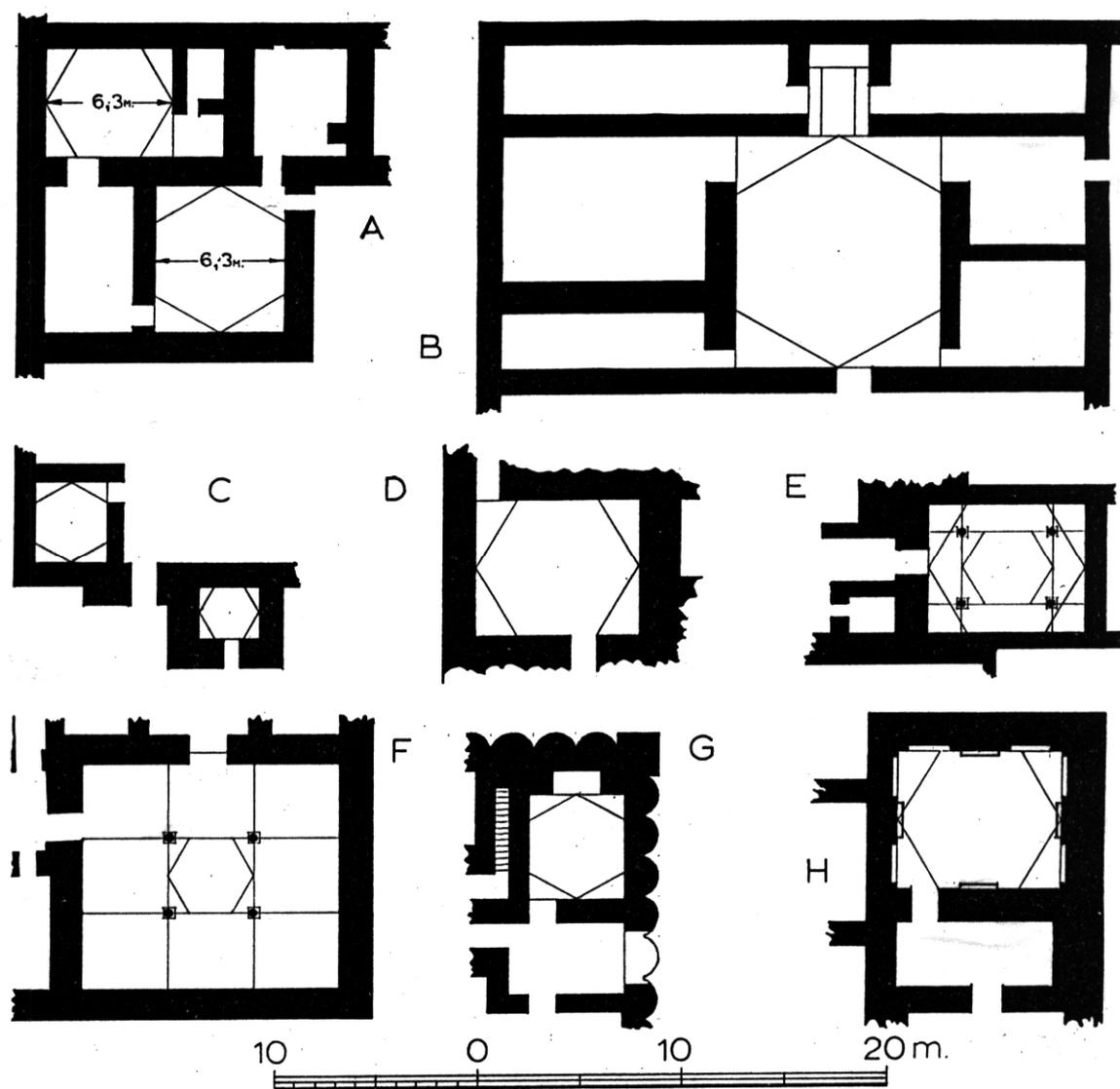

Рис. 12. Примеры шестиугольных балочных «куполов» в раннесредневековой (доисламской) архитектуре Средней Азии. А.- Дом № 3 в поселении Аяз-кала. В.- Дом усадьба «а» около крепости Аяз-кала 2. С.- Дом в поселении Джанбас-кала. D.-Зал в Кафыр-кале (Таджикистан). Е.-Пенджикент, зал в 6 квартале. F.-Зал в замке Чильхуджра. G.-Замок Тешик-кала. H.-Замок Барак-там.

В области точных наук истинность открытия определяется возможностью повторения результатов эксперимента. Невозможность воспроизведения экспериментальных данных свидетельствует об ошибке или случайности, если не обмане. В истории архитектуры эксперимент невозможен, но его может заменить изучение аналогий, - материала, близкого изучаемому определенными важными качествами. В нашем случае эти качества - уже известные нам особые пропорции помещений, размеры которых позволяли перекрыть их при помощи «рузан». Если шестиугольный «рузан» Урта-кургана действительно существовал, он не мог быть единственным и уникальным. В преды-

дущих примерах вычерченный на земле прямоугольник 1:0,866 использовался для реконструирования большой архитектурной формы - двора, многокомнатного комплекса или того и другого. Одно помещение, вписанное в готовую схему плана, не нуждается в такой разбивке: его стены параллельны и перпендикулярны уже намеченным осям плана. Но если прямоугольник 1:0,866 использован не как способ разбивки плана на земле - он, вероятно, был предназначен стать основой шестиугольного «рузан». Многократное обнаружение помещений именно этих пропорций нельзя объяснить случайностью, а другого объяснения этому феномену нет. Рассмотрим некоторые примеры таких помещений в хроно-

логическом порядке, от античных к средневековым. Большое здание в городе 2-1 вв. до н.э. у деревни Дильберджин в Северном Афганистане (22) включает в себя комнаты интересующих нас пропорций - №№ 9, 20, 23 и 30 (рис. 11 А, фрагмент плана). Лежащие рядом комнаты 9 и 30 одинаковы, сторона соединяющей их двери совпадает с углом вписанных шестиугольников, - стойки двери служили опорой потолка. Комната 23 была внутренним айваном, открытым в коридор. Нижний венец «рузана» опирался здесь передним углом на архитравную балку длиной около 8 м - вероятно, середина архитрава поддерживалась колонной.

В «малом доме» Дильберджина (24) пропорции 1:0,866 имеет помещение № 13 (рис. 11 С). Край двери здесь тоже совпадает с углом нижнего шестиугольного венца.

Такие же пропорции у святилища в храме античного города Ай-Ханум (Северный Афганистан, 2 в. до н.э.). Тут связь формы помещения с перекрытием достаточно ясна: вход в святилище и алтарная ниша напротив него точно отвечают двум сторонам шестиугольника (рис. 11 С). В дворцовом комплексе на городище Саксанохур (Южный Таджикистан, 2 в. до н.э.) (25) искомые пропорции имеют комнаты №№ 5, 19, 25 и 26. В маленькой комнате 5 край двери совпадает с углом шестиугольника (рис. 11 D).

Две одинаковые комнаты пропорций 1:0,866 (рис. 11, Е) лежат по сторонам среднего приемного помещения во дворце кушанских правителей в Халчаяне (юго-восточный Узбекистан, 1 в. до н.э.) (26). Приемный зал в крепости Гяур-кала (Хорезм, 2-3 вв. н.э.) имеет размеры 8,05x6,93 м (27). Здесь, правда, на длинной оси стояли две колонны, но, судя по их каменным базам, они были перенесены сюда позже из соседнего древнего дворца Калалы-гыр (рис. 11 F).

Большой зал замка Барак-там (Хорезм, 4-5 вв. н.э.) (28) имеет пропорции 1:0,866, но раскопками установлено, что он был перекрыт двумя широкими пересекающимися арками. Расположение пристенных выступов под арками свидетельствует, что они появились позже, т.е. вначале перекрытие было иным. Край двери и здесь совпадает с углом шестиугольника: стойка двери была опорой балки (рис. 12

Н). В замке Тешик-кала (Хорезм, 5 в.) (29) искомые пропорции имеет приемный зал с «тронной» нишей (рис. 12 G). Аналогичные помещения открыты в других хорезмийских замках предисламского времени - в доме № 3 на поселении Аяз-кала (30) и Джанбас-кала (31). Две комнаты Аяз-калы пропорционально связаны между собой: один размер - 6,3 м - составляет длину одной и ширину другой комнаты (рис. 12 А). В одной из двух комнат Джанбас-калы вход расположен вне вписанного шестиугольника и так, что угол двери и шестиугольника снова совпадают (рис. 12 С). То есть, проем равен той части стороны комнаты, которая лежит между ее углом и ближайшим углом вписанного шестиугольника. Без гипотезы о шестиугольном «рузан» это совпадение (как и ряд других) едва ли можно объяснить.

Размеры приемного зала в усадьбе «а» около крепости Аяз-кала 2 (Хорезм, 6 в. н.э.) - 10x11,5 м, - 0,866x1 (рис. 12 В). Длина нижних балок шестиугольного «рузан» должна была здесь составлять около 6 м - она близка к пределу, но реальна: в те времена Средняя Азия была богата строевым лесом.

Зал в крепости Кафыр-кала (Южный Таджикистан, 5-8 вв.) (33) - тех же размеров, что и зал Барак-тама. Один из его входов совпадает одной стороной с углом вписанного шестиугольника (рис. 12 D).

Центром раскопанного в Шахристане (Северный Таджикистан, 5-8 вв.) замка Чильхуджра был большой - около 13x11 м - зал (34). Здесь найдены следы четырех деревянных колонн, которые образовывали центральный прямоугольник размерами 4,33x3,75 м (рис. 12 F). Шестиугольный «рузан» перекрывал здесь только среднюю часть зала и опирался не на стены, а на колонны.

В приемном зале замка Уртакурган пропорции 1:0,866 имеет его средняя часть, ограниченная четырьмя колоннами (рис. 13 Е), вероятно, шестиугольным «рузан» был увенчан этот средний плафон размерами 5,37x4,65 м (35). Такие же пропорции, но другие размеры - 7,35x8,50 м у комнаты, лежащей слева от входного коридора в Уртакургане (рис. 13 Е), - и здесь, третий раз в одном здании, можно предполагать перекрытие в виде шестиугольного «рузан».

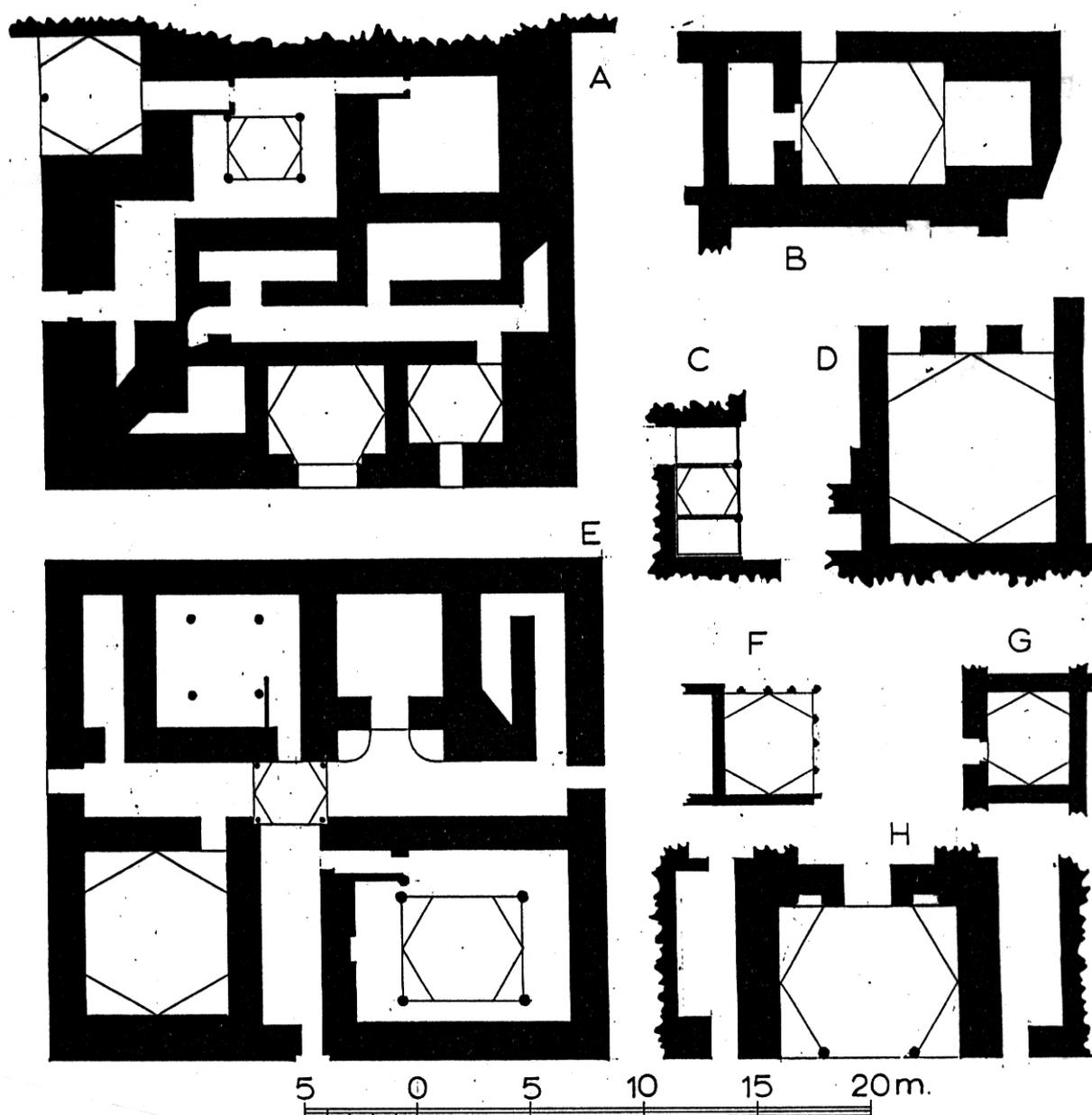

Рис. 13. Примеры шестиугольных балочных «куполов» в доисламской и раннеисламской архитектуре Средней Азии. А.-Шахристан, малый дворец. В.-Пенджикент, объект 9 («общественный комплекс»). С.-Пенджикент, объект 3. Колонная входная лоджия. D.-Варахша, Красный зал. Реконструкция. Е.-Шахристан, Уртакурган. F.-Чорку, мазар Амир Хамза Хасты подшо. G.-Сайед, помещение 19. H.-Пенджикент, здание № 1. Фрагмент плана.

Но в «малом дворце» Шахристана (36) интересующая нас архитектурная форма была, судя по характерным пропорциям помещений, употреблена четырежды (рис. 13 А):

1. В зале-лоджии нижнего этажа размерами 5,40x4,68 м. Балку на наружной стороне здесь должны были подпирать две или одна колонны. 2. В большом зале нижнего этажа между четырьмя колоннами внутреннее пространство 3,45x3,0 м. 3. В комнате верхнего этажа рядом с парадной лоджией. Ее размеры - 4,17x3,61 м, и

вход одной стороной совпадает с углом вписанного шестиугольника. 4. В верхней «тронной» лоджии, раскрытой на главный фасад. Сторона шестиугольника, вписанного в прямоугольный план лоджии, совпадает с ее широким проемом, а расположение сохранившихся в углах проема стоек отвечает углам шестиугольника. При раскопках здесь были найдены балки с прорезями, расположенными под углом 60° к их краям, но тогда на это не обратили внимания.

Несколько помещений характерных пропорций, предполагающих шестиугольный «рузан», зафиксировано в Пенжикенте: 1. Зал 41 в 8 жилом комплексе (37) (рис. 12 Е). Здесь сохранились следы 4 колонн, в пространство между которыми - 4,3х3,7 м - точно вписывается шестиугольник. Такие же пропорции имеет и сам зал. 2. «Общественный комплекс» - объект 9 (38) (рис. 13 В). Размеры помещения - 6,46х5,60 м,

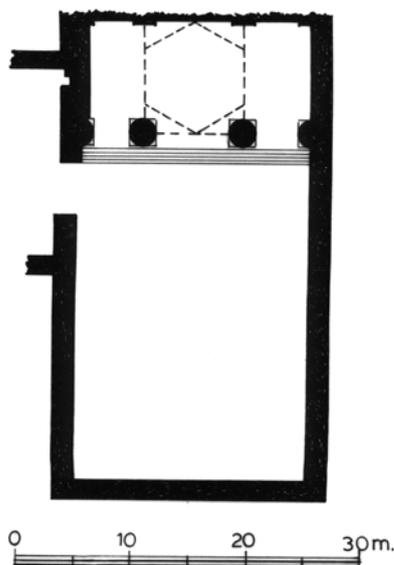

Рис. 13а. Двор приемов во дворце Варахши.

вход расположен между углом комнаты и вписанного в неё шестиугольника, т.е., как во многих прежних случаях, одна из опор нижнего венца служила стойкой двери. 3. Остатки деревянной колонны лоджии в квартале № 3 (рис. 13 С). Средний плафон ее потолка имел размеры 2,7х2,34 м - габарит, в который вписывается шестиугольник. В публикации (39) эта часть потолка украшена восьмиугольником неправильной, вытянутой формы. 4. Центральный зал общественного здания № 1, которое обычно необоснованно именуют храмом (40). Прежде, чем одна из стен зала была утолщена, его размеры составляли 8,05х6,98 м. Вписанный в план шестиугольник двумя углами совпадает с краями ниш по сторонам задней двери (рис. 13 Н). Найденные здесь каменные базы колонн, судя по их случайному расположению, принесены позже (41).

В пред- или раннеисламском дворцовом комплексе Варахши интересующие нас пропорции встречены дважды: 1. В «красном зале», размеры которого - больше 63 кв. м - и отсутствие колонн предполагают перекрытие ти-

па «рузан» (42), а отношение сторон в опубликованной реконструкции - 8,6х7,4 м (43) - отвечает искомой пропорции (рис. 13 D). 2. В средней части лоджии «большого двора» (44), где, вероятно, стоял трон правителя и происходили церемонии приемов (рис. 13 а). Мазар Амир Хамза Хасты подшо в селе Чорку (Северный Таджикистан) датируется (в его основе) 10 веком и служил, вероятно, поминальной мечетью (45). Помещение размерами 4,53х3,92 м было ограждено с двух сторон, две другие стороны представляли собой деревянную колоннаду. Углы вписанного в план шестиугольника совпадают с соответствующими колоннами. Нынешний потолок на пересекающихся парных балках - недавнего времени (рис. 13 F).

Комната в богатой усадьбе городища Сайед (Южный Таджикистан, 9-10 вв.) была, вероятно, домашней мечетью. Ее размеры - 4,10х3,55 м (рис. 13 G). Найденные здесь в обломках ганчевые куполки украшали, видимо, плафоны за пределами нижнего шестиугольного венца (46). Комната с айваном в жилом комплексе Варахши, который датируется 10 веком (47). Размеры ее - 5,10х4,42 м. Две двери расположены в углах за пределами вписанного шестиугольника, т.е. вне опасной нагрузки на их перемычки (рис. 14 А).

Две одинаковые небольшие комнаты в доме № 60 в оазисе Кават-кала (Хорезм, 12-13 вв.) (49). Они расположены симметрично по сторонам центрального помещения, их размеры - 3,40х2,94 м (рис. 14 В). Жилая комната в доме № 21 поселения Дарьялык-куль (Хорезм, 12 в.) (49). Ее размеры - 4,63х4,01 м. Единственная дверь расположена в углу так, что ее край совпадает с углом вписанного шестиугольника (рис. 14 С).

Две комнаты в группе жилищ того же поселения Дарьялык-куль (50). Их размеры - 3,7 х 3,2 м и 3,2х2,77 м. Следовательно, ширина большей комнаты равна длине меньшей, т.е. малый шестиугольник вписывается в большой (рис. 14 Е).

Два помещения в доме № 3 на том же Дарьялык-куле, входящие в разные группы жилищ и не сообщающиеся между собой (51). Их размеры одинаковы - 3,35х2,90 м, но длинные и поперечные оси перпендикулярны одна другой (рис. 14 F). Два помещения в доме № 43 оазиса Кават-кала (Хорезм, 12-13 вв.) (52). Среди комнат, окружающих центральный холл, есть два интересующих нас пропорций и одинаковых размеров - 4,15х3,59 м. Они одинаково ориентированы, и вход в одну из комнат расположен между ее уг-

лом и ближайшим углом вписанного шестиугольника (рис. 14 D). Наконец, пропорции 1:0,866 имел опубликованный Л.И.Ремпелем и И.А.Ахраровым «купольный зал» на Афрасиабе, который авторы ошибочно рассматривают как квадратный (53). Его размеры по археологическому чертежу - 4,9x5,5 м, причем и здесь оба входа в соседние (вероятно, такие же) помещения точно расположены между углом зала и ближайшим углом вписанного в его план шестиугольника (рис. 15). Таков весьма неполный перечень помещений с пропорциями сторон 1:0,866 в постройках Средней Азии древней и средневековой эпох. Я думаю, что такие пропорции отдельного помещения - признак того, что это помещение было некогда перекрыто балочным кассетным куполом («рузан») шестиугольной формы, который исчез из строительной практики в 13-14 веках. Может быть, это исчезновение связано с монгольским погромом и вызванной им утратой некоторых строительных приемов и навыков. Возможно,

сыграла роль и относительная сложность конструирования шестиугольных балочных куполов, требовавшая от строителей большей точности, чем при возведении «рузан» четырех- и восьмиугольной формы. Может быть, сказалось и просто изменение вкусов, - случайно ли, что поздние шестиугольные «рузан» - принадлежность не городских зданий, а скромных сельских жилищ? И что именно в это время начинают отмирать балочные «купола» четырех- и восьмиугольной формы во всех долинных землях Средней Азии? (54). Так или иначе, но древняя архитектурная форма, некогда, видимо, достаточно распространенная, исчезла почти бесследно. Отдаленная память о шестиугольных «рузан» сохранилась, может быть, в световых фонарях, венчающих купола, построенных в 15-17 веках (да и позже) медресе, мечетей и усыпальниц. По необъяснимой традиции эти открытые снизу фонари имеют, как правило, шестиугольную форму.

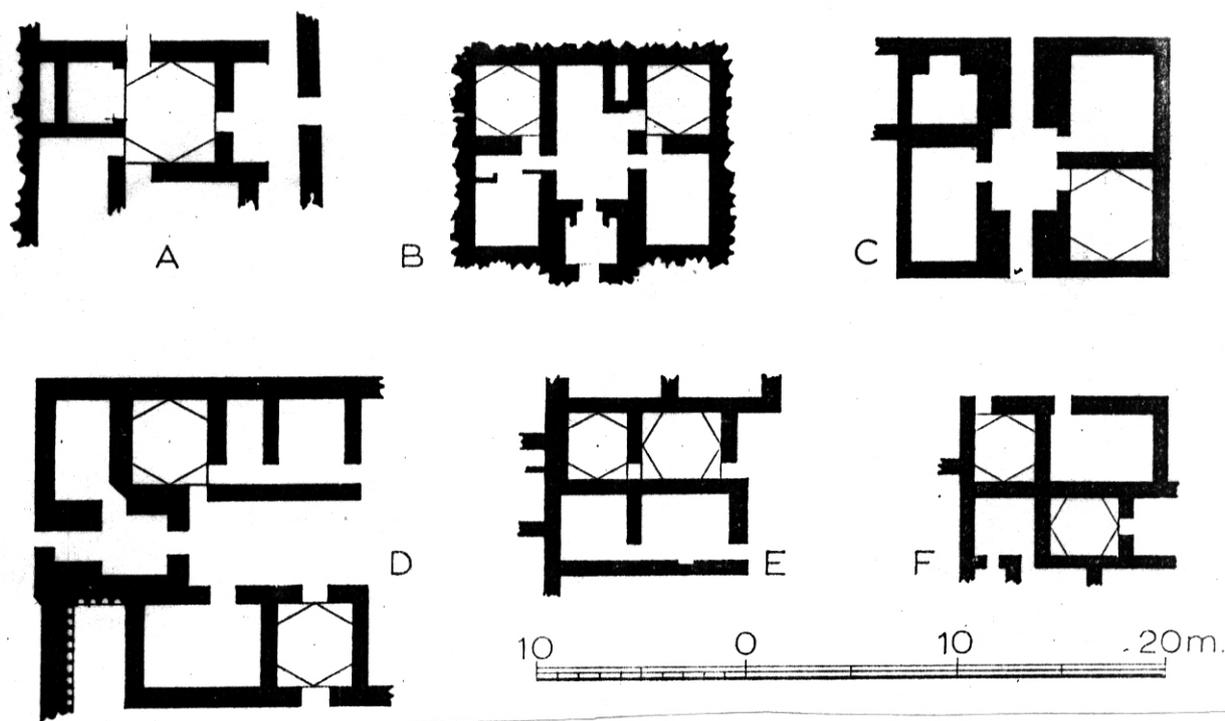

Рис. 14. Примеры шестиугольных балочных «куполов» в архитектуре Средней Азии X-XIII вв.

А.-Варахша. Жилой дом X века. В.-Дом № 60 в оазисе Кават-кала. С.-Дом № 21 в поселении Дарьялык-куль. D.-Дом № 43 в оазисе Кават-кала. E.-Дом № 2 в поселении Дарьялык-куль. F.-Дом № 3 в поселении Дарьялык-куль.

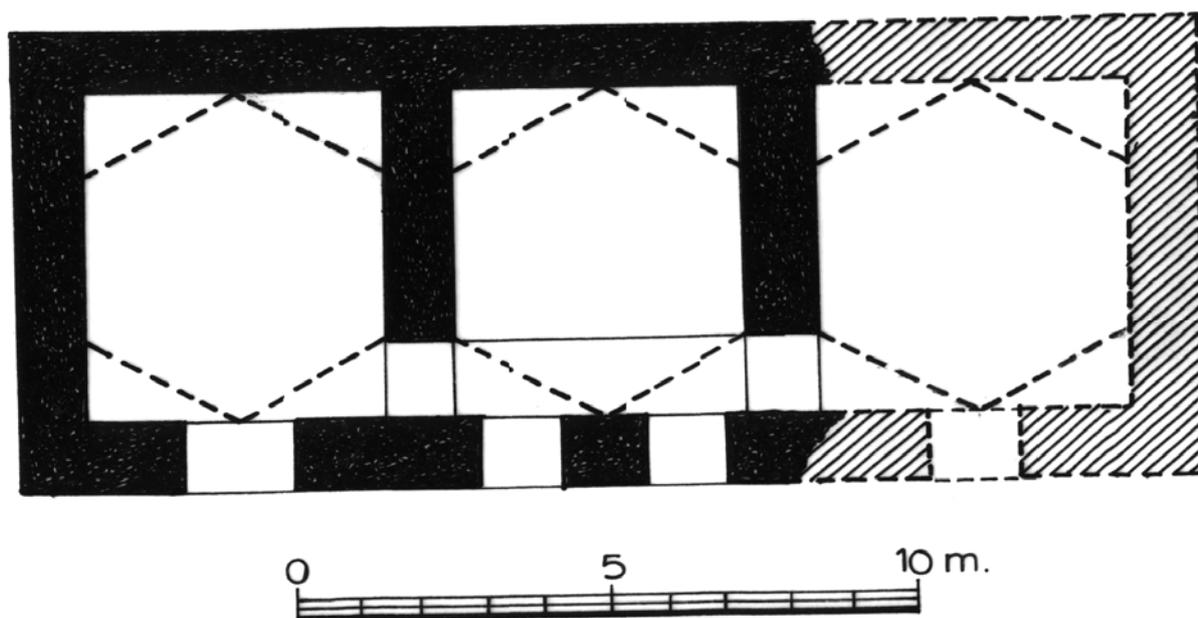

Рис.15. «Купольный зал» на Афрасиабе.

1. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.

2. Ильина М. Древнейший тип жилищ Закавказья. М., 1946. E.Diez. Die Kunst der isiamischer Voelker. Berlin 1915, s.67. A.Stein. Ruins of desert Cathay. London 1912. Fig. 20. A. Von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst - und Kuiturgeschichte Mitteleasiens. Berlin 1925. Fig. 233-244.

3. Халпахчян О.Х. Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 57-63. В.Л.Воронина. Жилища Ванча и Язгулема. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, с. 258 и след.

4. Ксенофонт. Анабасис. «Вестник древней истории», 1947, № 2, с. 304.

5. Витрувий. Десять книг об архитектуре. Книга 2, глава 1, 4. М., 1936.

6. Oleg Grabar. Die Entstehung der islamischen Kunst. Koein 1977. Abb. 59.

7. Oleg Grabar. Указ. соч., рис. 34.

8. Oleg Grabar. Указ. соч., рис. 102. Oleg Grabar. Указ. соч., рис. 102.

9. Otto-Dorn K. Kunst des islam. Baden-Baden 1964. Abb. XV.

10. Всеобщая история архитектуры (ВИА), том 8. М., 1969. С. 150, рис. 4. Oleg Grabar. Указ. соч., рис. 102.

11. ВИА, том 8, с. 226, рис. 6.

12. Otto-Dorn K.. Указ. соч., рис. XX.

13. Otto-Dorn K. Указ. соч., рис. XXX.

14. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Таджикистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 223.

15. Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 264.

16. Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 156 и 212.

17. ВИА, том 8, с. 315, рис. 9.

18. ВИА, том 8, с. 311, рис. 5.

19. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Т., 1967, с. 96.

20. Пугаченкова Г.А. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 3. Т., 1965, с. 68, рис. 1.

21. Воронина В.Л. Конструкция и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1970, с. 155, сноска 2.

22. Древняя Бактрия. М., 1976. С. 152, рис. 91.

23. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, с. 60, рис. 67. Ошибка в масштабе.

24. Древняя Бактрия, с. 154, рис. 92.

25. Литвинский Б., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур (южный Таджикистан). «Советская архитектура», 1969, № 2.

26. Пугаченкова Г.А.. Халчаян. Т., 1966, с. 46, рис. 23.

27. Ставиский Б.Я. Искусство Средней Азии. Древний период. М., 1974, с. 129, рис. 99.
28. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 240, рис. 151.
29. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5-8 вв.). Т., 1966, с. 127, рис. 44.
30. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976, с. 45, рис. 21.
31. Неразик Е.Е. Указ. соч., с. 25, рис. 8.
32. Неразик Е.Е. Указ. соч., с. 61, рис. 31.
- Археологические работы в Таджикистане, вып. X (1970). М., 1978. Таблица 20.
33. Sergej Chmelnizkij. Zwischen Kuscanen und Arabern. Berlin 1989. S. 98.
34. Sergej Chmelnizkij. Zwischen Kuscanen und Arabern. S.101, Abb. 63.
35. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Материальная культура Уструшаны, вып. 1. Душанбе, 1966. С. 52, рис. 24.
36. Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища. Труды Таджикской археологической экспедиции, том 4. М.-Л., 1964, с. 160, рис. 26.
37. Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента. Труды Таджикской археологической экспедиции, том 4. С. 57, рис. 5.
38. Воронина В.Л. Указ. соч., с. 83, рис. 26.
39. Хмельницкий С.Г. Общественные здания в древнем Пенджикенте. «Памятники культуры. Новые открытия». М., 1977. С. 407-416.
40. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Таблица II.
41. Шишкин В.А. Варахша. М., 1954. С. 58-59.
42. Нильсен В.А.. Указ. соч., с. 62, рис. 20.
43. Sergej Chmelnizkij. Zwischen Kuscanen..., S. 61, Abb. 34.
44. Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига, 1992, с. 307-324.
45. Хмельницкий С.Г.. Указ. соч., с. 248.
46. Кабанов С.К. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VII. Т., 1956. Рис. 1.
47. Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. С. 255.
48. Неразик Е.Е.. Сельское жилище в Хорезме. С. 74, рис. 39.
49. Неразик Е.Е. Указ. соч., с. 97, рис. 53.
50. Неразик Е.Е. Указ. соч., с. 101, рис. 56.
51. Неразик Е.Е. Указ. соч., с. 79, рис. 42.
52. Ахраров И., Ремпель Л. Резной шtuk Афрасиаба. Т., 1971, с. 18, рис. 4. 53.
53. Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Рис. на с. 264.
54. О гораздо более широком распространении балочных «куполов» в древней Средней Азии пишут В.А.Шишкин (Варахша. М., 1963, с. 56), В.А.Нильсен (Становление феодальной архитектуры..., с. 54) и другие исследователи.

М.Х. ПАРДАЕВ

ШИМОЛИ - ҒАРБИЙ УСТРУШОНА ҚИШЛОҚ ҚУРИЛИШИ МЕЪМОРЧИЛИГИНИНГ ИЛК ЎРТА АСРЛАРДАГИ АЙРИМ ХУСУСИЯТЛАРИ

Ўзбекистон ФА Я.Ғуломов номли археология институтининг махсус илмий гуруҳи томонидан Жиззах воҳасида кейинги йилларда ўтказилган археологик қидирув, қазув тадқиқотлари натижасида Уструшона давлати тасарруфидаги бу маданий ҳудудларнинг яхши ўрганилмаган тарихий даврлари-сўнги антик ва ўрта асрлар тарихига оид муҳим янгиликлар қилинди. Таъкидлаш жоизки, воҳада ҳисобга олинган археология ёдгорликлари комплексининг деярли 70 ғойизини илк ўрта асрларга тааллуқли обидалар ташкил этади. Мазкур давр ёдгорликларининг сон жиҳатдан устунлиги нафақат Жиззах воҳаси учун, балки бутун Уструшона ҳудуди учун хусусиятлидир. Зеро, Уструшона 400та қалъарабодлар мамлакатидир. (1, 1953, 243-6). Сон жиҳати ва ушбу давр ёдгорликларини қоникарли даражада сақланганлиги Жиззах воҳасининг илк ўрта асрларга оид археологиясини, меъморчилиги хусусиятларини нисбатан яхши ўрганилишига асос бўлди. Илк феодал даври қишлоқ маконларидан Пардақултепа, Комилбоботепа, Қинғиртепа, Алмантепа I, II қалъаларининг очиб ўрганилган меъморий комплекслари мисолида шимоли-ғарбий Уструшонанинг илк ўрта аср қишлоқ қурилиши, меъморчилик усуллари ва уларнинг эволюцияси масалалари ҳақида фикр юритишимиз мумкин.

Ўрта Осиёнинг барча ҳудудларида бўлгани каби Жиззах воҳаси қалъа қурилишида ҳам асосан хом ғишт, пахса, жуда кам ҳолатда ёғоч ва тош материаллар ишлатилган. Хом ғиштлар шу ерда, айна қурилиш чоғида қизғиш ва сарғиш тупроқ, лойидан ясалган. Ғиштлар тўғри тўртбурчак кўринишида, ҳажми 48x24x10; 46-23x10; 46x23x10, 40x22-23x10. 46x26x12; 46x23x9; 42x25x10; 40x20x10 см бўлиб, Уструшона Суғд, Шош-Илоқ, Фарғона минтақаларида VI-VIII асрлар қурилишларида ишлатилган хом ғиштларнинг умумий шакли ва ўлчамларига мутаносиб келади (2, 1966, 204-206-б). Пахса асосан сарғиш тупроқ, лойидан тайёрланган. Ёғоч материаллардан асосан катта хоналарни усти ёпилганда, икки қаватли уйлар бунёд этилганда ва текис-ясси шаклдаги эшиклар пештоқида "эшик боши" сифатида ишлатилган. Тошлар жу-

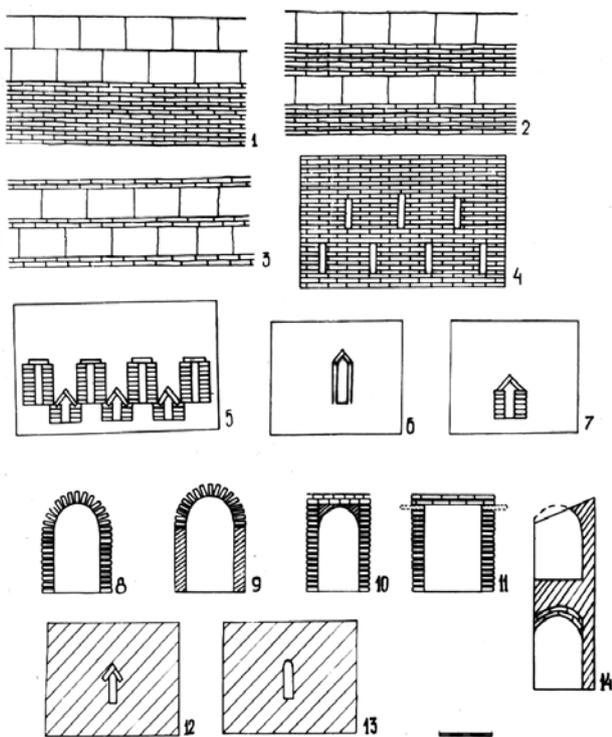
да кам ҳолларда айрим деворлар таглиги учун ишлатилган бўлса, улардан кўпроқ ўз аҳамиятини йўқотган эшикларни уриб ташлашда фойдаланилган.

ДЕВОРЛАР. Шимоли-ғарбий Уструшона қалъалари деворлари конструкцияси 4 тоифага бўлинади. Булар хом ғиштдан, пахсадан, пахса ва ғишт қаторларини алмашлаб, пахса ва ғиштни аралаш курама ҳолатда уришдан ҳосил бўлган деворлардир. Ғиштлар асосан ётқизиб урилган. Пастки ғишт қаторларидаги икки ғиштни юқоридаги бир ғишт ярим белидан босиб тушган ва бу қонуниятга барча ҳолларда амал қилинган. Томи гумбазсимон шаклда ёпилган хоналарнинг юқори қисми, айрим эшик пештоқлари ва таъмирланган деворларга ғиштлар кўндаланг ва тик ҳолатда урилган. Ғишт қаторлари орасига яхши пишитилган ўртача қаттиқликдаги сифатли лой 1,5-3см қалинликда ётқизилган. Хом ғиштлардан кўтарилган эшиклар кесакиси асосан майда сомон кўшилган лой билан сувалган (1 расм, 1-4-с.).

Пахса деворлар икки хил усулда кўтарилган. Биринчи усул "қирқма пахса" лойи қулочкашлаб куч билан урилган. Пахсанинг сирти ўткир асбоб капча (темир куракча) билан қирқиб текисланган. Бу хил пахсанинг буйи 70 см бўлиб, ҳар 80-100см масофада кўндалангига ҳам кесилган (печ) ва "блок" лар ясалган. Мазкур пахса "блок"лари шахмат тарзида ҳосил қилиниб, пастки қатламни юқори қатлам бўлимлари "боғлама-туғун" шаклида босиб тушган (1-расм, 1-с.). Иккинчи хил пахса "муштлама" усулида урилган бўлиб, унинг қатор баландлиги 70-80см, узунлиги девор барабар чўзилиб кетган. "Муштлама" пахсани сирти бироз дағал бўлгани учун кўп ҳолларда сувалган.

Пахса ва хом ғишт қаторларини алмашиб уриш асосан Пардақултепада, яъни ўрганилаётган даврни илк босқичларида кўпроқ учрайди. Бу усул бир ёки икки пахса айлантирилган деворни баландлиги бараварида хом ғишт билан давом эттирилган. Барча ҳолларда деворни тағ асоси пахсадан анча кенг қилиб урилган. "Курама" деворларда ғишт камроқ кўшилсада асосан шахмат нусха ҳолатда, яъни геометрик шакл ясаган ҳолда бир-биридан маълум масофа

узоқликда ва баландликда кундаланг ва узунасига терилган. Аини пайтда бу усул деворларни манзараси учун ҳам хизмат қилган. Шунингдек, бир қатор қилиб, ғишларни узлуксиз бири-бирига тираб урилган "курама" деворлар ҳам кузатилди ва бу усул деворлари асосан Комилбоботепада қайд этилди (1 расм, 1-3-с.).

1 расм. Деворлар конструкцияси, шинаклар, эшик пештоклари кўриниши.

Платформа. Қурилиш иморатининг таг замини ҳисобланган мазкур иншоот илк ўрта асрларнинг араб истилосигача бўлган даври меъморчилигининг асосий таркибий қисмларидан бири бўлган. Бу каби "таг курси"лар антик даврда ҳам қўлланилган бўлсада, том маънодаги кенг қўлланиш айнан илк ўрта асрларга тўғри келади.

С.П.Толстовнинг таъкидлашича, VI-VIII асрларда қалъа, кўшк қурилишида платформалардан фойдаланиш, уларни мудофаа имкониятларини такомиллаштирган. Шу сабабли бундай иморатлар учун девор бузар тош отар қурооллар ва лаҳим хавф-хатар солмаган (3, 1948, б). Ю.Якубовнинг фикрича, "платформа устидаги қалъалар мудофаа аҳамиятидан ташқари кузатув пункти ўрнини ҳам босишган. У ердан теварак-атроф яхши кўринган, душман пайдо бўлган заҳоти кузатувчини ишораси билан ҳамма ўз ўрнини, жангчилар мудофаа маррасини эгаллашган. Тинчлик даврларда эса ҳоким бу ердан шаҳар ва қишлоқдаги ўз фуқаролари ҳаётини кузатган". (4, 1988, 100б). Мутахассисларнинг

фикрича, баланд платформалар асосан Ўрта Осиёнинг текислик минтақалари-Хоразм, Суғд, Бухоро худудларида қўлланилган. В.А. Нильсен платформани "маълум худудда алоҳида ҳолда қурилган иморатларнинг асосий таркибий қисми" деб таърифлайди. (2, 1966, 215б). Ушбу фикрлардан келиб чиққан ҳолда платформага илк феодал даври меъморчилигининг энг муҳим ва ажралмас қисми деб қараш мумкин. Шу сабабли Жиззах воҳасининг Пардакултепа, Комилбоботепа, Расулбойкултепа қалъаларида платформа хусусиятларини аниқлаш учун шурфлар қазилди. Мазкур шурфларни барчаси қалъа мудофаа деворларини кесиш орқали туширилиб, қалъа деворларини барчаси платформа устида эмас, балки материк қатлам устида турганлиги аниқланди. Ушбу деворларнинг ички томонида қўшимча параллель деворлар қурилиб қалъанинг айлана йўлаклари ҳосил қилинган. Қалъаларнинг, хусусан Пардакултепа ва Комилбоботепанинг марказий иморатлари эса баландлиги 1,5-1,8м, ли платформалар устида қад кўтарган. Албатта, бу ҳол ғайри-табiiй кўриниши мумкин, лекин, мазкур меъморий "камчилик"ни ўрнини тўлдирувчи қуйидаги омил ҳам мавжуд. Маълумки, Қалиятепа ёдгорлиги атрофидаги қалъа-работлар мазкур шаҳарни умумий мудофаа занжирини ташкил этган иншоотлар деб талқин қилинмоқда. Шундай экан ҳар бир қалъа, работ мудофааи индивидуал ҳолатда бўлиши шарт бўлмаган. Бизнингча, бу ерда Жиззах воҳасини, колаверса Усрушона на Суғд сарҳадларини йирик масштабли мудофаа фаолияти ҳақида гап кетмоқда. Мантқан бу воқелик Қалиятепа (Дизак) ҳокими бошчилигида ташкил этилган ва амалга оширилган. Демак, биринчидан чўл халқларининг талончилик юришларига қарши шаҳар ва барча қалъалар жангчилари битта жанг майдонида қаршилик кўрсатишган. Иккинчидан, ҳарбий нуқтаи-назардан кескин вазият вужудга келганда барча химоячилар (шу жумладан қалъалар аҳолиси) Қалиятепа шаҳрининг баланд мудофаа деворлари ортида қаршиликни давом эттиришган. Учинчидан, асосан талон-тарожлик мақсадида уюштирилган мазкур юришларда маълум шаҳар ва қалъани узоқ муддат давомида камал қилиш кўзда тутилмаган. Қимматбаҳо нарсалар-уй-рўзғор буюмлари, чорва моллари ва бошқа моддий нарсаларни қўлга киритган кўчманчилар яна ўз юртлари чўлга қайтишган. Тўртинчидан, таъкидлаш керакки, Жиззах воҳаси ўрта асрларда кўчманчи ва ўтрок аҳоли учун иктисодий ва маданий "мулоқот" жойи "ретранслятор зона" вазифасини ўтаган. Шу сабабли қадимги Жиззах шаҳар-қишлоқлари нисбатан

кам миқдорда қўчманчиларнинг фаол ҳарбий ҳаракатлари майдонига айланган. Бу фикрни тўғрилигини меъморий обидаларнинг яхши сақланиш жиҳатларидан ҳам билса бўлади. Бизнинг фикримизча, Жиззах ёдгорликлари "таг курси"сини яхлит эмаслиги сабабларининг асо-

сий йўналишлари шулардан иборат. Марказий иморатларнинг платформа устида қурилганини ёдгорликнинг ҳозирги ташқи кўриниши, рельефидан ҳам билса бўлади. Бундай ёдгорликларни барчаси икки поғоналидир.

2 расм. Арксимон эшик кўриниши

Уйсатҳи. Пардакултепа ва Комилбоботепа иморатлари хоналарининг ички сатҳи аксарият ҳолларда майда сомонли лой билан юпқа қилиб сувалган. Уй сатҳини суваш маълум вақтда такрорлаб турилгани сабабли пол кўп қатламли кўринишни олган. Мазкур қалъаларни, хўжалик ва мудофаа девори атрофидаги хоналарни поли учун тўғридан-тўғри материк-ердан фойдаланилган. Айрим ҳолларда, хусусан Пардакултепа

марказий иморатини 3-хонаси поли зичлаб шиб-баланган тупроқдан ҳосил қилинган. Фақат бир ҳолатда мазкур ёдгорликнинг 10-хонаси поли тўғри тўртбурчак шаклидаги хом ғиштлардан қилинганлиги қайд этилди.

Туйнуқлар ҳозирги тушунча бўйича "дераза" сифатида фаолият кўрсатган бўлсада, иморатнинг ва ҳатто алоҳида хонанинг мудофаа имкониятларини кам қувват бўлиб қолмаслиги

нуктаи-назаридан ўзгача кўринишда, ҳамда ўзга жойга ўрнатилган. В.А.Нильсен фикрича, текис болорлар ёрдамида ёпилган томлар қишлоқ қалъаси, шаҳар турар-жойи бўлишидан қатъий назар шифтдаги туйнуқлар орқали ёритилган. Қишлоқ қалъалари хоналари деворларда амбразура кўринишидаги тўғри тўртбурчак шаклли туйнуқлар ҳам қолдирилган. Лекин, булардан кам ёруғлик тушган (2, 1966, 232-б). Пардакултепа хоналарида худди шу хилдаги шинак нусха туйнуқлар қайд этилди. Бизнинг фикримизча, бу каби туйнуқлардан хоналар хавосини алмаштиришда, камондан ўқ отишда ҳам фойдаланилган. Қиш пайтлари бу туйнуқларга битта ғишт тиқиб шуваб кўйиш ёки эски латта-путта билан совуқни ихота қилиш мумкин бўлган. (1 расм, 4-с.).

Эшик пештоқлари, арк ва гумбазлар.

Ўрта Осиёнинг илк ўрта аср меъморчилигида эшик ва унинг пештоқлари деярли бир хил арксимон усулда бажарилган. Бундай усуллардан Пардакултепа ва Комилбоботепа қалъалари ҳам мустасно бўлмасда, уларда айрим фарқлар ҳам қайд этилган. Қалъаларнинг ички эшиклари ўрнида табақали ёғоч эшиклар деярли ўрнатилмаган. Маҳобатли уйлар, меҳмонхоналар эшиклари асосан гиламлар билан тусилган, оддий хоналар эшиклари очиқ ҳолда турган. Ёғоч табақали мустаҳкам эшиклар киришчиқиш комплексларида, вестибюль хоналарида ўрнатилган. В.П.Воронина Панжикент мисолида таъкидлашича, бундай хоналарга аксарият ҳолларда икки табақали эшик ўрнатилган.

Ёғоч эшиклар тузилиши жуда оддий бўлган. Аксарият ҳолларда эшик табақаларини остки ва устки томонида йўниб чиқарилган ёғоч "ўқ" эшик остонаси ва пештоқига ўрнатилган тош ошиқ-мошиқларга кийдирилган. Бундай тош ошиқ-мошиқлар биз очиб ўрганган ҳар икки ёдгорликда ҳам қайд этилди. Мазкур хил табақалар арксимон эшикларда ўрнатилган. Ёғоч эшик боши ёрдамида бунёд этилган текис шаклдаги эшиклар ўрнида кесаки ва пештоқлар орасидаги "чор чўп" ичида эшик табақалари ўрнатилган. Эшик ўрнилари қурилиши жиҳатидан бир неча турга бўлинади:

1. Икки ён томонидан кўтарилган ғишт тўшама устида "понасимон" усулда урилиб секин-аста тик ҳолатни оловчи ғиштлар ёрдамида (1 расм, 8-с; 2 расм).

2. Худди шу усулда лекин аркининг икки ён остки тушамаси пахсадан кутарилган ҳолатда (1 расм, 9-с.).

3. Ёғоч "эшик боши" ёрдамида ясалган дастлабки кўриниши текис шифтли бўлган эшик

пештоқларини таги сомонли пой билан сувалган ва бу лой ёрдамида гумбазсимон шакл ясалган ҳолатда (1 расм, 10-с.).

4. Ёғоч "эшик боши" ёрдамида ясалган текис, ясси эшиклар ўрни сифатида (1 расм, 11-с.).

5. Устма-уст қуйилган биринчи ва иккинчи қават эшиклари. Мазкур эшиклар пештоқини бир тамони кўндаланг ўтувчи деворга тираб ўрнатилган. Пастки эшик пештоқида 2 қатор ғишт терилган ва юқориси пахса билан урилган. Мазкур пахса ўз навбатида юқори қават эшигини остонаси бўлиб ҳам хизмат қилган (1 расм, 14-с.).

Том маънолаги эшиклар билан бирга кичик ҳажмли дарчалар ҳам қайд этилди. Арксимон кўринишидаги бу дарчалар. Пардакултепаннинг хўжалик, ховли қисми хоналарида кўпроқ учраса. Комилбоботепани марказий иморатларида ҳам учрайди.

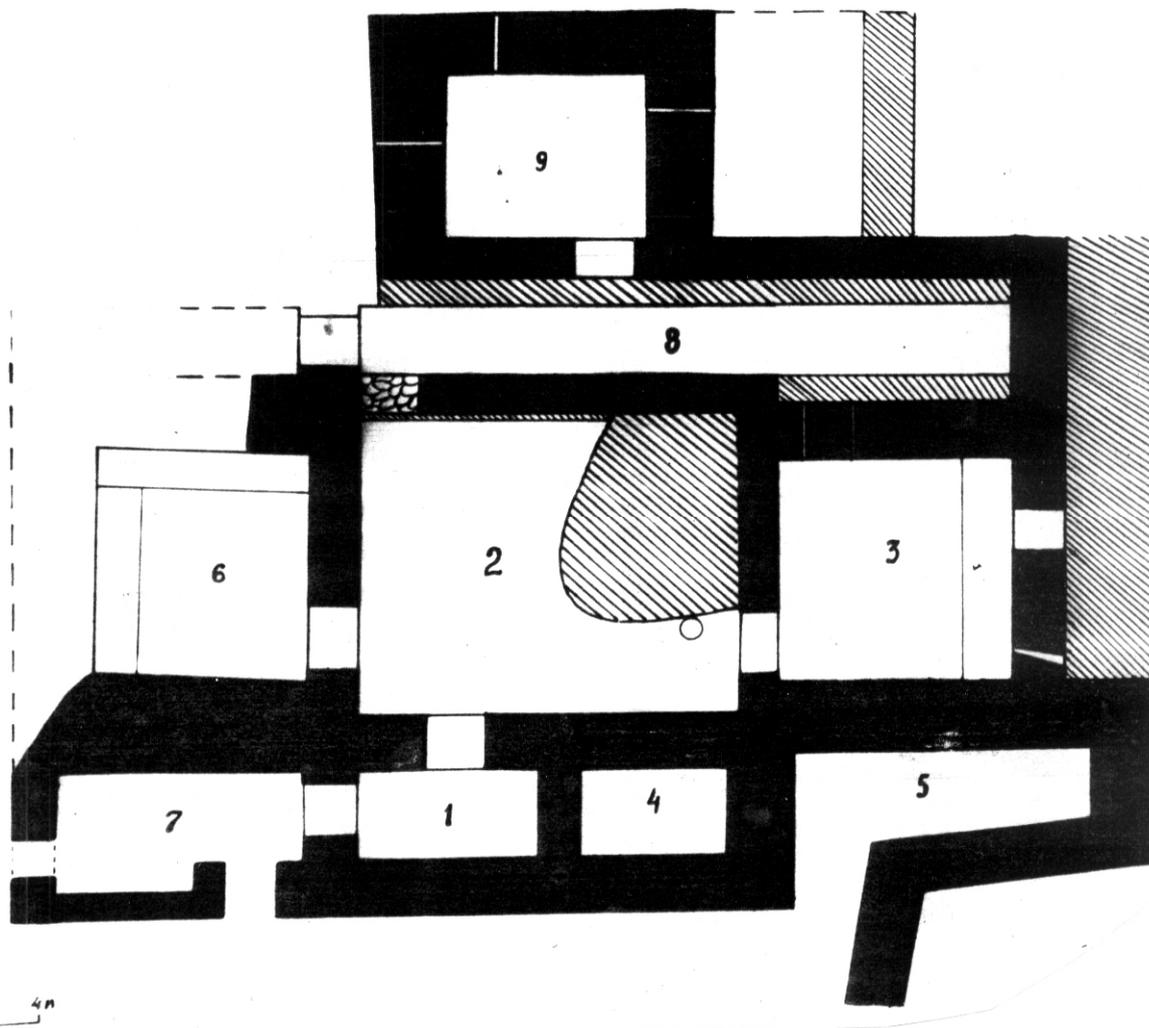
Мазкур комплекслар хоналари асосан икки хил-гумбазли ва кўндаланг ётқизилган болор-тўсинлар ёрдамидаги текис том усулида ёпилган. Биринчи усулда асосан тор йўлак ва кичик ҳажмли хоналари томи ёпилган бўлса, кўпроқ қўлланилган иккинчи усулда катта уйлар, икки қаватли хоналар усти ёпилган. Жиззах воҳаси бинокорлари меъморчиликнинг мазкур икки усулини ҳам яхши ўзлаштиришган. Болор томли уйларни кўплигидан ўша даврларда ёғоч муаммоси яхши ҳал этилганини, бу масалада яқинда жойлашган Туркистон, Морғузор, Нурота тизмалари ўрмонзорларидан кенг фойдаланилганини англаш мумкин.

Хоналар лойиҳаси. Бизнинг кузатишларимизча, Пардакултепа 3-қурилиш тўғривоғи қайта қурилиш даврини босиб ўтган. Дастлабки қурилиш ядроси бўлиб, 1,2,4,6,7-хоналар ўрни хизмат қилган. Фикримизча, 1,2,4-хоналар бу даврда битта яхлит катта хона бўлган. Мазкур хонанинг шарқ ғарб деворларида эшик ўрни мавжуд бўлган, 6,7,-хона яхлит бўлган ва жанубий девордаги эшик орқали ховли қисми билан боғланган (3-4 расм).

2-қурилиш даврида марказий комплексни шимоли-шарқий қанотларида қурилиш ишлари давом эттирилган. Шимолий қисмдаги "ўқ" коридор орқали мазкур қурилиш комплекси тенг бўлмасда иккига бўлинган. "ўқ" коридорнинг шимолий қанотида ҳозирча фақат битта 9-хона очилган бўлсада, микрорельефнинг кўрсатишича бу иморатларни яна давоми бор. Шимолий қисм хоналари жанубий хоналар билан 8-хона тор "ўқ" коридордан 2-хонага очилган эшик орқали боғланган. Шунингдек, бу даврда шарқий томонда яна бир уй, 3-хона қурилган.

Мазкур хона марказий 2-хона билан аввал мавжуд бўлган ғарбий эшик орқали боғланган

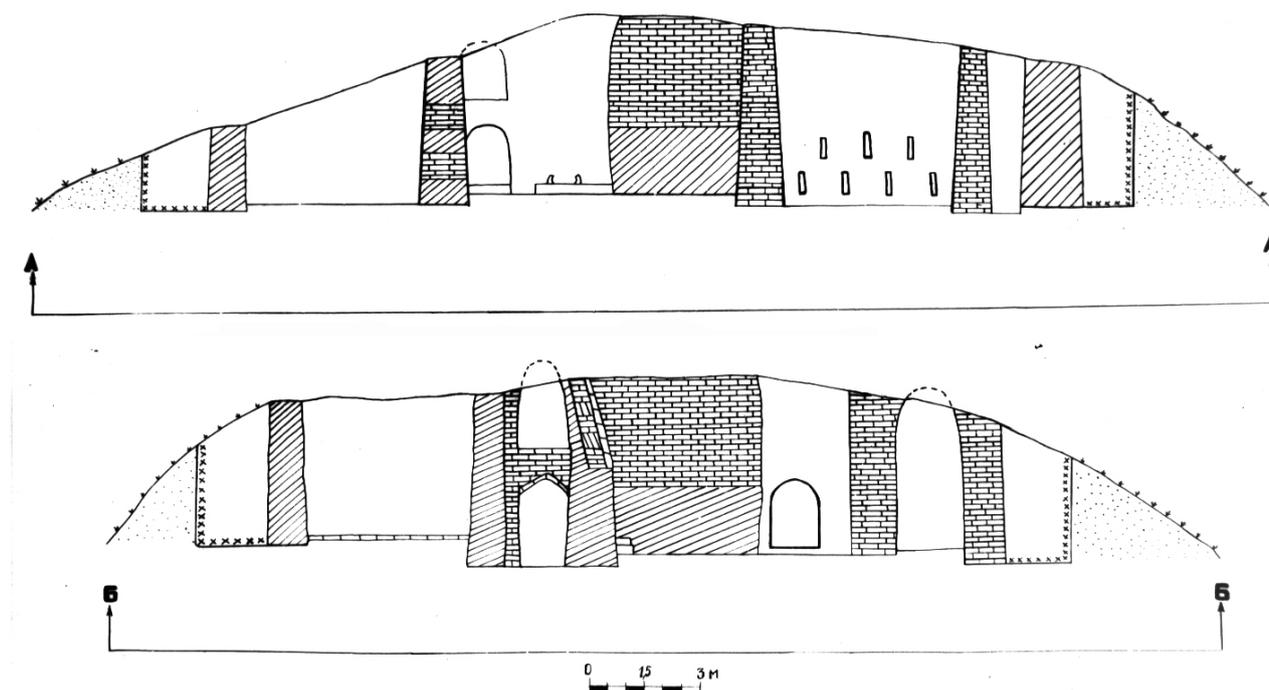
бўлсада жанубий деворда қалъа ҳовлисига олиб чикувчи яна бир эшик қурилган.

Расм 3. Пардакултепа қалъаси плани

3-қурилиш даврида илк қурилиш ядроси ҳисобланган катта хона ичида қўшимча жанубий девор қурилган ва битта катта хонадан учта хона ҳосил қилинган. Шунингдек, 6,7 хоналар ҳам қалин девор билан иккига ажратилган. 2,3,6 хоналарни иккинчи қавати қурилган ва фикримизча айнан шу мақсадда хоналар кичрайтирилган. Мазкур қўш қаватли уйларни иккинчи қаватига чиқиш учун 5-хонанинг жанубга, яъни >>>>ҳовлига қараб пасайиб борган >>"кўтарма йўлак" хизматини бажарган энли деворидан фойдаланилган. Фикримизнинг далили сифатида айтишимиз мумкинки, айнан 5-хонадек тор 1-4-хоналар томи гумбаз билан >ёпилган бўлса, 5-

хона томи текис усулда ёпилган. Шунингдек 3-хонанинг жанубий эшиги уриб ташланган. Мазкур 3-қайта қуриш назаримизда қалъада ҳаёт 2-қурилиш давридан сўнг, қисқа тўхтамдан кейин амалга оширилган. 1,3,6-хоналар ўқ отар шинақларини уриб ташланиши бу даврни бир мунча сиёсий барқарорликка эришилган эфталитлар даври деб тахмин қилиш имконини беради. 2-хона ичидаги ярим айланасимон монолит минора ҳам шу даврда қурилган бўлиб, фикримизча у том маънода икки қаватли уйларни баланд деворлари хавфсизлигини таъминлаш ҳамда кузатув пункти бўлиб хазмат қилган.

Расм 4. Пардакултепа қалъаси планини қирқим кўриниши

Сангзор дарёси билан боғлиқ суғорма деҳқончилик мавзеларида илк қалъа, рабодлар қурилиши, ривожланиши, улардаги меъморчилик анъаналари уй-жойлар лойихасида режалаштириш масалаларини ўрганиш мақсадида Қинғиртепа, Алмантепа I-II ёдгорликларида дастлабки тадқиқотлар ўтказилган эди. (5, 1988, 66-75-б); (6, 1990, 147-159-б). Бу тадқиқотлар натижаси нашр қилингани сабабли бу хусусда Пардакултепа ва Комилбоботепа қалъаларидан олинган сўнгги маълумотлар билан чекланамиз.

Демак, Сангзор ҳавзаси қалъа-рабодлари қурилишининг ҳозирча илк босқичи ҳисобланаётган IV асрга тааллуқли Пардакултепа (шурф маълумотлари бўйича Расулбойкултепа III асрга тааллуқли) иморати режаси марказдан ўтувчи умумий тор йўлак (коридор) ва унинг икки томонида жойлашган қарама-қарши хоналардан иборат. Кейинги давр VII-VIII асрларда шимол-ғарбий Уструшонада, хусусан, Қинғиртепада бу режалаштириш усули анъанавий тарзда давом эттирилади ва баъзи бир муваффақиятли ўзгартиришлар ҳам киритилади. Хусусан, Алмантепа I ёдгорлигида марказий йўлак сақланган ҳолда, барча хоналарни ўраб олувчи айланма йўлак пайдо бўлган ва бу орқали иморатнинг ички мудофаа қудрати янада кучайтирилган (7, 1992, 62-63-б).

Араб истилоси арафасида Суғд ва Уструшонанинг қурилиш меъморчилигида В.А.Лавров таъбири билан айтганда "энг оддий ва энг қулай

режалаштириш усули "ёнма-ён жойлашган "тароксимон йўлаклар" комплекси ҳам тарқалган. Ушбу режалаштириш усули узок сақланган бўлсада ҳеч қачон Ўрта Осиё учун анъанавий тусни олмаган. В. А. Воронинанинг таъкидлашича, Суғд, Уструшона, Сирдарёнинг юқори оқими учун "тароксимон йўлаклар" режаси нотаниш бўлмасада Хоразм воҳаси учун мутлақо бегонадир. (8, 1950, 190-б). Шу сабабли бўлса керак, Комилбоботепа қалъаси режалаштириш усулида маълум даражадаги "курама" ҳолатни кўрамиз. Бу комплексдаги 4-5-хоналар тароксимон йўлакларни эслатса, 1,3,4,7,8-хоналар айланма йўлакка ўхшаб кетади. Комилбоботепада марказий ўқ йўлаги мавжуд бўлмаган.

Классик тоифадаги тароксимон йўлакларни Алмантепа II комплексида кўрамиз. Бу иморат 6 хонадан иборат бўлиб, хоналарнинг узунлиги 9,75м, эни 2,30м. Таъкидлашимиз жоизки. Сангзорнинг ўрта оқимидаги (Ғаллаорол) қалъалар қурилишида мазкур жой рельефи (табиний тепалик, жарлик, тик қирғоқ...) ҳисобга олиниб, иншоотнинг мудофаа фаолияти учун мувофиқлаштирилган бўлса бундай ҳолни Жиззах воҳаси ёлгорликларида ҳамма вақт ҳам учратавермаймиз. (9, 1995).

Шундай қилиб, шимол-ғарбий Уструшонада очиб ўрганилган қалъалар даврий санаси IV-VIII асрлар билан белгиланади. Бу қалъа-рабодларда меъморчиликни ўзига хос анъаналари ва режа-

лаштириш эволюцияси кузатилади. IV-VI асрларда марказдан ўтувчи "ўқ" коридор кенг қўлланилсада, VII-VIII асрларда "айланма йўлакчи" иморатлар расмга киради. Шунингдек,

1. Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в.н.э. // МИА, №37, М-Л, 1953. с. 231-252.

2. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв). - Т., "Наука", 1966, -333с.

3. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М-Л., Изд-во. АН СССР, 1948-323с.

4. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. - Д., "Дониш", 1988-283с.

5. Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х., Замок Кингиртепа. // ИМКУ. Вып. 22-1988. -Т., с.66-75.

VII-VIII асрларда "тароксимон йўлак"лар комплексида ташкил топган Суғд ва Уструшога хос бўлган режалаштириш усули ҳам ҳаётга тадбиқ этилади.

6. Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х. Раскопки верхнего здания Алмантепа. // ИМКУ. Вып. 23- 1990. Т., С. 147-160.

7. Пардаев М. Санзор хавзасининг илк ўрта аср қалъа-работлари. // Ўзбекистон қадимда ва ўрта асрларда. Маър баёни. Самарқанд. 1992., 62-63-б.

8. Воронина В.Л.Изучение архитектуры древнего Пенджикента. // МИА. Вып. 15, М-Л., Из-во АН СССР, 1950, 190с.

9. Пардаев М. Северо-Западная Уструшана в эпохи раннего средневековья (по материалам нижнего течения р.Санзар). Автореф. дисс. на соис. уч. степ. канд. ист. наук. Т-1995.

Ш.Р. ПИДАЕВ

КУХОННАЯ ПОСУДА ТЕРМЕЗА XII-НАЧАЛА XIII ВВ

Средневековое ремесленное производство Термеза до сих пор никем специально не рассматривалось. Это объясняется крайне плохой изученностью ремесленных кварталов и вообще средневековых слоев города. Материалов, посвященных данной теме, было очень мало, они не позволяли с достаточной полнотой рассматривать этот важный вопрос, играющий не последнюю роль в изучении структуры городского организма Термеза. В последнее время это положение начало быстро меняться к лучшему. Термезский археологический отряд Института археологии АН РУз в настоящее время широко исследует средневековые слои и свойственные им объекты. Раскопочные работы ведутся непосредственно и в производственных участках города, в квартале керамистов и металлистов. Накоплен довольно богатый археологический материал, позволяющий осветить многие стороны ремесленного производства средневекового Термеза и его продукции.

В данном небольшом сообщении рассматривается один вид продукции средневековых ремесленников Термеза - кухонная посуда. Изучение ее, с одной стороны, определяет диапазон деятельности средневековых ремесленников, их профессиональный уровень, культурные контакты, а с другой - освещает некоторые стороны повседневного быта горожан. Как известно, традиционное изготовление посуды было прерогативой каждой семьи; как правило она была лепная. Найденная же в Термезе кухонная керамика в подавляющем большинстве случаев изготовлена на гончарном круге и является продукцией ремесленников-кулолов.

Кухонная посуда средневековой Средней Азии изучена далеко не равномерно. Материалы одних центров исследованы сравнительно хорошо, им посвящены отдельные статьи и сообщения. Особенно это относится к кухонной керамике Ферганы, в частности Ахсикета, Кувы (1, с.125-133; 2, с.146-151; 3, с.13; 4., с.158-162, 5, с.) и Карабулака (6. с.49-58), и Афрасиаба (7, с.42-52). Относительно слабо изучен аналогичный материал Хорезма (3, с.310-317), Шехр-Ислама (9, с.17-18), Северного Казахстана (10, с.158-163), ? (11, с.95-98) и Отрара (12, с.94-101). Исследователи находок из этих памятников, в основном, ограничивались кратким описанием или

только констатировали их наличие. Кухонная керамика средневекового Термеза еще никем не рассматривалась.

Представленная здесь кухонная посуда Термеза в основном была найдена при раскопках караван-сарая, расположенного в северной части рабада, в хозяйственно-жилом комплексе и в двух керамико - обжигательных печах. Материал довольно богатый и разнообразный, что и побудило посвятить ему специальное сообщение. Здесь были в большом количестве обнаружены различные котлы, кумганы, сковороды, крышки (помимо керамических котлов, - каменные и бронзовые).

Наиболее разнообразны и многочисленны керамические котлы. Их 136 экземпляров. К сожалению, многие из них представлены фрагментами, однако есть более десятка целых и археологически целых сосудов, которые позволяют восстановить их формы и классифицировать их. Отдельные образцы были подвергнуты химико-технологическому анализу, который показал, что основным материалом для изготовления котлов был лёсс и различные отощители (последние предохраняли котел при нагревании от растрескивания и деформации из-за колебания температуры). Такой состав придавал массе жаростойкость и пластичность, благодаря которой термезским кулолам удавалось изготавливать довольно сложные по форме котлы. Большинство экземпляров характеризуются изяществом и высоким качеством. В изготовлении котлов термезские кулолы добились определенной стандартизации форм. Многие из рассматриваемых нами котлов идентичны, унифицирована даже профилировка венчиков. Все это указывает на высокий профессионализм кулолов. Независимо от характера продукции, - будь она парадной посудой или повседневной кухонной, мастера уделяли ее изготовлению большое внимание. Ответственность была одинаковой. Естественно, в этом не последнюю роль сыграла товарность производимой продукции и конкуренция. Почти все представленные здесь котлы покрыты светлым, черным, красным или сероватым ангобом. Значительная часть их поверх ангоба украшена расписным орнаментом. Почти все они были использованы по назначению, о чем свидетельствуют следы копти на стенках.

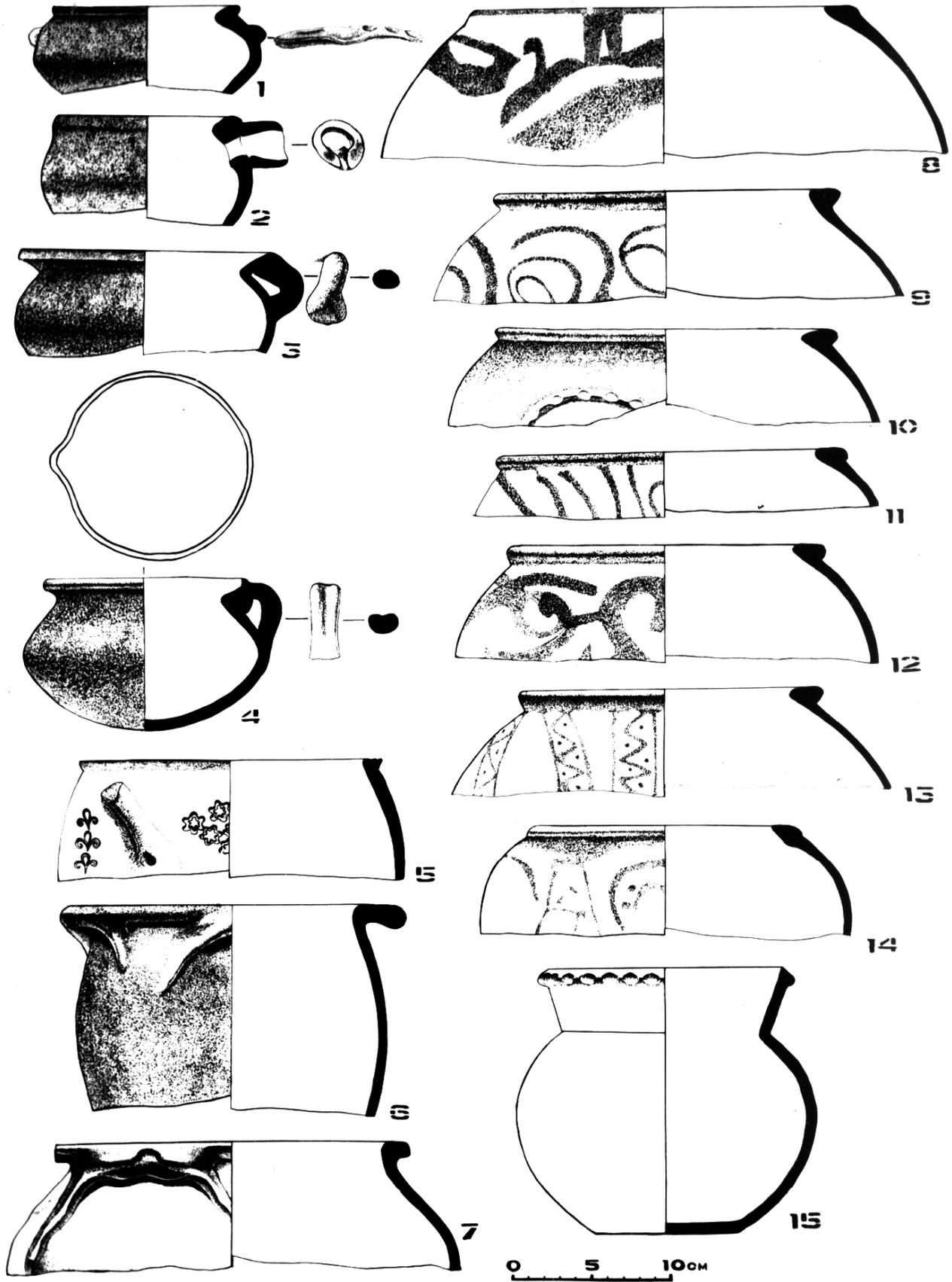

Рис. 1.

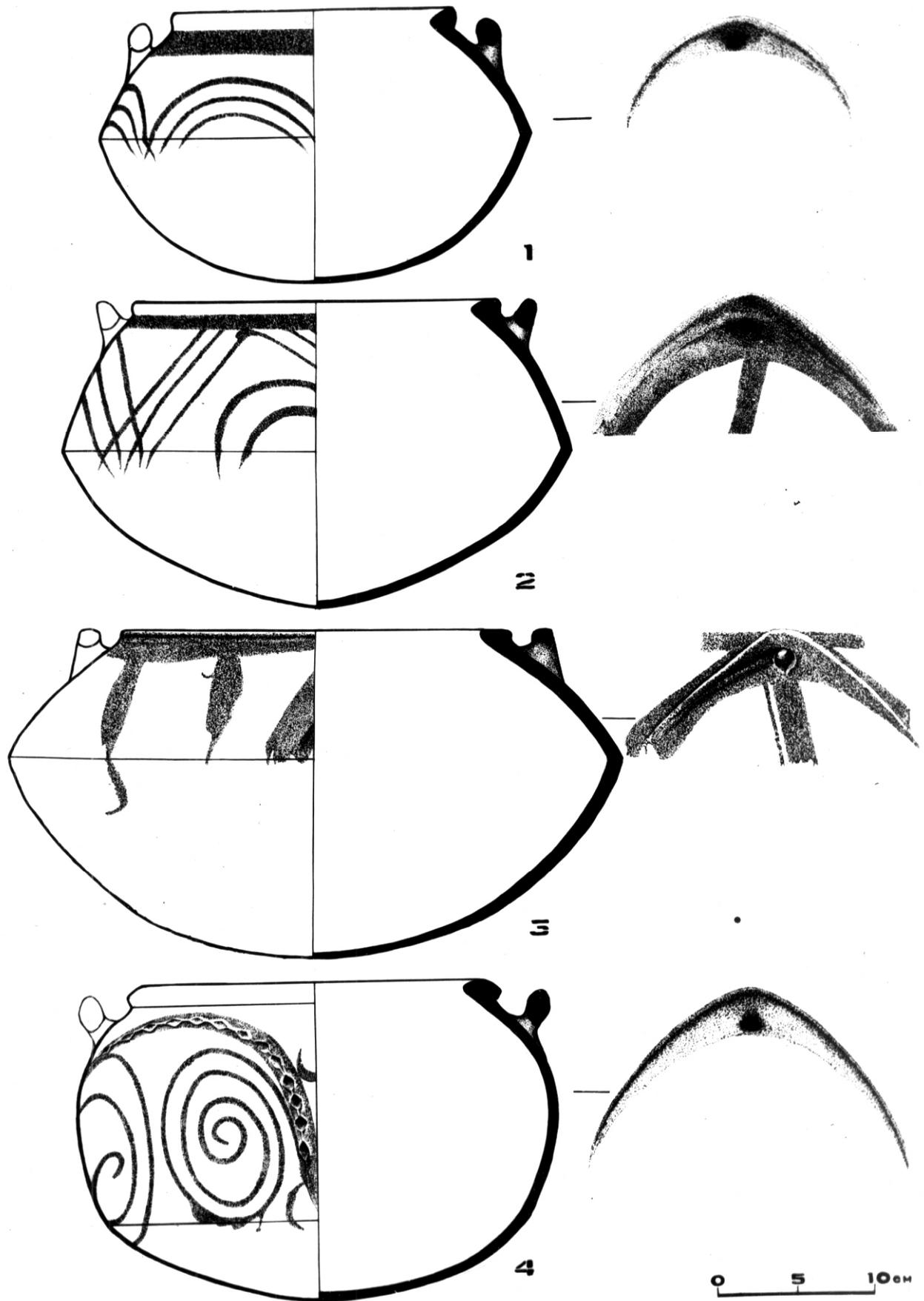

Рис. 2.

Керамические котлы подразделяются на четыре типа (есть варианты).

Первый тип наиболее распространенный (рис. 1, 6-13; рис. 2, 1-3), к нему относятся 70% общего количества. Котлы этого типа имеют подтреугольный в сечении венчик, тулово сфероидной формы. Как правило, в середине стенки тулова бывает излом. У одних он более выразительный, у других менее. К верхней части сосуда, ближе к горловине или под венчиком, прикреплена ручка подковообразной формы. Место прикрепления ее к тулову тщательно сглаживалось. На многих ручках сохранились следы пальцев. В центре ручки - отверстие, чтобы было удобно за нее браться. Обычно каждый котел имеет две такие симметрично установленные ручки, форма которых варьирует. Толщина стенок котлов колеблется от 4 до 8 мм. Верхняя часть относительно толстая, нижняя - утонченная. Это, видимо, способствовало быстрому нагреванию котла, т.е. ускоряло приготовление пищи и, следовательно, позволяло экономить топливо. Подавляющее большинство котлов этого типа поверх светлых ангобов украшены росписью, она выполнена темно-красной и оранжевой красками. Как обычно, украшалась горловина, ручка и верхняя часть котлов. Наиболее широко представлена роспись в виде полос, спиралей, волнистых линий. К сожалению, во многих случаях она, ввиду фрагментарности сосудов, не поддается описанию.

Ниже предлагается краткая характеристика четырех котлов, три из которых были археологически целыми.

Первый котел имеет подтреугольный в разрезе венчик, причем острая сторона треугольника обращена вверх и в сторону, тулово сфероидной формы (рис. 2, 1) с изгибом в центральной части; у горлышка - две симметрично расположенные ручки подковообразной формы с отверстием в центре. Горловина котла украшена круговой росписью в виде широкой полосы, ниже ее по всей окружности идет орнамент-тройные параллельные дугообразные полосы, концами обращенные вниз (по кругу расположено шесть таких полосок). Роспись выполнена красной краской. Высота котла - 18 см, диаметр венчика - 18 см, наибольшая ширина 27, 5 см.

Второй котел формой подобен первому. Донце у него слегка заостренное. Горловина этого котла также украшена широкой круговой полоской, от нее опускаются тройные параллельные прямые линии направленные в разные стороны, они: образуют как бы треугольники, между которыми изображены параллельные ду-

гообразные линии. Роспись нанесена красно-коричневой краской. Высота котла 20,5 см, диаметр венчика - 23 см, наибольшая ширина - 2 см.

Третий котел по форме идентичен двум вышеописанным (рис. 2), но намного крупнее их. Подтреугольный венчик обращен вовнутрь. Этот котел также был расписан красноватой краской. Горловина котла украшена росписью в виде широкой полосы, от которой идут вниз мазки неправильных очертаний. Роспись покрывает и ручки, как бы подчеркивая их форму. От центра ручки до изгиба на тулове опускается широкая полоска. Высота котла - 21,5 см, диаметр венчика - 4,5 см, наибольшая ширина - 39 см.

Четвертый котел сохранился частично (рис. 1, 13). Горловина его также была расписана широкой полоской, от которой опускаются параллельные линии, а между ними зигзагообразный орнамент с точками.

Роспись других котлов этого типа не поддается описанию ввиду их плохой сохранности. Можно лишь отметить, что наиболее распространен орнамент в виде вертикальных, горизонтальных полос и спиралей.

Второй тип - котлы с шаровидным туловом, слегка сдавленным сверху и снизу (рис.1, 14; рис.4). По форме они очень близки к котлам первого типа, поэтому их различить удастся лишь при хорошей сохранности. В коллекции есть только один археологически целый котел этого типа. Он имеет шаровидное тулово, венчик дискообразной профилировки (рис, 2.4). К верхней части тулова прикреплены две симметрично расположенные ручки дугообразной формы. Тулово котла расписано спиралевидным орнаментом, с которым сочетается жгутообразный рельефный налп. Высота котла - 20,8 см, диаметр венчика - 22 см, наибольшая ширина - 30,5 см.

Эти два типа котлов наиболее характерны. Причиной их широкого распространения было, видимо, изящество формы, красочное оформление, а также дешевизна.

Третий тип - котлы горшкообразной формы. Они встречаются редко. Изготавливались они из лёсса с небольшим количеством кварцевого песка. У горшкообразных котлов плоское донце, тулово шаровидное, горловина слегка расширяется к венчику. Последний в сечении имеет подтреугольную форму (рис.1,15). Венчик одного из таких котлов украшен пальцевыми вдавлениями. Котлы этого типа обычно покрыты красно-коричневым ангобом.

Четвертый тип составляют котлы цилиндрической формы. Котлы этого типа в Термезе встречаются довольно часто. По форме венчика

различаются два варианта. В первом варианте котлы имеют выпуклое дно, стенки слегка округлены в центре тулова и заканчиваются "Г"-образным венчиком (рис.1, 6-7). У одних "Г"-образные венчики более выразительны, у других менее. Такие котлы покрывались плотным черным, реже красно-коричневым ангобом (иногда краски сочетаются). Как правило, котлы первого варианта снабжались двумя симметрично расположенными подковообразными ручками, однако - в отличие от ручек двух первых типов имеющими неправильную форму. Прикреплялись они к горловине на уровне венчика, поэтому их верхняя грань была на одной линии с венчиком, образуя как бы широкий горизонтальный бортик. Ручки котлов очень удобны для пользования. Встречались отдельные фрагменты котлов этого варианта с четырьмя такими ручками (в данном случае, видимо, уже игравшими и декоративную роль).

Второй вариант этого типа котлов представлен пока одним экземпляром (рис. 1,5). У него также цилиндрическое тулово, слегка выпуклое в центре, венчик почти прямой. Судя по сохранившимся частям, ручки котла были тоже подковообразными, но они изготовлены из круглой в сечении глиняной колбаски. Концы ручек сглажены. Котел был покрыт красно-коричневым ангобом. Стенки его были украшены штампованным орнаментом в виде шестигранной розетки и стилизованных изображений цветка.

Аналогии вышеописанным типам котлов встречаются среди материалов ряда памятников в Средней Азии, датируемых X - началом XIII в. В частности, схожие котлы известны среди находок в Ферганской долине (2, с.146-151; 5, с.40-44, 6, с.52-58), в Самарканде (7, рис.2; 13, с.81-82; 14, 36-37; 15, с.153-154), 16, табл. XXXVII), в Шехр-Исламе (9, с.144), в городах Хорезма (3, с.310-313), в Бинкете (11, с.100) и во многих других местах. Наиболее близки термезские котлы тем, что найдены в памятниках Кашкадарьи X-XII вв. (17, с.101-102; 18, с.103). Их объединяют не только форма сосудов, но и форма ручек, техника обработки поверхности и мотив орнамента. Более всего схожи они с котлами, датируемыми XI - началом XIII в. Вместе с тем, термезские котлы имеют и ряд отличительных черт. Например, в памятниках Ферганы XI-XII вв. широко представлены открытые котлы полусферической формы, с вертикальной ручкой, закрепленной на широком горизонтальном венчике. (2, с.146-147, рис. 1-3), кроме того кольцевой поддон. В Термезе подобных котлов

вообще нет, по крайней мере они археологам не известны. Не исключено, что эти ферганские котлы имитировали бронзовые котлы, распространенные в этот период. Профилировкой венчиков термезские котлы также отличаются от котлов других регионов. У ферганских котлов обычно украшалась донная часть и венчики, преобладает процарапанный орнамент (2, с.149). Для термезских котлов это не совсем характерно: здесь, как мы уже отмечали, был более распространен расписной орнамент, причем украшалась верхняя половина сосуда. Котлы с процарапанным орнаментом в Термезе единичны.

Возможно, это связано с хронологической разницей. Процарапанный орнамент более характерен для котлов IX-X вв., в частности из Самарканда (7, с.45). Техника обработки поверхности особенно сближает термезские котлы с сосудами из Алтынтепа и ряда других памятников Кашкадарьи X-XII вв. (17, с.101-102).

Появление расписных котлов в средневековом Термезе в настоящее время трудно объяснить однозначно, характерно то, что здесь расписаны только котлы. Такая же картина наблюдается и на Алтынтепа, где среди комплекса керамики XII-начало XIII вв. только котлы украшены росписью (17, с.101), хотя в X-XI вв. ассортимент расписной посуды был шире. Их находили как в городских центрах, так и в сельских поселениях. По мнению С.В. Луниной, роспись котлов осуществлялась с целью оберегания готовившейся в этих котлах пищи, или же расписные котлы были предназначены для приготовления специальных видов пищи к праздникам, в частности к "Наврзу" (17, с.106). Нам представляется более близким к истине первое предположение. Во-первых, расписные котлы, судя по данным для Термеза, были очень широко распространены. Если бы они предназначались только для специальных блюд, их количество было бы не очень большим. Подобные блюда готовились не каждый день, следовательно не было надобности в таком количестве посуды для них. Во-вторых, обязательно покрытие росписью горлышек и ручек котлов, видимо, было не случайным: это и служило как бы оберегом для пищи. Если это действительно так, то мы получаем ответ и на вопрос, почему только котлы расписывались в XII-XIII вв., а остальные формы расписной керамики к этому времени исчезли. Представление о сбережении готовившейся в котле пищи (которая, видимо, считалась священной) оказалась наиболее долговечным. Пищу сберегали даже от прикосновения рук человека. Поэтому ручки котлов, как правило, также покрывали красной краской: этим как

бы производили их очищение. В Термезе особенно широко были распространены росписи в виде спиралей, полосок, зигзагов, точек и параллельных дугообразных линий. Такие же типы орнамента характерны и для котлов Кашкадарьи. Но там компоновка этих росписей выполнена по-иному. По мнению С.В. Луниной, спирали и полоски, внутри которых заключена волнистая линия с точками по сторонам, символизировали воду, водный поток (17, с.105). Спираль олицетворяет богиню воды Анахиту (10, с.51). Не вдаваясь в подробности относительно ассортимента расписной керамики, характера сюжетов и их символики, отметим, что расписывание сосудов было связано с доисламскими культовыми обрядами (20, с.14). Видимо, этим и объясняется относительно большое распространение таких сосудов в контактных зонах и в горных поселениях, где из-за определенной географической изоляции эти обряды сохранились значительно шире, чем в городских центрах. В горных районах они дожили и до наших дней (21, с. 74-83). Появление их в X-XII вв. в больших городах, на наш взгляд, связано с переселением туда большого контингента сельского населения из горных районов. Такое предположение впервые было высказано Б.А. Литвинским (22, с.62). и поддержано Г.А.Пугаченковой и Л.И. Ремпелем (23, с.209). Первоначально среди переселенцев приверженность к старым обрядам было значительно, но со временем они стали постепенно забываться под мощным влиянием исламских обрядов.

На Афрасиабе, Ахсикете и в ряде других памятников найдены глазурованные котлы. В Термезе подобные котлы еще не встречались.

Крышки представлены более чем сотней экземпляров, предназначенных только для котлов. Кроме того, здесь в огромном количестве найдены крышки крупных размеров для хумов и маленькие для кувшинов. Здесь мы будем говорить только о крышках котлов, так как рассматривать весь неглазурованный материал, включая тарную и хозяйственную посуду, не входит в нашу задачу.

Крышки описываемой группы разделяются на три типа.

Первый тип - наиболее распространенный (рис.1, 1-4). Это плоские крышки с рельефным бортиком. В центре крышки расположена ручка в виде шишки довольно сложной профилировки. У одних центральная часть ручки выпуклая, у других углубленная. Как правило, бортики украшались процарапанным волнистым, фестончатым, каплевидным орнаментом или просто пальце-

выми вдавлениями. Ручки также орнаментировались. Пространство между бортиком и ручкой, как обычно заполнялось волнистыми прочерченными линиями или зигзагом, реже процарапанными параллельными штрихами. На тыльной стороне всех крышек сохранились следы песчаной подсыпки. Диаметр крышек колеблется от 17 до 30 см при толщине 8-12 мм. Эти крышки делались из лёсса с небольшим включением песка.

Второй тип: крышки имеют вогнутые полу-сферические стенки с шишкой-ручкой посередине (рис.3). Их здесь встречали в небольшом количестве. Эти крышки-обычно не орнаментировались, но благодаря вычурной профилировке, они очень красивы.

Третий тип крышек на городище Старого Термеза встречается довольно редко (рис.3). Они изготовлялись на гончарном круге. Имеет полу-сферическую форму, венчик отогнут наружу, ручка дискообразная. Эти крышки по форме очень напоминают перевернутую чашу с раскинутым бортом.

Крышки второго и третьего типов обычно изготовлялись из глины без примесей каких-либо отошителей. Так как глина пластична, они очень изящны по форме, чего нельзя сказать относительно крышек первого типа: последние уступают по количеству крышкам второго типа, хотя они также делались на гончарном круге. Возможно, это связано с тем, что материал для крышек первого типа включал отошители. Эти крышки часто не совсем ровны. Не последнюю роль, видимо, в этом сыграл характер их обжига: обычно они обжигались в печах с очень жаростойкими и толстостенными сосудами. В частности, в Термезе нами была раскопана печь, где обжигались сфероконусы, тагара и крышки. Как известно, для обжига сфероконусов требуется очень высокая температура, это считается довольно сложным процессом. (24, с.417), доводящим тесто изделий до полного перегорания. Видимо, в результате этого, крышки подвергались деформации.

Ареал вышеописанных типов крышек довольно широк. Они известны из всех средневековых памятников Средней Азии и за ее пределами. Однако не всегда они удостоиваются внимания исследователей, которые часто ограничиваются лишь упоминанием об их наличии. Возможно, это результат устоявшегося мнения о консервативности крышек и, следовательно, малой их информативности для решения вопросов, связанных с материальной культурой и хронологией. На наш взгляд, это мнение ошибочно: крышки являются полноценными артефактами. Сопос-

тавление крышек из Термеза и из других памятников показывает ряд различий. Например, ручки плоских крышек из Карабулака имеют совсем другую профилировку; здесь часто встречаются расписные крышки (6, с.50-52), а с прочерченным орнаментом представлены одиночно, в Термезе же этот орнамент считался самым излюбленным и распространенным. Такие же крышки, как термезские, найдены на городище Ахсикет (4, с.160). К сожалению, в имеющихся публикациях иллюстрации отсутствуют, а описаны орнаменты очень кратко. Аналогичные крышки известны и из памятников Ташкентского оазиса (1, с.96-98), орнамент их несколько отличается от термезского. Подобные крышки обнаружены на Кавардане (25, с.94) и Намудлыге (25, с.146), в большинстве случаев они окрашены в красный цвет и даже имеют лощение. В

Термезе же крышки с красным ангобом пока не встречались. Хорезмские крышки украшены обычно темно-серым ангобом (3, с.315). Плоские крышки, несколько иные по форме и декору, найдены на Алтынтепа в Кашкадарьинской области (18, рис.15), датируются они X-XI вв. Плоские крышки широко представлены среди керамических материалов XII-XIII вв. из Отрара (12, с.100-101), но они оформлены более разнообразно. Подавляющее их большинство украшает различный прочерченный и штампованный орнамент. Крышки со штампованным орнаментом встречаются и в Термезе, но здесь им украшены плоские крышки крупных размеров, обычно предназначенные для хумов. Также и в Отраре они встречаются преимущественно на крупных крышках.

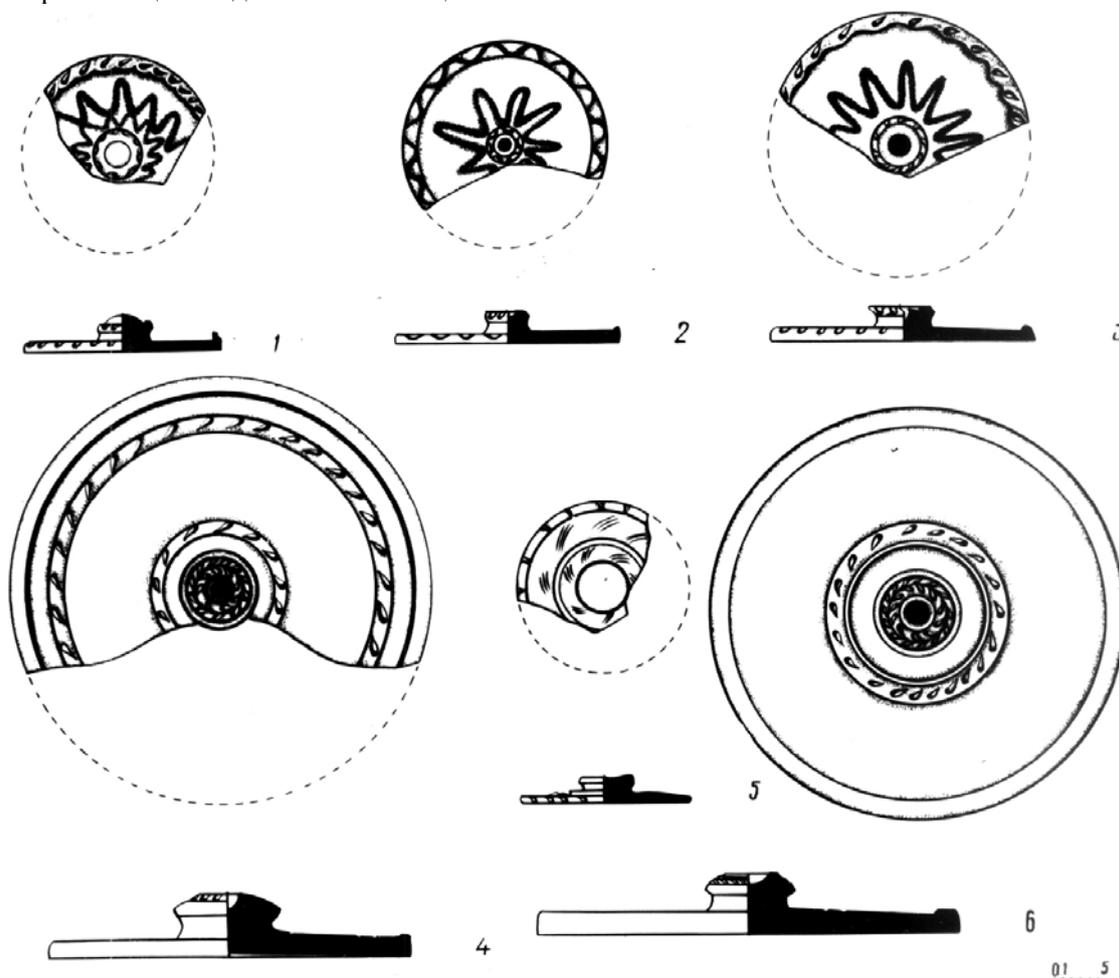

Рис.3.
Рис.3.

Крышки второго типа в довольно большом количестве найдены в слоях IX-X вв. Афрасиаба (15, табл. VIII), схожие с ними добыты и на городище Пайкенд в тех же слоях (27, с.167).

Крышки этого типа являются частыми находками и в соседнем Балхе, причем здесь обнаружены даже экземпляры с орнаментом, что встречается крайне редко (27, в.VII). Судя по аналогии, крышки этого типа более характерны для X-XI

вв., однако продолжают бытовать и в более позднее время, но количество их резко сокращается. Видимо, этим обстоятельством и объясняется малочисленность этих крышек в Термезе.

Крышки третьего типа также имеют много общего с материалами Ташкента (11, с.97-98) и Южного Казахстана (12, с.94-95). Однако в отличие от термезских они преимущественно лепные и оформлены весьма красочно и декоративно. Здесь встречаются врезные, барельефные и вдавленные орнаменты. Возможно, это влияние кочевнической культуры. По крайней мере, топография этих крышек показывает, что они, в основном, широко представлены в памятниках, расположенных в контактных зонах. В крупных городских центрах они не получают широкого распространения. Даже этот краткий сопоставительный анализ показывает, что термезские крышки имеют много общего с материалами других памятников, датируемых IX-XIII вв., но много и отличительных черт. В одних случаях это, возможно, связано с хронологической разновременностью этих материалов, а в других - с локальными особенностями каждой керамической школы. Это довольно отчетливо выражается в оформлении крышек. Нам удалось установить отличительные признаки, выраженные в декоре крышек, внутри материалов самого Термеза. Этот отличительный признак вызван тем, что они являются продукцией разных мастерских. Оказывается, у каждого кулола были свои излюбленные мотивы, характерные только для него. При этом, конечно, он подбирал орнаментальные мотивы для каждой формы. Здесь даже улавливалась разница в почерке нанесения одного и того же орнамента. В частности, крышки, изображенные на рис. 3, 3, были изготовлены и обожжены в керамической печи, раскопанной к юго-западу от караван-сарая. Этих крышек здесь обнаружено 12. Орнамент у всех идентичен. Крышки, изображенные на рис. 3,1-2, были изготовлены кулолом, печь которого находилась за пределами северных обводных стен. Их здесь обнаружено 27. Борт крышек первого кулола украшен волнистым орнаментом, а второго - кольцевыми насечками. Следует отметить, что эти печи дошли до нас полностью загруженными и эти крышки были найдены в обжигательных камерах. Крышки, изображенные на рис. 3,4, обжигались в керамической печи, расположенной в северо-восточном углу караван-сарая, за пределами его наружной стены. Эта печь принадлежала владельцу караван-сарая, и в нем чаще встречались крышки, оформленные именно этим узором.

Кумганы были предназначены для кипячения воды. Они известны здесь в довольно большом количестве и представлены двумя типами.

Первый тип - наиболее распространенный. Найдено более десятка археологически целых кумганов этого типа. Они имеют сфероидное тулово, широкую, невысокую горловину, венчик отогнут наружу. На основании отдельных признаков их можно разделить на три варианта.

Первый вариант - кумганы с рельефными на лепными ручками в виде ленточки у горлышка (рис. 1, 1). Второй вариант - носик у горлышка (рис.1,2). Третий вариант - кумганы с петлеобразной ручкой, один конец которой прикреплен к тулову, а второй к горлышку, под венчик. Место прикрепления тщательно сглаживалось (рис. 1,3-4). Носика нет, но для удобства выливания кипяченой воды одна сторона венчика слегка приплюснута пальцем, образуя как бы канавку. Как правило, кумганы этого типа сделаны из лёсса с примесью небольшого количества кварца или дресвы; встречены и сероглиняные. Обычно они изготовлены на гончарном круге.

Кумганы второго типа лепные. У них цилиндрическое тулово, слегка сужающееся к венчику. Донце плоское. Имеют петлеобразную ручку в верхней части сосуда. Этот тип пока представлен единичными находками. Кумганы также относятся к наиболее распространенным формам кухонной посуды. Однако они в литературе крайне плохо освещены. Нам известны лишь отдельные статьи, где приводится их описание (6, с.132; 4, с.158; 7, с.50). Сопоставление термезских кумганов с кумганами Ферганы и Афрасиаба показывает, что они резко различаются по форме: ферганские экземпляры схожи с кувшинами, а для Афрасиаба характерны цилиндрические.

Таким образом, как показывает сопоставительный анализ, производство кумганов в Термезе развивалось несколько иначе, чем в других центрах.

В средневековом Термезе, помимо керамических, широко бытовали и каменные котлы. Их обнаружено в настоящее время 17 экземпляров. Из них лишь три археологически целые. Они были найдены при раскопках хозяйственно-жилого комплекса (Р-2), на караван-сараях (Р-7), в квартале керамистов (р-3) и на цитадели (разрез - 3). Все они изготовлены из серого талькового камня; в результате многократного использования по назначению сильно закопчены. Структура этого камня зернистая. Судя по сохранившимся следам на самих котлах, они сделаны с помощью острого резца с узкой рабочей частью. Об этом свидетельствуют мелкие бороздки на стенках.

Обработка камня производилась как в горизонтальном направлении, так и в вертикальном, иногда то и другое сочетаются. Поверхность некоторых котлов отшлифована. Они очень гладкие. Каменные котлы редко украшались. Возможно, это связано с трудоемкостью их обработки. Тем не менее здесь найдены фрагменты каменных котлов, украшенных концентрическими кольцами, выполненными циркулем. Несмотря на редкость украшения, котлы довольно интересны. Этот эффект мастера получали, варьируя направление резца, образующего различные бороздки, которые создавали как бы гравированную поверхность. В основном, каменные котлы изготовлены вручную, хотя отдельные места, может быть, обработаны на станке.

Представленные здесь экземпляры по форме можно разделить на три типа.

К первому типу относятся котлы усеченно-конической формы с прямым венчиком и слегка выпуклым донцем (рис.4.). Ручки обычно расположены в центре стенки. В сечении они имеют вид горизонтальных выступов, а в плане-дисквидную форму. У одного котла этого типа вместо ручки сделаны отверстия в верхней части сосуда, ближе к венчику, и там обнаружена бронзовая проволока, которая заменяла ручку. Поверхность одного котла этого типа покрыта неправильными, выпуклыми и углубленными прямоугольниками, которые имитируют граненую поверхность. Высота этого котла - 9,5 см, диаметр - 15 см (рис. 4, 1). Стенки второго котла в верхней части, ближе к венчику, украшены углубленными концентрическими линиями. Размеры: высота 13,3 см, диаметр венчика - 17,2см (рис. 4,2). Этот тип котлов наиболее характерен для Термеза.

Второй тип пока представлен единичными экземплярами (рис. 4,6). У котла округлое тулово, стенки утолщаются к венчику. Последний имеет в сечении треугольную форму.

Третий тип котлов также представлен одним экземпляром (рис. 4,7). Он археологически целый. Донце у него плоское, стенки вертикальные, слегка выпуклые, венчик прямой. Ручка в сечении в виде горизонтального выступа, высота котла 13,2 см, диаметр венчика 17, 8 см.

На стенках и на донцах у многих фрагментов каменных котлов имеются отверстия с остатками бронзовых проволок. Эти отверстия были просверлены для стягивания частей разбившегося сосуда.

Ареал распространения каменных котлов довольно широк. Они известны из многих памят-

ников Средней Азии, датируемых X-XIV вв. В частности, они были найдены на Афрасиабе (26, табл. XXVII, 17), на Новой Нисе и в Мерве (28, с.217-227), в Шехр-Исламе (9, с.82-84), в ряде памятниках Хорезма (29, с.188; 30, с.440, 460; 31, с.284-285), в Куве и Ахсикете (32, с.9-12), в Хульбуке (38, с.128), в Кулябском районе и Гиссарской долине. Однако они встречаются единицами. Это, видимо, объясняется тем, что каменные породы, из которых делались котлы и другие предметы на территории Средней Азии, известны лишь в Хорезме, о чем есть упоминание в письменных источниках. По мнению Л.А.Кураевой, каменные предметы, найденные в Мерве и на Новой Нисе, изготовлены из талькового камня иранского происхождения. (27, с.224). Тоже происхождение имеют и каменные котлы Шехр-Ислама (8, с.98). Термезские котлы еще не подвергались петрографическому изучению, поэтому в настоящее время мы не знаем откуда происходит их материал. Но ясно то, что они изготовлялись камнерезами Термеза, так как перевозить такие котлы из далекого Ирана или Хорезма было не очень целесообразно. Второе, с чем связана единичность каменных котлов, - это трудоемкость их выделки: для нее требовалось много сил, времени и терпения. Обтачивать камень очень трудно. Одно неправильное движение- и изготавливаемый сосуд мог оказаться непригодным для пользования. Поэтому нужно полагать, что на рынке каменные котлы и вообще каменные изделия были очень дорогими. Этим, видимо, и объясняется то, что разбитые каменные котлы никогда сразу не выбрасывали, а ремонтировали и снова использовали. Доказательство этого-находки со следами такого ремонта. Судя по данным этнографии, каменные котлы ценились в быту из-за хороших вкусовых качеств приготовленной в них пищи. На наш взгляд, в каменных котлах предпочитали варить густую пищу, так как после ремонта готовить в них жидкую пищу было бы трудно.

Сопоставительный анализ показывает, что у термезских каменных котлов нет прямых аналогов. Однако отдельные разновидности имеют много общего с котлами Ферганы, в частности котлы цилиндрической формы (31, рис. 2). Котел второго типа сходен с котлами Мерва. Нужно отметить, что у мервских и нисийских котлов более изящная форма и сложная профилировка венчика (27, рис. 1). В этом термезские котлы очень просты.

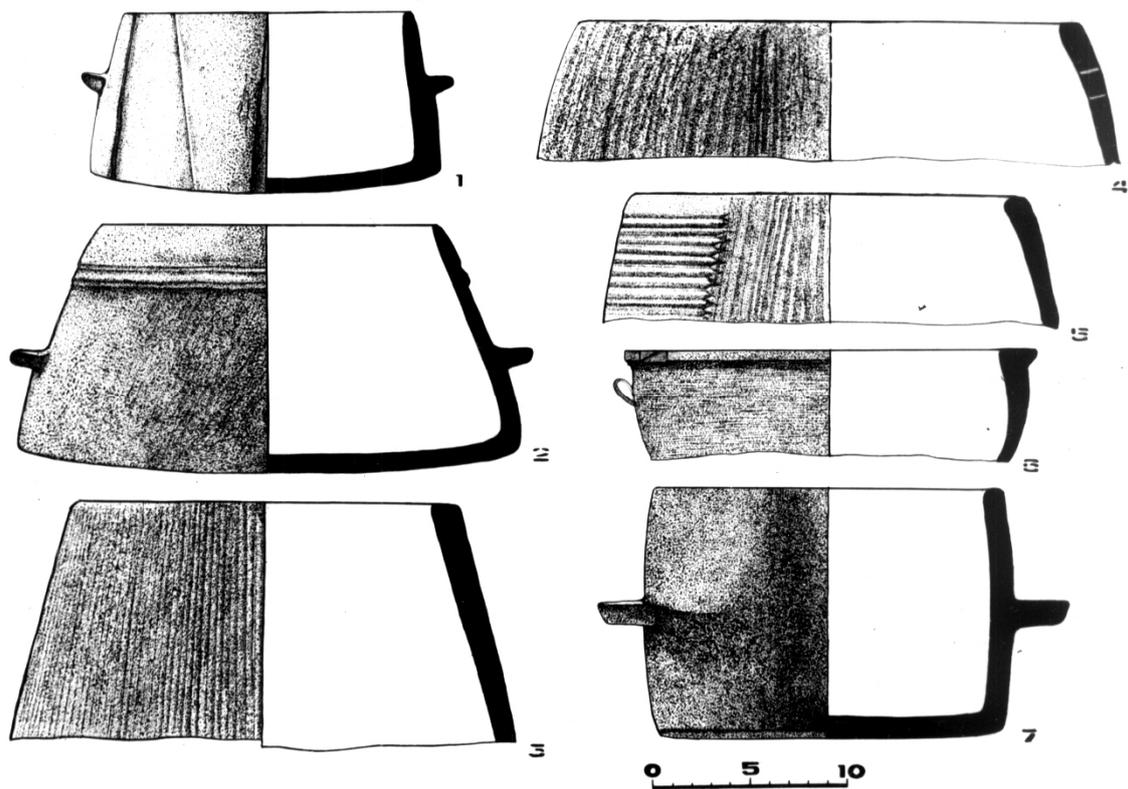

Рис.4.

Среди рассматриваемой кухонной посуды Термеза одним экземпляром представлена бронзовая: это литый в форму котел. Он был найден на уровне нижнего горизонта в помещении 11а Караван-сарая (рис.5). Котел очень хорошей сохранности. Форма его полусферическая; стенки, плавно округляясь, расширяются к венчику и заканчиваются горизонтальным бортом шириной 2,2 см. Кроме того, борт котла включает четыре специальных бортика, расположенных крестообразно по горизонтали. Три из них - трапециевидной формы, четвертый - подпрямоугольной с одной выпуклой стороной. Размеры первых трех бортиков почти одинаковы: ширина у основания 12-15 см, длина наружного края 17-19 см, ширина 4,8 см, толщина 2 мм. Размеры четвертого бортика: длина у основания - 15 см, длина наружного края 17 см, ширина 4,5 см. Бортики были вырезаны острым предметом, на них сохранились следы резца. Первоначально котел имел широкий горизонтальный борт, потом его сузили, оставив четыре бортика. Это было заранее предусмотрено мастерами. Вероятно, наличие этих крестообразно расположенных бортиков было конструктивной особенностью подобных котлов, иначе они теряли свою органическую целостность. Отлить такие бортики отдельно, а потом припаять их к основному корпусу было,

видимо, более трудоемким делом, к тому же в этом случае котлы теряли свой вид, так как от пайки оставались следы, причем на видном месте. Учитывая все это, мастера пришли к рациональному решению вопроса. Им было легче вырезать нужные фигуры основного широкого борта, чем изготовлять их отдельно, а потом припаять. На одном из бортиков в куфическом почерком выгравированы слова "сделал Абдул-раззак" (чтение О.Г. Большакова). На противоположном бортике три штампованных изображения: в центре в прямоугольном углубленном картуше расположено два сердечка, обращенных острой стороной друг к другу, между ними два маленьких овала; по бокам этого прямоугольника - два круглых медальона со стилизованными надписями (в обоих медальончиках они одинаковые). Сказать, что это имело только декоративное значение, нельзя. Скорее, мы видим личные знаки мастера. На двух других противоположных широких бортиках никаких изображений нет. Но здесь припаяны две подковообразные ручки в виде двух зубцов, обращенных в противоположные стороны. К донцу припаяны три конусообразные ножки. Донце украшено круговым желобком, в центральной его части небольшая круглая выпуклость. Внутренняя сторона котла очень гладкая, видимо была хорошо

отшлифована. Этого нельзя сказать относительно внешней поверхности: здесь сохранились следы холодной обработки, наплывы металла. Высота котла 17,2 см; диаметр устья - 30,5 см. Аналогичные бронзовые котлы известны в коллекции Будрачского клада. Судя по описанию Дж. Ильясова, они идентичны по своей форме и технике обработки термезскому (34, с. 297). К сожалению, все будрачские котлы представлены обломками, их обнаружено сотни. Исследователь датирует этот клад второй половиной XI в. (34, с.298). Схожие котлы встречаются и на территории Таджикистана, в районе Гиссара. У них та-

кая же полусферическая форма, крестообразные бортики. Но в отличие от термезских они имеют поддон, а не ножки, и на одном из широких бортов сделан желобок - слив. Техника изготовления идентичная (35, с.142-145). Датированы эти котлы XII-XIII вв. Интересно, что на городище Шайрак Ленинского района найдены такие же котлы, но керамические (35, с.144). Подобный котел известен и из Самарканда, датируется X в. (этот котел не опубликован, шифр 341). Подобные котлы довольно широко представлены в Дагестанских памятниках (36, с.25-26).

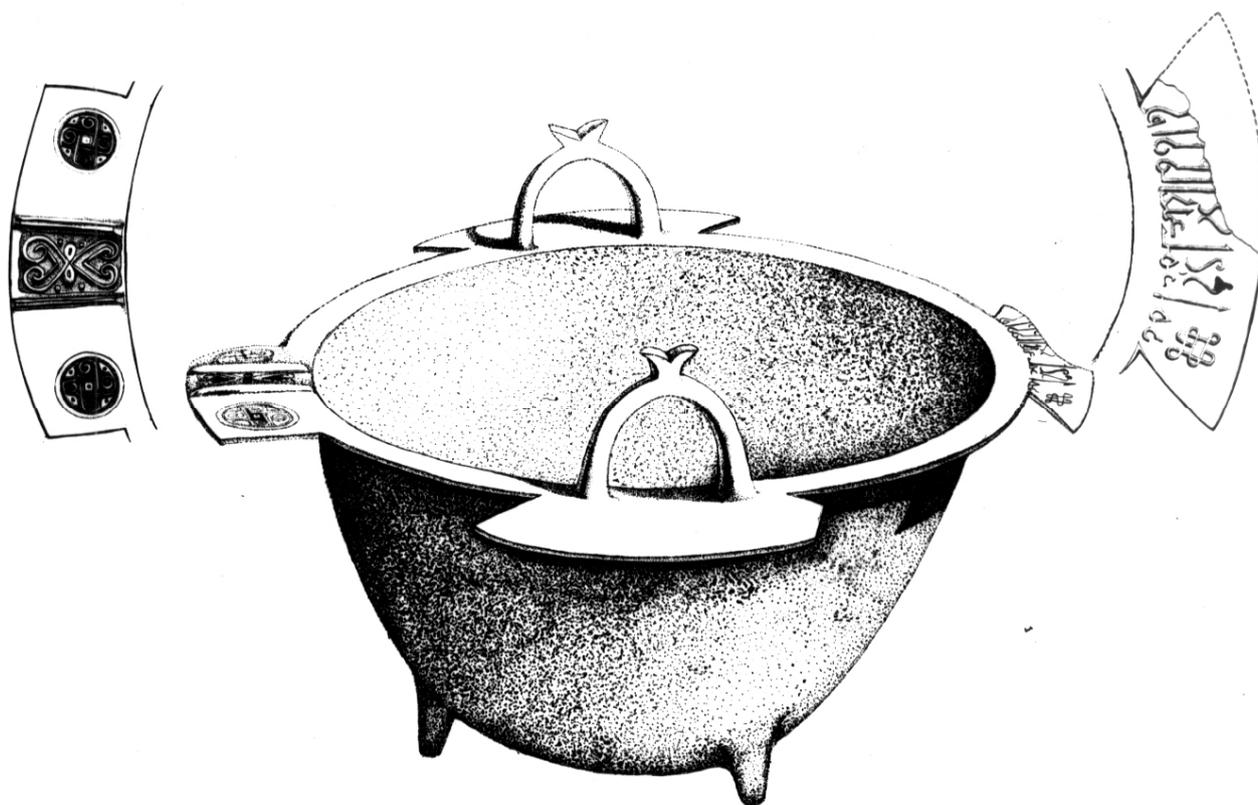

Рис.5.

Есть основания считать, что термезский бронзовый котел - продукция местных мастеров. В пользу этого, во-первых, говорит то, что в Термезе существовал огромный квартал металлистов (37, с.90; 38, с.163-175). Во-вторых, здесь часты находки различных металлических предметов. Бесспорно, это изделия местных металлистов, причем значительная их часть была обнаружена при изучении упомянутого квартала. Раскопаны и производственные мастерские. Судя по найденным предметам, здесь работали мастера очень высокого класса. Ярким свидетельством этого может послужить рассматриваемой бронзовый котел, ценность которого определяется

еще и тем, что там упомянуто имя мастера, изготовившего его. Таким образом, нам уже известно имя одного из термезских мастеров - металлистов. Его звали Абдулраззаком. Бесспорно, новые находки дадут новые имена мастеров. Данный котел по праву можно отнести к числу шедевров декоративно-прикладного искусства.

Теперь перейдем к вопросу датировки вышеописанных форм термезской кухонной посуды. Сопоставительная характеристика показывает, что схожая по форме посуда датируется в довольно широком хронологическом диапазоне - от X до XIII в. Для более точного определения времени бытования термезских изделий представ-

ляют интерес обстоятельства их находки. Как мы уже упоминали выше, основная часть рассматриваемых изделий была найдена при изучении караван-сарая, который на основании более двух десятков найденных монет датируется XII - начало XIII вв. Здесь были найдены монеты поздних сельджукидских султанов, караханидские и монеты хорезмшаха Мухаммеда. Более того, крышки, найденные в печах, могут быть датированы началом XIII в. Об этом свидетельствует то, что печи не выгружены, - вероятно ввиду внезапного появления у стен города татаро-монгольских завоевателей осенью 1220 года. Таким образом, термезские кухонные изделия, описанные выше, в настоящее время наиболее точно датированы находками этого рода.

Кухонная посуда Термеза бесспорно является продукцией мастеров-кулолов. Производство ее выходило за рамки домашнего промысла. Это подтверждается тем, что почти вся она изготовлена на гончарном круге, отличается высоким качеством, причем делали ее те кулолы, которые специализировались на тарной и кухонной керамике. Эти изделия предназначались не только для нужд отдельных семей, но и для рынка. Поэтому уделялось должное внимание изяществу их формы и декора. Несмотря на то, что для них

обычны самые простые типы орнамента, такая посуда весьма красива. В этом проявилось высокое профессиональное мастерство кулолов. Они умели подчеркивать характерные особенности каждой формы и мастерски выписывали орнамент, подчеркивая им конструктивные части. Даже керамика показывает, что расцвет ремесленного производства в Термезе падает на XI - начало XIII в. Аналогичная картина наблюдается в других керамических центрах Средней Азии.

В заключение нам хотелось бы сказать, что изучение Термеза практически только начинается. В настоящее время идет процесс накопления информативно значимых археологических материалов. Бесспорно, обнаружатся новые формы и типы кухонной посуды. Поэтому по мере их нахождения изложенное выше будет дополняться и корректироваться. Рассмотренная нами кухонная посуда не отражает полностью многообразную материальную культуру и быт изучаемого периода. Она помогла лишь создать общие представления с многогранной жизни средневекового населения Термеза. Изучение кухонной посуды позволило более реально подойти к решению вопроса промыслов, связанных с организацией производства ремесленных изделий в средневековом Термезе.

1. Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы IX-X вв. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1965.

2. Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI-XII вв. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969

3. Мирзалиев Г. Неглазурованная керамика Ферганы как исторический источник. Автор канд. дисс. Самарканд, 1968.

4. Мирзалиев Г. Неглазурованная керамика XII - начало XIII в. с городища Эски-Ахси // ИМКУ вып. 20, Ташкент, 1986.

5. Мирзалиев Г. К изучению кухонной керамики Ферганы эпохи развитого средневековья. // ОНУ, 54. Ташкент, 1984.

6. Брыкина Г.А. Карабулак, М., 1974.

7. Шарахимов Ш.Ш., Пидаев Ш.Р. Кухонная керамика Афросиаба. В сб. Афрасиаб., вып. IV, Ташкент, 1975.

8. Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма / IX-XVIII вв./ ТХАЭ, т. IV, М., 1959.

9. Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.

10. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана, М., 1985.

11. Брусенко Л.Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета. В кн. Древности Ташкента, 1976.

12. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

13. Кабанов С.К., Филанович М.И., Урманова Р.Х. Раскопки части жилого массива IX-XI вв. В сб.: Афрасиаб, вып. 3, Ташкент, 1974.

14. Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Ташкент. 1927.

15. Треножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК, вып. XXXIII, М-Л., 1950.

16. Шишкина Г.В., Глазуванная керамика Согда. Ташкент, 1979.

17. Лунина С.Б. Города южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент, 1984.

18. Лунина С.Б. Расписная керамика X-XII вв. и ее назначение // С.А. 1967. №3,

19. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. ТХАЭЭ. Т. VI., М., 1971.

20. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1950.

21. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ. Нов сер. т. XIII. 1959.

22. Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. ИКАЭ. АН Тадж. ССР. Т. XXIV, Сталинабад, 1954.

23. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана. М., 1965.

24. Будников П.П. Керамическая технология. Часть I. Харьков -Киев. 1933.
25. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
26. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса, Ташкент, 1975.
27. Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Дж.К., Адьлов Ш.Т. Керамика Пайкенда. В кн.; Горо-дище Пайкенд. Ташкент, 1988.
28. Кураева Л.А. Средневековая привозная керамика и утварь из Мерва и Нисы. ТЮТАКЭ, том. XVI, Ашхабад, 1989.
29. Вактурская Н.К., О раскопках 1948 г. на Шемахакала, ТХАЭЭ, том., М., 1953.
30. Вишневская О.А. Раскопки каравансарая Ак-Яйла и Талайхан-Ата. ТХАЭЭ, том. II, М., 1958.
31. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
32. Ахраров И. Каменные котлы средневековой Ферганы. В кн.; Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
33. Гулямова Э. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. АРТ., вып. VIII., 1960. Душанбе, 1962.
34. Ильясов Дж. Я. Будрачский клад бронзовых изделий. В кн. Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и среднего Востока. М., 1989.
35. Якубов Ю.А. Бронзовые средневековые котлы из Таджикистана. МКТ, вып.4, Душанбе, 1987.
36. Гюзальян Л.Т. О дагестанских, кубинских котлах открытого типа. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г., Л., 1962.
37. Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Узбекского филиала Академии наук СССР Серия I, История археология, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936. Ташкент 1940.
38. Князёв П.И. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза. Труды-Академии наук УзССР, серия I. История и археология. Термезская археологическая экспедиция, том II. Ташкент, 1945.

Ш. ЖЎРАЕВ

БУХОРО ВОҲАСИ IX-XI АСРЛАР КУЛОЛЧИЛИГИ «ЧАМБАРАК» НАҚШЛАРИ ҲАҚИДА

Сўнгги йилларда Бухоро воҳасида ЎзФА Археология институти Пайкенд отряди ва Россия Давлат Эрмитаж музейи илмий ходимлари томонидан олиб борилган археологик изланишлар натижасида IX-XI асрларга оид бой нақшли турли кулолчилик буюмлари комплекслари аниқланган. Улардан турли вариантларга эга «чамбарак» нақшли топилмалар алоҳида ўринга эга бўлиб, айрим нусхаларнинг илмий тафсилотлари диққатни ўзига жалб этади.

Илмий адабиётларда уларнинг юзага келиши, тарқалиш ва систематикаси танлама характерда бўлиб (1, 89-94 б.; 2, 202-216 б.; 3, 216-297 б.; 4, 87-113 б.), улар тахлили кенг қўламли изланишларни тақозо этгани ҳолда, ушбу тадқиқот доирасига кирмайди.

Воҳада аниқланган ўзга комплекслар, меъморчилик қолдиқлари, нумизматик маълумотлар, илмий ҳисобот (5, 6) ва адабиётларга асосланган ҳолда бу топилмаларни шартли равишда қўйидаги даврий босқичларга ажратиш мумкин бўлади:

- IX аср охири - X аср биринчи ярми (1-Р. 1-10 с.)

- X аср иккинчи ярми - XI аср бошлари (1-Р. 11-16 с.)

- XI аср ўрталари (1-Р. 17-21 с.)

Нақшлар комплексларда асосан сирланган ликопча, коса, товоқча, мустахаралар ва сирланмаган кўза, қопқоқ ҳамда босма-муҳр (штамп) парчаларида учрайди. Сирланган ва сирланмаган нусхалар нақшлари «чизма буюк» услубини истисно этганда (сирланган буюмларда) безалиш техникаси жиҳатдан генетик боғлиқликка эгадир. Бу боғлиқликни айниқса чизма-кирма (1-Р. 3, 13 с.) ва босма-штамп (1-Р. 6-10 с.) услубда ишланган нусхаларда кузатиш мумкин бўлади. Булардан ташқари нақшлар кесма (1-Р. 1-2 с), улама (1-Р. 4,5, 21 с.) ва чизма (1-Р. 11, 12, 14, 20 с.) услубларда ишлангандир.

Тасвирий шакл жиҳатдан нақшлар уч типлидир:

- Оддий геометрик (2-Р. 1, 3, 7, 10, 18, 20, 22, 24 с.)

- Ўсимликсимон (2-Р. 4-6, 11-16, 21, 25, 26 с.)

- Зооморф асосли (2-Р. 17, 19, 28 с.)

Улардан геометрик нақшлар қирра-чамбарак (2-Р. 24, 27 с.), доира-чамбарак (2-Р. 9, 10, 18, 23 с.), юлдуз-чамбарак (2-Р. 1, 7, 20 с.) ва ғилдирак-чамбарак (2-Р. 8, 22 с.) лавҳали вариантларига эгадир.

Ўсимликсимон нақшлар асосан радиал-таёқчасимон (2-Р. 2, 6 с.), барг-чархсимон (2-Р. 4-6, 11-15, 21-23 с.) лавҳалардан иборат бўлса, зооморф нақшлар панжасимон (2-Р. 17 с.) ва ўргимчаксимон (2-Р. 19, 28 с.) чамбарак лавҳаларидан иборатдир.

Рангий жиҳатдан нақшлар юзаси асосан тўқяшил, сарғиш-оқ, оқ-шишаранг сирлар билан қоплангандир. - 2-Р.8, 12, 14, 15, 20 с.). Нақшлар ранглар мажмуаси (колорити) бўйича қўйидаги турлардан иборат:

- Оқ ангобли, қорамтир сиёхранг тусли (1-Р. 11, 14, 17 с.)

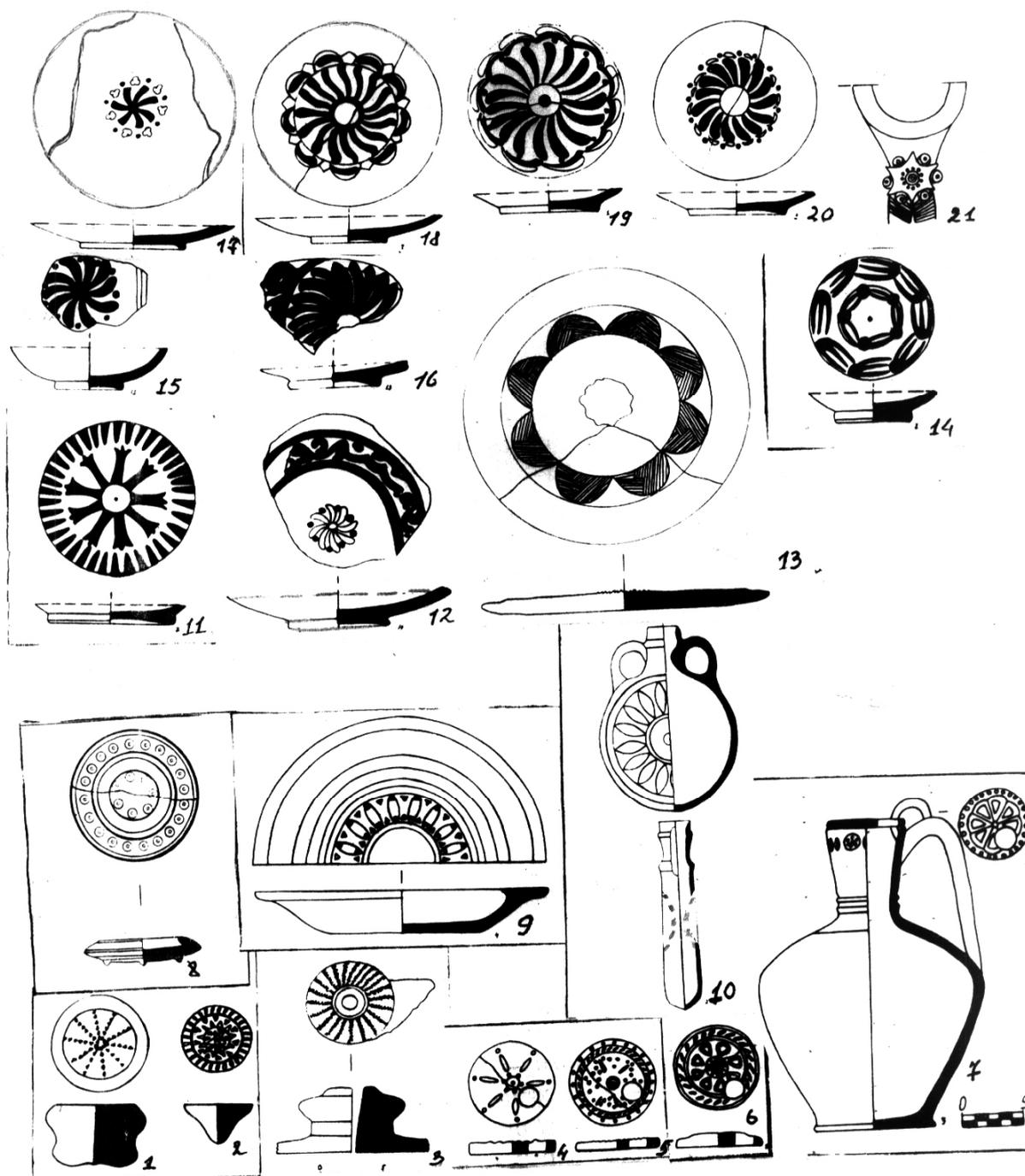
- Оқ ангобли, қизил-жигаранг тусли (1-Р. 19, 20 с.)

- Оқ ангобли, жигаранг, қора тусли (1-Р. 12, 18 с.)

- Қизил ангобли, қора, жигаранг тусли (1-Р. 15, 16 с.)

Бу турларга ўхшаш топилмалар Афросиёбнинг IX-X аср (2.209-214:7. I-III, XI, XVII табл. 8.95-97 б), Чочнинг X-XI асрлар (9. 34- табл.), Хуросоннинг XI аср (10.245:11. 46-48 б) комплекслари ва бошқа ёдгорликларда учрайди. Воҳа комплекслари орасида бу даврда «чархи-чамбарак» (вихревая розетка) турларининг тарқалиши характерли хусусиятлардан бўлиб, Т.И.Сенигова уларнинг юзага келишини Тароз кулолчилиги аънаналари билан боғласа (12. 44-46 б.), нақшларнинг Сўғдиёна кириб келишини Г.В. Шишкина X аср охири - XI аср охири бошлари даври билан изоҳлайди (7, 58 б.).

Қадимий лавҳалардан бўлган бу нақшлар халқ орасида «чамбарак», «чарх-палак», «паррак», «чарх-паррак» ва «чархи гурум» номлари билан маълум бўлиб, кулолчилик атамаси сифатида «чамбарак» ёки «паррак» номини олган. (13, 144-144 б.).

Р-1.

Бу нақшлар узок йиллар мобайнида археологик, санъатшунослик, меъморчилик тарихи ва чизма-графика йуналишларида кенг тахлил этилган бўлиб (14.40:15.80:16.249:17.44. 85-86, 125, 132-133 б.), олимлар орасида улар мазмунига нисбатан турлича муносабатлар мавжуддир. Бу илмий қарашларни шартли равишда қўйидаги гуруҳларга ажратиш мумкин булади:

1. Мархумлар рўҳига сиғиниш рамзи. (18, 46-47 б.)

2. Куёш рамзи (19, 12 б.)

3. Ҳаракат рамзи (16, 40-41 б.)

4. Юрта ва кўрғонлар атрофида жойлашган уйлар рамзи (20, 138-139 б.)

5. Ўсимликлар рамзи (21, 12 б.)

6. Юлдузлар рамзи. (23, 30-34 б.)

7. Тумор белгиси. (22, 230 б.)

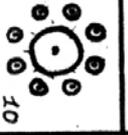
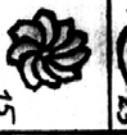
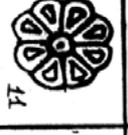
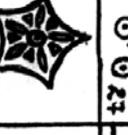
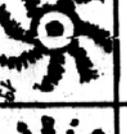
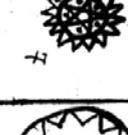
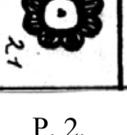
8. Оддий декоратив нақш. (24, 21-22 б.)

Бу қарашларнинг ҳар бири маълум тарихий-этнографик асосга эга бўлиб, улар илмий жиҳатдан бир-бирини тўлдириб туради.

Нақшларнинг сопол буюмларда «рамзий тимсол» сифатида шаклланиши қадимда (неолит) юзага келган бўлиб, улар тош давриданоқ вужудга кела бошлаган, халқнинг амалий хужалик сеҳргарлиги (магия) анъаналари ва табиат ибтидоларини тасвирлаган диний-дунёвий қарашлари билан боғлиқ мазмунларни дастлаб ўзида акс эттирган. Бу жараён турли ҳудудларда кенг тарқалган бўлиб, алоҳида жойларда ўзига хос вариантлар хусусиятларига эга бўлган.

Нақшлардан «қирра-чамбарак» ва «юлдуз-чамбарак» лавҳалар қадимда оташпарастлар

орасида «олов манбаи» - «қуёш ва дехкончилик» худоси - ТИШТИРИЯ ҳамда «шоҳ ҳокимияти табарруклиги» каби диний-дунёвий қарашларни ўзида акс эттирган (19.71: 25. 109-110: 26, 146-147 б.). Кейинчалик бу қарашлар Ўрта Осиёда Сиёвуш образида жамланган бўлиб, унинг ўрта асрларга оид «Бар Сиёвуш» (Сиёвуш юлдузи) варианты тўғрисидаги маълумотлар Қазвинийнинг асарларида учрайди. (27, 79 б.). Унинг бизгача етиб келган «юлдузи бор одам» этнографик варианты ҳозирда ҳам халқ орасида «бахт ва омад» қарашларини ўзида акс эттиради (28, 34 б.).

вт. пол. IX - пер. пол X вв.		вт. пол. X - пер. пол XI вв.		сер XI в.
				
				
				
				
				
				
				
				

Р. 2.

Доира-чамбарак лавҳаси Қадимда «одам ва олам» муносабатини акс эттирган бўлиб (29, 231 б.), унинг спираль қатор варианты адабиётларда «вақтнинг узлуксиз харакати» сифатида талқин этилади (23, 42 б.) Кейинчалик (эрамиз бошларида) унинг квадрат ичида тасвирланишида янги атрибуттик мазмунларнинг (квадрат ўтроқ кабилаларда-ер: кўчманчи кабилаларда - от рамзи сифатида) кўшилганлигини кузатиш мумкин бўлади (19, 142 б.). Бунда «доира-чамбарак» мазмунининг кучманчиларда ҳаёт асоси сифатида «от-одам-ҳаёт», утрок қабиладельда «ер-одам-ҳаёт» каби қарашларда, маълум даражада акс этганлиги эҳтимолдан холи эмасдир. Доира-чамбарак лавҳаларнинг «хочли» (крест) турлари қадимда кўтблар (23, 34 б.), кейинчалик насронийлик қарашлар билан боғлиқ «худо, кўёш, олов, ишонч, мағфират ва абадий харакат» мазмунларини бир қадар узида акс эттиради (30, 75-76 б.). Буни ўрта асрларда Мовароуннахрда насронийларнинг тарқалишига оид ёзма ва археологик маълумотлар ҳам бир қадар тасдиқлайди (31, 28 б.). Хочли лавҳаларнинг дастлаб «восвос» (свастика), кейинчалик «олов ғилдираги» (огненное колесо) сифатида шаклланиши жараёни «ғилдирак-чамбарак» лавҳаларининг юзага келишига сабаб бўлади. Муаллифларнинг фикрича (16, 40-41 б.) бу жараён кўчманчиларга хос «от» ибтидоси билан боғлиқдир. Шу ўринда бу тимсолнинг қадимда ўтрок халқлар орасида учраши бизнинг фикримизча ҳинду-ориён кабилалари олов худоси «Индранинг аравачаси» рамзи билан боғлиқлигидан далолат берса керак. Таёкчасимон-чамбарак лавҳалар ҳам генетик жиҳатдан шу гуруҳга оид бўлиши мумкин.

Ўсимликсимон чамбарак лавҳалар «учбарг» (трилистник) - «шоҳлар рамзи» сифатида антик, илк Византик анъаналардан Сосонийлар анъаналарига «гул-чамбарак» каби шаклланиб ўтиб келади (11, 38-39 б.). Бу нақшлар кейинчалик «барг-чамбарак» лавҳаларига айланиб боради ва унинг тугалланган ёрқин намуналари сўнгги Тань (820 - X аср бошлари) топилмаларида «нилуфар» (лотос) безаги сифатида учрайди (11, 48-49 б.). Воҳа комплексларида бу лавҳалар кенг тарқалган бўлиб, бу халқнинг «мўжизакор-табарук доривор ўсимликлар»га оид қарашлари билан боғлиқ бўлса керак. Барг-чамбарак нақшларнинг ўрта аср комплексларида маълум даражада «чарх-чамбарак» турларга утиб боришини ҳам кузатиш мумкин бўлади (2-Р, 11-14 с.).

Қадимда «чарх-чамбарак» лавҳалар маълум даражада «осмон ёриткичлари, ер, сув, ўсимлик

ва ҳайвонот дунёси бошқарувчиси» АНАХИТА образини ўзида акс эттирган (34, 107:35. 242 б.). Бу лавҳаларнинг «новда-чамбарак» кўринишида, «уйғониш-ҳосил—дорлик» рамзи сифатидаги этник параллели Мовароуннахр қизларининг баҳорда янги куртакли тол новдаларидан «гулчамбар» яшашлари «гузаллик ва уйғониш»нинг аёллик ибтидоси билан боғлиқлигини ўзида акс эттиради (36, 161 б.).

Нақшлардан радиаль тасвирланган панжасимон лавҳалар «қуш» тасвирининг схематик кўриниши бўлиб, ўрта асрларда воҳада кенг тарқалган Сиёвуш образи анъаналари билан боғлиқ бўлиши мумкин. Наршахийнинг маълумотига кўра Бухорода ҳар йил Навруз байрамида эркаклар кўёш чикмасдан туриб Сиёвуш руҳига хўроз қурбонлик қилиши керак бўлган (25, 110 б.). Эркаклик асоси рамзи бўлган хўрознинг схематик қиска тасвири ҳозирда ҳам ўлкамизда эркаклар дўпписида «э» шаклида асосий безак сифатида кенг тарқалган (36, 162 б.). Шу жиҳатдан олганда «панжа-чамбарак» лавҳалар ўзида эркаклик асосининг табиатда циклик айланиб туриши каби қарашларни маълум даражада акс эттирган бўлиши мумкин.

Буюмлардаги нақшлардан «ўргимчасимон-чамбарак» лавҳалар қадимий кўчманчиларда шамол стихиялари: ёмғир, бурон, ғурум (смерч); оташпарасти ўтрок халқларда «зулмат дунёси» қора кучлари: ер ости газандалари тасаввуротлари билан боғлиқ ҳолда схематик вужудга келган бўлиши мумкин. Буни XIX асрга оид айрим этнографик маълумотлар ҳам бир қадар тасдиқлайди (28, 36-37 б.).

Нақшлардан «чарх-чамбарак» лавҳаларининг X-XI асрларда асосан қизил ва қора тусларда берилиши ҳам маълум жиҳатдан рангий мазмунга эга бўлиши мумкин.

Қизил ранг рамзий мазмуни диний-дуневий жиҳатдан қадимда қоятош суръатлар, қабр оҳра-реалгар бўёқлари, оташпарастилик белгилари, буддавий ҳайкаллар, деворий суратлар, кийим-кечак, қурол-аслаҳа ва идиш-товоклар каби археологик топилмаларда ўз аксини топган. Бу соҳага оид топилмалар таҳлили асосида қизил рангнинг оташпарастиликда «иссиқлик-оловқуеш-Сиёвуш» каби тимсоли аниқланган (19, 130-132 б.) бўлиб, унинг ўрта асрлардаги ўрни ҳақида маълумотлар ҳам ёзма манбааларда бир қадар учрайди.

Жумладан Абу Райхон Беруний тўқ-қизил ранг халқ орасида «марҳум рамзи» сифатида Сиёвуш қони тусини англаганлигини келтирса (25, 116 б.) Ал-Идриси асарларида қипчоқ задо-

ганларининг кийимлари асосан қизил, сарик ипакдан бўлганлиги, Чингизхон ёйи ўқларининг қизил туслиги ҳамда олтин ўқдонда сақланганлиги тўғрисидаги маълумотлар учрайди (19, 131 б.). Бу маълумотларда қизил рангининг «Сиевуш қони» сифатида-диний, кийим ранги сифатида ҳокимят ва курул-аслаха ранги сифатида - қудрат, ҳукмронлик каби диний-дунёвий мазмунларини кузатиш мумкин бўлади. Ўрта аср кулолчилик буюмларида эса қизил рангининг анор тасвирида мужассамлашган «фаровонлик» мазмунини қайд этиш мумкин (8, 51 б.). Қизил лавҳаларнинг қора ранглар билан бирга берилишини муаллифлар асосан «қора от устидаги Сиевуш» образи орқали ўлиб қайта тирилувчи» табиат каби мазмун билан изоҳлайдилар (25, 110-111 б.).

Буюмларда яна учрайдиган Ўсимликсимон яшил ва феруза рангли чамбарак лавҳалар мазмуни адабиётларда деярли ёритилмаган бўлиб, бизнинг фикримизча улар халқнинг «ҳаёт дарахти» ва «баҳорги уйғониш» каби анъанавий қарашлари билан боғлиқ бўлса керак.

Нақшлардаги рангий тасвирлар мазмуни келиб чиқиши жиҳатдан узоқ ўтмишга бориб тақалганлиги ҳолда улар маъносида ўрта асрларда ўзига хос диний-дунёвий қарашлар билан боғлиқ рамзий ўзгаришлар рўй беради. Шундай бўлсада бу жараёнда генетик яхлитлик мазмунини юқорида қайд этилган маълумотлар ҳамда комплексларда учрайдиган лавҳалар асосида шартли равишда қўйидагича тасвирлаш мумкин бўлади:

- Қизил ранг эркаклик асоси, қудрат ва ҳукмронлик тимсоли.

1. Дьяконов И.М. Керамика Пайкенда. КСИИМК, вып. XXVIII. М., 1949.
2. Балашова Г.Н. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX-X вв. ТГЭ, т. V. Л., 1961.
3. Кондратева Ф.А. Керамика с зеленой поливой из Пайкенда. ТГЭ, т. V. Л., 1961.
4. Шишкина Г.В. Замок Бади-Асия в окрестностях городища Пайкенда. ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1969.
5. Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш., Семенов Г. Отчеты о полевых археологических работах Бухарского отряда 1981-1990 гг.
6. Мирзаахмедов Д., Адылов Ш., Жураев Ш. Отчеты о полевых археологических работах Бухарского отряда 1991-1992 гг.

- Қора ранг узлуксиз ҳаракат жараёни сифатида «қайта тирилувчи табиат» ва мукамаллик тимсоли.

- Яшил ранг аёллик асоси сифатида «уйғониш, фаровонлик, ҳаёт: тимсоли.

- Чамбарак нақши лавҳалари хусусида келтирилган маълумотлардан келиб чиққан ҳолда қуйидаги шартли мулоҳазаларни қайд этиш мумкин бўлади:

Нисбатан қадимги археологик комплекслар (VI-VII, VIII-IX асрлар) ва меъморчилик обидаларида (17. 44, 85-86, 125-133 б.) учраши жиҳатдан воҳада нақшлар турларининг 4-9та турларидан ўрта асрларга келиб 30дан ортик турларга кўпайиши ишлаб чиқаришнинг узлуксиз (серияли) тус олишидан далолат бериши мумкин.

- Нақшларнинг буюмларда симметрик, ритмик ва қўшимча лавҳалар билан тасвирланиши уларнинг «оддий декорация»га айлана борганлигидан далолат беради.

- Чамбарак нақши келиб чиқиши турли тимсолий қарашлар билан боғлиқ бўлиб, уни фақат бир ғоя билан изоҳлаш тўлақонли бўлмай, мазмуни жиҳатдан унга «универсал маъноли» лавҳа сифатида ёндошиш мақсадга мувофикдир.

-Нақшларнинг график шаклланиши, эволюцияси, алоҳида даврлар комплексларида тарқалиш муаммолари кенг кўламли махсус илмий изланишларни тақозо этади ва халқимизнинг қадимий диний-дунёвий қарашлари билан боғлиқ моддий-маданият тарихини ёритишга имкон беради.

7. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вт. пол. VIII - нач. XIII вв.). Ташкент, 1979.
8. Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967.
9. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
10. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-XII вв. ТЮТАКЭ. Т. XI, Ашхабад, 1961.
11. Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971.
12. Сенигова Т.Н. Древний Тараз. Алма-Ата, 1972.
13. Рахимов М.К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.

14. Тревер К.В. Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.-Л., 1940.
15. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
16. Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. IV. Л., 1947.
17. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.
18. Яценко И.В. Ранние сарматские погребения в бассейне Северного Донца. КСИА, вып. 89. М., 1962.
19. Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
20. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1963.
21. Орбели И.А. Мусульманские изразцы. С-Пб., 1923.
22. Снесарев Г.П. Реликты мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
23. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, № 1, М., 1965.
24. Кармышева В.Х. Локайские «мапрамачи» и «ильчиги». СТИКМ. ТаджССР, вып. 11. Сталинабад, 1955.
25. Дарькевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
26. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
27. Беленицкий А.М. Вопросы идеологии культов Согда. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
28. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
29. Беруний Абу Райхан. ТАТ, т. 1. Ташкент, 1957.
30. Богомолов Г.И. О христианстве в Чаче. Из истории древних культов. Христианства. Ташкент, 1994.
31. Массон М.Е. Происхождение двух несторианских надгробных галек Средней Азии. ОНУ, № 10. Ташкент, 1978.
32. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
33. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии // Культура Востока в древности и раннесредневековье. Л., 1978.
34. Раппопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма. (Оссуарии). М., 1971.
35. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
36. Ахраров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Ахсикета // Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. Ташкент, 1983.

Е.А. СМАГУЛОВ

НАХОДКИ ИМПОРТНЫХ ВЕЩЕЙ В ПОСЛЕМОНГОЛЬСКОМ ОТРАРЕ

В среднем течении р. Сырдарья, при впадении в нее правого притока р. Арысь расположен обширный Отрарский оазис. В нем насчитываются десятки ныне мертвых средневековых городов, поселений. Стратиграфические исследования на некоторых из них показали, что процессы урбанизации здесь имеют истоки в античной эпохе. Центром оазиса, а на протяжении многих веков и центром всего среднесырдарьинского региона, являлся город Отрар. В течение двадцати лет в этом оазисе проводятся интенсивные исследования Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция Академии Наук Казахстана. Полученные массовые материалы по различным периодам создали надежную источниковедческую базу изучения различных историко-культурных проблем древней и средневековой истории региона. В основном, эти материалы опубликованы в ряде монографических изданий. (1).

В связи с изучением торговых связей городов Южного Казахстана и их места в системе торговых караванных дорог, известных под названием Великий шелковый путь, приобретают большое значение археологические находки как бы овеещающие и документирующие существование торговых связей. За годы археологических раскопок в Отрарском оазисе таких находок зафиксировано немало.

Ниже мы предлагаем публикацию двух вещей из одного закрытого комплекса конца XIII - нач. XIV вв. Они происходят из жилого дома, разрушенного сильным и внезапным пожаром. Таково было общее впечатление после расчистки остатков помещения, где мы увидели прокаленные сырцовые стены, истлевшие циновки и кошмы на суфах, россыпи обуглившихся зерен культурных растений, развалы бытовой керамической утвари. И среди них - обломки стеклянного сосуда необычного по форме и декоративному оформлению, бронзовая чернильница с крышкой и остатки насквозь прогоревшей рукописной книги в кожаном переплете.

Стратиграфическое положение данного строительного горизонта и основанная на этом датировка, достаточно четко определены. Подстилает этот горизонт слой, характеризуемый

комплексом специфичной неполивной керамики с ангобной росписью и находками серебряных монет хорезмшаха Текеша. Перекрывает горизонт слой с массовой желтофонной поливной керамикой и отдельными образцами изделий, в росписи которых преобладает кобальт на белом фоне под прозрачной поливой. Этот смешанный комплекс керамики типичен для горизонта Отрара конца XIV- XV вв. (2, с. 25-30). Таким образом, есть все основания считать, что горизонт с пожаром существовал в период с середины XIII- первой пол. XIV вв. Верхний рубеж с определенной долей вероятности можно отнести к концу первой четверти XIV в., если синхронизировать его с пожарами, зафиксированными на других раскопках Отрара, а также с пожаром на соседнем городище средневекового Туркестана. В стратиграфическом раскопе на холме Куль-Тобе на городище Ясы-Туркестан был обнаружен клад чагатаидских бронзовых и серебряных монет, верхняя дата которого указывает на первое десятилетие XIV в. (2).

Сгоревшее жилище - это типично "отрарский" дом, состоящий из трех расположенных анфиладой помещений. Среднее - являлось центральным жилым помещением, вся площадь которого была занята обширной "П"-образной суфой высотой 40 см. Лишь перед входом оставался небольшой прямоугольный участок пола, выстланный квадратным обожженным кирпичом. В центре него под полом был устроен сливной поглотительный колодец - "ташнау", устье которого перекрывалось кирпичем с отверстием в центре. Справа от входа, в суфе находилась печь - "тандыр" с дымоходом и топочным отверстием, выходящим на площадку ташнау. Топочное отверстие оформлено специальной керамической плитой (рис.1). Горизонтальный отрезок дымохода проходил внутри суфы, а вертикальный - в ближайшей стене 1. Вход с улицы в жилое помещение вел через помещение - прихожую, которая имела хозяйственное назначение, а из жилой комнаты попадали в небольшое дальнее помещение - кладовую, где хранились пищевые запасы. Такой тип планировки и функционального зонирова-

ния жилых построек на средней Сырдарье сложился еще в первую половину I тыс. н.э. и просуществовал, без особых изменений, вплоть до позднего средневековья (5, с. 100-110).

Интересующие нас вещи были обнаружены на суфе в дальнем углу жилой комнаты среди обугленных остатков войлочных покрытий суфы и деревянных частей рухнувшей кровли.

Стеклянный флакон удалось полностью склеить, только в некоторых местах, деформированные под воздействием огня обломки не состыковывались плотно по месту излома. Высота сосуда 21 см, диаметр тулова 10 см, диаметр поддона 5,7 см. В этом сосуде необычно все: и форма, и техника орнаментации. В отличие от скромно украшенных местных стеклянных изделий этот флакон из Отрара расписан цветными (синий, красный, зеленый) эмалями. Контур орнаментальных фигур, охватывающих основания волнистых ручек на плечиках покрыт

золочением. Позолоченная кайма, в свою очередь, оконтурена тонкой линией красной эмали. Своеобразна и сама композиция орнамента, покрывающего верхнюю часть тулова (рис. 2,3).

В городах Средней Азии и юга Казахстана в средние века было широко развито стеклоделие, о чем свидетельствуют частые находки стеклоплавильных печей, шлаков, бракованной посуды. Однако здесь не была освоена технология росписи цветными эмалями и золочение. Обходились такими способами лакирования, как выдувание в рельефную форму, шлифование и полировка, накладывание цветных нитей с последующей их обработкой. В самом Отраре, в средневековых слоях находки стеклянных сосудов - массовое явление, однако ранее столь сложно декорированные изделия здесь были не известны.

Рис. 1. Тандыр помещения №3.

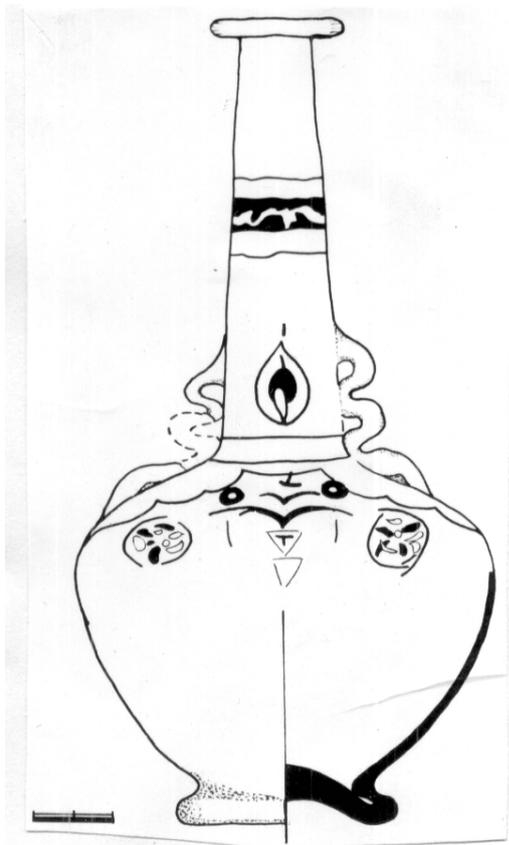

Рис. 2. Стекланный флакон. Прорисовка.

Наиболее известным в средние века центром художественного стеклоделия была Сирия, откуда с античных времен расходились по свету высокохудожественные стеклянные изделия, ценившиеся на вес золота. В XII-XIII вв. в сирийских городах налаживается изготовление стеклянной утвари, украшенной цветной эмалью и позолотой. Фрагменты этих "изделий" археологи находят при раскопках средневековых городов в Европе, на Кавказе, в золотоордынском Поволжье (7, с.83). В Восточной Европе времени монгольского нашествия сирийские стеклянные сосуды попадают в клады наряду с изделиями из золота, серебра и другими сокровищами. В быту состоятельных жителей среднеазиатских городов ближневосточное стекло было не очень большой редкостью. Ибн Батута, посетив Хорезм в XIV в., обратил внимание на собрание высокохудожественного стекла в доме одного местного кади, о чем он упомянул в своем сочинении. К. Ламм, приводя рассказ Ибн-Батуты, высказал предположение, что это были, скорее всего, стеклянные сосуды сирийского производства (8, с.32).

Рис. 3. Стекланный флакон. Фото.

Однако, чрезвычайно редки случаи обнаружения целых сирийских сосудов при раскопках, чаще фиксируются отдельные фрагменты таких изделий (9, с. 129).

Отметим, что на Востоке, в частности в Средней Азии, всегда отдавался приоритет именно изделиям из сирийских центров стеклоделия, о чем говорят письменные источники (10, с. 34-35). В прекрасно иллюстрированном труде К. Ламма выделены группы средневекового ближневосточного стекла, связанные с отдельными центрами стеклоделия.

Однако, рассматриваемый нами образец не удастся с полной уверенностью отнести к какому-либо центру сирийского стеклоделия (г.Ракка, Дамаск, Алеппо и т. д.). Так своеобразно переплетаются на данном изделии признаки свойственные для различных групп. Отметим лишь, что ряд характерных признаков декора (наложение эмали рельефным слоем, оконтуривание широких позолоченных полос тонкими эмалевыми линиями и др.) свидетельствует о том, что изделие это относится к позднему (XIII-XIV вв.) периоду развития сирийского искусства стеклоделия.

Другое изделие, явно импортного происхождения, бронзовая чернильница (рис. 4). Ци-

цилиндрический корпус слегка суживается к венчику. С трех сторон к корпусу прикреплены шарнирные, в виде трилистника, держатели к которым крепились фигурные колечки (одно утрачено). Литая крышка имеет в центре верхней плоскости шлемовидное навершие и по краям прикреплены три скобы. Высота корпуса 5,5 см, диаметр дна - 8 см, венчика - 7 см., высота с

крышкой- 9,5 см. Изготовлена из золотистой бронзы, линии декора инкрустированы красной медью. Декор тулова разбит на три яруса. В верхнем и нижнем - надписи. Слова разделены круглыми медальончиками со стилизованным изображением лотоса. (рис. 5,5). В среднем - трижды повторяющаяся вьющаяся ветвь, фон проработан кружковым пуансоном.

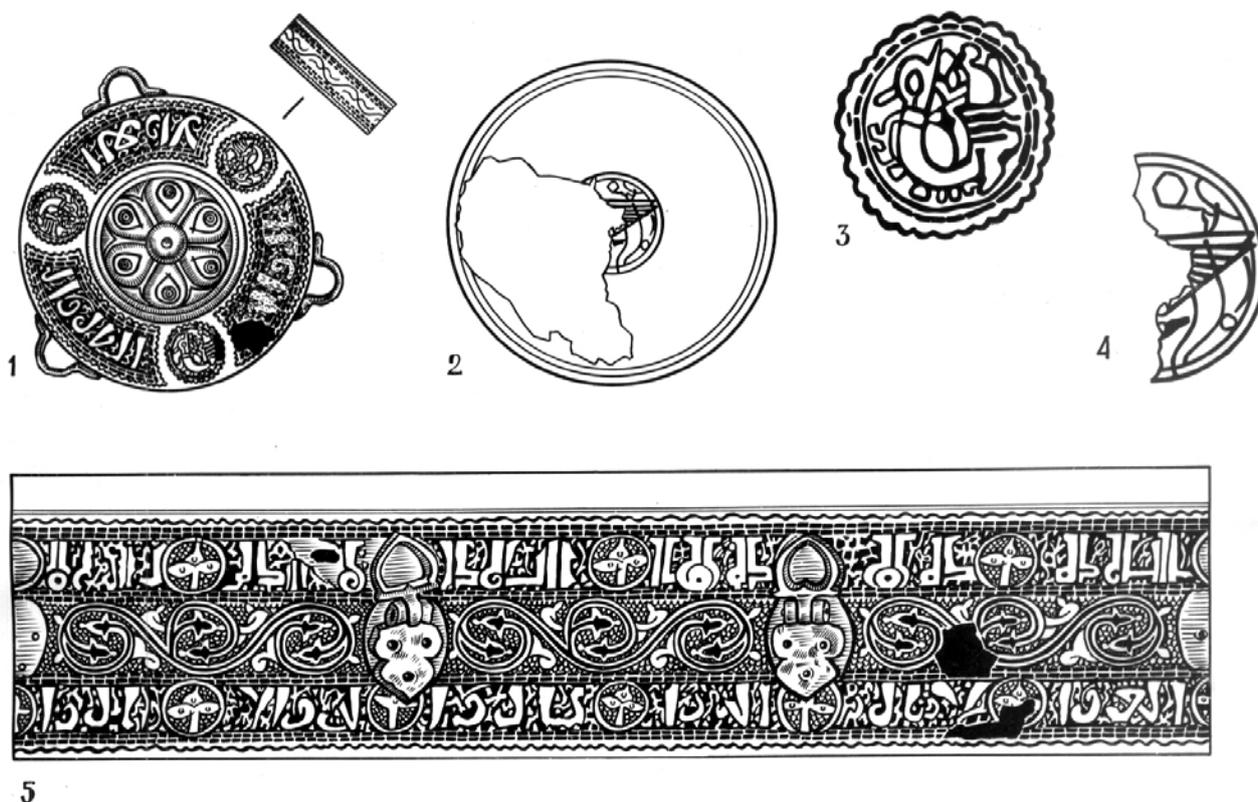

Рис. 4. Бронзовая чернильница.

На крышке - также три благопожелания, разделенные тремя круглыми медальонами с изображением уточек (рис. 5, 1, 3). В центре дна, снаружи, был круглый медальон с изображением крылатого сфинкса (или грифона ?) (рис. 5-2.4). Центральная часть дна утрачена, сохранился лишь фрагмент медальона, но сюжет изображения можно предполагать с достаточной долей уверенности. Сохранилось изображение задней части туловища с загнутыми вверх хвостом и концы крыльев.

Среди хорасанских художественных бронз, инкрустированных серебром и красной медью, представленных в музейных собраниях восточного металла, известен ряд аналогичных по форме и конструкции чернильниц. Подразделяются они, по-видимому, на хронологические группы, отличные характером декора. В первую, более раннюю группу входят: чернильница из Мунчактепа (хранится в Наманганском музее,

Узбекистан) с изображением на корпусе в трех круглых медальонах правителя, сидящего на троне; чернильница из собрания Музея истории АН РУз с изображением писца в фигурных медальонах на корпусе; две чернильницы хранятся в Институте истории им. А. Дониша (Душанбе, Таджикистан), а также, чернильницы из собрания Эрмитажа и Метрополитен Музея (США) и из других музейных коллекций (11, с. 164-185). Эти образцы датируются временем XI-XII вв. и имеют иную орнаментальную композицию на тулове. Отрарская чернильница по декору боковой поверхности корпуса ближе к экземплярам, хранящимся в Эрмитаже (найдена в Поволжье) и в Британском музее (12, с. 35). Они объединяются общими принципами декоративной системы, но отличаются материалом инкрустации, некоторыми деталями орнамента и датируются исследователями более поздним временем - втор. пол. XII - пер. пол. XIII вв.

5

Рис. 5. Бронзовая чернильница. Прорисовка. 1-крышка, 2-дно, 3-медальон с изображением утки, 4-фрагмент изображения в центре дна, 5-развертка декора тулова.

Интересно отметить, что в надписях отарской чернильницы можно прочесть пожелания счастья, благоденствия, могущества. Такие благожелательные надписи обычны для этого вида хорасанских изделий. На рассматриваемом изделии они семантически перекликаются, как нам представляется, со значением изображений, помещенных в небольших круглых медальонах, занимающих как бы второстепенное значение в структуре орнамента. Это изображение утки в медальонах на крышке, цветка лотоса в верхнем и нижнем ярусах на корпусе и изображение, по видимому, крылатого сфинкса (грифона) в центре внешней поверхности дна. Эти мотивы в средневековом декоративном искусстве Востока - наследие более ранних эпох. Со временем значение их забывалось и поэтому, видимо, они были объединены в орнаментальную композицию со словами, которые раскрывали смысл изображений. И как в средневековой касыде, смысловая ткань орнамента достигает определенного эффекта путем повторения традиционных мотивов на языке различных семантических кодов.

По мнению Е. ВЕАР бронзовые чернильницы такой формы появляются на Ближнем Востоке в сельджукидское время (13, с.199). В Ба-

гдаде при аббасидских халифах были в ходу портативные изящные чернильницы с цепочкой, которые вешались через левую руку, когда собирались что-либо записать (14, с. 53).

В регионе к востоку от Сырдарьи, вдоль трасс Великого шелкового пути в последние годы происходит интенсивное накопление разновременных произведений художественного ремесла, происхождение которых можно достаточно определенно связывать с ремесленными центрами Северо-Восточного Ирана. В музейные коллекции они попадают в результате археологических раскопок, или, что чаще, как случайные находки при земляных работах. Так, в Центральном Историческом Музее Казахстана (г. Алма-Ата), помимо известных серебряного кувшина, опубликованного К. В. Тревер, (15, с. 110 -112) и богато декоративного Талгарского блюда (16, с. 87 -91) хранятся два бронзовых кувшина местонахождение которых - Семиречье или Южный Казахстан (17, с.176). Один из них имеет грушевидное тулово, оттянутый слив, граненая ручка имеет призматическое навершие, т. е. форма этого сосуда восходит к сасанидским прототипам, но датируется он в рамках IX- XIII вв. Второй кувшин имеет округлое тулово лишенное декора, цилиндри-

ческая горловина которого с небольшим растрескиванием к венчику богато орнаментирована инкрустацией красной медью. На вершине декоративной ручки - скульптурный плод граната, ствол ручки в виде ложных бусин. На венчике граната в круглом медальоне, изображение сирина (птица с женской головой), на горловине в нижнем и верхнем декоративном поясе арабские благожелательные надписи. Аналогичные по форме, но лишенные гравированного декора, бронзовые сосуды были в свое время найдены в Отрарском оазисе на городище Куйрук-Тобе (18, с.142). Высказанное Б.И. Маршаком предположение о местном Мавераннахрском происхождении этой группы бронзовых кувшинов, остается все еще не доказанным (19, с. 76).

В результате широко-масштабных археологических работ в Отрарском оазисе значительно пополнились коллекции Отрарского археолого-этнографического музея (с .Шаульдер, Чим-

кентская область, Казахстан). Среди изделий из бронзы и меди здесь имеются ступки, блюда, подставки на трех ножках. Многие из них украшены гравированным орнаментом.

Отсутствие четких данных о местных, Мавераннахрских центрах средневековой торевтики не позволяет судить об уровне художественной торевтики, типах форм и технологических приемах среднеазиатских мастеров. Эта лакуна для X-XII вв. закрыта лишь относительно двух специфичных типов форм бронзовой посуды - кувшинов и чаш (20).

Открытие в Самарканде мастерской торевта последней четверти XIV- начала XV вв. с уникальным набором готовых высоко художественных сосудов и заготовок может свидетельствовать о местных художественных и технологических традициях (21, с. 102-115).

1. Акишев К.А.и др. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. Они же. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981. Они же. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

2. Акишев К. А., Байпаков К.М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

3. Смагулов Е. А. Археологические исследования в г.Туркестане. Археологические открытия. 1985. - М., 1987.

4. В первоначальный период двухканальный коленчатый дымоход проходил вдоль двух стен и выводился вертикальным каналом в дальнем левом углу помещения.

5. Ерзакович Л. Б. Жилище с позднесредневекового Отрара, как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986

6. Абдуразаков А. А.,Безбородов М.А., Заднепровский Ю .А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1963. Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда - Ташкент, 1986.

7. Полубояринова М.Д. Стеклоделие древнего Турова //СА. 1963, № 4; Гуревич Ф.Д., Джанполодян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в древней Руси. - Л., 1986; Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X-XIV вв.). Вестник МГУ, сер. IX, история № 2, 1972.

8. Jamm C. J. Glass and hard stone vessels - A Survey of Persia Art, vol. III, 1939.

9. Арзютов Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчик//Изв. АН КазССР, сер. арх. Вып. 2, 1949.

10. Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1963.

11. См. Литвинский Б. А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. - М., 1985.

12. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М. 1976, таб. 49,5; Barrett D. Islamic metalwork in the British museum/ London, 1949.

13. Baer E. An Islamic Fokwoll of Art. Ed. by R. Ettinhausen. № 4, 1972.

14. Хилал-ас-Саби. Постановления и обычаи двора халифов(Русум дар ал-Хилафа). Пер.И. Михайловой. М., 1983.

15. Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. - М.-Л., 1940.

16. Байпаков К.М. Талгарское блюдо. - Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1968, № 6.

17. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья.- Алма-Ата, 1986, рис. 76, 77.

18. Смагулов Е.А. Два кувшина из Куйрук-Тобе//Археологические исследования в Отраре. Алма- Ата, 1977, рис.1. Хранятся в Музее Института археологии АН Казахстана.

19. Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканды. Средняя Азия и Иран. Л., 1972

20. Иванов А.А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время//Краткие сообщения Института археологии, № 122, М., 1970; Иванов А.А. Кожембердыев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тобе // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

21. Буряков Ю.Ф. Мастерская тюркского искусства XIV в. в Самарканде//Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Т., 1990.

В.А. РУЗАНОВ, Ю.Ф. БУРЯКОВ

ДРЕВНИЕ РУДНИКИ И ПАМЯТНИКИ МЕТАЛЛУРГИИ В ГОРАХ КУГИТАНГТАУ

В результате многолетних археологических исследований на юге Узбекистана открыт целый ряд памятников с богатыми металлическими коллекциями, включающие предметы из меди, бронзы и железа. На некоторых из них обнаружены следы кузнечного промысла и обработки цветных металлов (1,2). Все это косвенно свидетельствует о древней разработке рудных источников, расположенных в юго-западных отрогах Гиссарского хребта в пределах Сурхандарьинской области. Эту же гипотезу подтверждают данные, полученные при геологических и геолого-археологических изысканиях в горах Кугитангтау, Байсунтау, Сурхантау и Бабатаг (3). Однако их отрывочность и ограниченность не дают полной картины развития древнего горно-металлургического производства в данном районе. Остается также нерешенным вопрос об источниках сырья для находок из памятников Сурхандарьинской области. Сейчас спектрально исследована большая серия предметов эпохи бронзы (4) и начато изучение изделий античного периода (5, 6). На основе этих материалов высказан ряд предположений об исходных районах производства исследованного материала. Однако следует признать, что все они не выходят за рамки гипотез из-за отсутствия исчерпывающих сведений о химическом составе руд здешних месторождений, эксплуатировавшихся в древности. Все это предопределило внимание к древнему горному делу и металлургии Южного Узбекистана.

В настоящей статье подводятся некоторые результаты разведки рудников и пунктов выплавки металлов, проведенной авторами в 1990 г. в центральной части Кугитангтауских гор. Кроме того, на базе геологических сведений в ней дается краткая геохимическая характеристика месторождений и рудопроявлений, расположенных на исследованной территории.

По геологическим данным месторождения Южного Узбекистана достаточно разнообразны по геохимическому составу. Здесь известны месторождения железа, полиметаллов и комплексные рудопроявления, содержащие полиметаллы, медь и олово. Среди них железные месторождения имеют наиболее широкое распространение.

Большая часть месторождений локализуется в двух зонах - Кугитангтауской и Байсунтауской. Кроме них, следует также отметить рудный район в западной части Бабатагских гор, где известны месторождения медистых песчанников. Ряд данных месторождений и рудопроявлений эксплуатировался в древности. Кроме древних рудников, на данной территории встречаются следы металлургического производства.

В Кугитангтауской зоне известно более двух десятков месторождений и рудопроявлений железа и полиметаллов. Большая их часть характеризуется комплексным составом руд: имеются железное, полиметаллическое, медное, реже оловянное и висмутовое оруденение. В руде наиболее широко распространены мусковит, хлорит, пирит, магнетит, гематит, полевые шпаты и галенит. Реже - касситерит, халькопирит, барит и арсенопирит.

В 1990 году Южно-Гиссарский археологический отряд по изучению древней металлургии и горного дела Северной Бактрии провел разведку некоторых пунктов в Кугитанге. Работы проводились в центральной части горного массива Кугитангтау, которая в настоящее время входит в заповедную зону Сурханского заповедника «Аралпайгамбар». На данной территории находятся три достаточно крупных месторождения и рудопроявления - это Тиллякан (участок Заккан), Чуянкан и Янгикан (рис. 1). Рудные пункты расположены на высоте 2100-2500 м над уровнем моря. Ближайшим населенным пунктом к этим рудникам является селение Кампиртепа, расположенное к с-в на расстоянии 8-10 км.

Тилляканское месторождение находится в верховьях Кампиртепесая в пределах истоков его правых составляющих, называемых саями Тиллякан, Малый и Большой Заккан. Оно характеризуется двумя рудопроявлениями железа и свинца. Минералогический состав жилы беден. Кроме жильного кварца, присутствуют галенит, сфалерит, халькопирит и в незначительном количестве малахит, церрусит, англезит и гидроокислы железа. В жиле содержание свинца колеблется от 1 до 8,4 %, цинка - от 2 до 13,7 %.

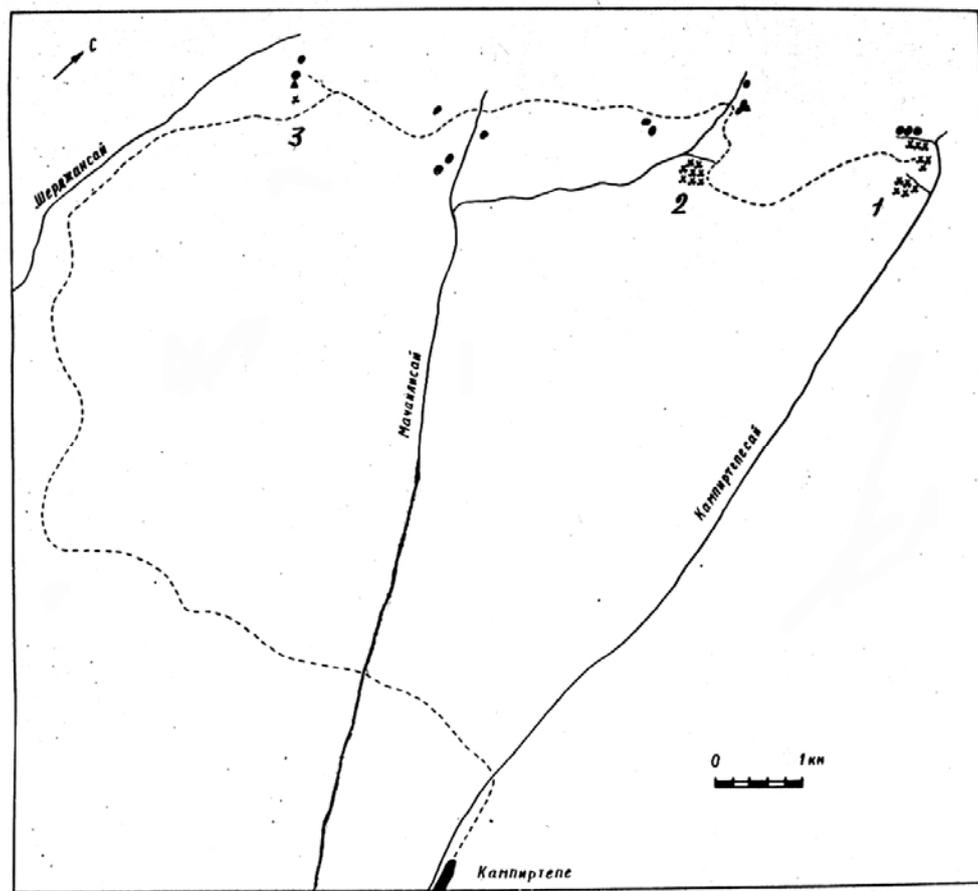

Рис. 1. Карта схема древних выработок и следов выплавки металла в горах Кугитангтау

На этом месторождении обнаружены несколько древних выработок разного типа. В основном это закрытые выработки в виде штолен. Судя по небольшим размерам, некоторые из них носили разведывательный характер. Они выглядят в виде ямы углубленной овальной формы от 0,5 до 4,5 м и высотой от 0,5 до 1,3 м. Всего на данном участке были осмотрены пять разведывательных выработок-штолен. Там же обнаружена карьерообразная выработка длиной 10 м, шириной 2-2,5 м и глубиной 1 м. В ней наряду с железными и полиметаллическими минералами найдены также минералы меди. Рядом с ней располагаются современные штольня и шурф, разработанные в 60 годах.

К сожалению, нам не удалось обследовать две главные древние выработки на Тилляканском месторождении. По сообщению жителя селения Маматкулова К., они располагаются в 100-150 м выше русла Тиллякансая на правом его берегу. Эти выработки выделяются значительными размерами. Их глубина 80-100 м, высота штолен варьирует от 0,8 до 15 м, ширина - от 1,5 до 10-15 м. В одной из этих выработок

имеет место чередование тоннеля и камеры. Известно наличие трех камер, длина которых колеблется от 25 до 40 м, высота - до 20 м. Вторая выработка имеет тоннель длиной более 100 м, который затем раздваивается на два рукава. Их входные отверстия заложены жженым кирпичом.

На противоположном левом борту Тиллякансая найдено несколько скоплений металлургических шлаков. Много шлаковых полей, по сообщению Маматкулова К., известны ниже по руслу Кампиртепесая.

Судя по геологическим данным, на месторождении Тиллякан в древности добывали железо и полиметаллы (свинец). Время выработок этого месторождения в связи с отсутствием археологического материала не установлено.

Другое рудопроявление Чуянкан расположено в верховьях Мачайлисая, в притоках левых его составляющих. Оно характеризуется комплексным составом руд: имеется оловянная, меднополиметаллическая, висмутовая и железная минерализация.

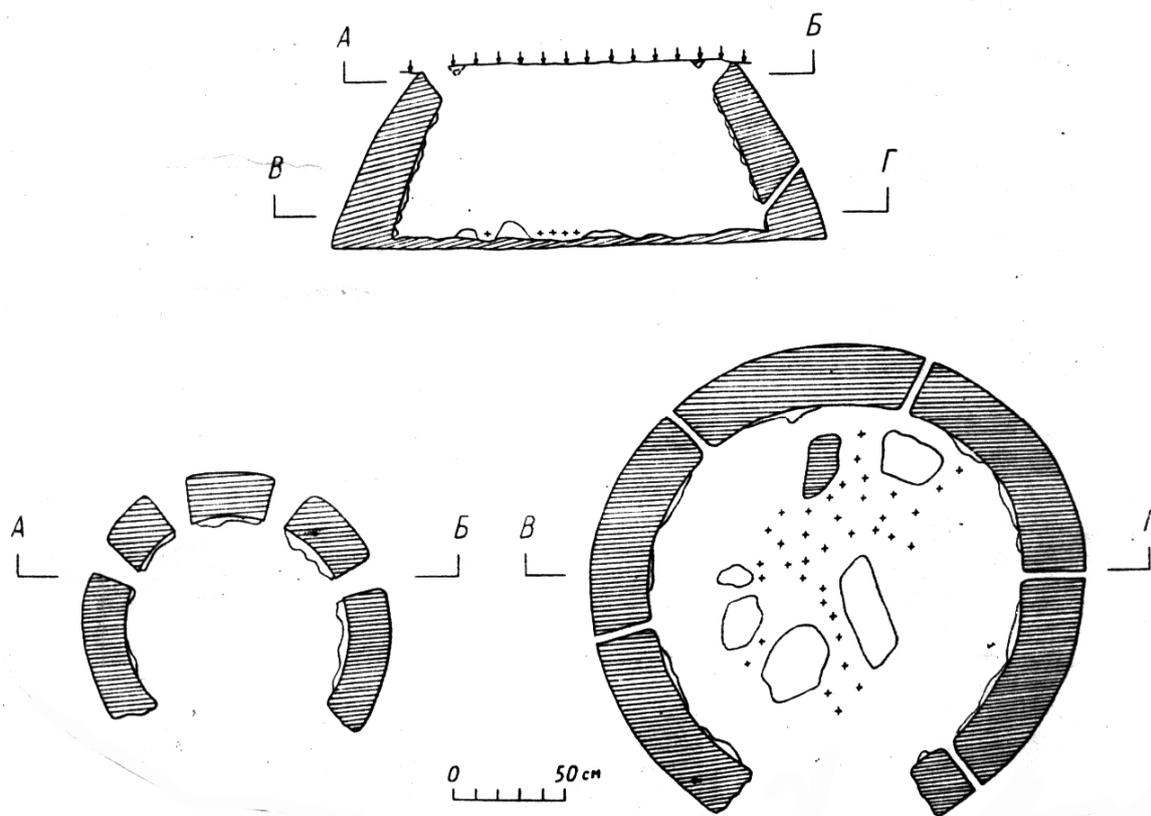

Рис. 2. Плавильная печь

Содержание олова колеблется от 0,1 до 0,3 % реже 0,4-0,6 %. Среднее содержание цинка, свинца и меди равно 0,01-0,05 %. Однако в отдельных местах содержание этих металлов повышено: цинка до 3,2 %, а свинца и меди до 0,1-1 %. Олово имеет сульфидную минерализацию.

На руднике Чуянкан зафиксировано 13 выработок, которые в подавляющем большинстве представляют собой карьеры. Наиболее крупная выработка имеет длину 150 м, ширину 3-8 м. По дну карьеров имеются щели до 5 м, идущие по рудным жилам. На этом же участке обнаружены 3 штольни. Все выработки располагаются на левом борту одного из верхних притоков сая Мачайли на высоте 70-150 м от его русла. Судя по количеству выработок и их размерам, на рудопроявлении Чуянкан в древности было выработано большое количество руды.

Геохимический состав руды указывает, что на рудопроявлении Чуянкан в древности добывали олово, свинец и цинк. Наличие на месторождении бурых железняков не исключает также добычу железных руд¹.

¹ По сообщению жителей селения Кампиртепа, название Чуянкан этот рудник получил в связи с фальсификацией рудокосами характеристики сырья, которое они добывали здесь. Как известно, в древности олово являлось ценным сырьем в

В 500-600 м на север от рудопроявления Чуянкан на левом борту Мачайлиса найдены три шлаковых поля диаметром от 13 до 22 м. На одном из них были обнаружены невыразительные остатки металлургической печи в виде двух обломков стенок печи толщиной 14 и 15 см. Стенки сделаны из кирпичей, фрагментарность которых не позволяет установить их форму и размеры. Еще два шлаковых скопления диаметром 20 и 25 м обнаружены на правом борту сая Мачайли в 500-600 м к ю-з от месторождения Чуянкан.

Археологический материал в районе месторождения Чуянкан и скоплений шлаков не обнаружен. Поэтому время древних работ не установлено. Рудопроявление Чуянкан и месторождение Тиллякан обследовались в 60 годах участниками Ревизионно-тематической экспедиции Главного управления геологии при Совете Министров РУз. (3).

Рудопроявление Янгикан находится на водораздельной части саяв Саукбулак и Мачайли. Здесь наиболее широко распространены мусковит, хлорит, пирит, гематит, полевые шпаты, реже - касситерит, халькопирит и галенит. В

металлообрабатывающем производстве. Очевидно, чтобы скрыть добычу этот рудник получил название «железный».

единичных случаях встречается арсенопирит. Содержание олова в зависимости от глубины залегания варьирует: на поверхности от 0,1 до 0,3 % на глубине свыше 40 м - от 0,54 до 2,75 %.

На этом участке обнаружены три выработки. Одна из них - современная выработка в виде штольни находится в восточной части рудопроявления. Две другие были заложены в древности и располагаются примерно в 400-500 м к западу от современной штольни. Одна из них представляет собой карьер длиной 40 м, шириной 2-3 м и глубиной 1,5-2 м, вторая - штольня, (ее размеры определить не удалось).

Судя по геохимическому составу руд на руднике Янгикан в древности велась добыча полиметаллов, олова и, возможно, железа. Археологический материал на рудопроявлении Янгикан не обнаружен.

Примерно в 500-600 м к западу от древних выработок рудопроявления Янгикан в местечке Курган (родник Саукбулак) на правом борту Шерджанская обнаружены три шлаковых поля диаметром 17-30 м. На одном из них встречена, вкопанная в землю, металлургическая печь (рис. 2)². Высота сохранившейся части печи 1 м, диаметр в основании 2 м, в верхней части 1,25 м. Печь сделана из огнеупорной белой глины. Толщина стенок в основании достигает 28-29 см, в верхней ее части 20 см. На высоте 8-12 см от пода печи имеются отверстия сопел, диаметр которых варьирует от 6 до 8 см. Угол наклона сопел к поду печи равен 37-40°. Сопла располагаются примерно в 80-87 см друг от друга. В верхней части стенок печи на высоте 70-80 см сохранились четыре отверстия шириной 10-21 см и высотой 17 см. Отверстия были вырезаны. Угол их наклона к поду печи равен 45°. Отверстия имеют прямоугольную форму и сужены при входе в печь. Видимо, в печи таких отверстий было 6 или 7. Их назначение нам неясно. Возможно, они служили в качестве дополнительных воздухопроводящих каналов при естественной подаче воздуха с помощью ветра, что, по-видимому, ускоряло процесс плавки.

По предварительным подсчетам высота печи достигала 1,2-1,3 м.

Рядом с печью найдены обломки сопел. Археологический материал на руднике Янгикан и в районе шлаковых полей не найден.

Таким образом, полученные данные позволяют выделить в бассейнах рр. Кампир, Мачай-

ли и Шерджан достаточно мощный центр металлургического производства. На территории этого очага, названного нами Кампир-Мачайлинским, сконцентрировано более 23 крупных и мелких рудных выработок и 15 скоплений шлаков³ со следами металлургических печей. Основная их часть локализуется в бассейнах Кампиртепесая и Мачайлиса. Судя по геохимии руд, здесь велась добыча полиметаллов (свинец и цинк), олова и железа. Плавку металлов обычно проводили поблизости от мест добычи сырья. Датировка этого очага остается проблематичной. Однако судя по конструкции металлургической печи и «чистоте» шлаков, можно предположить, что обследованные памятники рудного промысла и металлургического производства относятся к средневековому времени. Для уточнения датировки и определения связей Кампир-Мачайлинского центра с металлообрабатывающими мастерскими Северной Бактрии необходимо продолжить археологическое обследование памятников в этом районе.

1. Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947.
2. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
3. Лопатин С.В., Пругер Е.Б., Ермилов А.Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана масштаба 1:1000000. Том III, Ташкент, 1964.
4. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. к.и.н. М., 1982.
5. Левушкина С.В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии // Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
6. Рузанов В.Д. Древняя металлообработка Северной Бактрии, Согда и Хорезма. Отчет отдела химико-технологического исследования и консервации исторических памятников за 1986-1990 гг. Самарканд, 1990.

² В связи с запретом проведения раскопок на территории заповедника, глубину ямы от древней поверхности установить не удалось.

³ Приведенные в статье сведения о количестве скоплений шлаков неполные, т.к. по сообщению местных жителей, следы плавки руд встречаются на протяжении 7-8 км вдоль русел саев Кампиртепе и Мачайли.

А.А. АБДУРАЗАКОВ, К.А. КАСЫМОВА

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВОГО
КОНСЕРВАНТА НА ОСНОВЕ ДИИЗОЦИОНАТА ДЛЯ
ЛЕССОВЫХ ПАМЯТНИКОВ УЗБЕКИСТАНА**

Для Узбекистана, также как и для других республик Центральной Азии, весьма важна и актуальна проблема сохранения древних сырцовых раскопок. Как правило, это памятники, охватывающие хронологический диапазон от эпохи бронзы до средневековья, то есть почти четырехтысячелетний период истории возведения из глины, лесса и лессовидных суглинков. Вследствие использования в древности подобных слабостойких к атмосферным осадкам строительных материалов, вскрываемые памятники постепенно разрушаются и исчезают с лица земли. Такое тревожное положение складывается не только у нас, но и во многих странах мира, где имеются аналогичные глиняные архитектурно-археологические сооружения. Именно поэтому были созданы многие международные и региональные конференции с обсуждением проблемы сохранения сырцовых объектов. Предполагались разные пути сохранения, но, главным образом все они сводились к использованию различных химических консервирующих средств (1, с. 62-66). Эффективность последних неоднозначна. Многие из них, используемые в виде полимерных закрепляющих составов, не устойчивы к воздействиям внешней среды, плохо проникают вглубь материала и дают низкие показатели механической прочности и т.д.

В отличие от существовавших в мире методов, в Институте археологии АН РУз были предложены совершенно новые решения - использование для консервации сырцовых объектов мономеров диизоцианатов, которые, полимеризуясь внутри материала, дают высокие показатели механической прочности и большую устойчивость к внешней среде (2, 3, с. 81-90). Все эти разработки широко апробированы на практике различных археологических памятниках Узбекистана и получены весьма эффективные результаты. Однако указанные разработки, имея целый ряд преимуществ перед известными в мире методами, также не лишены недостатков. В частности, употребляемые при консервации

химические вещества отличаются высокой токсичностью и дороговизной используемых продуктов.

В связи с этим в настоящей статье приводятся результаты исследования нового консерванта на основе диизоцианата, который обладает идентичными с предыдущими веществами физико-химическими свойствами, но отличается от них меньшей летучестью и сравнительно низкой токсичностью. Экспериментальные исследования в основном проводились по методике, разработанной ранее (4, с.28-33).

Нами изучалась зависимость, первой, наиболее важной характеристики в реставрационной практике глинистых материалов: показателя механической прочности на сжатие от концентрации химического реагента (консерванта на основе диизоцианатов) и от технологии обработки их. Для опытов применяли образцы на основе лесса, взятого из городища Афрасиаб. В приготовлении образцов руководствовались рекомендацией авторов (4, с.29). С целью получения воспроизводимых результатов и устранения неоднородности структуры и наличия внутри отдельных образцов пустот и трещин была взята модель суглинистого грунта (5.с.119), состоящая из песка и глины в весовых отношениях кварцевый песок: глина 7:3 как в работе (5, с.66). Полученную шихту формовали в виде стандартных кубиков размерами 3х3х3 см (3) и 4х4х4 см (3). Отдельно готовили такие же кубики только из лесса. Все образцы подвергали просушке при 60°C до постоянного веса. После охлаждения их при комнатной температуре проводили консервацию в пределах 20-60°C. После чего их снова сушили до постоянного веса и затем определяли расход закрепителя (или заполимеризовавшегося диизоцианата). Механическую прочность на сжатие определяли на универсальном механическом прессе марки УММ-5. Результаты экспериментальных исследований представлены в таблицах 1,2 и 3.

Таблица I.

Зависимость механической прочности на сжатие образцов из лёсса и модельных от концентрации консерванта на основе диизоцианата в м-ксилоле и от техники обработки его при температуре от 20° до 60°С.

№ №	Концентрация консерванта, % (об.)	Р _{сж} , кгс/см ²			Р _{сж} , кгс/см ²			Цвет образцов
		а	б	в	а'	б'	в'	
1.	Без консерванта	20,0	-	-	18,4	-	-	желтовато-серый
2.	Без консерванта, растворитель: м-ксилол	43,5	-	-	-	-	-	желтовато-серый
3.	30, обработка кистью	61,3	115,5	158,9	81,4	115,5	140,3	темновато-коричневый
4.	15, обработка кистью	73,5	115,5	158,9	81,4	115,5	140,3	темновато-коричнев.
5.	15, «-», после выдерживания в парах воды	226-305,5	-	-	-	-	-	
6.	3, на подсосе в закрытой системе, 96 ч.	105,7						желтовато-серый
7.	3,6, на подсосе в закрытой системе, 96 ч.	106,3	-	-	-	-	-	желтовато-серый

Примечание: а, б, в - результаты для лессовых образцов. а', б', в' - результаты для модельных образцов (лесс: песок 7:3) обработанных одно-, двух, трехкратно соответственно.

В таблице I показана зависимость прочности на сжатие образцов (кубики размером 3х3х3 и 4х4х4) из лёсса с городища Афрасиаб и его смесей с кварцевым песком (в соотношении лёсс: песок 7:3 соответственно). От концентрации консерванта, содержащего 30 % диизоцианата, в м-ксилоле и от техники обработки: сначала при комнатной температуре до воздушно-сухого состояния, затем в сушильном шкафу при нагреве от 20° до 60°С, в течении 3-х часов. Для исходных лёссовых образцов, не подвергавшихся обработке консервантом механическая прочность на сжатие составила 20 кгс/см², а для модельных (с песком) Р_{сж} = 18,4 кгс/см². Все значения Р_{сж} и Р_{сж} являются усредненными значениями из шести определений. После обработки образцов только растворителем Р_{сж} возрастает почти в 2 раза и равняется 43,5 кгс/см². Как видно, растворитель, уже сам по себе, положительно влияет на механическую прочность на сжатие, повышая её. Ещё более возрастает Р_{сж} после обработки 30%-ной концентрацией консерванта в м-ксилоле, в табл. I Р_{сж} при этом увеличивается до 61,3 кгс/см². Как оказалось, Р_{сж} зависит и от техники обработки образцов консервантом. Эти результаты представлены в таблице I под № 4. Одно, двух и трехкратная обработка 15 % раствором консерванта привела к возрастанию Р_{сж} как для лёссовых, так и для модельных образцов. Для лессовых Р_{сж} при однократной консервации равно 73,5 кгс/см², двухкратной 115,5 и трехкратной 158,9 кгс, см². Для модельных Р_{сж} составили соответственно 81,4; 115,5; и 140,3

кгс/см². Выдерживание образцов после консервации их 15%-ным раствором консерванта (№ 5 в табл. I) в закрытом эксикаторе над водой, то есть во влажной атмосфере при комнатной температуре (25°С) в течение 2-х месяцев привело к повышению механической прочности на сжатие то 226 до 305,5 кгс/см², что значительно превысило другие показатели Р_{сж}. Интересно, что при малых концентрациях консерванта при другой технике обработки, то есть когда образцы обрабатывались не путем нанесения консерванта кистью, а выдержанных в растворе консерванта на подсосе в закрытой системе в течение длительного времени (96 часов): опыты под № 6 и 7, оказалось возможным получить высокие результаты, Р_{сж} равны 105,7 кгс/см² при 3 %-ной концентрации консерванта и 106,3 кгс/см² при концентрации 3,6 %. При этом получаются образцы с цветом, соответствующим исходным образцам и с большей глубиной пропитки, чем для обработанных кистью. Следовательно, исходя из данных таблицы I, можно рекомендовать использовать в практике консервации лессовых памятников консервант с 3%-ной концентрацией. Результаты с 15% и 30%-ной концентрацией нельзя использовать из-за темного цвета полученного материала.

Консервант на основе диизоцианата было также интересно применить вместе со спиртами (этиленгликолем, диэтиленгликолем и глицерином), участвующими в реакции уретанообразования (6). В таблице 2 представлены эти результаты после проведения реакции полиуретанообразования в лессе и в его смеси с песком (мо-

дельные кубики). При применении 15% -ного раствора консерванта в м-ксилоле, 5 %-ного водного раствора спирта, 1% катализатора триэтиламина получены следующие результаты: для системы с этиленгликолем $P_{сж} = 68,7$ (опыт №1) , а в литературе (6,с.66, табл. 6, 50,9 кгс/см²), с диэтиленгликолем $P_{сж}=81, 5$, литературные данные 60,2 кгс/см²; с глицерином

$P_{сж}=61,0$, литературные (6, с. 66, табл. 6, 62,1 кгс/см². Для образцов с песком $P_{сж}$ определено только для системы с этиленгликолем, $P_{сж}=46,1$ кгс/см². Оно оказалось ниже, чем для образцов из лёсса, что свидетельствует об участии лёсса в реакции полиуретанообразования, то есть присутствующих в нем силанольных групп.

Таблица 2.

Механическая прочность на сжатие ($P_{сж}$) лёссовых образцов в реакциях полиуретанообразования в системе: консервант 15 % (на основе диизоцианата) водные растворы спиртов 5 % и катализатор 1 % триэтиламина при 60°C:

№№ опытов по порядку	Реагенты: спирт, консервант	После обработки консервантом		Цвет образцов
		$P_{сж}$, кгс/см ²	$P_{сж}$, кгс/см ²	
1.	Этиленгликоль	68,7 (50,9)*	46,1	темновато-коричневый
2.	Диэтиленгликоль	81,5 (60,2)*	-	темновато-коричневый
3.	Глицерин	61,0 (62,1)*	-	темновато-коричневый

$P_{сж}$ - для лёссовых, $P_{сж}$ для образцов лёсс: песок 7:3, (*) - литературные данные (6, С. 66, табл. 6), при 30% концентрации диизоцианата.

Были поставлены опыты по изучению зависимости $P_{сж}$ от концентрации консерванта 3 % и 6 % в системе с триэтиламином при

комнатной температуре на открытом воздухе в пределах 25-30°C. Полученные данные представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Зависимость $P_{сж}$ от концентрации консерванта на основе диизоцианата в системе с триэтиламином в м-ксилоле при 25-30°C при обработке образцов из лёсса с песком (соотношение лёсс : песок 7:3).

№№ опытов п/п	Концентрация консерванта, триэтиламина, %	$P_{сж}$, кгс/см ²	Цвет образцов
1	3, 1	38,5	Сероватый (как необработ.)
2.	3, -	28,0	Сероватый «-«
3.	6, 1	36,5	Сероватый «-«
4.	6, -	25,0	Сероватый «-«

Из таблицы 3 видно, что при температуре 25-30°C в естественных условиях просушивания при низких концентрациях консерванта $P_{сж}$ невысоки: 38,5 и 36,5 кгс/см² в присутствии 1 % триэтиламина и 3 % и 6 % консерванта (опыты 1 и 3), что не удовлетворяет требованиям реставрации. Наблюдается некоторое снижение $P_{сж}$ в растворах консерванта без триэтиламина (опыт 2 $P_{сж}=28,0$ кгс/см², (опыт 4 $P_{сж}=25,0$ кгс/см². В этих условиях, очевидно, триэтиламин способствует повышению механической прочности.

После установления оптимальных вариантов по прочностным показателям образцы испытывались на устойчивость к климатическим факторам - водопоглощение и водоотдачу, солеустойчивость, водо- и морозостойкость, согласно ме-

тодам испытания на деструкцию полимерных материалов, описанных и апробированных в реставрационной практике (4, с. 33, 39, 42; 6, с. 95).

В результате экспериментальных исследований нами установлено образование полимера в среднем в количестве 1,5 % для лёссовых образцов и 2,2 % для образцов лёсса с песком, при применении 15 % консерванта. При концентрации консерванта 3 % образование полимера очень незначительно.

Водопоглощение составило 0,9 % для лёссовых и 2,2 % для модельных образцов, как при применении 15 %, так и 3 % консерванта. Водоотдача колеблется от 0,7 до 1,5 % соответственно для лёссовых и для модельных образцов, что

свидетельствует о высокой гидрофобности полученных образцов.

Как известно, в естественных условиях археологические объекты подвергаются разрушительному воздействию, не только влаги, но также и минеральных солей, минусовых и плюсовых температур, вызывающих расслаивание и растрескивание закрепленной поверхности. Исследование процесса старения обработанных консервантом образцов проводили во влажной камере при комнатной температуре (25-30°C) в течение пяти месяцев. После такого выдерживания (при визуальном наблюдении) образования и расслаивания не наблюдалось.

Солеустойчивость образцов после консервации испытывалась также по методике (6, с. 95). Закрепленные образцы помещали в раствор солей 2,3 % Na₂SO₄, 0,2 % CaSO₄, 2,3 % NaCl, 0,2 % MgSO₄ на глубину 2 см. Уровень раствора поддерживали постоянным в течение полугодового испытания. Образцы хорошо сохранились, хотя наблюдалось выделение солей на поверхности в виде белых кристаллов.

Эффективность закрепления материала зависит также от морозоустойчивости обработанных объектов. Попеременное замораживание и оттаивание проводили по методике согласно ГОСТА 7025-67 в пределах температур 25°C и -15°C. Замораживание проводили в холодильной камере в воздушной среде на полиэтиленовой пленке, установленной над искусственно приготовленной охлаждающей смесью: 33 г NaCl 100 г льда, создающей максимально низкую температуру - 21°C, составленную по методике, описанной в (7, с. 91-95). В холодильнике над этой смесью поддерживалась температура -15°C, что контролировали термометром с точностью до 1°C. Оттаивание проводили при комнатной температуре в воде. Закрепленные 3 % и 15 % консервантом образцы выдерживали 20 циклов замораживания и оттаивания, что соответствует требованиям практики реставрации.

В результате экспериментальных исследований выяснилось, что оптимальным для реставрации является применение 3 %-ного консерванта на основе диизоцианата в закрытой системе после многократного обильного пропитывания лесса и выдерживания в таком состоянии в течение 4-5 суток с последующей сушкой в пре-

делах температур 20°-60°C до постоянного веса образцов, что обеспечит глубокую их пропитку консервантом и удовлетворительный цвет лесса.

ВЫВОДЫ.

1. Изучен наиболее эффективный вариант методики на основе реакции диизоцианатов с лессовыми объектами.

2. Получены аномально высокие значения $R_{ск}$ лессовых образцов при низких (3%) концентрациях консерванта, содержащего диизоцианаты и удовлетворительный цвет материала.

3. Образовавшиеся внутри закрепленного объекта продукты выделяются значительной глубиной пропитки, устойчивостью к внешним разрушающим параметрам: воде, минеральным солям и морозу.

4. Метод закрепления отличается значительной дешевизной и низкой токсичностью используемых химических веществ.

1. А.А.Абдуразаков. Состояние и перспективы сохранения археологических памятников в Узбекистане. // "Общественные науки в Узбекистане", Ташкент. № 3, 1987, с.62-66

2. А.А.Абдуразаков и сотр. Авторские свидетельства 212410 от 13.12.1967 г., 325822 от 12.10.1971 г., 938526 от 23.02.1982 г., 1330952 от 15.04.1987 г. и 1580780 от 22.03.1990 г.

3. А.А. Abdurazakov. Conservation experience of clay construction in Uzbekistan. Preventive measures during excavation and site protection. Conference, Grent, 6-8 November 1985, JCCROM, Rome, 1986, P.P. 81-90.

4. А.А.Абдуразаков, М.К.Камбаров. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент. "Фан", 1975. С.29.

5. Соломенченко Н.Я., Серб-Сербина Н.Н. Влияние катионно-активных веществ гидрофобизаторов на свойства глинистых грунтов, укрепляемых полиакриламидом // "Физико-химическая механика почв, грунтов, глин и строительных материалов". Ташкент, "Фан", 1966. С.119.

6. М.А.Реутова. Реакции уретанообразования в составе лессовых композитов и разработка методов консервации археологических объектов. Дисс. канд. химич. наук, Ташкент, 1986.

7. Лабораторная техника органической химии. Пер. с чешск. М., "Мир", 1966.

Н. АЛМАЗОВА

СТЕКЛО КУМЫШКЕНТА

В 1980-1985 гг. Булунгурским отрядом Института археологии АН РУз совместно с Самаркандским Гос.музеем истории культуры и искусства Узбекистана под руководством Г.В. Шишкиной проводилось стационарное исследование городища Кумышкент (Акдарьинский район Самаркандской области). Раскопки Л.В. Павчинской¹.

В ходе археологических работ был получен обильный материал, среди которого большой интерес представляют изделия из стекла (фрагменты более 160 сосудов).² Хотя, археологически целых форм немного, только 5, многие фрагменты позволяют их реконструировать. Из всего многообразия форм можно выделить посудное стекло, парфюмерно-аптекарскую, химическую посуду, оконное стекло.

Стекланные изделия, в основном, происходят из ям и бадрабов IX-XII веков и датируются по комплексу, найденных с ними, керамических изделий и монетным находкам. Хронологически выделяются 4 периода:

1. Вторая половина IX - начало X вв. (яма 1, 10, 17, подземное помещение 2) (1, с. 17, 26, 28). Основным датирующим материалом для комплексов этого времени послужили полусферические чаши, покрытые белой непрозрачной глазурью с расплывчатыми зелеными или зеленовато-голубыми пятнами, выполненные под влиянием ближневосточных образцов и узкогорлые одноручные кувшины с покатыми плечиками, желобчатым вытянутым сливом, украшенные прочерченным орнаментом в виде ветки (2, с. 42, 65).

2. Материал X века получен из бадрабов 1, 2, 4, ям 11, 20, 21 (1, с. 18, 22, 35). Вместе со стеклом здесь были обнаружены чаши с курсивной арабской надписью черного цвета по краю устья, небольшие полусферические чаши, расписанные в красно-коричневой гамме с полосчатым узором в четырех секторах и полусферические крышки с грибообразной ручкой (2, с. 26, 54, 72, рис. 13, табл. VIII № 8-12).

3. Конец X - начало XI вв. (бадраб 3, 6, яма 33) (3, с. 17, 24). Основанием для датировки послужило наличие в комплексах полусферических чаш с орнаментом вихревой розетки, широко распространенных в Согде в данный период (2, с. 58; 5, с. 56).

4. XII век. Этим временем датируется только одна яма 8 по находкам чирагов на высокой фигурной ножке с блюдцем, известных в Согде с XII в. (2, с. 65, табл. XVIII, 4; 4, с. 207). Столовая посуда открытых форм представлена следующими типами:

Банкообразные сосуды. Большинство сосудов выполнено «тиходутым» способом. Имеют цилиндрическую форму (высота 6-10,5 см; диаметр венчика 8-11,5 см) с различными вариантами оформления венчика: край венчика ровно оплавлен - банка из голубовато-зеленого стекла (рис. 1.1; I период). Дно незначительно вогнуто. Богато орнаментировано оттиском формы: на стенках «соты», на дне многолепестковая розетка в кругах из «перлов». Подобный вид орнаментации известен на Афрасиабе для изделий, датируемых концом VIII - началом IX вв. (5, рис. I. 14, с. 20).

Донце сосуда из светло-зеленого стекла (рис. 1.2; I период) украшено вихревой розеткой, переходящей на стенках в косые канелюры. Фрагмент банки (рис. 1.3; I период) с незначительно вогнутым дном, украшенным сетчатым рельефным орнаментом. Фрагмент донца (рис. 1.4; I период) из светло-зеленого стекла, орнаментированного многолепестковой розеткой с кружком в каждом лепестке, по краю - концентрические круги. Фрагмент банки (рис. 1.5; 2 период) из светло-зеленого стекла, выдутой в косорестистую форму, прием хорошо известный на Афрасиабе, в Пайкенде (5, рис. 1.П; рис. 18. 15). Донце орнаментировано многолепестковой розеткой в кругах из «перлов».

Следующий вариант дают сосуды с краем венчика отогнутым наружу: банка из светло-зеленого стекла (рис. 1.6; 2 период) украшена рельефной сеткой, на дне - вихревая розетка. Фрагмент банкообразного сосуда с утолщенным краем (рис. 1.9; 2 период) из светло-зеленого стекла, в верхней части украшен тонкой припаянной нитью.

¹ Материал для статьи был любезно предоставлен Л.В.Павчинской, которой автор приносит свою глубокую благодарность.

² Весь материал из Кумышкента хранится в фондах Самаркандского музея. Археологическая коллекция А-469.

Край венчика загнут петлей вовнутрь. Этот вариант представлен низкой приземистой банкой (рис. 1.7; 2 период), выдутой в гладкую форму из синего матового стекла. Близкие по форме сосуда встречены в материалах Пайкенда (6, рис. 18. 4-10).

Венчик клювовидный - банка из синего стекла (рис. 1.8; 2 период) на кольцевом поддоне, припаянном к вогнутому дну. По ряду признаков (гладкая блестящая поверхность, значительная вогнутость донца с

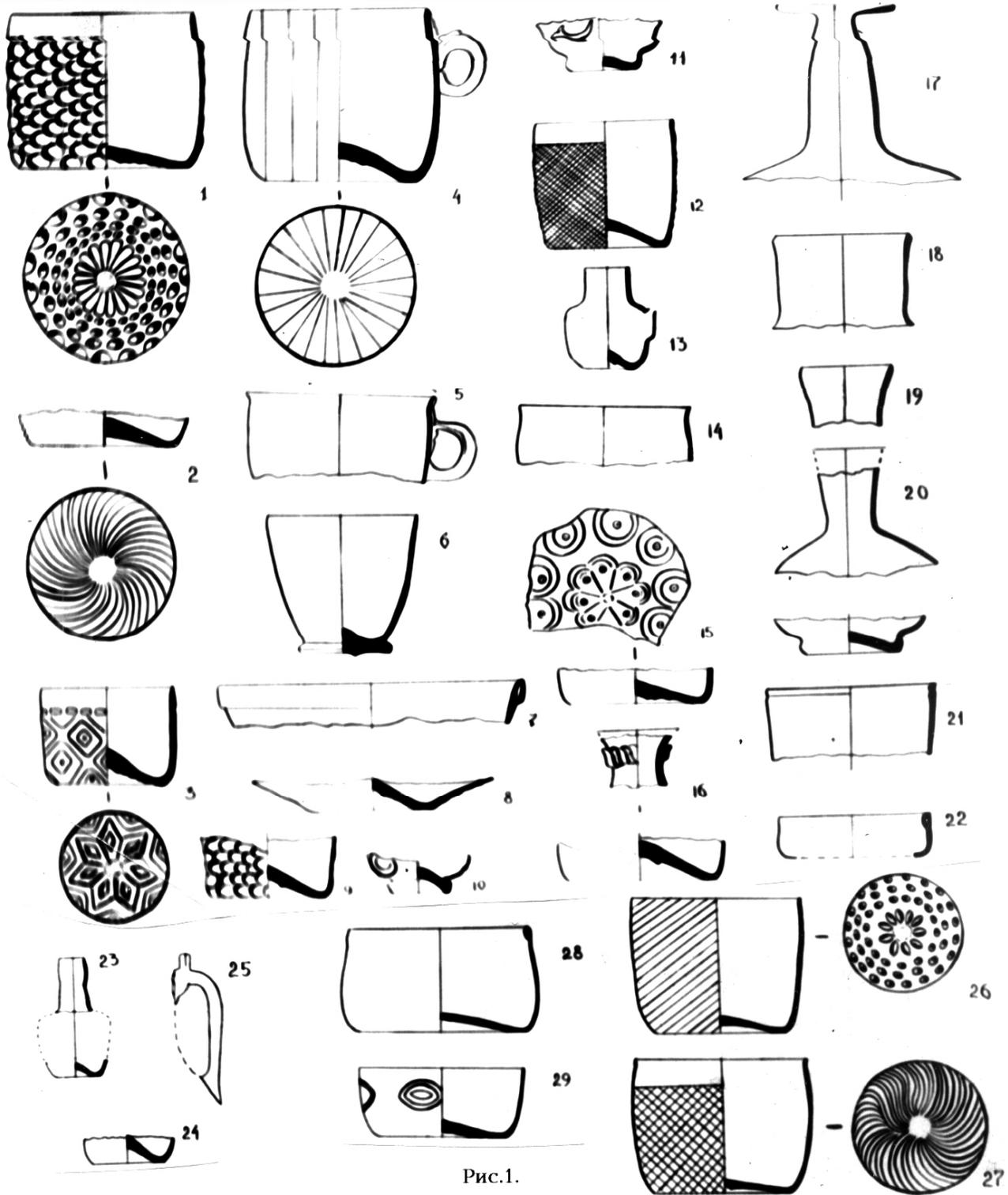

Рис.1.

обломком набеля) выполнена свободным выдуванием.

Единственный экземпляр банки, датируемый XII веком (рис. 1. 10; 4 период) выполнен из светло-зеленого стекла. Край венчика ровно оплавлен. Поверхность гладкая, ярко выражен след припая понтии, что свидетельствует о способе свободного выдувания.

Кружки. Выполнены выдуванием в гладкую и, в одном случае (рис. 1.11; I период), в граненую форму. Имеют цилиндрическую форму тулова и ручки двух видов: петлеобразная овальная в сечении (рис. 1.12; I период) и с двумя горизонтальными шипами, придающими ручке подквадратный абрис (рис. 1.13; 2 период). Венчик ровно оплавлен или отогнут наружу. Высота 9-10 см, диаметр венчика 10-11 см. Стекло светло-зеленого и голубовато-зеленого цветов. Близкие по форме кружки присутствуют в комплексах Афрасиаба и Пайкенда (2, рис. 5, 10, рис. 4, 26; 6, рис 18. 15-16).

Тарелки. Представлены фрагментами двух экземпляров на вогнутом дне с широко расходящимися стенками. Тарелка (рис. 1.14; I период) из голубовато-зеленого стекла украшена по днищу выпуклыми кружками и овалами (результат оттиска формы). Ближайшие аналогии эта форма находит среди стеклянных изделий из Бухары (7, с. 53, рис. 5). Тарелка из светло-зеленого стекла (рис. 1.15; 2 период) отличается от предыдущей большими размерами и утолщенным дном.

Чашы. Крупные сосуды полусферической формы (диаметр по венчику 18-20 см), подразделяются на три типа:

Чаша с манжетовидным венчиком (рис. 1. 16; I период) (из светло-зеленого стекла аналогична чашам из Ахсикента) (8, рис. 17; 2 период) на утолщенном кольцевом поддоне с клювовидным венчиком, декорирована в придонной части наlepным орнаментом в виде цепочки фестонов с рельефными углублениями вырезанными в них. Этот вид декора аналогий пока не имеет.

Чаша (рис. 1.18; 2 период) из зеленовато-желтого стекла орнаментирована в верхней части двумя рядами тонких наlepных нитей, далее горизонтально расположенные овальные ячейки. Овальные ячейки и наlepные нити широко использовались в оформлении изделий, найденных на городище Афрасиаб, Хульбук и т.д. (5, рис. 1.14; рис. 5.18; 9, рис. 16.3).

Чашечки. В отличие от крупных чаш, служивших для жидких видов пищи, использовались для приправ, деликатесов, варенья и т.д. (6, с. 173). Изготавливались путем выдувания в глад-

кую и орнаментированную форму. Подразделяются на два типа: цилиндрические и конические. Первые, в свою очередь, делятся на чашечки с ровно оплавленным краем венчика и низкие с петлеобразно загнутой вовнутрь закраиной венчика. К первой группе относится археологически целая чашечка (рис. 1. 19; I период) из светло-зеленого стекла (высота 5,8 см, диаметр венчика 8 см), богато орнаментированная оттиском рельефной формы: на стенках ромбическая сетка ограниченная в верхней части полосой «перлов», на дне семилепестковая розетка, лепестки также ромбической формы. Аналогичным образом декорированы стенки небольшого кувшина, найденного на Афрасиабе и хранящегося в фондах Самаркандского музея (5, рис. 8, 1). Нижняя часть чашечки (рис. 1. 20; I период) из светло-зеленого стекла, стенки покрыты «сотами». Вторая группа представлена фрагментом чашечки с манжетовидным венчиком (рис. 1. 21; 2 период)(высота 2,5 см) из стекла светло-зеленого цвета. Аналогичная форма известна в Пайкенде (6, рис. 1. 22; 2 период) из светло-зеленого стекла орнаментированная прерывистой полосой концентрических овалов, проходящей в средней части тулова. Закраина венчика петлеобразно загнута вовнутрь (высота 4,7 см; диаметр венчика 11 см). Выдута в косоробристую форму, на выпуклых гранях, цвет стекла более интенсивный. Косоробристая поверхность - распространенный вид декорировки банок, флаконов, чашечек (5, рис. I. 11; 6, рис. 18. 19; 9, рис. 19. 2). Коническая форма с расходящимися в стороны стенками находит аналогии среди чашечек Пайкенда, датирующихся второй половиной X в. (6, рис. 18. 12, 13).

Бокалы. Единственный экземпляр бокала (рис. 1. 24; I период) выполнен свободным выдуванием из голубовато-зеленого стекла (высота 8 см; диаметр венчика 9 см). Бокал имеет коническую форму, поддон кольцевой, массивный, припаян к вогнутому дну. Наиболее близок ему по форме кубок, найденный на городище Хульбук (9, рис. 12.1).

Стеклянная посуда закрытых форм.

Графины-бутыли. Изготавливались выдуванием в форму и свободным выдуванием. Представлены тремя типами:

1. Узкогорлый графин с дисковидным венчиком, горло книзу расширяется и переходит в широкие плечики (рис. 2.1; 2 период) (2 экземпляра из стекла желтоватого цвета). Реконструировать форму тулова сложно, так как подобное оформление верха могли иметь сосуды с коническим туловом, такой сосуд приводится

М.Аминджановой среди стеклянных изделий Самаркандского музея (10, с. 93, рис. 1.14), и с округлым туловом как сосуды из Армении (11, с. 39, табл. III, 14) и графин, найденный при раскопках на городище Афрасиаб³. Судя по найденному вместе с одной из горловин широкому уплощенному днищу с оттиском рельефной формы в виде уже известной среди других типов посуды, многолепестковой розетки в кругах из «перлов», данный графин выполнен «тиходутым» способом, и вероятно, имел коническое тулово.

2. Ко второму типу можно отнести два экземпляра бутылей. Первая реконструируется по двум фрагментам голубовато-зеленого стекла (рис. 2.2; 2 период). Сохранившаяся горловина украшена накладной полосой уложенной зигзагом и чуть прижатой в местах соприкосновения с поверхностью бутылки. Днище сильно вогнуто (диаметр 9 см), след припая четко выражен, что говорит о технике свободного выдувания. Второй экземпляр представлен высокой, суживающейся кверху горловиной бутылки из светло-зеленого стекла (рис. 2.3; 2 период), украшена также накладной полосой. Близкие по форме бутылки, найденные на Афрасиабе, в Бухаре, Ахсикенте, имеют несколько иное оформление горловины (5, рис. 6.9; 7, рис. 10; 8, рис. 16).

3. Высокая трубчатая горловина графина с одним или двумя вздутиями (высота 12-13 см, диаметр 2,7-3 см). Завершение может быть раструбообразным (рис. 2.6; 3 период) и чашевидным (рис. 2.4; 2 период). Чашевидное завершение графина украшено по спирали тонкой накладной нитью. Стекло светло-желтого и светло-зеленого цвета. Аналогичные графины на Афрасиабе датируются X в. (5, с. 23, рис. 5. 6, рис. 6. 1).

Кувшины. Широкогорлые и узкогорлые. Изготовлены свободным выдуванием и выдуванием в форму.

Первый тип делится на два подтипа: с цилиндрическим и коническим горлом. К первому подтипу относятся: фрагмент горловины (диаметр 8 см) с утолщенным краем венчика (рис. 2.8; 2 период) и горловина с валикообразным венчиком, украшенная овальными ячейками и наклепными нитями (рис. 2.9; 2 период). Стекло светло-зеленого цвета. Второй подтип представлен фрагментами трех кувшинов из светло-зеленого стекла: фрагмент верхней части кувшина орнаментированного по плечикам выпуклыми кружками (рис. 2.11; 2 период). Особый

интерес представляют фрагменты кувшина, выдугото в граненную форму (рис. 2.12; 2 период). Тулово и дно восьмигранные. Поддон кольцевой с вогнутым основанием. Граненные сосуды встречаются в Иране (9, рис. 42. 11, рис. 43.3). К этому же подтипу можно отнести коническую горловину, украшенную в верхней части пятью рядами тонких наклепных нитей (рис. 2. 10; 2 период). Ручки кувшинов, судя по фрагменту данного подтипа (рис. 2. 13), выгнуты под прямым углом к тулову и имеют шишковидное навершие (упор для большого пальца).

Узкогорлые кувшины представлены фрагментом верхней части кувшина, представляющим собой высокую узкую коническую горловину (диаметр 5 см) с сохранившейся частью округлого тулова (рис. 2.14; 2 период). Ручка сосуда, выгнутая под прямым углом, имеет шишковидное навершие. Стекло светло-зеленого цвета. Гладкая, блестящая поверхность свидетельствует о технике свободного выдувания. Кувшины аналогичной формы известны среди продукции Афрасиаба (5, рис. 4. 11).

Особо следует выделить фрагмент нижней части, вероятнее всего, принадлежащей кувшину (рис. 2.7; I период) из светло-зеленого стекла на кольцевом поддоне с вогнутым основанием (диаметр дна 5 см). Сосуд украшен в придонной части наклепными рельефными изображениями трех рыбок - новый вид декора, не известный ранее в стеклянных изделиях, но имеющий аналогии в керамике.⁴

Парфюмерно-аптекарская посуда.

Флаконы. Подразделяются на 4 типа:

1. Флаконы, повторяющие большие формы - узкогорлые графины с одним или двумя вздутиями с раструбообразным завершением, в уменьшенном варианте (высота горловины 4,5-6,5 см, диаметр 3-4,5 см). Данный тип представлен фрагментами трех экземпляров. Два фрагмента флакона из голубоватого стекла (рис. 2. 19; 2 период), донце вогнутое с обломком набея, сохранившаяся часть, предполагает округлое тулово. Выполнен свободным выдуванием. Фрагмент горловины из светлого желтоватого стекла, с одним вздутием, украшен рельефными линиями по направлению волнистого абриса стенки (рис. 2. 21; 3 период). И, фрагмент горловины из светло-желтого стекла с двумя вздутиями (рис. 2. 22; 3 период).

⁴ В коллекции Самаркандского музея А-446-53 имеется керамическая чашечка, украшенная наклепными рыбками.

³ Раскопки О.Н.Иневаткиной, 1990 г., Р-45, б-б в пом.

2. Второй тип представлен археологически целой формой флакона (рис. 2.20; 2 период) с шаровидным туловом (высота 9,5 см, диаметр дна 4,5 см), хорошо выделенным широким цилиндрическим горлом на кольцевом поддоне с вогнутым основанием. Выдут в глубокую рельефную форму, орнаментированную ромбами и подтреугольными фигурами, состоящую из двух половинок (виден след на тулове). Стекло светло-зеленого цвета. Аналогичную декорировку имеет миниатюрный сосуд из собрания Самаркандского музея (9, рис. 13. 10).

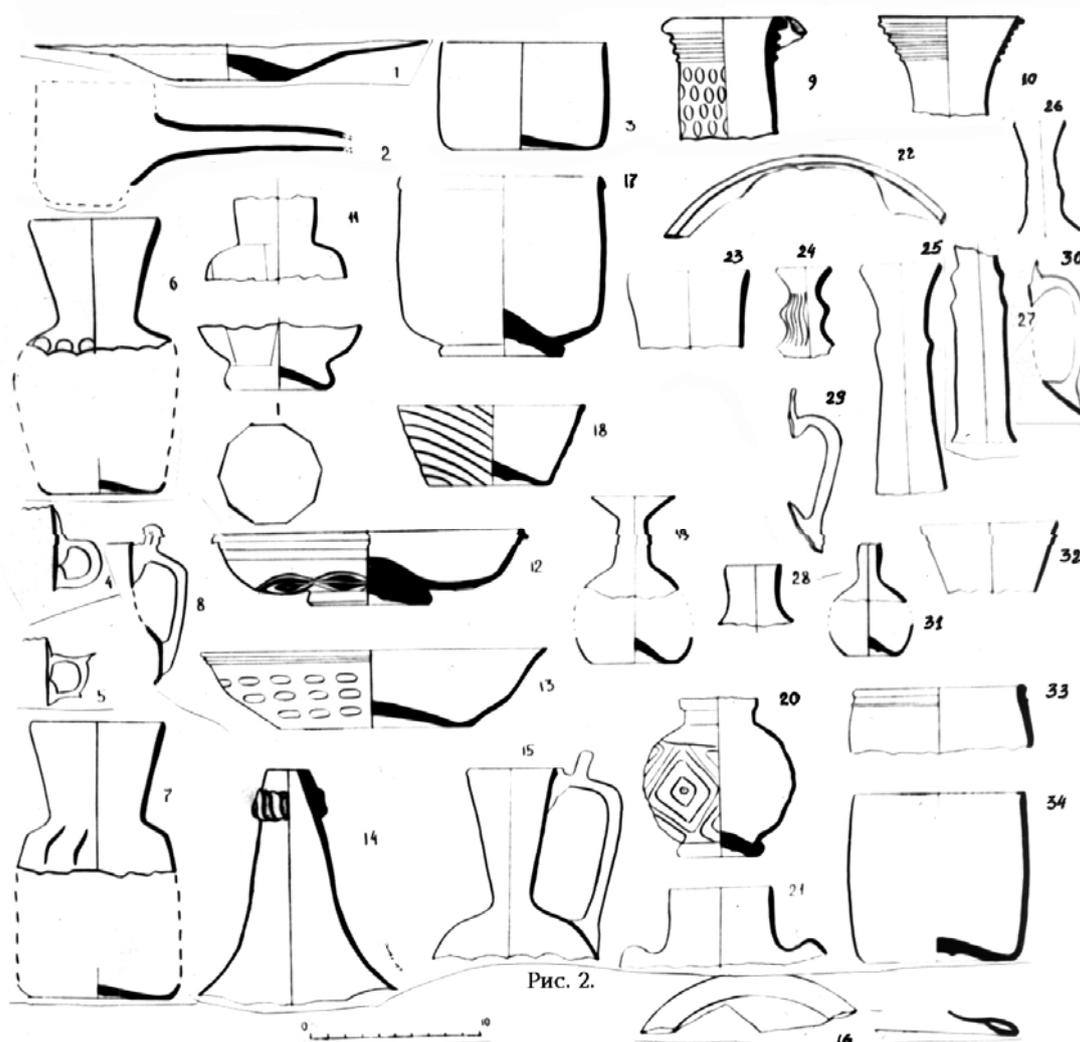
3. Третий тип - флакон с низким цилиндрическим горлом, округлым, чуть приплюснутым с боков туловом, донце незначительно вогнуто. Представлен археологически целым флаконом из светло-зеленого стекла (рис. 2. 16; I период) с отбитым носиком фрагментом горловины (рис. 2. 18; 3 период) из стекла того же цвета.

4. Миниатюрные узкогорлые флаконы с шаровидным или грушевидным туловом. Два фрагмента одного сосуда (рис. 2. 23; 3 период)

из светло-зеленого стекла (высота 6,5 см, диаметр горла 1,2 см), донце полусферическое вогнутое с хорошо выраженным обломком набея. И, два флакона с узким, расчлененным плавным изгибом стенки на две части горлышком (диаметр 1,5 см), вогнутым дном, тулово предполагается грушевидное (рис. 2.17; 3 период). Наиболее близки миниатюрным сосудам из собраний Самаркандского и Ташкентского музеев (9, рис. 13, рис. 26).

Крышки. Фрагменты двух манжетовидных ободков диаметром 17 см (рис. 2. 26; 2 период) напоминают ободки средней части крышек, найденных на городище Кульдор-тепа (12, с. 117).

Оконное стекло. Довольно частой находкой являются фрагменты крупных оконных дисков диаметром 21, 33, 36 см, из светло-зеленого прозрачного стекла с манжетовидным краем. Аналогичное стекло найдено на Афрасиабе, в Бухаре, Нисе и т.д. (5, рис. 13; 7, с. 56).

Медико-химическая посуда представлена фрагментами двух алембиков или кровососных банок: носик алембика (длина 13 см, диаметр 1,6 см) (рис. 2. 24; 2 период) из светло-зеленого стекла аналогичен алембикам Афрасиаба, Пайкенда, Ахсикента (5, рис. 1. 13; 6, с. 179; 9, рис. 25) и т.д. Фрагмент верхней части (рис.2. 25) с невысоким цилиндрическим горлом и волнообразным переходом к тулову, из светло-зеленого стекла, близок алембику из Ташкентского музея (9, с. 133, рис. 32).

Обилие и разнообразие стекольной продукции, найденной при раскопках на городище, говорит о широком применении стекла в быту, высоком уровне стекольного производства. И, хотя, следов мастерских не обнаружено, находки стеклошлака, многочисленность и широта ассортимента, свидетельствуют о местном характере производства.

Изделия окрашены в различные цвета, наибольший процент составляет светло-зеленое стекло, встречается голубовато-зеленое, голубое, синее, светлое и интенсивно желтое и сиренево - фиолетовое. По технике изготовления выделяются сосуды, выполненные свободным выдуванием и выдуванием в гладкую и орнаментированную форму. В стеклянных изделиях Кумышкента встречается большинство известных видов декора: оттиск узорной формы, на-

кладные нити, резьба, полоса зигзагом, шишко-видные навершия на ручках. Из новых видов нужно отметить - наклепной рельефный зооморфный орнамент.

В XI-XII веках наблюдается общий упадок хозяйственной жизни на городище (1, с. 10), что сказывается на уровне стекольного производства (уменьшается количество, менее разнообразен декор).

Наиболее близкие параллели можно провести со стеклянными изделиями Афрасиаба. Интересно также отметить, что некоторые аналогичные формы на Афрасиабе датируются более ранним временем. Так, сосуды, орнаментированные «сотами» в сочетании с многолепестковой розеткой на дне, на Афрасиабе появляются в конце VIII в., а в начале IX уже исчезают, в то время как на Кумышкенте они появляются только в конце IX в. Узкие, высокие горловины графинов с одним или несколькими вздутиями на Афрасиабе были широко распространены в конце IX в. (5, с.23), а на Кумышкенте в X - начале XI в. Подобное явление наблюдается и в керамике (1, с. 18, 27).

Стекольная продукция Кумышкента по своему качеству, оригинальности оформления не уступает продукции других городских центров Средней Азии, что говорит о высоком мастерстве средневековых стеклоделов.

1. Отчет Л.В.Павчинской, 1982. Архив ГМИКИУ.

2. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, Фан, 1979.

3. Отчет Л.В.Павчинской, 1980, 1985. Архив ГМИКИУ.

4. Отчет Л.В.Павчинской, 1981. Архив ИА АН РУз.

5. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, Фан, 1986.

6. Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г. Городище Пайкент. Ташкент, Фан, 1988.

7. Абдуллаев К. Стеклоделие Х-ХII вв. из Бухары. ИМКУ, вып. 16. Ташкент, Фан, 1981.

8. Папахристу О., Ахраров И. Стекло из раскопа в арке домонгольского городища Ахсикент. ИМКУ, вып. 16. Ташкент, Фан, 1981.

9. Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, Фан, 1963.

10. Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, Наука, 1962.

11. Костанян О.А., Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. Древнее стекло Армении./Сб. GLASS-89. XV International confress on Glass. Leningrad-89.

12. Ставиский Б.Я. Раскопки городища Кульдор-тепе в 1956-1957 гг. СА, 1964, № 4.

ЗОМИН ВОҲАСИНИНГ СУҒОРИЛИШ ТАРИХИДАН

Зомин воҳасининг қадимий шаҳарлари ёзма манбаларда Сарсанда, Сусанда, Сабза номлари билан юритилган. Араб жуғрофия олимлари Ибн Хавқал, Муқаддасий маълумотларига кўра Зомин воҳасида ҳаёт араблар келмасдан илгари ҳам фаолият кўрсатган.

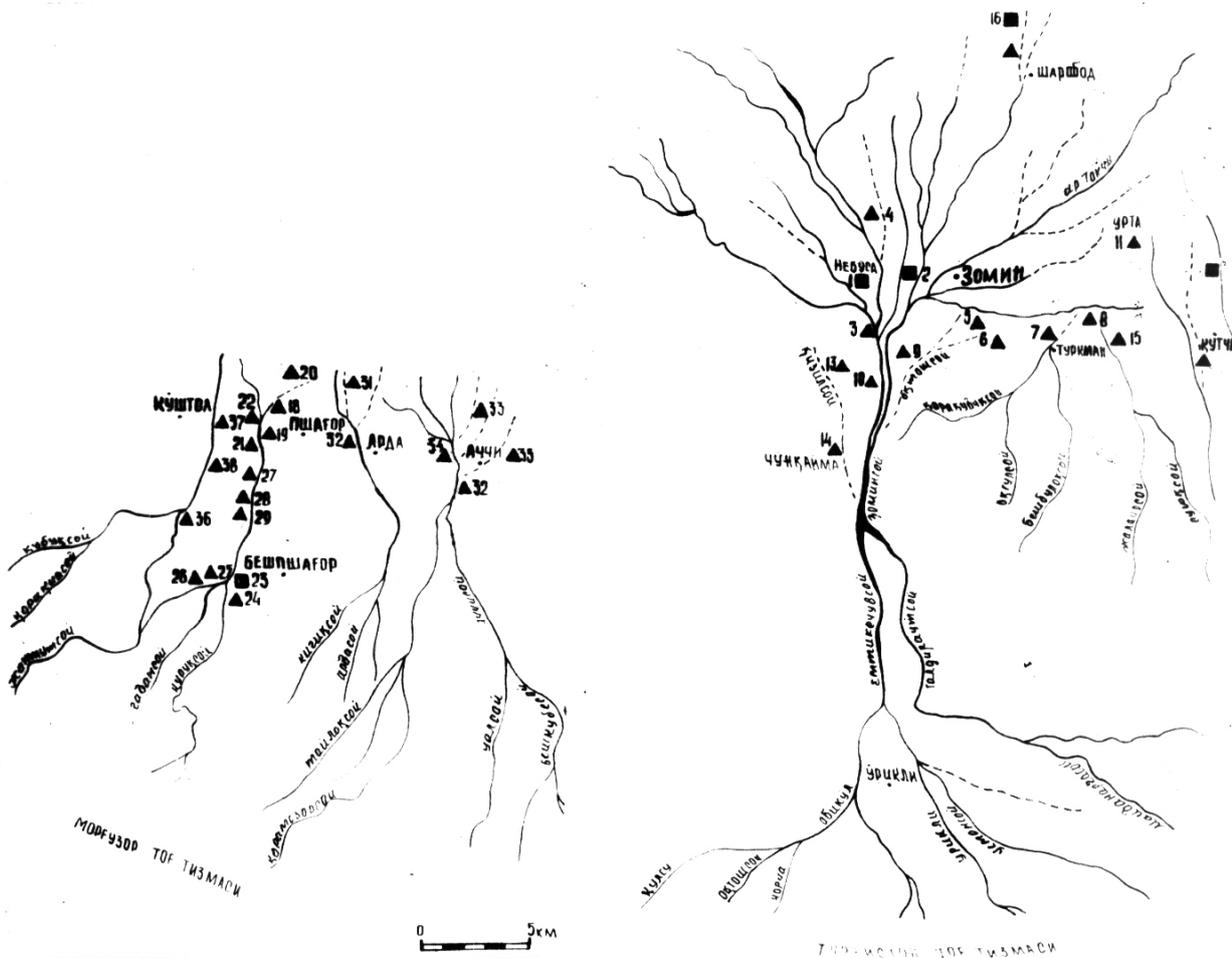
Зомин ўз аҳамияти жиҳатидан Уструшонада энг йирик шаҳарлардан бири эканлиги қайд қилинади. (1, 43-44 б.). Зоминнинг Самарқанд, Бухоро, Шош (Тошкент) ва Фарғона шаҳарларини бир-бири билан боғловчи катта карвон йўлида жойлашганлиги, Мовароуннаҳрдаги тараққий этган шаҳарларидан бири даражасига олиб келган. Бу воҳа шимолдан, Сирдарё вилояти, ғарб томондан Зарбдор тумани, шарқ ва жануби-шарқ томондан, Бахмал тумани билан чегарадош. Зомин воҳасининг шимоли-шарқий ва марказий қисми пасттектислик, жануби-шарқи кир, адир ва тоғлардан иборат. Шу боис шимолдан (300 м), жанубга (1500-1600 м) томон кўтарилиб боради. Воҳанинг марказий ва шимолий адирларини тупроғи гипсли оч бўз тупроқ, шунинг учун бу ерлардан асосан баҳорикор деҳқончиликда кенг фойдаланилади. Бу ҳудудда ўтроқ ҳаёт, шаҳар ва қишлоқларнинг пайдо бўлиши уларнинг шаклланиши ва ривожланишида воҳанинг асосий обихаёт манбаи Зоминсой муҳим ўрин эгаллаган. Зоминсой сув манбаи Жиззах воҳасининг Сангзор дарёсидан кейинги иккинчи асосий сув манбаидир (2, 15-16 б.). Деярли 50 километрга чўзилган Зоминсой хавзасида 1990 йилгача бир неча марта археологик қидирув - қазув тадқиқот ишлари олиб борилган, лекин тоғ олди ва тоғ мавзейларига кирувчи мазкур ҳудуднинг археологик ёдгорликлари ва уларнинг фаолияти билан узвий боғлиқ суғориш тармоқлари деярли ўрганилмаган. Дастлаб воҳада археолог М. Аминжоновна бошлиқ гуруҳ археологик қазув тадқиқот ишларини олиб борган. Аминжонованинг кузатуви натижаларига кўра, воҳада жойлашган, ёдгорликларнинг асосий қисми Зоминсой сув манбаи атрофида жойлашган эканлигини таъкидлаб, шу билан қаторда Туркман қишлоғидаги Мозортёпа ёдгорликлари, Пшағар қишлоғидаги Боботёпа, Оқтоштёпа ёдгорликлари ва Жонтушсой сув манбаи атрофида сақланиб қолган ёдгорликларни қайд қилиб бу ёдгорликларнинг асосий қисми илк ўрта асрларда бунёд қилинганлиги тўғрисида маълумот беради. (3, 138-139 б.). Шундан сўнг 1973 йилда Жиззах вилояти Зомин тумани археология ёдгорликларини ўрганиш мақсадида Тошкент Давлат Университети ва Ўзбекистон санъат институти ҳамкорликда

археологик қидирув - тадқиқот ишларини олиб борганлар. Бу гуруҳ воҳада сақланиб қолган 60 га яқин ёдгорликни қайд қилиб, харитага туширдилар. Шулардан тўлиқ сақланиб қолган 40 га яқин ёдгорликларни топономик планларини ва расмларини олиш имкониятига эга бўлганлар. Археологлар Б. Немцева ва Я. Дресвянскаяларнинг изланишлари натижасига кўра бу воҳадаги ёдгорликларнинг 30 га яқини Кўрғонтёпа ҳамда Оқтёпа шаҳар харобаси атрофида, 10 га яқини эса Қоратёпа шаҳар харобаси атрофида жойлашган эканлигини таъкидлаб Туркман, Аччи, Пшағар қишлоқларида ҳам қишлоқ типидagi ёдгорликларни картага туширганлар (4, 221-222 б.).

1983 йилда Жиззах археология отряди гуруҳи илмий ходими А.Бердимуродов Зоминсой атрофида жойлашган ёдгорликлар устида тадқиқотлар ўтказган. Археолог А.Бердимуродов воҳада бир қатор шаҳар харобалари ва қишлоқ типидagi ёдгорликларни ҳисобга олиб тоифаларга ажратган. Бу ёдгорликларнинг асосий сув манбалари Зоминсой, Пшағарсой, Аччисой, Ардасой эканлигини айтиб ўтган (5, 182-183 б.). Кейинги йилларда ЎзФА археология институти ходимлари А.Грицина бошлиқлигидаги археологлар, Зомин воҳасида археологик қазув қидирув-тадқиқот ишларини олиб бормоқдалар. Қизиқарлиси шундаки, биз ўрганаётган бу ирригация районида "ҳозиргача сақланиб қолган X-XI асрларда бунёд қилинган, тоза сувларни узатгич сопол қувурларга дуч келишган. А.Грицинанинг таъкидлашшича бу қувурлар бундан 900 йил бурун Зомин ҳокимининг саройидан унча узоқ бўлмаган жойда бунёд қилинган. Мазкур сув қувурлари орқали узоқ масофаларга тоза сув олиб борилган(6, 40-41 б.). Зомин воҳасининг суғорилиш тарихини тўлиқ ўрганиш мақсадида кейинги йилларда Жиззах археология отряди қидирув-тадқиқот ишларини олиб борди. Юқорида қайд қилинганидек мазкур ҳудуднинг ёдгорликлари ва уларни фаолияти билан узвий боғлиқ, суғориш тармоқлари деярли ўрганилмаганлиги сабабли воҳанинг асосий манбаи ҳисобланган Зоминсув атрофида дастлаб изланишлар олиб бордик. Изланишлардан шу нарса маълум бўлдики, Зоминсув манбаи Туркистон тоғ тизмасидан бош олган дастлабки кичик ирмоқлар, Олабойтансой, Майдангасой, Усмонсой, Шиберлисой, Олмалисой, Ўриклисой, Каттамирсой, Кунчелаксой, Қизилолмазорсой, Чандирсой, Қашкасув, Оқтошсой, Обикўл, Кўлсув ирмоқларининг қушилишидан ҳосил бўлган, Еттикечувсой (узунлиги 18 км бўлган), ҳамда Галдираутсой (узунлиги

11 км га, якин), сув манбаларнинг қўшилишидан бунёд бўлган. Олинган архив маълумотларига кўра Зоминсой сув манбаининг йиллик сув оқими ўрта 2, 3 м³/сек.ни, ташкил этган. Ёгингарчилик кўп бўлган йилларда дарёнинг энг кўп сув сарфи 70-80 м³/сек.ни ташкил қилган (Туман Сув таъминоти, архив, 1956). Хозирда воҳада сақланиб қолган ёдгорликларни 130 га якин эканлигини

археолог А.Грицина ўз илмий ҳисоботида қайд қилган. Ёдгорликларнинг асосий қисми Зомин туманининг марказий қисмида, Зоминсой сув манбаининг иккала қирғоғида жойлашган. Қидирув натижасида Бешкўби қишлоғидаги Кўрғонтепа шаҳар харобаси (V-VIII, X-XI асрлар) атрофида тўпланган 15 тадан ортиқ ёдгорликлар қайд қилинди (7, 49-50 б.).

1		Қадимги шаҳар харобалари	3		Сугориш тармоқлари
2		Қадимги қишлоқ маконлари	4		Қуриб қолган қадимги ўзанлар

Булар Оқтепа (V-VIII асрлар), Ўрдатепа (VI-VII асрлар), Жартепа (V-VII, IX-XI асрлар), Мозортепа I (V-VII асрлар), Мозортепа II (XI-XII асрлар), Исмалоктепа (V-VIII асрлар), Юмалоктепа (V-VI асрлар), Қулалитепа (X-XI асрлар), Қутчитепа (V-VII асрлар), Азлартепа I (VIII-IX асрлар), Азлартепа II (VII-VIII асрлар), Жалоиртепадир (V-VII асрлар). Ёдгорликларнинг асосий қисми Зоминсой сув манбаининг суғориш шаҳобчалари мавзеида тўпланганлиги аниқланди. Ҳозиргача сақланиб

қолган қадимги Қоратепа шаҳар харобаси (I-II, V-VI асрлар), ва унинг атрофидаги ёдгорликлар Зомин воҳасининг шимолий қисмида жойлашган. Кузатувлардан шу нарса аниқландики, Қоратепа шаҳар Харобаси, ва унинг атрофидаги ёдгорликлар айнан Зоминсой сув манбаи ҳисобидан фаолият кўрсатганлиги қайд қилинди, чунки Зоминсой сув манбаининг қадимги ўзанлари Қоратепа шаҳар харобаси атрофига борганлиги кузатилди. Зоминсой сув манбаининг ғарбий қисмида Култепа шаҳар

харобаси ҳамда унинг атрофида бир неча қишлоқ типидagi ёдгорликлар қайд қилинди. Қидирув тадқиқотларидан маълум бўлишича Култeпа шаҳар харобаси ҳамда унинг худудида жойлашган ёдгорликлар Зоминсой суғориш тармоғидан эмас, балки Туркистон тоғ тузмасидан бош олган Жомсой сув манбаидан фаолият кўрсатилганлиги аниқланди. Шу нарсани алоҳида таъкидлаш лозимки бу шаҳар харобасига яқин жойда Жомсой суғориш тармоғидан бош олган суғориш шаҳобчасининг қуруқ ўзани сақланиб қолган. Зоминсой сув манбаи билан бир қаторда худудида Пшағарсой, Аччисой, Жонгутсой, Ардасой, сув манбалари ҳам фаолият кўрсатган. Бу суғориш тармоқлари атрофида ҳам бир неча ёдгорликлар ҳисобга олинди.

Булар Қўрғонтепа (V-VIII асрлар), Тўртқўлтeпа (V-VII асрлар), Бешбулоктепа (V-VIII асрлар, Коровултепа I, II, III, (V-VIII, IX-XI асрлар), Миктепа I, II, III (V-VIII асрлар), Ўрдатепа I, II (VI-VII асрлар), Аччитeпа I, II, (V-VII - IX-X асрлар), ёдгорликларидир. Шундай қилиб Зомин воҳасида олиб борилган археологик тадқиқотлар худуднинг суғориш тарихига бир мунча ойдинлик киритди.

Биз асосан Зоминсой сув манбаи атрофида, шу билан бир қаторда кичик сув манбалари ҳисобланган Пшағарсой, Аччисой, Ардасой, Жонгутсой суғориш тармоқлари ҳисобидан фаолият кўрсатган ёдгорликларга тўхталдик. Дастлаб Қўрғонтепа шаҳар харобасининг атрофида сақланиб қолган 15 га, яқин ёдгорликни кузатиб, бу ёдгорликлар айнан Зоминсув манбаи суғориш тармоқлари ҳисобидан фаолият кўрсатганлигини аниқладик. Чунки баъзи ёдгорликларни атрофида сақланган қадимги ўзанлар бунга асос бўла олади. Кўзатишлардан шу нарсани алоҳида таъкидлаш мумкинки Зоминсой сув манбаининг илк суъний суғориш тармоқларининг бунёд қилиниши илк ўрта асрларда эмас балки Қўрғонтепа шаҳар харобаси ва унинг атрофидаги жойларда эрамиздан аввалги II-I асрларда ўзлаштирила бошланганлигидан далолат беради. Эрамизнинг бошларига келиб Зоминсой сув манбаининг қулай суғориш тармоқлари ҳисобидан Қоратeпа шаҳар харобаси ва унинг атрофлари ҳам сув билан таъминланган. Бу қуйи суғориш тармоқларининг қадимги ўрни ҳозирда ҳам яхши сақланган. Қўрғонтепа шаҳар харобаси худудида жойлашган ёдгорликларнинг яна бир қисми яъни Мозортепа I, (VI-VII асрлар), ҳамда Мозортепа II (XI-XII асрлар) ёдгорликлари Зоминсой суви ҳисобидан эмас, балки Бешбулок тоғидан бош олган Оқтошсой суғориш тармоғи ҳисобидан фаолият кўрсатганлиги аниқланди. Демак, Қўрғонтепа шаҳар харобаси атрофида жойлашган ёдгорликларнинг бир қисми Зоминсой суви ҳисобидан эмас, бошқа суғориш тармоқлари ҳисобидан ўзлаштирилган. Зомин тумани марка-

зидан 15 км узоқликда ғарбда Култeпа шаҳар харобаси атрофида бир неча қишлоқ типидagi Жолоиртепа (V-VI асрлар) Қутчитeпа (V-VIII асрлар), Кулалитeпа (IX-X асрлар) ёдгорликлари қайд қилинди. Кузатишлар натижасида шу нарсa маълум бўлдики, Култeпа шаҳар харобаси ва унинг атрофида жойлашган ёдгорликлар Зоминсой суви суғориш тармоқлари ҳисобидан эмас балки Жалойирсой ҳамда Оқбулоксой суғориш тармоқлари ҳисобидан фаолият кўрсатганлиги аниқланди. Зоминсой сув манбаининг юқори қисмида, шарқий томонида. Қизилсой суғориш тармоғи атрофида, шаҳар типидagi Азлартепа I ҳамда, қишлоқ типидagi Азлартепа II (V-VII асрлар) ёдгорликлари қайд қилинди. Азлартепа I шаҳар типидagi ёдгорлик атрофида бир неча кичик масштабда тўрар жой бинолари ҳисобланган тепалар жойлашгандир. Изланишлардан шу нарсa маълум бўлдики Азлартепа I шаҳар типидagi ёдгорликни атрофлари айнан эрамизнинг I-асрлардан бошлаб Қизилсой сув манбаи ҳисобидан ўзлаштирила бошлаган. Тахминан илк ўрта асрларда келиб Қизилсой сув манбаининг суви етишмаганлиги туфайли Азлартепа I, ва унинг атрофидаги қишлоқлар ҳамда Азлартепа II ёдгорлиги атрофлари Зоминсой сув манбаидан чиқарилган суъний суғориш тармоқлари орқали тўлиқ сув билан таъминлаган. Шундай қилиб Зоминсой сув манбаининг суғориш тармоқлари ва суъний суғориш шаҳобчалари ҳисобидан Қўрғонтепа (эр. авв. II-I, эрамиз V-VII асрлар), Жартeпа (V-VIII асрлар), Исмалок тепа (V-VII асрлар), Юмалоқ тепа I (V-VII асрлар), Юмалоқтепа (V-VII асрлар), Мозортепа I,II (V-VII асрлар), Қоратeпа (V-VIII асрлар), Қароқчитeпа I, II, -VIII, (V-VIII асрлар) ёдгорликлари тўлиқ ўзлаштирилганлиги аниқланди. Оқтошсой суғориш тармоқлари ҳисобидан Мозортепа I, Мозортепа II, ёдгорликлари, Бешбулоксой суғориш тармоғидан Туркмантепа (IX -XI асрлар) ва унинг атрофида жойлашган турар жой масканлари, Жалойирсой ва Оқбулоксой суғориш тармоғидан Култeпа шаҳар харобаси (эр. I асри, V-VIII асрлар) ва унинг атрофидаги қишлоқ типидagi ёдгорликлар Жалойиртепа (V-VIII асрлар), Қутчитeпа (V-VIII асрлар), Кулалитeпа (IX-XI асрлар) ёдгорликлари фаолият кўрсатиб ўзлаштирилганлиги аниқланди. Худуддаги ёдгорликларнинг бир нечаси Пшағарсой сув манбаининг ўнг чап томонларда, жойлашган эканлиги кузатилди. Бу тепаликлар шаҳар типидagi марказлашган қишлоқ қалъа ва истехком кўринишидаги ёдгорликлардир. Дастлаб Жонгутсой, Қуруксой, Гадейсойларнинг қўшилган жойида Бешбулоктепа шаҳар харобаси (V-VIII асрлар) қад кўтарган. Бу шаҳар харобаси атрофида қишлоқ типидagi ёдгорликлар Коровултепа I, Коровултепа II, Миктепа, Тўртқўлтeпа харобалари жойлашган. Пшағар қишлоғи сойга яқин текислик-

да жойлашганлиги учун мураккаб суғориш усулига эҳтиёж бўлмаган. Ёдгорликларнинг яна бир қисми Пшағарсойнинг қуруқ ўзанлари атрофида жойлашган бўлиб ҳозирда ҳам фаолият кўрсатаётган суғориш тармоқлари ҳисобидан ўзлаштирилган. Пшағартепа, Тўртқўлтепа, Корувултепа ёдгорликлари Пшағарсойнинг қуруқ ўзанлари атрофида жойлашган бўлиб қадимда айнан шу Пшағарсой сув манбаи ҳисобидан ўзлаштирилган, чунки ёдгорликларнинг атрофида суғориш шаҳобчаларининг қуруқ ўзанлари кузатилди. Аччи қишлоғида жойлашган Аччитепа I, Аччитепа II, Аччитепа IV ёдгорликлари Бешкубисой ҳамда Уалсой сув манбалари ҳосил қилган Аччисой II суғориш тармоқларидан тўлиқ ўзлаштирилган. Ёдгорлик атрофидаги қуруқ ўзанлар ҳозирда ҳам яхши сақланган. Шу қуруқ ўзаннинг бош томони Аччисой суғориш тармоғига бориб тақалади. Пшағарсой ва Аччисойларнинг сув манбалари билан бир вақтда фаолият кўрсатган. Жонтутсой ва Ардасой суғориш тармоқлари атрофида ҳам бир нечта ёдгорлик қайд қилинди. Бу қишлоқ типидagi ёдгорликлар бўлиб айнан суғориш тармоқларига яқин жойда бунёд қилинган. Баъзи ёдгорликларнинг атрофи шу қадимдан фаолият кўрсатаётган суғориш тармоқларидан ўзлаштирилган дейиш мумкин. Демак, ирригация кузатиш ишларига асосланган ҳолда қуйидагича хулоса қилиш мумкин. Зомин воҳасининг асосий сув манбалари Зоминсой сув манбаи Пшағарсой, Аччисой, Жонтутсой, Ардасой, Бешбулоқсой ва Жалоирсойлардир. Воҳада кўчманчи аҳолининг ўтроқлашуви натижасида эрамиздан аввалги I-асрларидан бошлаб ирригация ишлари пайдо бўла бошлаган. Дастлаб Зоминсой сувининг суғориш тармоқларига бўлинадиган

жойда Кўрғонтепада, шундан сунг Қоратепа шаҳар атрофларида шу билан бир қаторда мураккаб суғориш усулларига эҳтиёж бўлмаган Қултепа шаҳар харобаси атрофларида суғориш шаҳобчалари вижудга кела бошлаган. Етикечув ҳамда Галдираутсойларнинг қушилиш жойидан Қизилсой атрофида жойлашган Азлартепа шаҳар харобаси ва унинг атрофи ҳам айнан эрамизнинг I асрида суғориш шаҳобчалари орқали ўзлаштирила бошлаган. Шундай қилиб воҳада дастлаб эрамиздан аввалги II-I асрларида ирригация ишлари ривожлана бошлаган. Эрамизнинг бошларида Кўрғонтепа, Қоратепа, Азлартепа ва Қултепа каби археологик ёдгорликлар жойлашган ҳудудлар ва уларнинг атрофлари тўлиқ ўзлаштирилган. Бу даврда суғориб обод этилган ерларнинг умумий майдони тахминан 3 минг гектарга етган. Кейинги изланишлардан шу нарса маълум бўлдики айниқса V-VII асрларда обод этилган ерларнинг умумий майдони максимал даражада кенгайиб эрамизнинг I-II асрларга нисбатдан 4-5 марта ошган деган фикрга келиш мумкин.

Демак Кўрғонтепа, Азлартепа, Қоратепа ва Қултепа каби ёдгорликлар комплекси ўз ичига олган ерларнинг умумий майдони жанубдан - шимолга 14-15 км. га, шарқдан-ғарбга томон 10-12 км. га чузилган, бўлиб суғориб обод этилган ерлар илк ўрта асрларга келиб қарийб 12-14 минг гектарга етган. V-VI асрларда Зоминсув дарёси билан бир қаторда Пшағарсой Аччисой, Ардасой, Жонтутсой атрофида жойлашган ёдгорликлар ҳам бир вақтда ўзлаштирилган. Бу кичик суғориш тармоқлари орқали обод этилган ерлар майдони тахминан 1,5-2 минг гектарга етган. Шундай қилиб воҳада ҳаммаси бўлиб тахминан 14-15 минг гектарга яқин ер суғорилган.

1. Негматов Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // МИА, № 937. М.-Л., 1957.
2. Нишонов С.Н. Жиззах области. Тошкент, 1980.
3. Аминжонова М. Археологическая разведка в Зааминском районе. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969.
4. Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я. Памятники Заamina и его округи // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
5. Бердимуратов А. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса. Авт. дисс. канд. ист. наук. М., 1985.
6. Древний Заамин (История, археология, нумизматика, этнография) Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. и др. Ташкент, 1994.
7. Пардаев М., Суюнов С. Шимолий-Ғарбий Уструшонанинг суғорилиш тарихи.

Б.А. АБДУЛГАЗИЕВА

К СЛОЖЕНИЮ ТРАССЫ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ ПО ЮЖНОЙ ФЕРГАНЕ

Великий шелковый путь, проходивший через Фергану, в китайских письменных источниках назывался Северным путем. Этот транзитный путь, связывавший с восточными и западными странами, имел многочисленные ответвления на протяжении своего следования.

Исследователи, касаясь вопросов о Великом шелковом пути, акцентировали свое внимание в основном на направлениях связей Ферганы и взаимовлиянии на основе скудных письменных источников и археологических данных, поскольку многочисленные товары, провозимые по этой трассе, оседали на рынках вдоль этого пути, о чем свидетельствуют находки импортных вещей во время археологических раскопок поселений и могильников (1, с. 138, 139; 2, с. 127-129; 3, с. 144-151).

Уже в период чувстской культуры (IX-VII вв. до н.э.) отмечаются связи Ферганы с Центральной Индией (4, рис. 19, 20). И позже, в IV-I вв. до н.э. в памятниках шурабашатской культуры в формах керамической посуды чувствуется влияние позднеахеменидских металлических и керамических изделий и эллинистического мира (5, с. 25,26).

Следовательно, еще до открытия Великого шелкового пути на территории Ферганы уже была развитая сеть путей, связывавших между собой населенные пункты, имела государственная почтовая дорога, обеспечивавшая сношения с соседними владениями (6, с. 148). Существование такой транспортной коммуникации предполагает наличие станций и других пунктов, обслуживавших государственных чиновников, караваны и пр., о чем можно судить по сообщению китайского посла Чжана Цяна, направленного в западные страны, чтобы разведать дороги для торговли. По его просьбе даваньский (ферганский) правитель «приказал вожакам по почте проводить его в Кангюй» (6, с. 148). И в дальнейшем китайские послы следовали через Фергану, когда направлялись в Большие Юечжи, Кангюй и Дахя. Это - самые ранние - II в. до н.э. упоминания в письменных источниках о транспортных коммуникациях Ферганы. Однако, в этих источниках не содержится конкретных данных для эпохи античности и раннего средневековья о том, как проходила

трасса этого пути по Фергане, какие населенные пункты находились на пути его следования, что они собой представляли. Поэтому являются важными вопросы конкретизации трассы Великого Шелкового пути на ферганском отрезке, выявления торговых центров, ассортимента производимых в Фергане товаров, что экспортировалось и что импортировалось.

Описание главных путей, проходивших через Фергану, с указанием расположенных на них городов, в письменных источниках впервые упоминается в произведениях арабских географов середины X в. Ибн Хаукаля, Макдиси и Истахри. Согласно сведениями этих источников, города имели трехчастное деление: состояли из арка, шахристана и обширного рабада. И шахристан и рабад были окружены стеной, в них имелись базары, мечети. Вокруг городов концентрировалось большое количество селений. По Истахри главная дорога по южной Фергане проходила из Ходжента в Ош через следующие города, находящиеся друг от друга на расстоянии одного пути дня (примерно 30-35 км): Кенд, Сох, Риштан, Зендерамш, Куба, далее из Оша в Узгенд было 7 фарсахов (7, с. 214). Возможно, этот маршрут функционировал и в более раннее время.

Проблеме формирования трасс торговых путей посвящены отдельные статьи. В этом отношении одним из важных факторов Н.Г. Горбуновой рассматриваются традиционные пути передвижения скотоводческих племен (8, с. 33-35). Ю.А.Заднепровский на основе исследованных памятников археологии предлагает два маршрута, следующие один по Южной, другой по Северной Фергане. Первый маршрут из Согда следовал через Ходжент, Сымтепа, Мархамат в Ош и далее в Китай (9, с. 97). Этот маршрут в общих чертах соответствует описанию пути по Южной Фергане арабских дорожников середины X в. по описанию Истахри (7, с. 214). Второй маршрут проходит «от Оша или Узгена в Учкурган (Кайноват) и по правому берегу Сырдарьи в Кзыл-Джар (Учкурганское I), Ахсы, Мунчактепа, Ашт, через перевалы в долину Ангрена и далее вдоль Сырдарьи в Кангюй, Янцай, Северное Причерноморье (9, с. 97).

В обоих этих маршрутах расстояние между отдельными пунктами больше однодневного пе-

рехода, следовательно, должны быть промежуточные пункты.

Для решения поставленных вопросов автором проводились маршрутные разведки, археолого-топографические исследования археологических памятников. На ряде поселений были заложены раскопы и шурфы. Основными объектами исследования были городище Кургантепа, пригород городища Султанабад, Андижан, Камолтепа, Лумбитепа и др.

На основе результатов этих исследований, привлечения данных других авторов и письменных источников автором разработано несколько маршрутов путей с ответвлениями, проходивших через Фергану к югу от Сырдарьи.

Для изучения древних путей торговли и обмена важным является выявление крупных населенных пунктов, центров ремесла и торговли.

Результаты археологических исследований показывают, что зарождение поселений городского типа в Фергане относится к рубежу II-I тыс. до н.э. - периоду чустской культуры. К этому периоду относятся два городища: Дальварзин в к.Аим в Андижанской области и Чуст в Наманганской области, имевшие сложную систему оборонительных сооружений и цитадель (10, с. 405-406).

Следующее по времени крупное городище - это Шахрихайбар (Эйлатан), относящееся к VI-IV вв. до н.э. - I-IV вв. н.э.), расположено в междуречье Карадарья-Нарын. Городище было обнесено двойным рядом стен, фланкированных башнями, расположенными на определенном расстоянии друг от друга - 50-60 м (11, с. 111). Следы заселения прослеживаются только во внутреннем городище, а во внешнем, видимо, содержался скот (12, с. 32).

В письменных источниках эпохи античности сведения о поселениях Ферганы содержатся в китайских хрониках II в. до н.э., которые сообщают, что «в Давани находится до 70 больших и малых городов» (6, с. 149) и приводится название двух из них: главного - столицы под названием Эрши, расположенного около реки и второго Ючэн - на восточной границе государства. Эрши отождествляется с городищем Мархамат (Мингтепа), расположенным на восточной окраине современного города Мархамат в Андижанской области (13, с. 228), а Ючэн - с городищем Шурабашат, находящимся недалеко от Узгена (9, с. 97).

Хотя не все из указанного количества можно назвать городом, большинство из них могло быть просто укрепленным поселением (13, с. 217), однако это является показателем роста урбанистического процесса в Фергане, что находит подтверждение и на основе результатов археолого-топографических исследований. В IV-I вв. до н.э. - I-IV вв. н.э. в регионе происходит бурный рост градостроительной культуры, строительство крупных крепостей с развитой фортификацией. К настоящему времени на территории Ферганы выявлено около 20 городищ разной величины и большинство из них расположено в восточной части долины. Типичными были городища площадью 7,5-12 - 20 га и самое крупное Мархамат (Мингтепа) - около 40 га. Города, как правило, являлись центрами отдельных сельскохозяйственных районов, центрами ремесла, торговли и культуры, расположены на расстоянии 20-30 км друг от друга.

Как показали археологические исследования, города, как правило, имели трехчастное деление (цитадель, город-шахристан, пригород-рабад), в плане правильной прямоугольной формы, с четко выраженной системой фортификации. Они по типу были такими же, как и в других государствах Средней Азии этого же времени (14, с. 30; 15, с. 25; 16, с. 10). Это подтверждается и китайскими письменными источниками II в. до н.э.: «...в Аньси (Парфия) такие же города, как в Давани» (6, с. 151). Они были сильно укреплены: имели развитую фортификацию, окружены стенами с внутрстенным коридором-галереей для стрелков, опоясаны рвом, на стенах были размещены оборонительные башни. Цитадель города возведена на высокой платформе не менее 5 м. Кроме того, защиту города обеспечивали сигнальные башни, которые цепочкой расположены от городища в сторону гор, откуда можно было ожидать угрозу нападения со стороны кочевников. Вокруг города располагался пригород, где имелись усадьбы, замки, кварталы ремесленников, культовые сооружения, могильники и др.

Таким образом, в Фергане в эпоху античности и раннего средневековья отмечается рост урбанизации, что позволяет наметить несколько маршрутов путей ВШП, проходивших по Фергане (рис. 1).

Маршрут 1: Ходжент-Сымтепа (Фергана) - Мархамат - Ош, который через Алай вел в Кашгар и далее в Китай.

ществовавшего и в эпоху развитого средневековья (19, с. 104).

Мархамат (Мингтепа) - столица Давани - Эрши (13, с. 224-230). Оно расположено на северо-восточной окраине современного города Мархамат (рис.1. 20), в Араванском ирригационном районе, на правом берегу Аравансая. Это самое крупное городище античного времени из известных настоящему времени на территории Ферганы. Городище состояло из внутреннего и внешнюю шахристанов, имевших мощную фортификационную систему. В настоящее время городище сильно разрушено, сохранился только внутренний шахристан площадью около 40 га. В него вело четверо ворот, расположенных по четырем сторонам. Внутри городища имелось 16 отдельных тепа (остатки былых сооружений разной формы и величины) (13, с. 228).

На городище Мингтепа в 1950 г. под руководством А.Н. Бернштама были проведены археологические раскопки, на основе которых было установлено, что расцвет его относится ко II в. до н.э. (13, с. 224). В 1986, 1987 гг. в результате исследований, проведенных Ю.А. Заднепровским и Б.Х. Матбабаевым, выявлены культурные слои, характеризующиеся керамикой шурабашатского периода и относимые к IV-I вв. до н.э. (20, с. 71-72).

Вокруг городища Мархамат сконцентрировано наибольшее количество памятников, расположенных отдельными группами, занимая и адыры, пригодные для земледелия (21). Освоение оазиса относится к середине первого тыс. до н.э. Население поселений, расположенных в окрестностях Мархамата, занималось земледелием, скотоводством и разными видами ремесла, в частности, гончарством. Одним из таких поселений керамистов является Мунчактепа (I-IV вв. н.э.), расположенное в 3-4 км юго-восточнее Мингтепа. На основе раскопок, проведенных в 1973 г. под руководством Ю.А.Заднепровского, получен большой комплекс керамики, который включает лепную расписную шурабашатского типа, а также красноангобированную с процарапанным орнаментом с изображением фантастических животных, напоминающих лошадей и коз (22, с. 281).

Подступы к Мингтепа и земледельческому оазису с южной стороны - со стороны гор охранялись расположенными на адырах замками. Одним из них был Караулота (III-II вв. до н.э. - I-IV вв. н.э.), расположенный на трассе ВШП. Он находится в 6 км юго-восточнее городища Мингтепа, в 300 м южнее дороги Мархамат-Араван-Ош. Крепость возведена на скальной

гряде, на высокой террасе, возвышающейся над дорогой на 20 м. В фортификационных целях использован рельеф местности и планировка поселения подчинена ему: крепость подтреугольной формы, на углах крепостных стен возвышаются башни, въезд один, по сторонам фланкирован башнями. Внутреннее пространство без видимых следов былых сооружений. Крепость возвышается над окружающей местностью более чем на 10 м. Она могла играть роль убежища в период опасности для населения округи, а также могла быть каравансараем (рис.1. 21).

Ош возник на месте даванских поселений (13, с. 249). В его окрестностях расположены два небольших городища: Акбуринский и Мады (рис.1. 37,38), возникшие в даванский период и существовавшие и в средние века (23, с. 153).

На отрезке пути Ходжент-Сымтепа, видимо, проходили ответвления, о чем позволяет говорить расположение поселений, особенно южнее от этого пути, густая сеть которых образует отдельные группы, расположенные по долинам рек Исфана, Ходжа-Бакырган, Ляйлак, Исфара, Сох, Исфайрамсай и др., где имеются поселения разных типов: городища, усадьбы, отдельно стоящие дома и расположенные рядом с ними могильники, возникшие в последних вв. до н.э., количество которых возрастает к первым векам н.э. Среди них Каракамарское, Карабулак, Булак-Баши, Кайраган, могильник к югу от селения Кайрагач, Тагоп, Чурбек, Баткен, Сувбаши и др. (3, с. 10, 12, рис. 1) (рис.1. 1-13).

Широкие раскопки проводились Г.А. Брыкиной на усадьбе Кайрагач (IV-VI вв. н.э.), расположенном на мысе р. Ходжа-Бакырган. Здесь выявлено 5 строительных горизонтов с большим количеством помещений жилого, хозяйственного и культового назначения. Обнаружено много глиняных статуэток, связываемых с культом предков. Кроме того, имелись помещения, связанные с почитанием огня. Поселение Кайрагач представляет собой крупный культовый центр отдельной области (3, с. 109-110).

В 25 км юго-восточнее Сымтепа, на правом берегу Куvasая, в небольшом Керкидонском оазисе находилась группа из десяти поселений (рис.1. 15). Крепость Майдатепе (площадь около 1 га). В нем раскопан один дом с большим парадным залом с опорами для деревянных колонн (24, с. 114-123). Самым ранним поселением в оазисе является Чунтепа, нижние слои которого датируются концом III- нач. II вв. до н.э. (25, с. 98), другие относятся к I-II - IV вв. н.э. и существовали позже.

Памятник 5 а площадью 1 га представляет собой небольшое сельское поселение, окруженное стеной. В нем имелись винодельня, отдельные дома, концентрированные вокруг двора. Крепость Мыкты-Курган площадью 1,5 га с мощной оборонительной стеной толщиной до 10 м с глухими прямоугольными башнями без помещений. Внутри крепости следов застроек прослеживается мало (26, с. 113; 27; 25).

Промежуточными пунктами на отрезке пути Сымтепа-Мархамат были крепости Муминбайтепа (III-II вв. до н.э. - I-IV вв. н.э.) и Баховодин (III-VI вв. н.э.), которые могли быть и каравансараями (рис.1. 17,18). На этой же трассе расположена крупная сельская усадьба Лумбитепа (рис.1. 19), где почти полностью раскопан верхний строительный горизонт, датируемый VII-VIII вв. н.э. Обнаруженные здесь керамические находки свидетельствуют о связях и взаимовлиянии с восточными и средиземноморскими странами. Особый интерес представляют две находки: чаша с налепным изображением сцены борьбы древнегреческого героя Геракла с ведром. На двух фрагментах стенок сосудов процарапаны стилизованные сцены борьбы восточного единоборства (28).

Маршрут 2. Ходжент-Сымтепа (Фергана) - Мархамат - Булак-Баши - Клычмазар 2 - Кургантепа - Султанабад - Узген (рис.1. 24-28). Часть этого маршрута от Ходжента до Мархамата соответствует маршруту 1. Следующий отрезок маршрута от Мархамата до Узгена не отмечен в арабских дорожниках, но в древности он мог быть основным, поскольку зона этой трассы с глубокой древности была освоена оседло-земледельческими племенами, где цепочкой расположены упомянутые городища на определенном расстоянии друг от друга 15-20 км, окруженные густой сетью сельских поселений (23, с.10-50, рис.100;30. с.305-306, рис.17).

Результаты археологических изысканий в сопоставлении с письменными источниками позволяют заключить, что путь китайских послов во II в. до н.э. к правителю Давани мог проходить по этому маршруту.

Городище Булак-Баши (III-I вв. до н.э. - I-II вв. н.э.) сильно разрушено, сохранившаяся площадь около 3 га (29, с. 57).

Городище Клыч-Мазар - 2 (III-I вв. до н.э. - I-VIII вв. н.э.), площадь около 8 га. Сильно разрушено, сохранилась цитадель. Рядом с городищем обнаружено погребение в хуме (III-IV вв. н.э.) Возможно, там находился городской некрополь (рис.1.25).

Городище Клыч-Мазар является узловым пунктом - от него отходят дороги к югу в Ош и к северу - в Андижан. На пути в Ош промежуточным пунктом может быть крупная крепость Билувуртепа, расположенная на левом берегу Акбуры, в 8 км от Оша (рис.1. 22). В настоящее время памятник сильно разрушен. Билувуртепа было окружено оборонительной стеной. В северной части поселения находилась цитадель, полностью раскопанная Ю.А.Заднепровским. Цитадель круглой планировки, окружена была двойным рядом стен с четырьмя крестообразно размещенными башнями. В центре цитадели имелось монументальное здание крестовидное в плане: по четырем сторонам большого парадного помещения расположены квадратные комнаты с толстыми стенами до 2 м из сырцового кирпича. Здание датируется первыми вв. н.э. (30, с. 312, табл. CL1, 4).

Городище Кургантепа (III-II вв. до н.э. - I-VIII вв. н.э.), площадь около 6 га. Оно сильно разрушено. Городище являлось центром отдельного земледельческого района, вокруг него было расположено свыше 50 поселений разных типов с античной основой, из которых сохранились только 13. Среди них выделяются укрепленные поселения Кызылтапа (III-II вв. до н.э. - III-IV вв. н.э.) прямоугольной формы размерами 50-80 м, с замком высотой 8 м; Бустонтепа-1 (Мазартепа, III-II вв. до н.э. - III-IV вв. н.э.) пятиугольной формы с оборонительными башнями по углам; отдельные тепа - остатки сельских усадеб, расположенные группами по 2-7, величиной 25x30, 35x50 м, высотой 3-8 м, отстоящие друг от друга на расстоянии 70-150 м (рис.1. 26).

Городище Кургантепа в плане прямоугольной формы, с четко выраженной системой фортификации, окружено стеной, фланкированной оборонительными башнями, в середине южной стены находится цитадель. Территория городища покрыта равномерным всхолмлением - следами былых сооружений, разделенных центральной улицей, идущей в направлении с севера на юг, в сторону ворот.

На территории городища в 1975, 1976 гг. для определения периодов обживания, характера культурных напластований и фортификации в трех местах проводились раскопки (31).

На цитадели определены два периода ее обживания. Здание цитадели возведено на пахсовой платформе высотой более 5 м. Установлено, что толщина оборонительной стены цитадели в основании 5 м с наклонными гранями под углом 70°. Цитадель прямоугольной формы шириной 19 м, длиной (сохранившейся) 16 м. Вскрыты

остатки трех помещений, два из них расположены вдоль южной стены, коридорообразные. Одно из них наиболее узкое - шириной 1,2 м, примыкает к внешней стене, является стрелковой галереей. Третье более широкое, смежное со стрелковой галереей, в нем вскрыты два уровня полов. В период нижнего пола в южной части помещения имелся стеновой очаг сводчатой формы высотой 50 см. Найденная здесь керамика представлена, в основном, гончарными красноангобированными сосудами. Среди них выделяются миски с отогнутым бортиком и двумя клювовидными ручками по центру тулова, а также кубок с процарапанным орнаментом. Описанная керамика позволяет относить нижний период обживания цитадели к последним векам до н.э. Привлекает внимание фрагмент стенки керамической фляги с прочерченным знаком в виде вихревой розетки (триквестер) с тремя концами. В общих чертах установлена планировка цитадели: по периметру ее окружала стрелковая галерея, в центре находились помещения жилого и иного назначения. Отмечены два периода обживания - античность и ранее средневековье.

Шурф (P-2) площадь 0,50x2 м, заложен в 50 м к северу от цитадели, в 30 м западнее от восточной крепостной стены городища, где были видны обнажения культурных слоев. Установлено, что шурф пришелся на свободную площадь, вскрыт культурный слой толщиной 2 м. Находки керамики аналогичны происходящими из P-1.

Раскоп-3, площадь 6x13, заложен в 50 м к северо-востоку от цитадели и в 30 м к западу от восточной крепостной стены городища, где в срезе с южной стороны были видны обнажения культурных слоев. Раскоп пришелся на массив жилых сооружений. Выявлено 3 периода обживания с общей толщиной культурного слоя 2,5-3 м с архитектурными остатками. К эпохе античности относятся два нижних строительных горизонта, верхний - к раннему средневековью. В обоих нижних строительных горизонтах выявлены остатки двух однокомнатных секций, представляющих собой два обособленных хозяйства, разделенных глухой стеной (рис. 2). Стены возведены из сырцового кирпича. Помещения жилого назначения. Результаты раскопок показывают, что территория городища была густо застроена, дома вплотную примыкали друг к другу (31, с. 62-64).

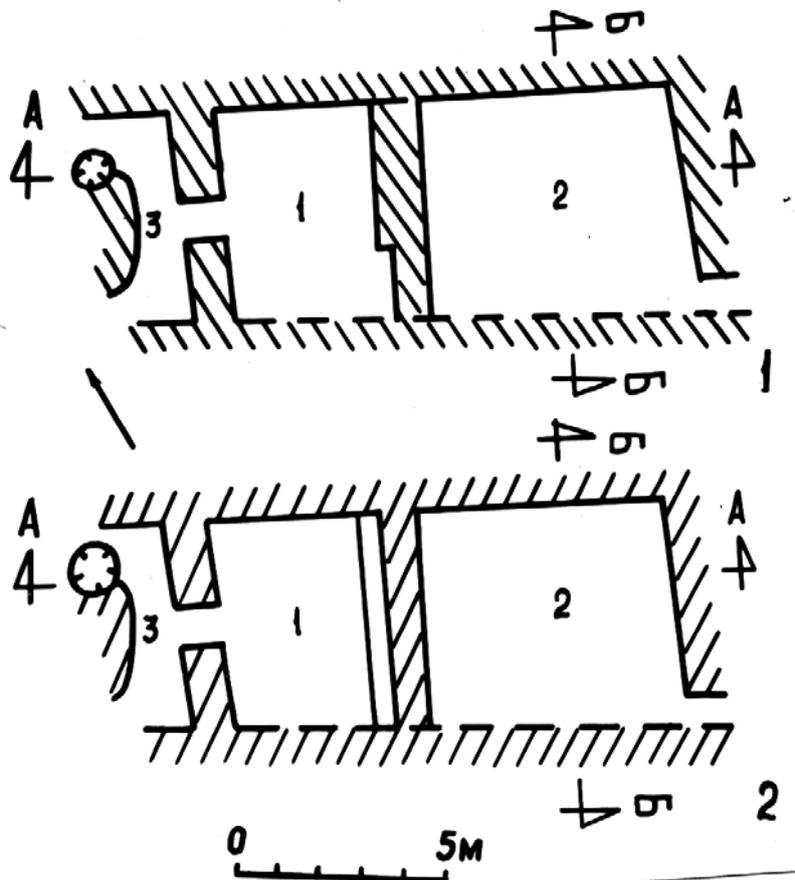

Рис.2. План помещений I и II строительных горизонтов на P-3.

На основе разреза, произведенного на восточной крепостной стене городища было установлено, что она в основании очень мощная - толщиной 16 м, явно местной среднеазиатской традиции, характерной для рабовладельческой поры (32, с. 45, 51). Она возведена из сырца прямоугольного формата. На высоте 4 м имелся внутрискладный коридор-галерея шириной 1,2 м. Незначительная сохранность стен коридора не позволяет судить о наличии и типе бойниц (рис. 3).

Кургантепа - это первый памятник в Фергане, где исследованы цитадель на высокой платформе и крепостная стена с внутрискладным коридором-галереей.

Городище Султанабад (IV-I вв. до н.э. - I-IV, V-VIII вв. н.э.), площадь около 8 га, расположено в 28 км восточнее городища Кургантепа (рис.1. 27). В центре западной стены находились цитадель округлой формы диаметром 60 м, высотой 10-12 м. В окрестностях городища было расположено 40 тепа, представляющих собой остатки поселений, относящихся тоже к шурабашатской культуре (IV-I вв. до н.э.), сосредоточенные отдельными группами вокруг более крупного, таких как Деватепе, Чонтепе, Тепа-2, Султанабад и др., в некоторых из них жизнь продолжалась и в эпоху средневековья. К югу от городища за Шахрихансаем, в Савайской степи тоже имеются поселения типа укрепленных усадеб и замков с расположенными вокруг них отдельно стоящими домами, относящиеся тоже к шурабашатской культуре (23, с. 153).

На двух поселениях: Султанабад-I и Тепа-4 были произведены раскопки.

Поселение Султанабад-I расположено на правом берегу Шахрихансая, в 2-3 км юго-западнее городища Султанабад и в 50 м южнее Деватепе, сильно разрушено (рис.1. 28).

На поселении Султанабад-I были заложены два стратиграфических раскопа. В обоих раско-

пах вскрыты остатки архитектуры и получены значительные комплексы керамики, четко разграниченные стратиграфически. Наиболее ярко это выражено в раскопе I, где выявлено 5 строительных горизонтов (5). Установлено, что на поселении с самого его возникновения существовало гончарное производство, об интенсивности его работы можно судить по большим отвалам бракованной продукции и мусорным ямам, заполненным обломками керамики. В верхнем, V строительном горизонте откопаны остатки керамической мастерской с двумя помещениями. Рядом имелось большое помещение складского назначения, где находилось более 6 хумов, вкопанных в пол. Хумы внутри были обмазаны тонким слоем алебаstra. Возможно, помещение являлось винохранилищем, а рядом располагалась винодельня.

Богатый керамический материал, полученный в процессе раскопок, отличается стандартностью форм посуды, что свидетельствует о выпуске продукции на рынок.

Примечательно то, что и на других поселениях в округе городища Султанабад население занималось тоже изготовлением керамической посуды, т.е. здесь были специализированные поселения по производству гончарной посуды, пользовавшейся широким спросом.

Тепа-4 расположено в 1 км восточнее Султанабад-I, на правом берегу Шахрихансая. Оно сильно пострадало в результате обвалов берега. По сведениям местного населения оно было несколько больше, чем Султанабад-I. Здесь отмечены 4 строительных горизонта, хронологически соответствующие Султанабад-I, что свидетельствует об их одновременном существовании. Здесь также имелось помещение складского назначения с аналогичными, найденными на Султанабаде хумами.

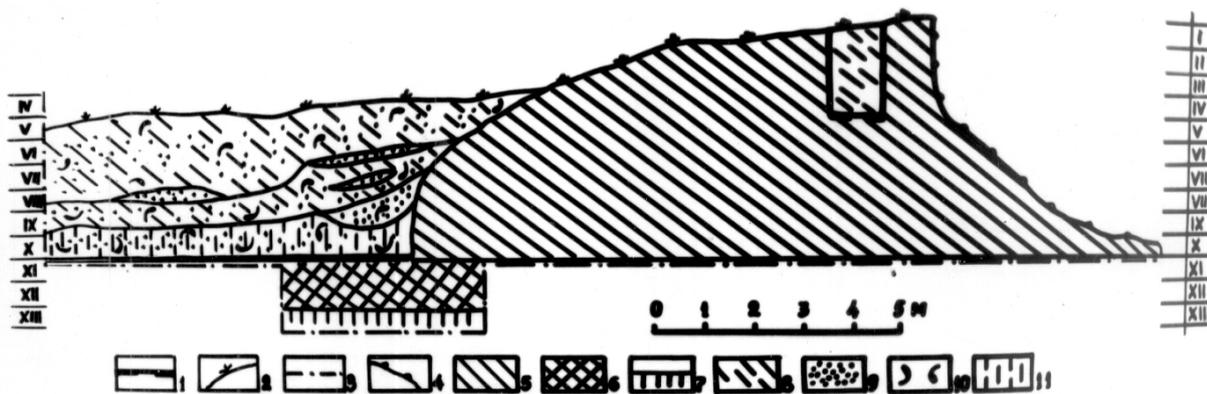

Рис. 3. Разрез восточной крепостной стены городища Кургантепа.

Открытые в пригороде городища Султанабад керамические центры - это пока первые открытые в Фергане поселения шурабашатской культуры, представляющие собой специализированные поселения по производству керамики.

Вдоль трассы ВШП и прилегающей к нему зоне, как было отмечено, расположено большое

количество памятников разной категории: городища, замки, усадьбы, могильники, но в данной работе приведена только незначительная часть из наиболее изученных, которые тем не менее позволяют судить насколько развитыми и разветвленными были дороги Ферганы уже в эпоху античности и раннего средневековья.

1. Литвинской Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
2. Баруздин Ю.Д., Подольский А.Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника//КСИА, вып. 85, 1961.
3. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
4. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. //МИА, № 118. М.-Л., 1962.
5. Абдулгазиева Б. Эллинистическая керамика Ферганы. // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск, 1993.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, М.-Л., 1950.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч., т. I, М., 1963.
8. Горбунова Н.Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности//Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. ТД Межд. семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.
9. Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. ТД Международного семинара ЮНЕСКО.
10. Заднепровский Ю.А. Цитадель Дальверзин тепа // АО 1969. М., 1970.
11. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 года // АСГЭ, вып. 3, 1961.
12. Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан // СА, 1969, № 3.
13. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л., 1952.
14. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ, т. 6. М., 1958.
15. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области // Древний город Средней Азии. ТД. Л., 1973.
16. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
17. Беляева Т.В. Раскопки на ходжентском арке в 1979 г. // АРТ, вып. XIX (1979). Душанбе, 1986.
18. Горбунова Н.Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области // СА, 1979, № 3.
19. Горбунова Н.Г., Козенкова В.И. Сым-тепа - поселение в Фергане // АСГЭ, вып. 16, Л., 1974.
20. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат // ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
21. Абдулгазиева Б. Археологические памятники Мархаматского района Андижанской области // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992.
22. Заднепровский Ю.А., Дружинина Е.В. Работы Ферганской экспедиции // АО 1973 г. М., 1974.
23. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
24. Брыкина Г.А. Городище Майдатепы//КСИА, вып. 136. 1973.
25. Горбунова Н.Г. Памятники керкидонской группы в Южной Фергане//АСГЭ, вып. 28. Л., 1987.
26. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры//СА, 1977, № 3.
27. Горбунова Н.Г. Памятник керкидонской группы в Южной Фергане//АСГЭ, вып. 26. Л., 1985.
28. Абдулгазиева Б. К появлению каратэ в Средней Азии//Межд. конф. «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
29. Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г.//КСИММК, вып. 76. 1959.
30. Заднепровский Ю.А. Фергана//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
31. Абдулгазиева Б. Раскопки городища Кургантепа//ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
32. Воронина Л.В. Раннесредневековый город Средней Азии // СА, 1959, № 1.

3. ХОЛИҚОВ

СУРХОН ВОҲАСИНИНГ СЎНГГИ ЎРТА АСРЛАРДАГИ ИЧКИ ВА ТАШҚИ САВДО-КАРВОН ЙЎЛЛАРИ

Кадимги Бактриянинг савдо-карвон йўллари тўлақонли ўрганишда А.А. Асқаровнинг (1, с.46), А.С. Сағдуллаевнинг (2, с.5), бронза ва илк темир даврига оид ҳамда Э.В. Ртвеладзенинг (3, с.24; 4, с.17) аҳомонийлар ва ўрта асрлар даврига оид мақолалари муҳим аҳамиятга эгадир. Чунки, биз ўрганаётган Сурхон воҳасининг сўнгги ўрта асрлардаги савдо-карвон йўллари кам ўрганилган. Қўйида биз шу мавзуда фикр юритамиз.

Сўнгги ўрта асрларда Сурхон воҳасининг энг йирик шаҳарлари Бойсун, Шеробод, Денов, Паттакесар бўлган. Бу шаҳарлар воҳанинг маданий ва савдо хунармандчилиги марказлари ҳисобланган.

Бизнинг кузатишимизча, савдо-карвон йўллари ички ва ташқи йўналишларга бўлинади. (Маев, 1879): (Сборник, 1894)

Ташқи йўллар: Самарқанд йўналиши, Мозори-Шариф ва Қобул йўналишидан иборат бўлган.

Сурхон воҳасидан Самарқандга қўйидаги тўртта йўл орқали борилган.

Биринчи йўл - Шутургардон домини орқали.

(1км-верста ҳисобида олинган)

Амударёнинг Кобадийн кечуви.

1. Саёт - 31 верст. Бир кунлик йўл.

2. Кобадийн шаҳри - 21 верст

3. Чимглиш қалъа овули - 19 верст.

4. Боғи-жигит овули - 17 верст. Бир кунлик йўл.

5. Оқ мачит қишлоғи - 30 верст.

6. Турхар қишлоғи - 22 верст.

7. Чиноро-Сохта қишлоғи - 18 верст.

8. Ҳисор шаҳри - 18 верст. Бир кунлик йўл.

9. Душанба шаҳри - 29 верст.

10. Варзоб қишлоғи - 23 верст.

11. Хушёр қишлоғи - 18 верст.

12. Майхури даръёсининг Зигди даръёга қўйилиш жойи - 21 верст. Бир кунлик йўл.

13. Жижинрут дараси - 24 верст.

14. Такфан қишлоғи - 13 верст.

15. Пасруд қишлоғи - 19 верст.

16. Сурхоб қишлоғи - 22 верст. Бир кунлик йўл.

17. Қўли-калон овули - 18 верст.

18. Якка хона қишлоғи - 18 верст.

19. Қштут қишлоғи - 10 верст.

20. Варзиканди қишлоғи - 16 верст. Бир кунлик йўл.

21. Панжикент шаҳри - 28 верст.

22. Гулба бекати - 31 верст.

23. Самарқанд шаҳри - 30 верст.

Умумий масофа 546 верст. Жами юриш 29 кундан иборат бўлиб, шундан 6 кун дам олиш.

Ўтиш жойлари 23 тани ташкил қилади.

Иккинчи йўл - Мур домини орқали.

Патта-кесар кечувидан бошланади.

1. Солиҳобод (саловат) қишлоғи - 8 верст.

2. Жарқўргон қишлоғи - 21 верст. Бир кунлик йўл.

3. Арпа - поя қишлоғи - 21 верст.

4. Қумқўргон қишлоғи - 16 верст.

5. Ала-Темир қишлоғи - 33 верст. Бир кунлик йўл.

6. Денов шаҳри - 22 верст.

7. Сангардак дарё дараси - 24 верст.

8. Шайтой қишлоғи - 14 верст. Бир кунлик йўл.

9. Қоратоғ шаҳри - 28 верст.

10. Ҳакимий қишлоғи - 25 верст.

11. Дихондара қишлоғи - 25 верст.

12. Хўжа Пешвор қишлоғи - 25 верст. Бир кунлик йўл.

13. Искандар қўлнинг чап соҳили - 10 верст.

14. Хайрембит қишлоғи - 14 верст.

15. Пасруд қишлоғи - 16 верст.

16. Сурх-об қишлоғи - 22 верст. Бир кунлик йўл.

17. Қўли-калон овули - 18 верст.

18. Якка хона қишлоғи - 18 верст.

19. Қштут қишлоғи - 10 верст.

20. Варзиканди қишлоғи - 18 верст. Бир кунлик йўл.

21. Панжикент шаҳри - 25 верст.

22. Гулба бекати - 31 верст.

23. Самарқанд шаҳри - 30 верст.

Умумий масофа 475 верст. Жами юриш 29 кундан иборат бўлиб, шундан 6 кун дам олиш,

ўтиш жойлари 23 тани ташкил этади.

Учинчи йўл - Тахта-қорача домини орқали:

Чўчка Гузар-Чўчка Гузар (Маев Н.А.1879)

1. Беш-қўтон қишлоғи - 21 верст. Бир кунлик йўл.

2. Шеробод шаҳри - 21 верст.

3. Лайлаган қишлоғи - 16 верст.

4. Гузар қишлоғи - 21 верст. Бир кунлик йўл.

5. Дарбанд қишлоғи - 30 верст.

6. Қора Ховал қишлоғи - 33 верст.

7. Калта-минор қишлоғи - 22 верст. Бир кунлик йўл.

8. Ёртепа қишлоғи - 25 верст.

9. Яккабоғ шаҳри - 30 верст.

10. Шаҳрисабз шаҳри - 16 верст.

11. Қайнар бўлок қишлоғи - 20 верст. Бир кунлик йўл.

12. Омон кўтон қишлоғи - 18 верст.

13. Баҳрин қишлоғи - 24 верст.

14. Самарқанд шаҳри - 21 верст.

Умумий масофа-328 версть. Жами юриш 18 кундан иборат. Шундан 4 кун дам олиш, ўтиш жойлари 14 тани ташкил этади.

Тўртинчи йўл - Келифдан Кўхитанг тоғи орқали.

Келиф шаҳри.

1. Хўжа қишлоғи - 28 верст.

2. Хўжа қоровул қишлоғи - 18 верст. Бир кунлик йўл.

3. Қуйтанг (Кўхитанг) қишлоғи - 23 верст.

4. Абдулхонработ (Оқработ) қишлоғи - 15 верст.

5. Беш-булок кўли - 35 верст. Бир кунлик йўл.

6. Ғузур шаҳри - 35 верст.

7. Яншкент қишлоғи - 18 верст.

8. Қарши шаҳри - 26 верст.

9. Узун кудук йўли - 18 верст.

10. Бекламиш кўли - 24 верст.

11. Араб-банд кўли - 29 верст. Бир кунлик йўл.

12. Жом қишлоғи - 16 верст.

13. Сари-гул қишлоғи - 12 верст.

14. Тоғ ариқ қишлоғи - 26 верст.

15. Самарқанд шаҳри - 25 верст.

Умумий масофа-348 версть. Жами юриш 18 кундан иборат, шундан 3 кун дам олиш. Ўтиш жойлари 15 тани ташкил этади.

Бизнинг фикримизча, Кўхитанг ва Тахтақорача доволари орқали Самарқандга келадиган йўл энг қисқа (18 кунлик) ва муҳим ҳисобланиб, бу йўл йирик савдо – хунармандчилик шаҳарлари (Шеробод, Бойсун, Ғузур, Яккабоғ, Қарши, Шаҳрисабз) орқали ўтган.

Ҳисор воҳасини Афғонистон билан боғловчи йўл сифатида Кофирнигон ва Сурхон воҳаси бўйлаб, Ҳисор шаҳридан Кобадийн орқали ва Кобадийн кечувидан Амударё орқали Тошкўрғонга ҳамда Қоратоғ шаҳридан Сурхондарё бўйлаб Паттакесар кечуви орқали Мозори-Шарифга боғланадиган йўл хизмат қиларди.

Ички йўллар.

Сурхон воҳасининг шаҳар ва қишлоқларини туташтирган савдо йўллари куйидагилардан иборат.

1. Даҳон-Юрчи йўли. 13 верстни (13 км) ташкил этади. Бу йўлда Тўкбой, Қарши, Пошор, Сина қишлоқлари жойлашган.

2. Юрчи-Денов йўли жуда қисқа бўлиб, 8 верстни ташкил этади. Йўл атрофида аҳоли кам яшаб,

кўпинча сувга қулай бўлганлиги учун ғалла етиштирилади. (Маев, 1879) 3 верстда Қизил сув устига қурилган кўприк учрайди.

3. Денов-Миршоди йўли - 27 верстдан иборат. Бу йўлда Қарлук, Карсагон, Хидиршо, Буз-айнақ, Жинди булок, Байташ каби қишлоқлар учрайди.

4. Миршоди-Бандихон йўли 32 верст. Бу йўлнинг 6-верстида йўл Бойсун томонга ажраларди. Бу йўлда Давралаи, Оққончиғай, Тангимуш қишлоқлари жойлашган.

5. Бандихон-Шеробод йўли - 48 верст. Бу йўлда Истара, Қармоқ, Гидамбоб, Қизирик каби қишлоқлар жойлашган.

6. Шеробод-Ангор йўли - 28 верстдан иборат. Бу йўлда Арпа-поя, Қорасув, Бешқўтон, Новбек каби қишлоқлар учрайди.

7. Ангор-Патта-Кесар йўли - 27 верстни ташкил этади. Бу йўлда Учқизил, Лайлакхона, Каптархона, Амударё соҳилида эса Маймунтуқай (Камолиддинов, 1996) қишлоқлари учрайди.

8. Патта Кесар-Денов йўли - Сурхондарё бўйлаб, 155 верстни ташкил этади. Йўл ўнг қирғокдан ўтади. Бу йўлда Ўрта овул, Жарқурғон, Қумқурғон қишлоқлари, Македон (Искандар) қишлоғи ва кўприги, Остона, Чуқур каби қишлоқлар жойлашган.

9. Дехинав-Гарм йўли - 137 верст. Бу йўлда Шаҳри-Соф, Жовзи, Тўпаланг, Қоратоғ, Душанба каби шаҳар ва қишлоқлар учрайди.

Сўнгги ўрта асрларда Сурхон воҳасининг савдо-қарвон йўллари Бухоро амирлигининг ички ва ташқи савдосини ривожлантиришда мамлакатнинг иқтисодий ва маданий равнақини барқарорлаштиришда муҳим аҳамиятга эга бўлган.

Бухоро хонлиги (кейинчалик амирлиги) Россия, Эрон, Афғонистон, Ҳиндистон билан бўладиган муносабатларни ва Шарқдаги давлатларнинг Россия билан олиб борадиган савдо-алоқаларини воҳанинг мазкур йўллари ва муҳим савдо-хунармандчилик марказлари орқали мустаҳкамлаб борган.

1. Аскарлов А.А. Ешё раз о древних путях на юге Узбекистана. ОНУ, №7.1982, с.46-49.

2. Сағдуллаев А.С. Древние пути на юге Узбекистана. ОНУ, №7, 1981г.

3. Ртвеладзе Э.В.Ксенина-Паретака.Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековья. М.1981.

4. Ртвеладзе Э.В. ИМКУ, вып.14.

СОДЕРЖАНИЕ

У.И. Исламов, К.А. Крахмаль

Природные условия в эпоху первоначального обживания северо - востока Узбекистана 3

Н.Х. Ташкенбаев

О некоторых проблемах археологических памятников эпохи первобытности Самаркандского региона 9

Т.Ю. Гречкина

Неолит Агалька 15

А.Р. Ботиров

Зомичатош манзилгоки кайвонот дунёсига доир айрим мулохазалар 25

С.И. Мустафакулов

Анализ палеоантропологических материалов эпохи бронзы из Бустана VII 28

Т.И. Лебедева, Т.Ш. Ширинов

Антисейсмическое строительство в Средней Азии в античности и раннем средневековье 34

Ф.А. Максудов

Некоторые вопросы семантики процарапанного орнамента на керамике Маргилана (по материалам Кызлартепа) 53

Ш.А. Рахмонов

Кўкна Термиз шакристони мудофаа деворлари 60

А.А. Грицина

Изучение курганов в Сырдарьинской области 73

Г.И. Богомолов

Панцирный доспех с городища Канка 79

Ю.Ф. Буряков, К.К. Аскарров

К типологии сельских поселений раннесредневекового Согда (по материалам южных районов Самаркандского оазиса) 86

С.Р. Баратов

К вопросу об эфталитах в Ферганской долине 94

А.Э. Бердимуратов, М.К. Самибаев

К вопросу о реконструкции перекрытий согдийского храма Джартепа II 98

А.А. Раимкулов

Своеобразный культовый комплекс южного Согда 110

С.Р. Ильясова

Раннесредневековая керамика замка Актепа Юнусабадского в Ташкенте 117

<i>С.Г. Хмельницкий</i> Об одной исчезнувшей форме древней архитектуры Средней Азии	125
<i>М.Х. Пардаев</i> Шимоли - Ғарбий Уструшона қишлоқ қурилиши меъморчилигининг илк Ўрта асрлардаги айрим хусусиятлари	142
<i>Ш.Р. Пидаев</i> Кухонная посуда Термеза XII - начала XIII вв.	149
<i>Ш. Жўраев</i> Бухоро воҳаси IX-XI асрлар қулоччилиги «Чамбарак» нақшлари ҳақида	162
<i>Е.А. Смагулов</i> Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре	168
<i>В.Д. Рузанов, Ю.Ф. Буряков</i> Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау	175
<i>А.А. Абдуразаков, К.А. Касимова</i> Исследование возможности нового консерванта на основе диизоционата для лессовых памятников Узбекистана	179
<i>Н. Алмазова</i> Стекло Кумышкента	183
<i>С. Суюнов</i> Зомин воҳасининг суғорилиш тарихидан	189
<i>Б. Абдулгазиева</i> К сложению трассы Великого Шелкового пути по южной Фергане	193
<i>З. Холиқов</i> Сурхон воҳасининг сўнгги Ўрта асрлардаги ички ва ташқи савдо - қарвон йўллари	201